

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUTE D'ARCHÉOLOGIE

LA BACTRIANE ANCIENNE

*

2

Matériaux de l'Expédition archéologique
Afghano-Soviétique

LES ÉDITIONS «SCIENCE»
MOSCOW 1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

*

Вып. 2

Материалы Советско-Афганской
археологической экспедиции

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

Сборник содержит материалы Советско-Афганской экспедиции, на основе которых авторы проводят исследования по вопросам мезолита и неолита, а также культуры и искусства греко-бактрийского и кушанского периодов, имеющие большое значение для изучения истории населения Центральной и Средней Азии. Первый выпуск вышел в свет в 1976 г. под названием «Древняя Бактрия» (без указания номера выпуска).

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Афганистан находился на пересечении основных путей, соединявших средиземноморские и среднеазиатские народы, а позднее европейские государства с Индией и Китаем. На территории Северного Афганистана античные авторы помещали Древнюю Бактрию, центром которой был город Бактры — современный Балх. История народов этой территории тесно связана с историей древнейшего населения Средней Азии. Неудивительно, что Афганистан давно привлекал внимание ученых.

В XIX в. публикуются мемуары западных европейских и русских путешественников, где имеются описания археологических древностей Афганистана. Интерес русских ученых к Афганистану выразился в исследованиях Н. А. Аристовой о населении Афганистана, В. В. Бартольда и В. В. Григорьева об его истории, Н. И. Веселовского об его археологических памятниках. Вскоре после Великой Октябрьской революции советский ученый М. Г. Вечеслов, возвратившись из поездки по Афганистану, в 1922 г. составил описание его археологических памятников. В августе этого же года Всероссийская научная ассоциация востоковедения при Народном комиссариате по делам национальностей образовала комиссию по подготовке археолого-этнологической экспедиции в Афганистан и в 1923 г. был издан сборник статей «Афганистан» (ч. 1. М., 1923), где опубликована статья В. А. Городцова «Археологические проблемы Афганистана».

Эта археологическая экспедиция хотя и не состоялась, но интерес русской науки к археологии Афганистана не ослабел. В 1929 г. появляется работа Н. И. Вавилова и Д. Д. Букиничина «Земледельческий Афганистан». Позднее публикуются исследования А. М. Белицкого и М. Е. Массона об исторической топографии средневекового Герата, Г. А. Пугаченковой по искусству Афганистана, А. М. Мандельштама об археологических раскопках на территории Афганистана. Вопросы истории, нумизматики и археологии этой страны затрагиваются во многих работах советских ученых, изучающих древности Средней Азии.

Но систематические археологические исследования афганских древностей советские ученые смогли начать после того, как в 1969 г. была организована совместная Советско-Афганская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР и Института археологии Афганистана. В задачу экспедиции входило составление археологического атласа Северного Афганистана и изучение памятников Древней Бактрии оставленных народами, которые населяли эту территорию начиная с эпохи каменного века до средневековья.

Советско-Афганская экспедиция, в составе которой работали ученые Москвы, Ашхабада, Душанбе, Нукуса и Ташкента, а также их афганские коллеги, проводила широкие маршрутные исследования между городами Гератом и Хульмом, в результате которых на карту Северного Афганистана нанесено около 300 неизвестных ранее археологических памятников.

Среди песков, которые тянутся вдоль левого берега реки Амударьи, начальник отряда Советско-Афганской экспедиции А. В. Виноградов обнаружил несколько десятков стоянок эпохи палеолита, мезолита и раннего неолита. Наиболее существенным результатом исследований памятников каменного века является установление факта распространения на равнинах Северного Афганистана в эпоху мезолита культурной традиции восточноевропейского типа.

Отряд, изучавший памятники эпохи бронзы и раннего железа, возглавляемой доктором исторических наук В. И. Сарияниди, в пустынных сейчас районах между городами Андохой и Хульмом выявил четыре оазиса, где жили оседло-земледельческие племена в эпоху бронзы. Впервые на территории Афганистана открыты монументальные культовые и дворцово-административные постройки этого времени, исследованы поселения с мощными оборонительными сооружениями.

Особенно интересны неизвестные ранее в Афганистане памятники эпохи Ахеменидов. Это огромные хорошо укрепленные города типа

Алтын-Дильяр-тепе, культовые и дворцовые комплексы, неукрепленные поселки. Невдалеке от Алтын-Дильяр-тепе сотруднику экспедиции З. А. Хакимову удалось найти и исследовать уникальный памятник, возможно храм огня.

Античный отряд экспедиции под руководством доктора исторических наук И. Т. Кругликовой изучал памятники греко-бактрийского, кушанского и раннесредневекового времени. В составе отряда в разные годы работали советские ученые: член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР Г. А. Пугаченкова, О. Бабаев, О. Бердыев, В. С. Долгоруков, А. Мирбабаев, У. Пулатов, Р. Сулейманов, Т. Ходжаниязов, В. Н. Ягодин, а также группа афганских археологов.

Раскопки античного города вблизи г. Шербегана (Емши-тепе), и особенно систематические раскопки античного города, расположенного вблизи деревни Дильберджин к северо-западу от г. Балх, дали возможность восстановить картину быта и культуру городского населения Южной Бактрии греко-бактрийского и кушанского периодов. Сложная система оборонительных сооружений Дильберджина, жилые кварталы и остатки производственных и культовых построек позволили восстановить историю города и составить представление об уровне его материальной жизни. Особый интерес представляют открытые там памятники искусства: многочисленные настенные росписи, относящиеся к различным периодам жизни города, и скульптура. При изучении округа Дильберджина были открыты оросительные каналы и монументальная глинобитная стена, ограждавшая Балхский оазис со стороны пустыни. Вблизи Дильберджина раскапывали оригинальный памятник — Жига-тепе, нижние слои которого относятся к греко-бактрийскому времени, а верхние — к кушано-сасанидской эпохе. Обширные материалы, полученные при раскопках и во время разведочных маршрутов, уже частично освещены в статьях и монографических исследованиях участников экспедиции. Было опубликовано три выпуска «Материалов к археологической карте Северного Афганистана»: В. И. Сарияниди «Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане» (М., 1972); И. Т. Кругликова «Дильберджин» (ч. 1. М., 1974); И. Т. Кругликова, Г. А. Пугаченкова «Дильберджин» (ч. 2. М., 1977) и два выпуска «Материалов Советско-Афганской экспедиции», в том числе сборник «Древняя Бактрия» (вып. 1.

М., 1976) и монография А. И. Сарияниди «Древние земледельцы Афганистана» (М., 1977).

Настоящий сборник «Древняя Бактрия» (вып. 2) является третьим выпуском «Материалов Советско-Афганской экспедиции». Он открывается статьей А. В. Виноградова, в которой дан общий обзор работ отряда по изучению памятников каменного века за 1969, 1975 и 1976 гг. и публикуются материалы, полученные при обследовании района р. Акча и относящиеся преимущественно к раннеолитическому времени.

Статья Г. А. Пугаченковой «Жига-тепе» посвящена исследованию нового памятника, расположенного в округе Дильберджина. Итоги работ 1974 г. — первого сезона раскопок, позволили автору установить стратиграфию памятника, охарактеризовать материальную культуру населения этого поселка в кушано-сасанидское время и высказать интересные соображения о связи древнейшего памятника, над которым позднее возникло поселение, с культовым сооружением.

В. А. Лифшиц публикует два острака с остатками бактрийских надписей кушано-сасанидского времени, найденные при раскопках южных городских ворот Дильберджина. Во второй статье, написанной совместно с И. Т. Кругликовой, предлагается чтение бактрийской надписи по фрагментам монументальной надписи, относящейся ко времени Канишки или его предшественника, найденным при раскопках в храме Диоскуров в Дильберджине. Эта надпись имеет большое историческое значение, так как она, по-видимому, предшествует по времени знаменитой надписи из Сурх-Котала.

В. М. Соколовский в своей статье предлагает реконструкцию двух голов от глиняных скульптур, разрозненные и измельченные обломки которых были найдены в забутовке одного из помещений монументальной постройки в западной части Дильберджина.

Статьи В. П. Бурого, И. Т. Кругликовой, а также совместная статья З. М. Желнинской, Т. И. Берлина, Л. Г. Дружинина и В. П. Бурого посвящены характеристике настенной живописи Дильберджина, смысловому содержанию и реконструкции сюжета настенной росписи помещения 16, технике росписи и анализу красок настенных росписей Дильберджина.

Публикуемые материалы получены при раскопках 1971—1975 гг.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРНОМ АФГАНИСТАНЕ

Составление археологической карты Северного Афганистана является одной из основных задач Советско-Афганской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (САЭ). В связи с этим в течение ряда лет наряду с детальным исследованием отдельных памятников древней истории Афганистана отрядами экспедиции проводится сплошное археологическое обследование отдельных районов Северного Афганистана. Памятники каменного века с самого начала работ экспедиции (с 1969 г.) также стали предметом специального исследования одного из ее отрядов.

Все известные в Афганистане к началу работ САЭ памятники каменного века сосредоточены в северной части страны. Первые значительные разведочные работы и раскопки проведены здесь К. К. Куном. В 1954 г. он обследовал ряд пещер и скальных навесов в отрогах Гиндукуша в районе Айбака и провел раскопки скального навеса Кара Камар, ныне хорошо известного специалистам по каменному веку Западной Азии. К. Куном, как он предполагал, были вскрыты культурные слои от мустьерского времени до эпохи мезолита. Наиболее выразительной оказалась коллекция изделий из III верхнепалеолитического слоя¹.

В последующие годы наиболее широкие исследования каменного века в Афганистане связаны с именем американского исследователя Л. В. Дюпри. В течение ряда лет (начиная с 1959 г.) экспедиция, возглавляемая Л. Дюпри, открыла в Северном Афганистане несколько разновременных памятников этого времени. Главные из них были экспедицией раскопаны. Это скальный навес Дарра-и-Кур, где был найден один из самых значительных мустьерских комплексов, и группа памятников у города Ак Купрук в Балхе. Из последних два скаль-

ных навеса (Ак Купрук I и II) и открытая стоянка (Ак Купрук III) были раскопаны в 1962 и 1965 гг. Основная часть материалов относится к верхнему палеолиту-мезолиту; имеются также находки неолитического времени². В 1965 г. небольшие разведки и разведочные раскопки в окрестностях Айбака провел участник Итальянской археологической миссии в Афганистане С. М. Пуглизи. Шурфовка в скальном навесе выявила наличие там эпилеполитического материала³.

Следует указать, что все отмеченные выше пункты, а также подавляющее большинство остальных, не упомянутых нами менее значительных местонахождений, находятся в предгорьях Гиндукуша и располагаются либо в пещерах и скальных навесах, либо на террасах горных речек, в местах выхода их на равнину⁴. Лишь совсем недавно были опубликованы первые эпилеполитические находки, собранные Ф. Гуэном (Французская археологическая миссия в Афганистане) в краевой части песков северо-восточнее Ташкургона⁵.

Наиболее детально результаты исследований каменного века Северного Афганистана рассмотрены в работах А. А. Никонова, В. А. Ранова⁶ и Р. Дэвиса⁷.

¹ Coon C. S. The seven caves. New York, 1957. Материалы раскопок Кара Камара сколько-нибудь подробно до сих пор не опубликованы; часть кремневой коллекции из этого памятника находится сейчас в Кабульском музее.

² Dupree L., Howe B. Results of an archaeological survey for stone age sites in North Afghanistan. — Afghanistan, 1963, № 8 (2), p. 1—15; Dupree L., Davis R. The lithic and stone specimens from Aq Kupruk and Darra-i-Kur. — In: Prehistoric research in Afghanistan (1959—1966). Transaction of the American Philosophical Society, 1972, № 62 (4), p. 14—32.

³ Alessio M. et al. University of Rome Carbon-14 dates V. — Radiocarbon, 1967, № 9, p. 360.

⁴ Никонов А. А., Ранов В. А. Новые данные об археологии каменного века и возрасте речных террас Афгано-Таджикской депрессии (Северный Афганистан, Южный Таджикистан). — БКИЧП, 1973, № 40, с. 35—51.

⁵ Gouin Ph. Prospection archeologique a Tashqurgan. — Afghanistan, 1973, vol. XXV, № 4, p. 75—96.

⁶ Никонов А. А., Ранов В. А. Новые данные...

⁷ Davis R. S. The palaeolithic. — In: The archaeology of Afghanistan. London, 1978, p. 37—70.

Анализируя имеющиеся данные, В. А. Ранов приходит к выводу, что мустьерские материалы из Северного Афганистана представляют уже довольно позднюю фазу развития этой культуры и, возможно, близки и хронологически и культурно (леваллуа-мустье) материалам Обирахмата⁸. Наибольший интерес представляет критический анализ материалов из памятников Ак Купрука, в свое время отнесенных Л. Дюпри и Р. Дэвисом к верхнему палеолиту⁹. Указывая на наличие в аккумулярской верхнепалеолитической культуре двух технических традиций (пластинчатой и микролитической), В. А. Ранов отмечает, что подобного рода сочетание не характерно для палеолита. Многие изделия микролитического комплекса имеют мезолитический облик, что, по мнению В. А. Ранова, заставляет вопрос о палеолитическом возрасте аккумулярских находок оставить открытым.

В той же работе В. А. Рановым и А. А. Никоновым опубликованы новые подъемные материалы из Северного Афганистана, в том числе небольшая стоянка Акли-Мамай на левом берегу р. Кокча, в 17 км от ее устья. Важность последней (она сопоставляется с материалами II горизонта Туткаула¹⁰ и датируется началом VI тысячелетия до н. э.) состоит в том, что она впервые фиксирует распространение на левом берегу Амударьи культуры гиссарского типа. В. А. Ранов, основываясь на этих и некоторых других находках (он, в частности, считает, что гиссарские орудия имеются среди материалов, полученных С. Пуглизи), предполагает наличие в Северном Афганистане в VII—VI тысячелетиях двух фаций «бескерамического неолита»: гиссарского и типа кремневого инвентаря Ак Купрук I. Он придает большое значение дальнейшим исследованиям каменного века этой территории, справедливо полагая, что в ней «в сложном переплетении различных влияний и региональных особенностей развивались автохтонные культуры, бесспорно обладающие своеобразными чертами, но неоднократно испытывшие влияние миграционных волн, возможно весьма далеких»¹¹. «Не исключено, — пишет В. А. Ранов, — что именно на территории Афгано-Таджикской депрессии происходит реальная зона стыка культур азиатского и ближневосточного облика. И все же нужно думать, что дальней-

шие исследования и сопоставления приведут к выявлению общих черт в культурах каменного века по обе стороны Амударьи. Ведь это один общий регион с одинаковыми экологическими условиями»¹².

Р. Дэвис разделяет каменный век Афганистана на четыре фазы — нижний, средний, верхний палеолит и эпилеполит, — объединяя две последние фазы под названием «поздний палеолит». Таким образом, термин «мезолит», который, как считает автор, редко употребляется специалистами по каменному веку Юго-Западной Азии, исключается из терминологии. Понятие «палеолит» в этом объеме имеет исключительно экономическую основу и отражает общество с присваивающей экономикой, общество охотников и собирателей.

Говоря о нижнем палеолите, Р. Дэвис имеет в виду некоторую часть недавних находок Л. Дюпри на террасах озера Дашт-и-Навур в провинции Газни (Центральный Афганистан), отмечая при этом, что требуются еще тщательные дополнительные исследования, в том числе геологические и палеонтологические, чтобы обосновать возраст этих находок¹³.

Данные Р. Дэвиса о материалах последующих фаз каменного века Афганистана представляют особый интерес в связи с тем, что он имел возможность просмотреть или обработать большую часть неопубликованных или не полностью опубликованных коллекций, хранящихся как в Кабульском музее, так и в хранилищах Европы и Америки.

Из всех памятников, которые ранее относили к среднему палеолиту, указывает Р. Дэвис, только Дарра-и-Кур может быть сейчас безусловно назван мустьерским. Материалы раскопок в большом скальном навесе Гар-и-Мордех Гусфанд, рассматривавшиеся Л. Дюпри и Р. Дэвисом по данным первого года раскопок как мустьерские¹⁴, теперь, в свете раскопок 1970 г., таковыми бесспорно не считаются. С сомнением также относится Р. Дэвис и к на-

¹² Там же, с. 46.

¹³ Dupree L. New palaeolithic localities near Dasht-i-Nawur. — *Afghanistan Journal*, 1975, № 2, h. 3, p. 105—107. В 1975 г. с разрешения Л. Дюпри нами в Кабуле была просмотрена основная часть находок из Дашт-и-Навура. Подавляющее большинство их, на наш взгляд, не имеет явных морфологических признаков, указывающих на обработку их человеком, В1976 г. Л. Дюпри и Р. Дэвис произвели новую разведку в этом районе, в ходе которой были найдены две небольшие разветвленные мезолитические стоянки с обсидиановыми орудиями (Р. Дэвис, личное сообщение). Это первые достоверные находки донеолитического времени к югу от Гиндукуша.

¹⁴ Dupree L., Lattman L., Davis R. Ghar-i-Mordeh Gushand (Cave of the dead sheep). A new mousterian locality in North Afghanistan. — *Science*, 1970, vol. 167, p. 1610—1612.

⁸ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.

⁹ Dupree L., Davis R. The lithic..., p. 14—28; Dupree L. Tentative conclusions and tentative chronological chart. — In: *Prehistoric research in Afghanistan* (1959—1966).

¹⁰ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. — *СА*, 1971, № 2.

¹¹ Никонов А. А., Ранов В. А. Новые данные..., с. 45.

ходкам в долине Хазар Сум недалеко от г. Айбака, которые С. Пуглизи отнес к мустье.

Бесспорный интерес представляют новые данные по Кара Камару. Р. Дэвис, изучив находки из II и III слоев пещеры, пришел к выводу о том, что нет достаточных доказательств для отнесения этих материалов к эпохе среднего палеолита и что, таким образом, неуверенны и основывающиеся на материалах Кара Камара идеи о возможном хронологическом совпадении и «переслаивании» в этом районе мустьерской и верхнепалеолитической культуры.

Рассматривая позднепалеолитические памятники, Р. Дэвис указывает, что все они (исключая Ташкурган 40) находятся в предгорьях Гиндукуша, на высотах с 700 до 1100 м от уровня моря. Наиболее важным из верхнепалеолитических комплексов он считает материалы из III слоя Кара Камара. К сожалению, как отмечает Р. Дэвис, большое число неретушированных отщепов, пластин, разного рода кремневых отходов было выброшено во время раскопок, а некоторая часть пластин и отщепов с ретушью впоследствии утеряна. Р. Дэвис основывается главным образом на той части коллекции, которая была в свое время передана в Кабульский музей, а также на зарисовках орудий, сделанных во время раскопок. Заслуживают внимания два заключения, основанные на анализе сохранившейся части коллекции. Известно, что после предварительной публикации памятника получила широкое распространение высказанная К. Куном идея об «ориньякском» характере индустрии III слоя. Основанием для этого послужило наличие значительного количества нуклеидных скребков и их морфология. Р. Дэвис указывает, однако, что нуклеидные скребки близкие каракамарским имеют значительно более широкое, чем собственно ориньяк, распространение и территориально и хронологически (до мезолита включительно). Кроме того, эти изделия из III слоя и нуклеусы для мелких пластин из того же комплекса не разделяются четко типологически, а образуют большую серию изделий с постепенно меняющимися признаками. Это обстоятельство, по его мнению, делает еще более необоснованным использование нуклеидных скребков в качестве диагностического для «ориньяка» признака.

Интересно и другое наблюдение. В Кара Камаре III совершенно нет резцов, а типологический состав индустрии исключительно беден (нуклеидные скребки, пластины с краевой ретушью либо со следами использования по краю, изделия типа концевых скребков, орудия на обломках с выемками). Р. Дэвис считает, что этот комплекс отражает лишь одно из направ-

лений трудовой деятельности обитателей навеса, но не характеризует их кремневую индустрию в целом.

Основываясь на радиоуглеродной дате III слоя и отдаленном сходстве его с материалами барадостского типа на западе, Р. Дэвис относит комплекс к ранней фазе верхнего палеолита и отмечает хронологический разрыв (примерно в 15 тыс. радиоуглеродных лет) между ним и более поздними палеолитическими памятниками Северного Афганистана.

Некоторой переоценке, сравнительно с первой публикацией¹⁵, подвергнуты материалы памятников из района Ак Купрука. Сейчас они рассматриваются как эпипалеолитические, относящиеся к позднему вюрму — раннему голоцену и тракуются как начальный этап процесса микролитизации. Необычное сочетание двух компонентов («пластинчато-отщеповый» компонент и «микрокомплекс») характерно и для Ак Купрука II, и для Ак Купрука III (Ак Купрук IIIA) и не является, видимо, случайным. Удивительная особенность микрокомплекса аккупрукской культуры состоит в полном отсутствии каких-либо геометрических форм, пластинок с притупленной спинкой и со скошенным концом. Только 5,7% микропластин Ак Купрука II (всего их найдено здесь 570 экз.) имели дополнительную обработку — тонкую краевую ретушь или следы сработанности (use-retouch)¹⁶. Именно эти признаки позволили Р. Дэвису говорить о начальной фазе микролитизации и сравнивать в этом плане культуру Ак Купрука с ранней кебарой Палестины. Другие эпипалеолитические комплексы предгорий (Кара Камар I, Кок Джар, Дарра-Калон) технически и типологически близки Ак Купруку и относятся к той же культуре.

Совершенно иной характер имеют материалы стоянки Ташкурган 40. Собственно стоянкой назвать эту коллекцию нельзя: кремневые изделия собраны Ф. Гуэном с площади в несколько тысяч квадратных метров и, учитывая опыт работ САЭ в той же зоне, вероятно, не являются одновременными. Эта коллекция, видимо, близка в научном отношении коллекциям наших обзорных поисков (см. с. 21 и сл.). Среди находок на Ташкургане 40, кроме пластинок с притупленным краем, имеются треугольники, прямоугольники, сегменты и микрорезцы. По мнению Р. Дэвиса, стоянка относится к более позднему времени, чем эпипалеолит Ак Купрука и Айбака¹⁷.

¹⁵ Dupree L. Tentative conclusions...

¹⁶ Davis R. S. The palaeolithic.

¹⁷ Ф. Гуэн датировал этот материал самым концом мезолита (ориентировочно 7000—6500 гг. до н. э.) (*Gouin Ph. Prospection archeologique...*, p. 85, 86).

Комплексы неолитического времени, имеющиеся по данным Л. Дюпри в Ак Купрук I, II и Дарра-и-Куре, видимо, незначительны по объему. О них имеются лишь предварительные сведения¹⁸, на основании которых трудно составить отчетливое представление о характере материальной культуры.

Обзор работ

Новые значительные по объему и важные в научном отношении материалы для изучения каменного века Афганистана получены в последние годы Советско-Афганской археологической экспедицией. В первой части настоящей статьи даны обзор работ отряда по изучению каменного века, краткая характеристика района работ и в предварительном порядке основные итоги исследований. Вторая часть посвящена публикации материалов из района Акчи, крайнего западного участка обследованной отрядом территории.

Как уже говорилось выше, Советско-Афганская археологическая экспедиция начала исследование памятников каменного века в 1969 г. Район стационарных работ экспедиции в 1969 г. и сравнительно небольшой срок, в течение которого экспедиция находится в поле, обусловили то обстоятельство, что основными районами исследования стали не горы и предгорья, а прилегающая с юга к Амударье пустынно-песчаная равнина. Как показывает опыт изучения каменного века в пустынях Средней Азии, такого рода территории хотя и не дают, за редким исключением, бесспорно «чистых» хронологических комплексов (неразветвленные стоянки исключительно редки), однако позволяют с наименьшими затратами сил и средств получить важные данные о характере культуры на разных этапах каменного века. Особенно это целесообразно на начальных этапах общего или специализированного археологического изучения территории.

В течение трех сезонов (1969, 1975—1976 гг.) обследовалась полоса песков вдоль левого берега Амударьи¹⁹. На востоке она начинается примерно у 68-го меридиана (несколько восточнее г. Ташкурмана) и узкой полосой тянется на запад, где в районе обширных солончаков юго-восточной части Келифского Узоя смыкается с песчаными массивами Юго-Восточных Каракумов. Общая протяженность

полосы песков с востока на запад превышает 300 км (рис. 1). Характер песчаного рельефа, межбарханных и межгрядовых поверхностей, растительного покрова, степень дефляционных процессов на разных участках песчаного массива не единообразны. Поэтому ниже они кратко характеризуются по участкам, с запада на восток, в основном в той последовательности, в какой проводилось их изучение.

В 1969 г. был обследован крайний западный участок этой территории. Разведочный автомобильный маршрут был проведен с базы экспедиции в Шебергане по кольцу Шеберган — Андхой — Джар-Кудук — Хам-аб — Келифт — Акча — Шеберган²⁰. Главной задачей разведочного маршрута было предварительное рекогносцировочное обследование крайней западной части песков. Разведки показали, что песчаные массивы этого района были обжиты в каменном веке. Практически в любом месте песков в течение короткого поиска можно было найти отдельные кремневые изделия или отходы их производства. В ходе маршрута, обычно в непосредственной близости от дорог или караванных троп, по которым двигался отряд, было найдено 15 пунктов, где обнаружены материалы каменного века — единичные или в виде небольших скопления²¹. В одном из пунктов (поиск № 53)²² отмечено восемь, в другом (поиск № 67) — четыре небольших скопления кремневых предметов. Наиболее значительные и интересные находки были выявлены в низких, хорошо закрепленных песках в урочище Назар-Огуз (по дороге из Андхоа в Джар-Кудук), а также в высоких перевалаемых песках в районе сел. Ислам-Пинджа и несколько южнее его, вдоль дороги Келифт — Акча. Собранный во время разведки коллекция насчитывает около 700 кремневых находок.

²⁰ Разведка была осуществлена в течение недели — с 23 XI по 30 XI 1969. Помимо автора, в ней приняли участие инспектор Института археологии Афганистана Абдул Каюм Гулями и шофер В. С. Ерофеев.

²¹ В ходе разведки было открыто также несколько памятников эпохи бронзы (*Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса. ДБ — 1976, с. 21), а также осмотрен и нанесен на археологическую карту ряд сырцовых сооружений более позднего времени. В настоящей статье эти памятники не рассматриваются.

²² Разведывательными археологическими отрядами САЭ, работавшими в разные годы, применялась сквозная нумерация обследованных и нанесенных на археологическую карту памятников. Памятники каменного века (стоянки и пункты с отдельными находками) имеют следующую нумерацию: 1969 г. — № 51—57, 61, 64—67; 1975 г. — № 300—380; 1976 г. — № 401—461. О некоторых методических приемах сборов подъемного материала см. подробнее на с. 21, 22 настоящей статьи.

¹⁸ Dupree L. Tentative conclusions..., p. 75—79.

¹⁹ Краткие сведения о работах отряда см.: *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции. — ДБ — 1976, с. 3—5; *Кругликова И. Т.* Советско-Афганская экспедиция. — АО, 1976 г. М., 1977, с. 589.

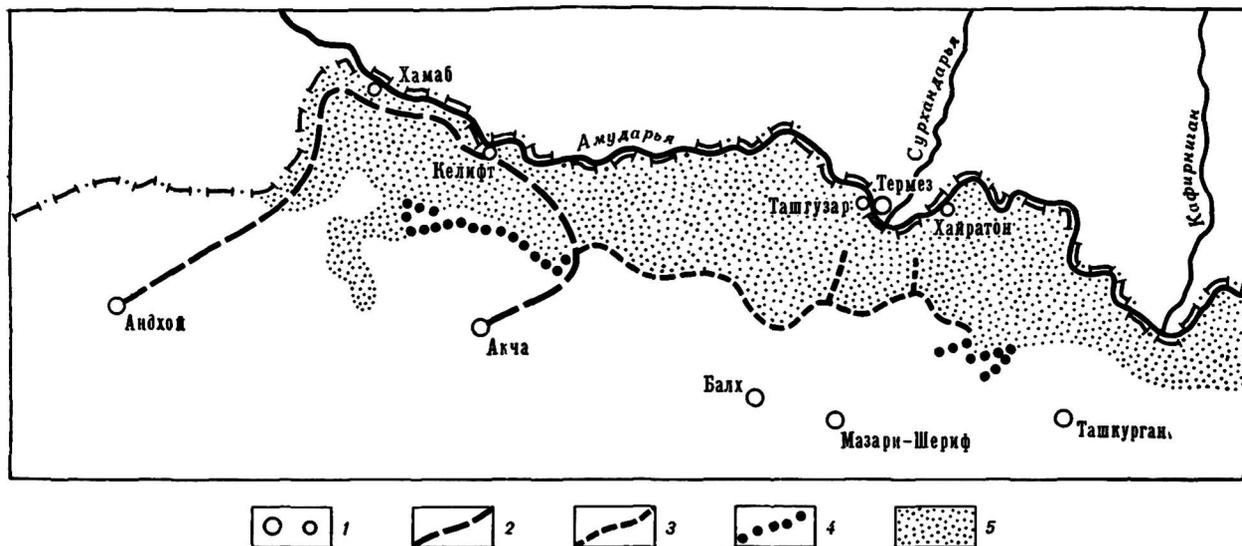

Рис. 1. Карта-схема района памятников каменного века, изучаемых Советско-Афганской археологической экспедицией

1 — населенные пункты; 2 — работы 1969 г.; 3 — работы 1975 г.; 4 — работы 1976 г.; 5 — песчаный массив

Как выяснилось позднее, в основном в ходе работ 1975 г., распространение находок каменного века в песчаном массиве подчиняется определенной закономерности: наибольшее количество материала приходится не на внутренние, а на южные краевые части песков. По северной же их кромке, в месте примыкания к Амударье, находок каменного века практически не оказалось.

После пятилетнего перерыва разведки были возобновлены в 1975 г. Они начались от района Келифта и продолжались в восточном направлении примерно до долготы Хайратона²³.

Ширина песчаного массива колеблется здесь от 10—12 км (излучина Амударьи западнее Термеза) до 30 км. Для этого района характерны барханные, грядово-барханные и грядовые пески. Последний тип песчаного рельефа — невысокие достаточно хорошо закрепленные гряды — более свойствен для западной части обследованного в 1975 г. района, хотя и здесь имеются участки высоких, почти совсем лишенных растительности барханных цепей. Барханные пески и барханные цепи наиболее характерны для центральной и восточной частей, где они занимают значительные площади. Высота песчаных бугров часто достигает здесь 10—15 м (рис. 2).

²³ В 1975 г. были проведены два разведочных маршрута. В ходе первого маршрута (с 25 сентября по 6 октября) обследован участок от Келифта на западе до сел. Задан на востоке. Второй маршрут (с 9 октября по 19 октября) охватил участок от сел. Задан примерно до долготы Хайратона. В работах под руководством автора принимали участие инспектор Института археологии Республики Афганистан Залмай Хейдари, шофер Мохаммед Амин, рабочий Худайдод Калдыр.

Южный край песков неровный; уступами различной величины и конфигурации он по мере удаления от долготы Келифта постепенно отступает к югу. В целом направление и форма песчаной полосы соответствуют изгибам Амударьи.

Характер поверхности на участках между барханами и барханными цепями различный. Наиболее часто встречаются такыровидные поверхности (как правило, в той или иной степени затронутые дефляцией) или неровные, увалистые песчано-гравийно-галечные поверхности красновато-коричневых тонов. Цвет последних обусловлен большим количеством мелких железистых конкреций, а также пестрых гравийных и галечных зерен. На 2—3 см ниже залегает серый сильно слюдястый аллювиальный песок.

На юге песчаный массив контактирует с аллювиальными отложениями, заполняющими прогиб к северу от западных отрогов Гиндукуша. Они представлены в верхах суглинисто-супесчаными и песчаными, реже галечными переслаивающимися отложениями. В ряде пунктов участки, непосредственно примыкающие к песчаному массиву, освоены под современное орошаемое земледелие; в большинстве же случаев они характеризуются естественными такыровидными поверхностями, по линии контакта с песками затронутыми в той или иной степени дефляционными процес-

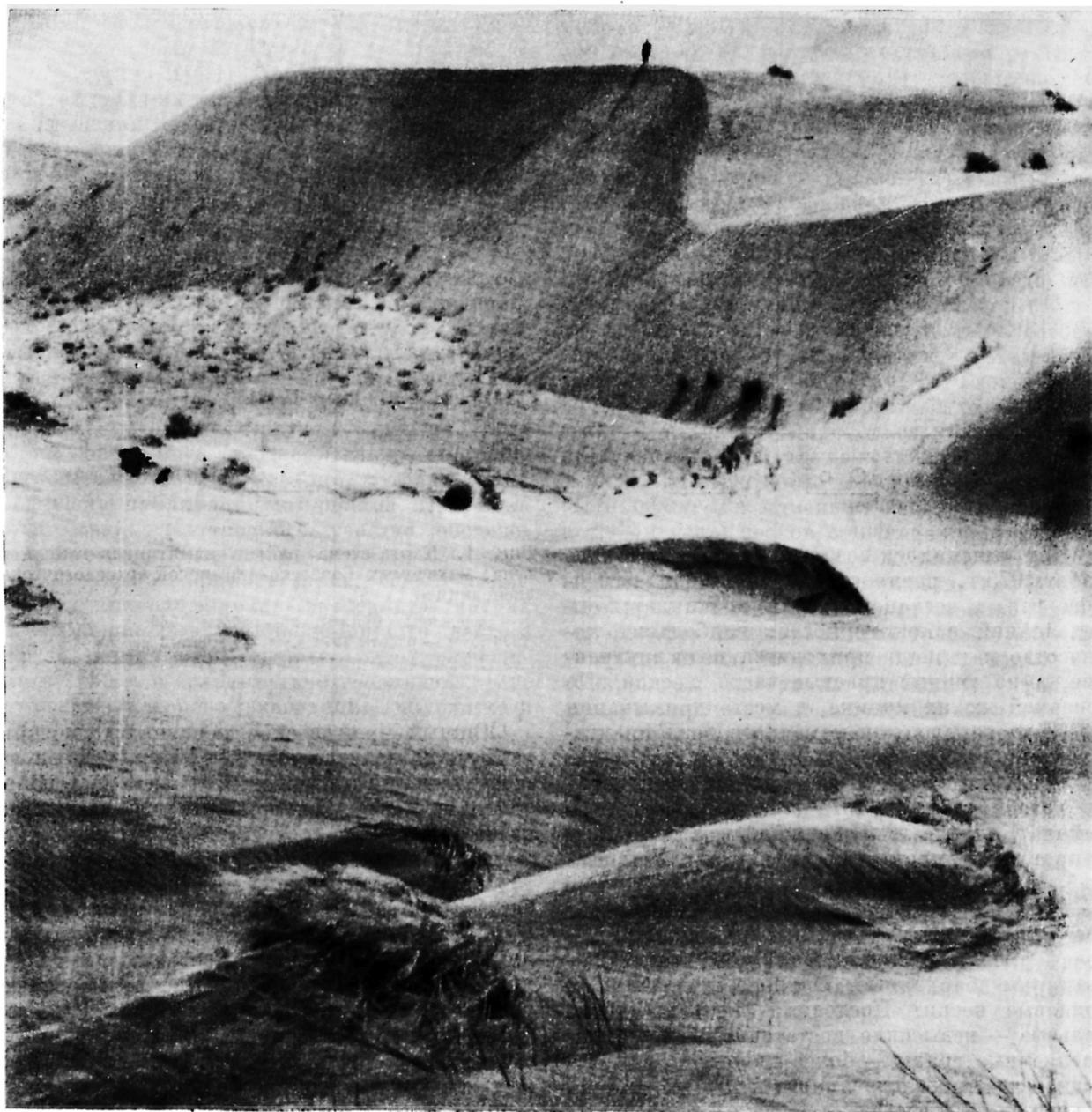

Рис. 2. Высокие пески восточнее дороги на Хайратон

сами (рис. 3). Характер и степень дефляции различны. Для западной части более свойственно частичное поверхностное разрушение такыровидных суглинков в форме небольших дефляционных котловин и ложбин, застрогов, невысоких останцов. В центральной части обследованного массива (в частности, в районе Алтын-тепе и сел. Задиян) на значительных площадях наблюдается полное или почти полное разрушение покровных суглинистых осадков. Для них характерны крупные длинные

ложбины, на днищах которых обнаружены серые аллювиальные неотсортированные пески, а также высокие (до 3—5 м) одиночные золовые останцы, в обрывах которых обнаружены пачки переслаивающихся супесчаных, песчаных и песчаниковых аллювиальных осадков.

Насколько можно судить по нашим наблюдениям и по данным топографической карты масштаба 1 : 100 000, гидрологические условия обследованного района нельзя признать благоприятными. Оговоримся, что речь идет о южной границе полосы песков. Пресные колодцы здесь сравнительно редки, и насколько можно судить, по данным наших наблюдений,

малодобитны. Хотя можно полагать, что уровень грунтовых вод на отдельных участках достаточно высок, в большинстве случаев они, видимо, сильно минерализованы. Потоки соленых грунтовых вод вскрываются или находятся близко к поверхности в ряде пунктов, особенно там, где имеются глубокие и значительные по площади котловины (район кол. Шор-чашма, Аскар-и-хана и др.). Они обычно отмечены более густой травянистой (солянка и др.) и кустарниковой (тамарикс) растительностью.

Абсолютные отметки в пределах обследованного района не дают существенных разли-

Рис. 3. Типичный дефляционный «останцовый» рельеф в зоне контакта песков и аллювиальной равнины. В понижении между карнизами и останцами развеванная стоянка Саринамак 4

чий. Можно отметить лишь очень незначительное повышение уровней с запада на восток, по направлению к горам (от средних отметок 270—280 м в районе Келифта до отметок 310—320 м в районе шоссе на Ташгузар). Незначительный подъем (10—20 м на 20—25 км) можно наблюдать и в южном направлении.

Расположение песчаного массива относительно долины Амударьи не оставляет сомне-

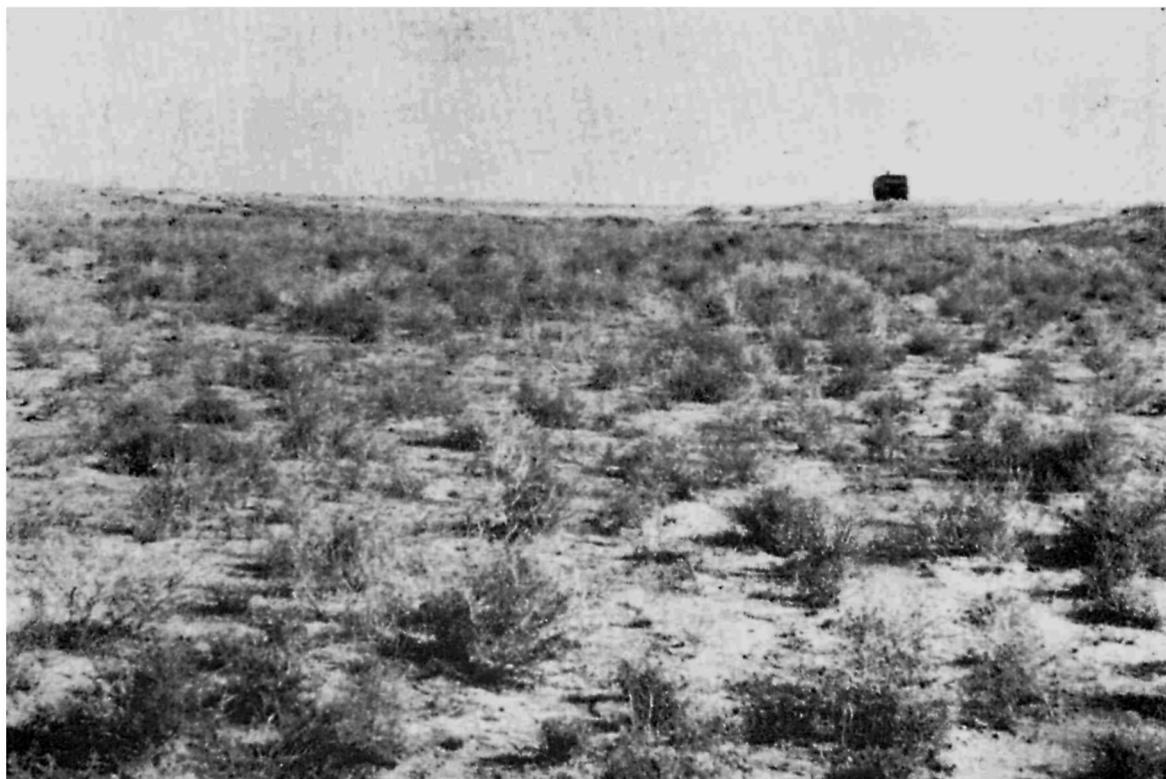

Рис. 4. Сухое русло в районе развалин Кафыр-тепе

ний в его генезисе: это, бесспорно, речные в основе амударьинские отложения, подвергшиеся позднее золотой переработке. Однако в истории приамударьинских песков какую-то роль играли и водные потоки, подходящие к ним с юга, от западных отрогов Гиндукуша. Периоды более влажного, чем современный, климата отличались относительным многоводием, а многочисленные ручьи и речки подступали непосредственно к массиву песков. Можно полагать, что какая-то часть переслаивающихся супесчано-суглинистых отложений на участках, примыкающих к массиву с юга, являются аллювиальными дельтовыми отложениями этих подгорных потоков. В зоне контакта песков и аллювиальных отложений и в краевой зоне песков в ряде пунктов нами наблюдались длинные (до 0,5—1,0 км) ложбинообразные понижения, являющиеся, возможно, остатками древних русел. Хорошо выраженное старое сухое русло обнаружено в 3 км северо-восточнее крупных развалин Кафыр-тепе (район сел. Задиян). Специально русло это не обследовалось; насколько можно судить по данным его беглого осмотра на одном из участков (в 2—3 км севернее песчаного массива), общее его направле-

ние юг — север, на осмотренном участке оно хорошо выражено, имеет глубину до 1,5—2 м и ширину в 50—70 м (рис. 4). Русло слабо меандрирует, его берега и дно спланированы под современное (или недавнего прошлого) орошаемое земледелие. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что оно подходило на севере непосредственно к пескам.

Разведки 1975 г. проводились вдоль южного края песков; в том же году дважды (на долготах Ташгузара и Хайратона) проводилась рекогносцировка внутренних участков песчаного массива. Южный край песков дал обильные находки каменного века, в центральных частях массива они были редки. Основная масса развешенных стоянок и пунктов была приурочена к контакту песчаного массива и дефлируемых аллювиальных отложений и к краевой части песков (в основном не далее 1—1,5 км в глубь массива от его южной кромки). Материалы располагались на участках между барханами или барханскими цепями, на рыжеватой песчано-гравийной по-

Рис. 5. Кремневые находки из урочища Задиян (1975 г.) и из района севернее г. Акчи (1976 г.)

1—18 — стоянка Задиян 2 (№ 334); 19—40 — стоянка Задиян 3 (№ 337); 41—44 — стоянка Задиян 6 (№ 342); 45, 46 — пункт № 424а; 47—58 — пункт № 424б

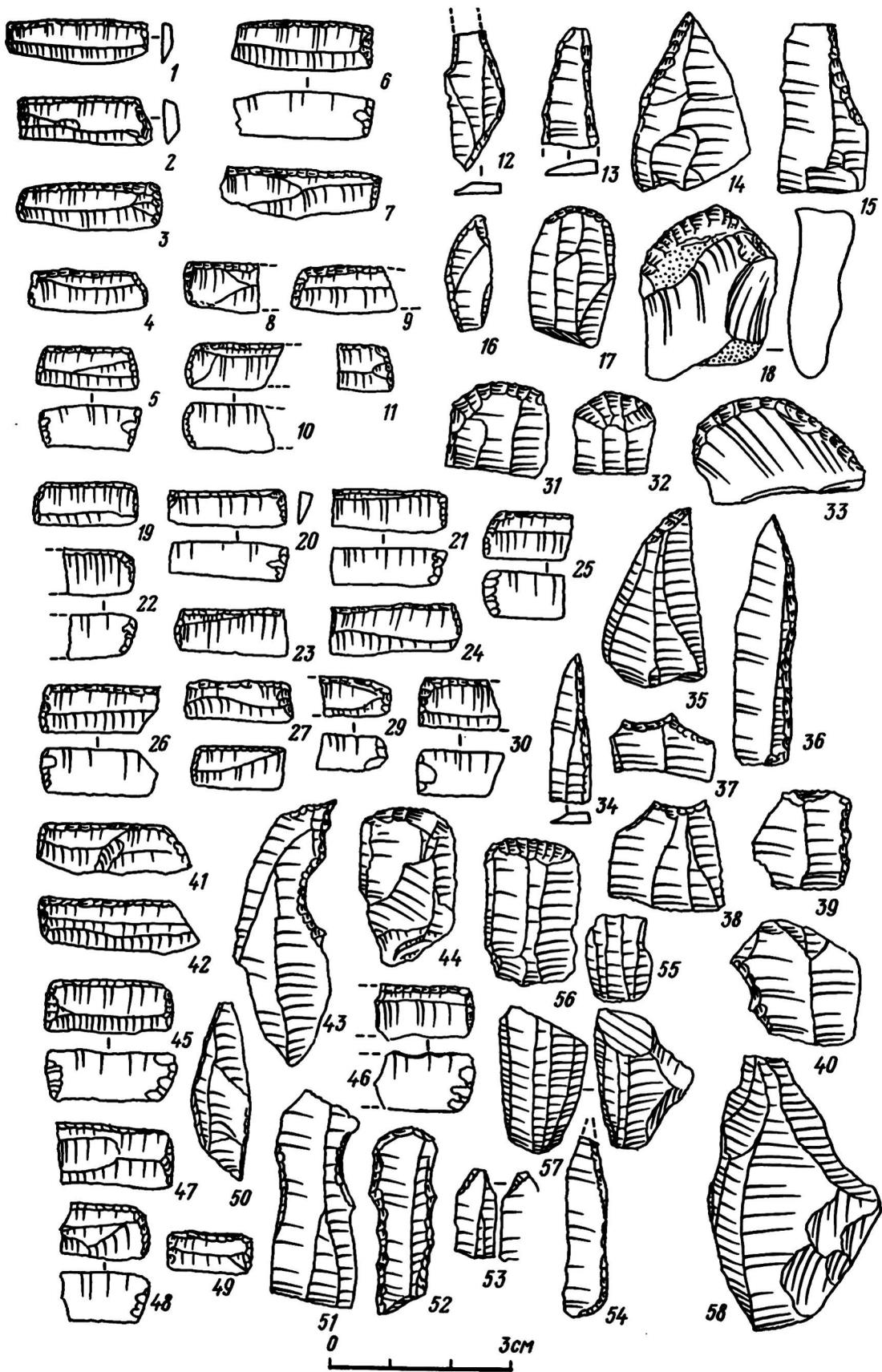

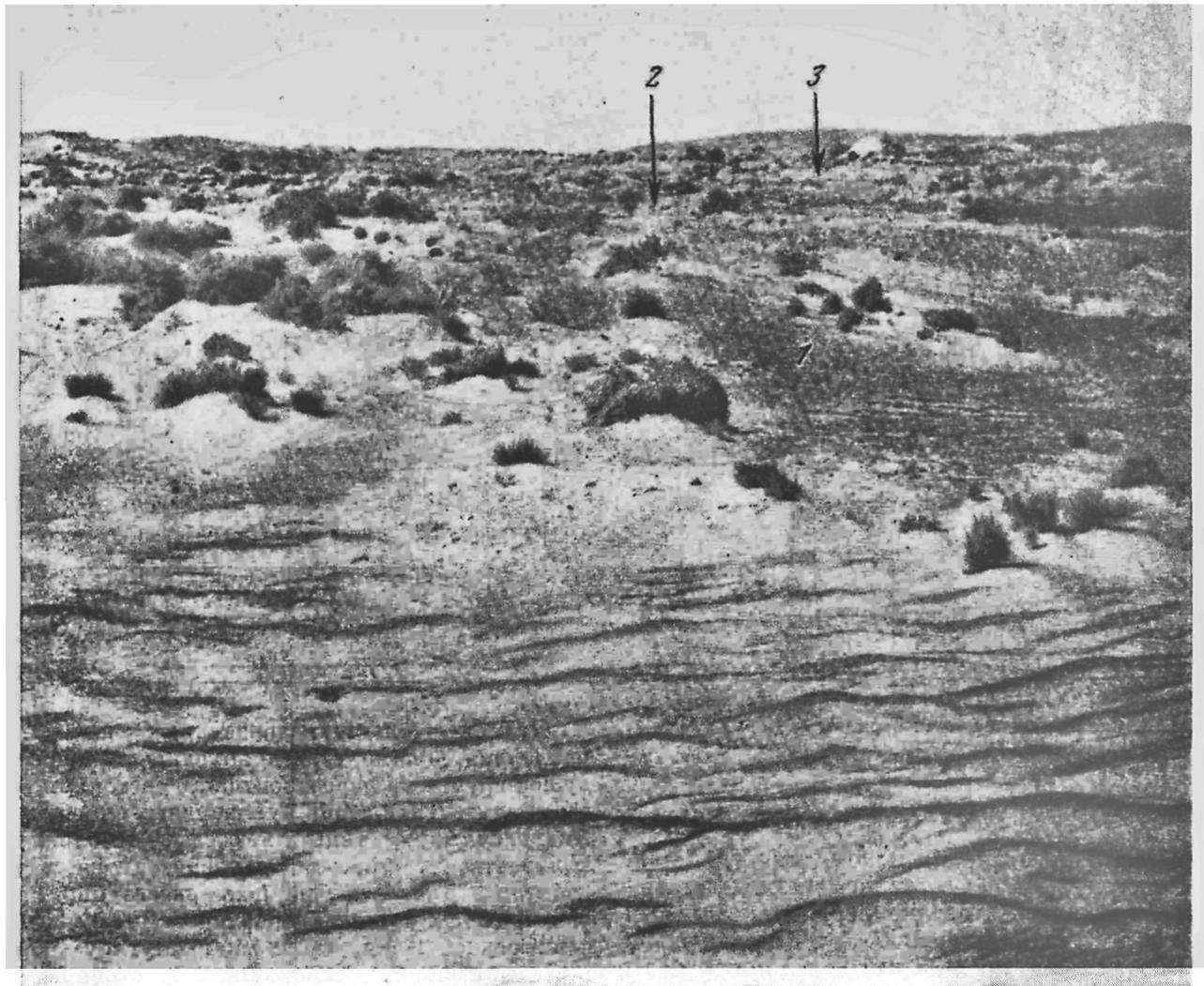

Рис. 6. Перевеваемые пески в урочище Задиян

верхности, на разрушающемся такыровидном суглинке или в дефляционных котловинах на поверхности песка. Наблюдения на ряде стоянок показали, что имеются основания связывать материалы каменного века с верхами переслаивающихся аллювиальных отложений, связанных, видимо, как мы уже отмечали, не непосредственно с главным течением Амударьи, а с деятельностью потоков, подходивших с юга, со стороны западных отрогов Гиндукуша. Исследования материалов каменного века в связи с этим открывают благоприятные перспективы для палеоклиматических реконструкций, для воссоздания последовательной смены экологических обстановок, делавших благоприятными условия жизни пер-

вобытных коллективов по южному краю песчаного массива или препятствующих обитанию здесь человека.

Полученный в 1975 г. материал исключительно обилен и интересен. Разведками обнаружено 77 пунктов с находками каменного века, среди них 34 разветренных стоянки. Коллекция 1975 г. насчитывает более 16 тыс. кремневых предметов. Основная масса материалов относится, несомненно, к различным периодам мезолита и по характеру культуры имеет значительное сходство с некоторыми мезолитическими материалами Средней Азии и Ближнего Востока. По предварительным данным, наиболее ранними из североафганских мезолитических комплексов, открытых в 1975 г., являются небольшие стоянки, в инвентаре которых имеются пластинчатые изделия геометрической формы — низкие вытя-

нутые прямоугольники (иногда трапеции), обработанные с трех сторон (рис. 5). Эти микролиты аналогичны изделиям, найденным в третьем горизонте Туткаула (Таджикистан)²⁴. Для более поздних этапов мезолита характерны стоянки с многочисленными находками вытянутых пластинчатых острий с притупленной спинкой, а также длинных сегментов и асимметричных треугольников (рис. 6—10). Аналогичного типа комплексы характерны для многих мезолитических памятников запада Средней Азии и Ближнего Востока. Ближайшим же из сходных комплексов является Туткаул — материалы из горизонта 2а.

²⁴ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане, с. 144.

Рис. 7. Урочище Задан. Общий вид на стоянку Задан 7 (1), 9 (2), 10 (3)

В 1976 г. работы разведочного отряда были продолжены²⁵. Исследования проводились на двух участках. Во-первых, был обследован новый участок песков восточнее долготы Хайратона, от пункта, где были закончены разведки 1975 г. на западе до солончака Саринамак на востоке (северо-западнее г. Ташкуртана). На первом этапе была детально осмотрена полоса разрушающегося аллювия, вытянутая в широтном направлении на западе

²⁵ В работах 1976 г. под руководством автора принимали участие инспектор Института археологии Республики Афганистан Мохаммад Аджан Наими, шофер Мохаммад Амин, рабочий Худайдод Кадыр. Полученная в 1976 г. коллекция насчитывает свыше 6 тыс. кремневых предметов.

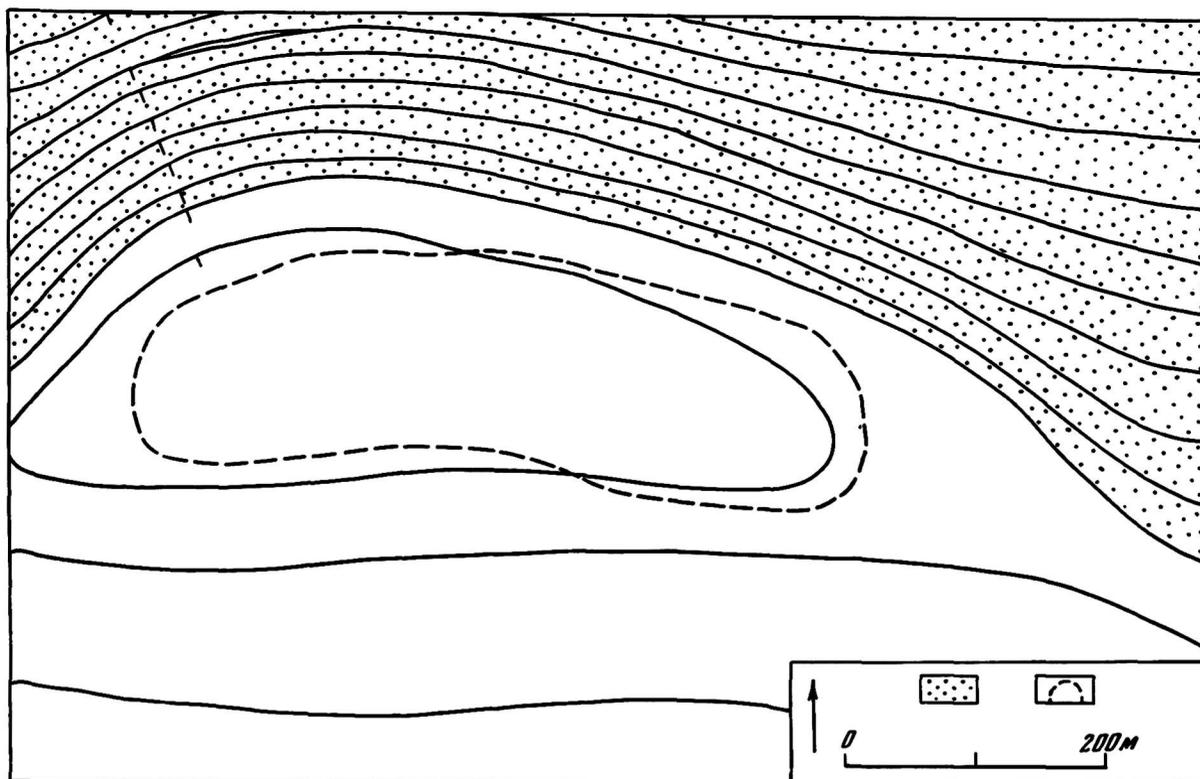

Рис. 8. Схематический план стоянки Задан 7 (№ 344)

1 — песчаная гряда; 2 — границы основного скопления находок

от асфальтированной дороги на Хайратон, на востоке до края песчаного массива, делающего в районе солончака Саринамак сильный уступ к югу. Протяженность этой зоны около 20 км, ширина до 2—3 км; к ней приурочены также широтно вытянутая небольшая система песчаных гряд, смыкающаяся на востоке с основным песчаным массивом. Здесь, а также восточнее, в районе Саринамака, открыты новая значительная серия разветвленных стоянок и большое количество отдельных находок. Как и в 1975 г., основная масса полученного в 1976 г. материала относится, видимо, к разным периодам мезолита. Однако в находках этого года имеются и материалы принципиально иного характера. Прежде всего это небольшая серия орудий, по типологическим и морфологическим признакам совершенно аналогичная мустьерским остроконечникам. Всего таких орудий около 10 экз., они сравнительно небольшого размера, сделаны из толстых треугольных отщепов и обработаны ретушью по обеим сторонам. Среднепалеолитическая дата этой группы орудий не вызывает сомнений. В коллекции имеется также несколько сколов с леваллуазских нуклеусов.

Другая группа разрозненных находок, найденная, видимо, как и находки из предыдущей группы, в переотложенном состоянии, — это значительная серия нуклевидных скребков. Аналогичные им типы имеются в небольшом количестве в третьем раннемезолитическом горизонте Туткаула, но более всего они характерны для позднепалеолитических комплексов Средней Азии, таких, как Шугноу (первый горизонт)²⁶, Самаркандская стоянка²⁷. Следует указать и на сходные в целом нашим находкам материалы из ближайшего территориально памятника Кара Камар²⁸.

²⁶ Ранов В. А. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969—1970 гг.). — АРТ, вып. X (1970 год). М., 1973, с. 53—54, табл. 1, 2.

²⁷ Лев Д. Н. Итоги работы археологического отряда Самаркандского гос. ун-та имени А. Навои в 1966 г. — Труды САМГУ. Нов. сер., 1972, вып. 218, с. 24, 25, табл. II, III. В публикации материалов раскопок Самаркандской стоянки 1966 г. впервые типологически была выделена значительная группа нуклевидных скребков, хотя они, как указывает Д. Н. Лев, встречались и в материалах предыдущих лет. См., например: Лев Д. Н. Поселение каменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. — Труды САМГУ. Нов. сер., 1964, вып. 135, рис. 42, 53, 62, 3; Он же. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского гос. ун-та в 1965 г. — Труды САМГУ. Нов. сер., 1967, вып. 166, табл. IV, 2; VII, 2.

²⁸ Coon C. S. The seven caves, p. 248—254, fig. A; Davis R. S. The palaeolithic.

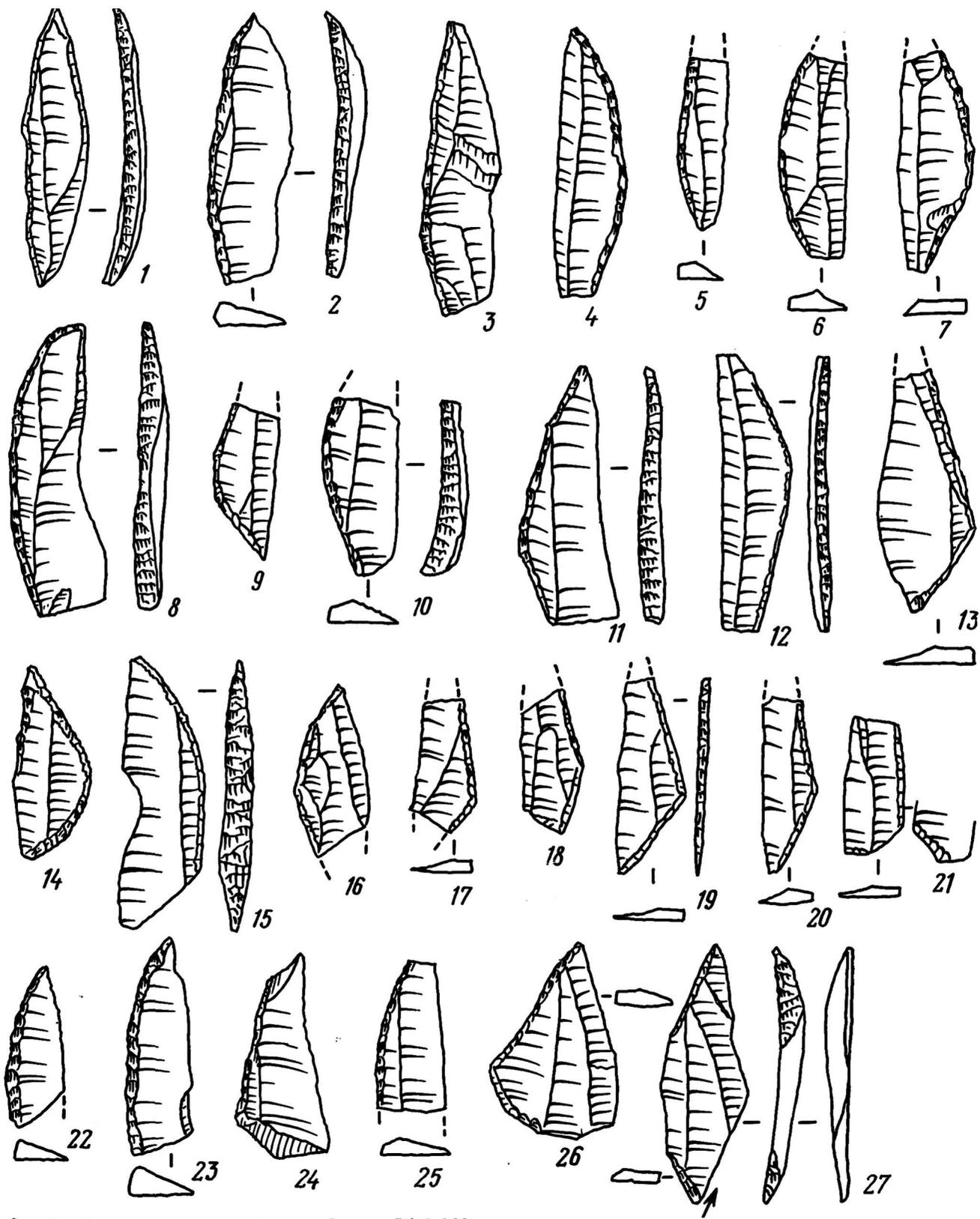

Рис. 9. Изделия из кремня. Стоянка Задван 7 (№ 344)
(1-27)

0 3 см

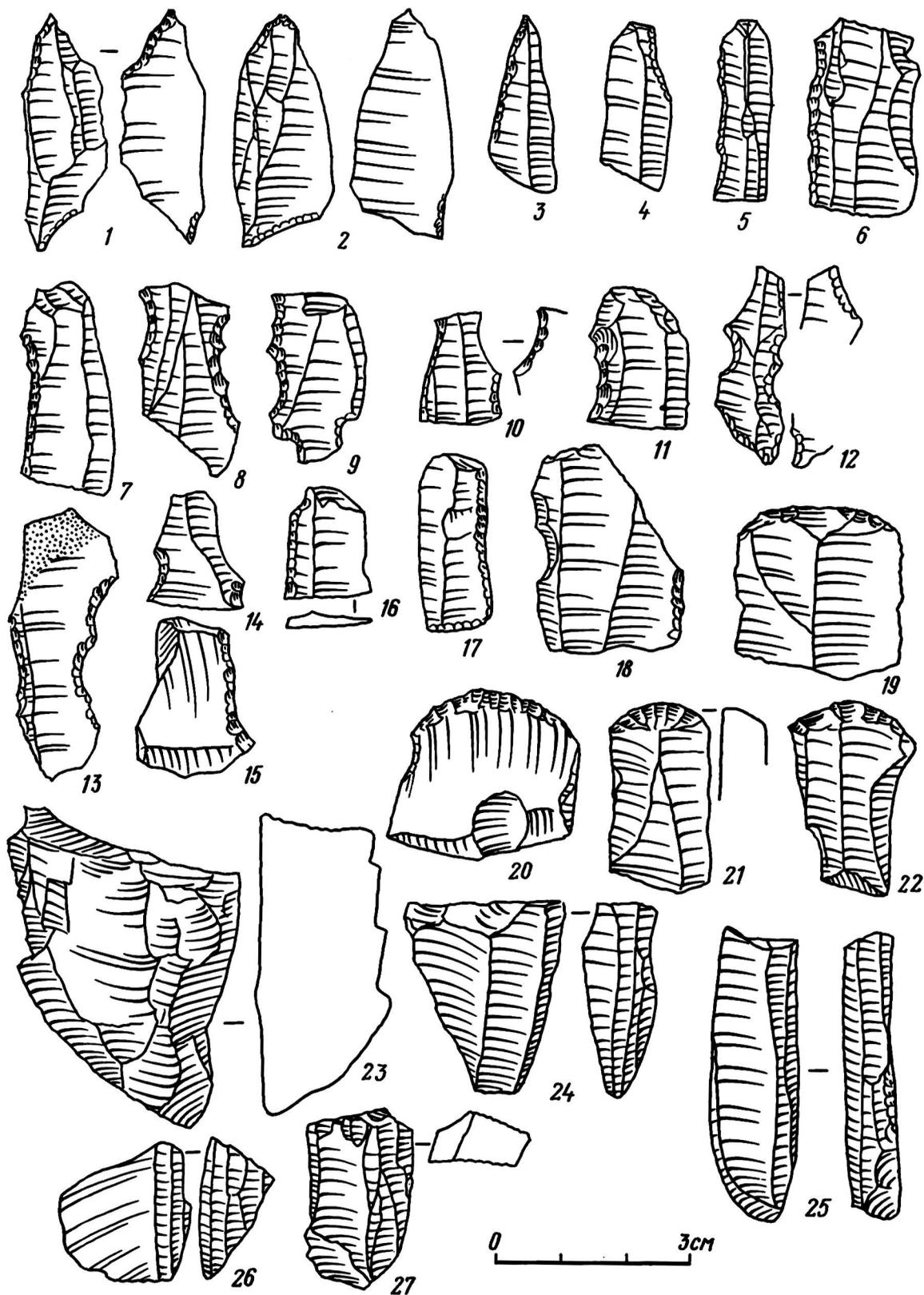

Рис. 10. Изделия из кремня. Стоянка Заднан 7 (№ 344)
(1—27)

В. А. Ранов, описывая материалы стоянки Шугноу, отмечает, что аналогии нуклеидным скребкам этой стоянки находятся в памятниках разновременных в рамках позднего палеолита и что требуется детальный анализ прежде, чем будет найдено наиболее полное соответствие им.

Материалы разведок 1976 г. северо-западнее г. Ташкурмана, как и материалы 1975 г., полностью еще не обработаны.

В том же 1976 г. были проведены разведки на другом участке, в районе севернее г. Акча. Как уже указывалось, во время работ 1969 г. в районе Андхой — Келифт — Акча были затронуты в основном внутренние и северные краевые части песчаного массива. Последующие работы позволили установить, что заселение этого района в каменном веке затронуло главным образом южные окраины песчаного массива. В связи с этим было решено провести дополнительное обследование южной кромки песков.

Разведки были начаты от дороги Балх — Келифт и продолжались в западном направлении до пункта в районе большого селения Сайедабад²⁹.

Район к северу от г. Акча характеризуется сильной изрезанностью южной границы песков. Для нее свойственны вычурные по форме, далеко выдающиеся к югу, в сторону современного оазиса, песчаные мысы и «острова». Один из них находится западнее Дашлинского оазиса эпохи бронзы, образуя западный и северный естественные рубежи водных потоков, питавших некогда поселения эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.). В настоящее время развалины их располагаются на безводных такырах. Далее к западу, на участке от сел. Челик-и-Ясхан до сел. Сайедабад, граница песков сильно отодвинута к северу. На прилегающем с юга участке, для которого характерны выровненные кочковатые, хорошо закрепленные растительностью песчаные поверхности, изредка перемежающиеся небольшими такырными пятнами, размещено несколько песчаных «островов». Они хорошо выделяются на темной коричневатой-серой поверхности равнины желтизной высоких оголенных песчаных гряд. Последние обычно не превышают длины 400—600 м и располагаются меридионально. Вокруг оголенных песков обычно имеются участки бугристых заросших песков. Такого же рода отдельные системы коротких песчаных гряд, перемежающихся более низкими заросшими бугристыми песками, характерны и для южной части основ-

ного песчаного массива. Песчаные островные массивы дали довольно много материала каменного века, в том числе несколько интересных развешанных стоянок. Наиболее существенным результатом работ было получение довольно выразительного массива поздних материалов: позднемезолитических или, скорее всего, ранненеолитических. В материалах работ предшествующих лет этот период не был по существу представлен. Ниже дана подробная характеристика этих материалов.

Каменный век района Акчи

В ходе работ в песках Северного Афганистана нами в основном были использованы методические приемы, выработанные и проверенные в ходе изучения развешанных первобытных стоянок в пустынях Средней Азии³⁰. Топографической основой для планирования работ и фиксации материалов послужила карта масштаба 1 : 100 000, изданная в Афганистане в 1960 г. по материалам 1958 г. Листы этой карты достаточно подробны для выяснения общей топографической и отчасти геоморфологической ситуации расположения стоянок, однако они недостаточно хороши для точной фиксации памятников относительно мелких элементов рельефа и относительно друг друга. Особенно заметно это ощущается при значительной археологической нагрузке на сравнительно небольших участках. Применяемые нами обычно в таких случаях материалы аэрофотосъемки разного масштаба в данном случае оказались недоступными. Отчасти именно поэтому мы приводим ниже описание топографических и геоморфологических условий расположения стоянок.

В настоящем отчете применительно к материалам, собранным на современной поверхности, употребляются понятия «стоянка», «пункт», «поиск». Они требуют разъяснения. Стоянка (или развешанная стоянка) — это скопление археологического материала на небольшом ограниченном участке поверхности. Предполагается, что материал культурного слоя стоянки (одно- или многослойной) после разрушения последнего спроецирован на подстилающую поверхность. Хронологическая однородность или неоднородность материала определяется в процессе его камерального исследования с учетом данных об условиях его расположения.

Никаких принципиальных различий между понятиями «стоянка» и «пункт» нет. Обычно пунктом определяется скопление с незначи-

²⁹ Здесь было проведено два разведочных маршрута: первый с 22 октября по 28 октября, второй с 1 по 6 ноября 1976 г.

³⁰ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, с. 15—24.

тельным по объему материалом. «Поиск» — понятие совершенно иного рода. Прежде всего оно подразумевает некоторую, иногда значительную обследованную площадь. Так, описываемые ниже поиски подразумевают, как правило, обследованные участки протяженностью от 300—800 м до 2—3 км при ширине обследуемой полосы в 300—500 м. Имеется также в виду определенная, полученная в ходе поиска сумма находок, которые могут быть двух типов: 1) с одной или нескольких стоянок (пунктов), найденных во время поиска на определенной территории; 2) отдельные разрозненные находки из разных точек территории поиска; они, как правило, объединяются в одну коллекцию, в этом случае поиск называется обзорным. Как и в случае со стоянками, материалы обзорных поисков рассматриваются не только по типологическому их составу, но и с точки зрения распространения на обследованном участке, характера и размеров этого участка.

Разведки 1969 г. Материалы

Ниже приводится характеристика кремневых материалов, обнаруженных в ходе двенадцати поисков (поиски № 51, 52, 53 — а, б, в, г, д, е, ж, з; поиски № 54, 55, 56, 57, 61, 64, 65, 66, 67 — а, б, в, г). Не все из собранных в 1969 г. коллекций заслуживают детального описания. Материалы ряда поисков и пунктов, давших маловыразительный материал, рассматриваются в соответствующих местах суммарно.

Поиск № 51. Местонахождение Ходжа-Ду-Ку. Материал собран на небольшой останцовой возвышенности в 20 км от Шебергана (по дороге на Андхой), в районе селения Ходжа-Ду-Ку. Высота возвышенности порядка 50 м, длина около 800 м. Длинной осью она ориентирована по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад. Довольно глубокой седловиной от западной ее части отделена восточная, меньшая и несколько более низкая часть. Холм сложен переслаивающимися пачками глин, суглинков и супесей. В верхней части останца замечены крупные пропласты и линзы слабо сцементированного галечника. В галечнике и на склонах холма, в осыпях, очень много разноцветной кремневой гальки, как целой, так и в обломках. Встречаются достаточно крупные желваки (до 10—15 см в поперечнике).

Очень вероятно, что это крупное скопление кремневого сырья было известно и первобытному человеку, однако бесспорных доказательств такого знакомства нами не было найдено. Осмотр склонов холма и стенок карьера, на-

ходящегося в западной его части, показал, что все или почти все из встречающихся здесь в изобилии кремневых обломков являются результатом естественного расщепления кремневых галек. Лишь в редких случаях можно предполагать преднамеренное раскалывание. В коллекции, собранной на холме Ходжа-Ду-Ку, 17 предметов. Большую часть их (8 экз.) составляют небольшие отщепы предположительно со следами искусственного скалывания. Некоторые из них сохранили на спинке остатки галечной корки. Два предмета можно отнести к разряду ножевидных пластин или пластинчатых отщепов (оба представлены обломками). Остальные пять являются аморфными нуклеусами со следами снятия небольших отщепов и неправильно ограниченных коротких ножевидных пластин.

Поиск № 52. Проведен в 25 км от Шебергана по дороге на Андхой, слева от дороги, западнее сел. Ходжа-Ду-Ку (нав), в песках.

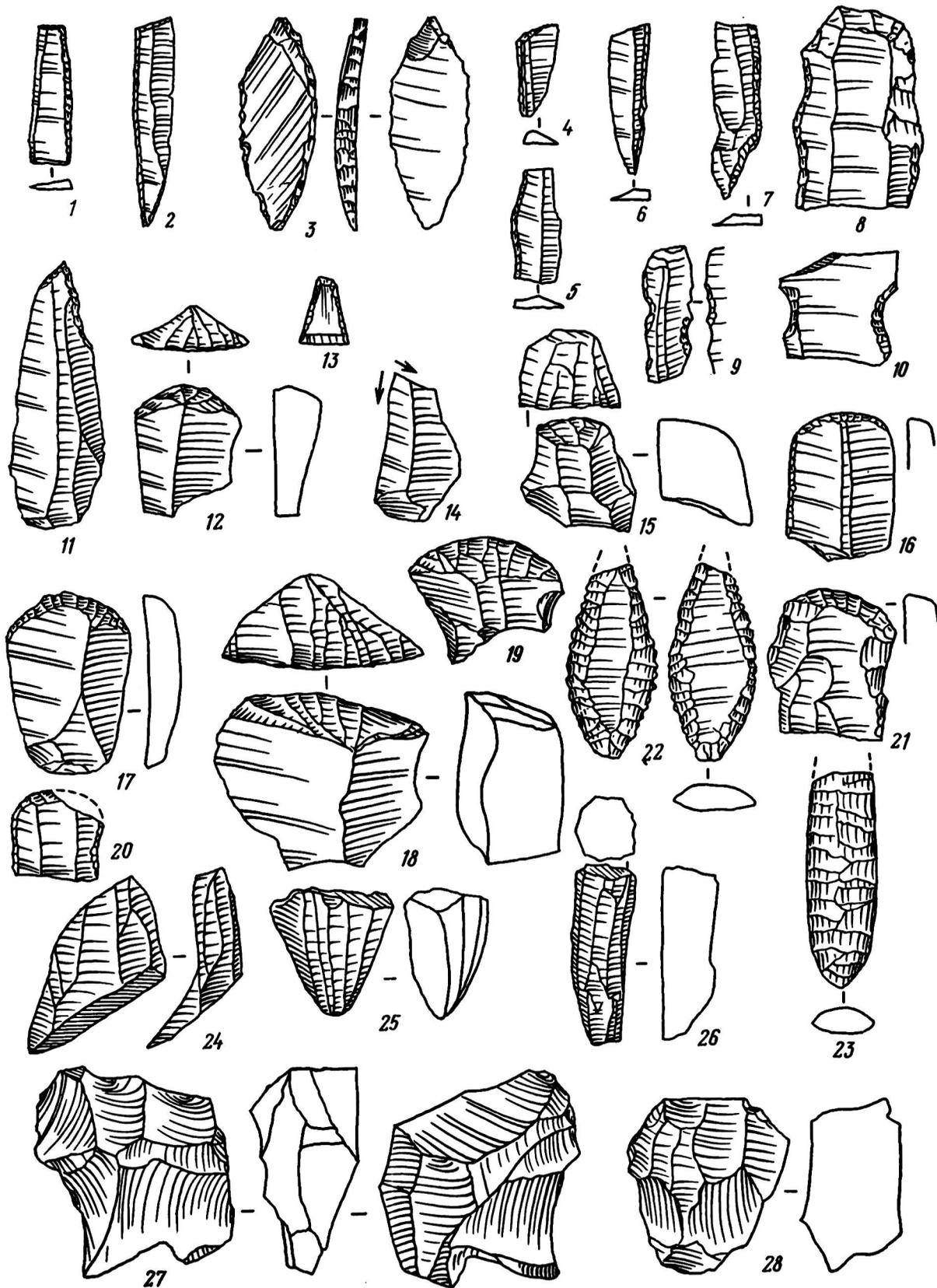
Край песчаного массива находится в 1,5—2 км от дороги. Пески грядово-бугристые, высокие, хорошо закрепленные травянистой растительностью. Местами наблюдается хорошо выраженный дефляционный рельеф с многочисленными мелкими и невысокими (от 10 до 100 см) останцами уплотненного желтовато-серого песка и углубленными площадками с микрорельефом в виде застрогов. На дефлированных участках при беглом осмотре восточного края песков найдено четыре кремневых предмета. Наиболее интересным из них является ножевидная пластина с притупленным краем (рис. 11, 1). Орудие сделано из тонкой, правильно ограниченной пластины и по всем признакам может быть сопоставлено с аналогичными изделиями степного неолита Средней Азии. Другое орудие из найденных здесь — небольшой выемчатый скобель, сделанный из толстого отщепа. Выемчатый край был свойствен отщепу; лезвие по выемчатому краю лишь укреплено добавочной ретушкой.

Найдено также два небольших отщепа. Заметим, что находки скопления не составляли и найдены разрозненно на большой площади.

Поиск № 53. Приграничные районы севернее и северо-восточнее Андхой заняты песками. Они были пересечены нашим маршрутом по линии Андхой — сел. Чор-Бак — возвышенность Кара-депе — колодец Джар-

Рис. 11. Кремневые находки из района севернее г. Акчи (разведки 1969 г.)

1 — поиск № 52; 2—3 — поиск № 53б; 4—7, 12, 14, 28 — поиск № 53г.; 9 — поиск № 54; 10 — поиск № 56; 11 — поиск № 53в; 15 — поиск № 53д; 13, 17, 24 — поиск № 53ж; 18 — поиск № 57; 8, 19—20, 22, 23 — поиск № 65; 16, 21, 26—28 — поиск № 62; 25 — поиск № 55

Кудук — Амударья (в районе сел. Хам-аб). От Чор-Бака на Джар-Кудук ведет караванная тропа. В 17—18 км от селения начинаются невысокие пески. Они хорошо закреплены травянистой растительностью и в настоящее время развеваются слабо. Движущихся песков здесь практически нет. Пески расчленены слабо, глубина котловин не превышает 4—5 м. Главная форма дефлирования — небольшие по площади и невысокие (до 1—1,5 м) останцы и карнизы с примыкающими к ним узкими котловинами, вытянутыми по линии восток — запад. В этих песках найдено на сравнительно небольшом участке восемь небольших скоплений кремневых находок, названных условно пунктами 53 а, б, в, г, д, е, ж, з.

Обычно находки располагались на слабо заросших поверхностях уплотненного песка, имеющего в результате выветривания микро-рельеф в виде застругов и гипсометрически занимающих промежуточное положение между поверхностями останцов и днищами котловин. Изредка находки встречались на днищах котловин; в двух случаях (скопления 53а и 53б) — на поверхности останцев. Площади скопления разные, обычно в пределах от 25 до 50 м в поперечнике. Вместе с кремневыми находками на площади скоплений обычно попадалась круговая средневековая керамика (рядом старая караванная тропа), а также иногда обломки лепных сосудов из грубого теста и плохого обжига, хронологически трудноопределимых. Кроме того, как правило, на ряде скоплений вместе с кремнем попадались кремневые гальки со сколами или следами раскалывания.

Пункт 53б. На скоплении собрано 17 кремневых предметов; подавляющее большинство их — мелкие отщепы без ретуши, многие с остатками галечной корки на спинке. Два изделия — с вторичной обработкой, оба интересны и типологически относятся к одной группе. Первое — вкладыш с притупленным краем, одним скошенным и другим заостренным концом (рис. 11, 2). Он сделан из тонкой узкой пластины мелкой тщательной крутой ретушью. Этот тип достаточно хорошо известен как в позднемезолитических, так и в неолитических памятниках Средней Азии³¹.

³¹ Подобного рода треугольники имеются, например, в верхних слоях пещеры Дам-Дам-чешме II, в третьем слое грота Дам-Дам-чешме I (Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-чешме II в Восточном Прикаспии. — СА, 1966, № 2, с. 110, 111, рис. 4, 11; рис. 5, 15—18; Марков Г. Е. Дурдыев М. Б. Новые исследования первобытных памятников в Прикаспии. — Каракумские древности, Ашхабад, 1977 вып. V, с. 14, рис. 1, 14). Следует заметить, что рассматриваемое изделие по пропорциям ближе к находкам из Дам-Дам-чешме I, а также материалам Джебела (Окладников

Второе орудие также типа «с притупленным краем», однако совсем иного рода. Оно сделано из небольшого удлинённого отщепа с дугообразным острым краем. Толстому краю отщепа крутой, встречной ретушью были приданы такие же симметрично выпуклые очертания, в результате чего изделие приобрело почти правильную листовидную форму (рис. 11, 3). Один край его острый (натуральный край отщепа, местами чуть подправленный или выкрошенный), другой толстый, притупленный. Подобного рода формы для неолита не характерны, скорее всего, это острие мезолитического типа. Форма эта не случайна. Совершенно аналогичное изделие (и обломки других изделий, близких по форме) имеется среди материалов поиска № 67.

На углу одного из отщепов сделан скол, возможно резцовый.

Пункт 53 г. Сравнительно с другими это самое большое и одно из самых интересных скоплений. Из сорока находок более $\frac{1}{4}$ с ретушью, а если учитывать нуклеусы, обломки их, изделие с резцовым сколом, то изделия с вторичной обработкой составляют более $\frac{1}{3}$ находок.

Наиболее заметную в количественном отношении группу орудий составляют пластины с притупленным краем. Все они сделаны преимущественно из тонких и узких пластин. Представлены три варианта: а) с одним скошенным, другим приостренным концом (рис. 11, 4); б) с острым концом (другой обломан, рис. 11, 6); в) с необработанными концами (рис. 11, 5). Все эти варианты имеют ближайшие аналогии в позднемезолитических и неолитических материалах Средней Азии. Особый интерес представляет одно из изделий с притупленной спинкой (рис. 11, 7), возможно обломок низкого вытянутого асимметричного треугольника с характерной для мезолитических образцов этого типа легкой выемкой на короткой боковой стороне. Аналогичного типа изделия известны из пещеры Али Таппех в Иране, имеются они и в материалах Дам-Дам-чешме II³².

А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. VIII, с. 157, рис. 94, 5; с. 91, рис. 54, 2) и памятников раннего и развитого неолита Кызылкумов. Для последних, правда, более характерна противоположная ретушь.

³² *McBurney C. V. M.* The cave of Ali Tappeh and the epipalaeolithic in N. E. Iran. — Proceedings of the prehistoric society, 1968, vol. XXXIV, p. 401, fig. 7, 10, 17, 24, 33, 34; *Марков Г. Е.* Грот Дам-Дам-чешме II..., с. 113, рис. 7, 7, 6, 15 и др.). Следует отметить, что в материалах обоих памятников имеются и короткие асимметричные треугольники, близкие найденному в пункте 53г (рис. 3, 4; ср.: *McBurney C. V. M.* The cave of Ali Tappeh..., fig. 7, 15—16, 19—20; *Марков Г. Е.* Грот Дам-Дам-чешме II..., рис. 7, 12).

Остальные изделия представлены концевым скребком (рис. 11, 12), обломками пластин с краевой ретушью, отщепами с краевой ретушью. Два отщепа могут быть классифицированы как резцы, один срединный, другой угловой (рис. 11, 14), здесь же два нуклеуса (один обломан, рис. 11, 28).

На площади скопления обнаружены (вместе с поздней, средневековой керамикой) мелкие, сильно окатанные, в большинстве расслоенные обломки лепных сосудов. Толщина черепка 0,6—0,7 см, тесто грубое с мелкими белесыми примесями в изломе и на внутренней поверхности. Обжиг неровный, изнутри темно-серый, снаружи коричневатый. Обломки эти очень невыразительны, однако характер теста и обжига не позволяют полностью исключать возможность отнесения их к первобытной эпохе.

Пункт 53ж. На сравнительно ограниченном участке (около 25—30 м в поперечнике) собрана небольшая коллекция кремня и лепной керамики. Кремня немного (10 предметов), характерно большое количество отщепов с галечной коркой и крупных кусков кремневой гальки. Из примечательных вещей имеются продольный скол с нуклеуса со следами снятия не совсем правильно ограниченных пластин (рис. 11, 24), концевой скребок (рис. 11, 17) и трапеция. Последняя крайне миниатюрна, симметрична, высокой формы (рис. 11, 13). По размерам и пропорциям она может быть вполне сопоставлена с мелкими трапециями, найденными в 1976 г. в районе севернее Акчи (см. ниже).

Керамики более 20 обломков. По техническим признакам вся она однородна. Черепок с поверхностей светло-коричневый, затертый тонкоотмученной глиной, в изломе серый. В тесте крупная примесь шамота. Толщина черепка 0,6—0,9 см. Судя по обломкам венчиков, можно предполагать, что в коллекции представлены фрагменты по крайней мере шести сосудов с разной профилировкой верхней части. Все сосуды характеризуются различными вариантами сильно раздутого, близкого к шаровидному тулова и коротким низким венчиком. Последний в большинстве простой, реже хорошо профилированный.

Хронологическое соотношение керамики и кремня неясно. Нужно учитывать, что на скоплении и вокруг встречалась поздняя круговая керамика и не исключена ее связь с описываемой лепной керамикой.

Остальные, собранные в ходе поиска № 53 коллекции менее интересны и в большинстве случаев представлены отщепами и обломками ножевидных пластин без дополнительной обработки. Необходимо отметить, что эти и другие материалы свидетельствуют о широком исполь-

зовании галечного материала. В пункте 53а найдены несколько галек со следами опробывания и единственное в материалах 1969 г. галечное орудие типа чоппинга (рис. 12), одно из немногих галечных орудий в коллекциях, полученных САЭ за все годы.

На участке песков от бугра Кара-депе до сел. Ислам Пинджа проведено 13 поисков (№ 54—66). Некоторые из полученных материалов описываются далее.

Поиск № 55. Проведен в песках в 2 км восточнее бугра Кара-депе. Собраны единичные кремневые находки, всего 24 предмета. Большую часть их составляют мелкие отщепы с остатками желвачной корки. Ретушь имеет лишь один плоский отщеп, очевидно скобель. Среди находок есть маленький конический односторонний нуклеус (рис. 11, 25) и два скола с нуклеусов. Особенно интересны два кремневых отщепов, бесспорно более древние, чем остальные находки. Оба небольших размеров, толстые. Ребра, особенно у первого (рис. 13, 1), очень сильно оглажены, грани залощены. Отщеп снят с дисковидного нуклеуса: отбивной бугорок занимает около половины тыльной стороны отщепов. Ударная площадка широкая. Вполне вероятно палеолитический возраст этого орудия.

Поиск № 58. В районе крупного приамударьянского сел. Хам-аб имеется большая останцовая возвышенность Чаш-баба (рис. 14). Форма ее неправильная, края сильно изрезаны, по ее периферии располагаются многочисленные мелкие столовые останцы. Абсолютная отметка ее 444,4 м, высота над окружающей равниной около 80 м. Западную часть возвышенности образуют неширокие гряды, покрытые каменистыми россыпями. На одной из гряд собрана небольшая коллекция отщепов и обломков довольно архаического облика (рис. 13, 2—6). Площадь находок невелика, но границы ее не четки. Материал находок — темная и темно-коричневая слабоокремненная порода невысокого качества, в меньшей степени — кремень. Из 19 находок — 12 отщепы и пластинчатые отщепы (3 экз.). Длина отщепов от 4 до 5 см, ширина от 2 до 3 см; сняты они с грубо призматического нуклеуса. Экземпляр такого нуклеуса со следами снятия с двух концов пластинчатых отщепов и отщепов имеется в коллекции. Ударные площадки отщепов изогнутые, несколько скошенные. Фасетирование встречено в четырех случаях.

Поиск № 64. Примерно в середине сел. Ислам Пинджа к западу от автомобильной дороги, в пески, идет караванная тропа. В 1 км от селения начинаются невысокие грядовые пески, вытянутые в широтном направлении. На поверхности уплотненного коричневатого песка, на площадке с поперечником в 30—40 м собра-

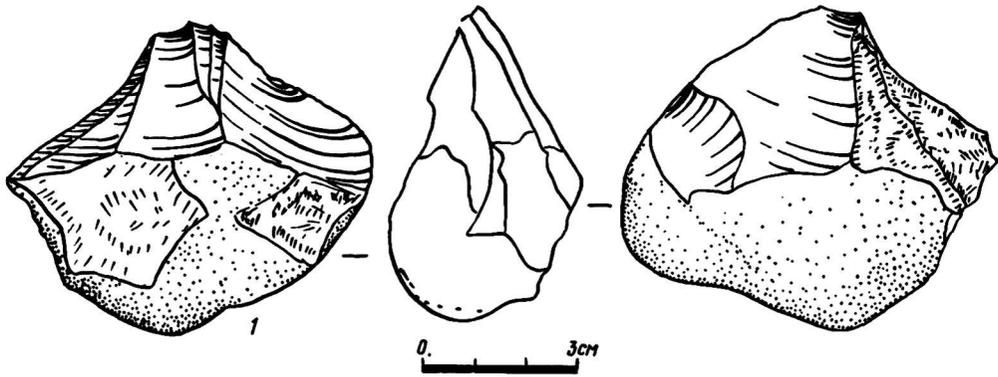

Рис. 12. Галечное орудие из материалов поиска 53а

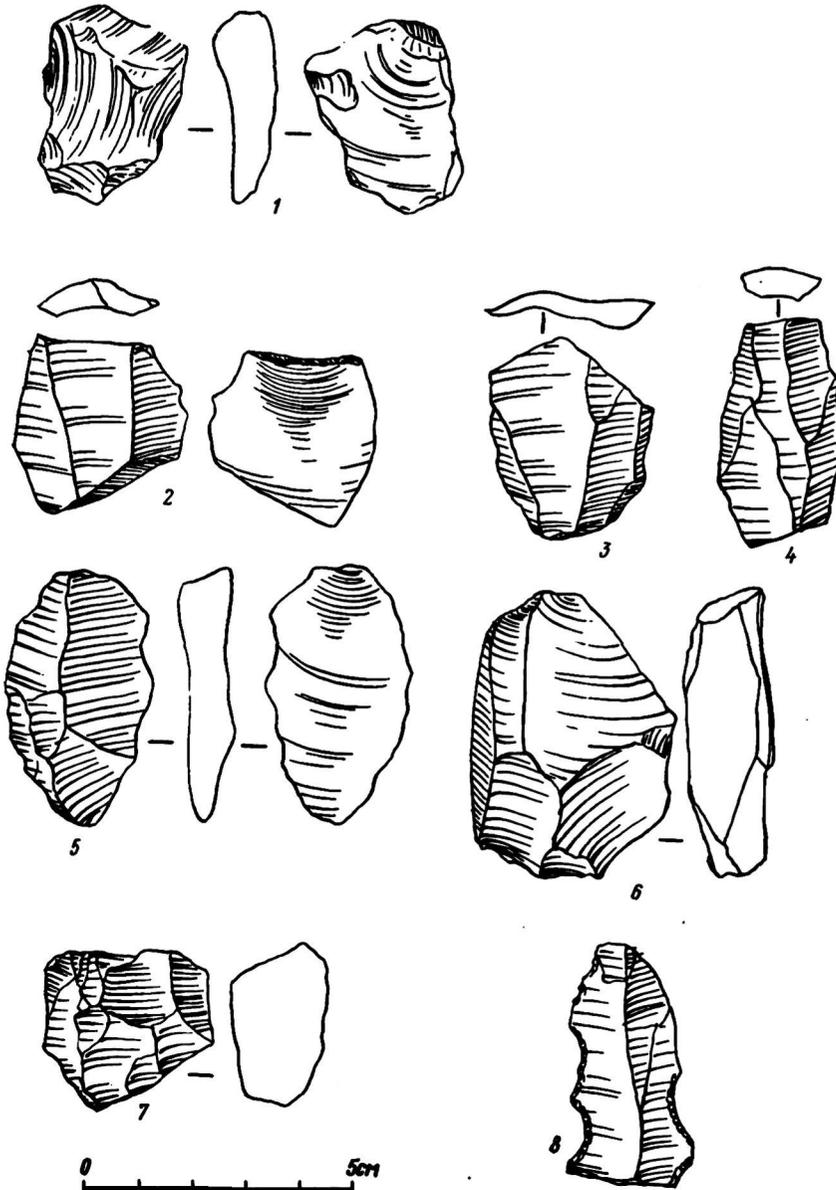

Рис. 13. Кремневые находки из поисков № 55 (1); № 58 (2-6); 53-е (7); из района западнее г. Акчи (8, случайная находка)

на коллекция кремней (более 100 экз.). Единично находки встречались и за пределами этой площади. Безусловно, это остатки небольшой развеянной стоянки.

Большая часть находок — отщепы и обломки без ретуши (69 экз.), в значительно меньшем количестве — обломки пластин (21 экз.). Изделий с ретушью немного. Наиболее интересное из них — обломок толстого асимметрично-треугольного острия с притупленной спинкой. Толстая спинка обработана вертикальной встречной грубоватой ретушью (рис. 15, 7). Значительной серией представлены скребки — концевые и на отщепе (рис. 15, 1—6). Скребки довольно массивные, хотя настоящих высоких форм нет. Имеются изделия с небольшими неправильной формы выемками (рис. 15, 8—9).

Поиск № 65. В 3,5 км западнее сел. Ислам Пинджа по караванной тропе (см. поиск № 64) в невысоких полузакрепленных песках проведен небольшой поиск. На уплотненной песчаной поверхности, в слегка углубленных дефляциях в отдельных местах межрядовых понижениях, собрано около 20 кремней. Они располагались на довольно большой площади (в 100—120 м в поперечнике), в нескольких смежных котловинах. Среди находок преобладают отщепы и обломки без ретуши. Изделия ретушированные представлены пластиной с мел-

Рис. 14. Пески в районе возвышенности Чаш-баба (поиск № 58)
Вид с возвышенности на северо-запад

кими боковыми выемками (рис. 11, 8). В одном месте найдены два наконечника стрел и скребок. Один из наконечников двусторонне обработанный листовидной формы с обломанным острием (рис. 11, 23). Другой листовидной (или ромбовидной) формы с двусторонней краевой ретушью и мелкозубчатым краем (рис. 11, 22).

Остальные поиски в этом районе (№ 54, 56, 57, 61, 62, 66) не дали сколько-нибудь выразительных материалов. Большинство коллекций состоит из отщепов и обломков ножевидных пластин. Заготовки, особенно из западной части района, указывают на широкое использование галечного сырья. Единично встречены изделия с дополнительной обработкой — пластины с боковыми выемками, скребки концевые и на отщепе, пластины и отщепы с краевой ретушью. В материалах поиска № 57 (в районе Джар-Кудука) имеется прекрасный нуклеидный скребок (рис. 11, 18), близкий некоторым образцам из материалов САЭ 1976 г.

Более значительные по объему и более интересные находки получены из песков юго-восточнее Келифта и сел. Ислам Пинджа (поиски № 67, 68).

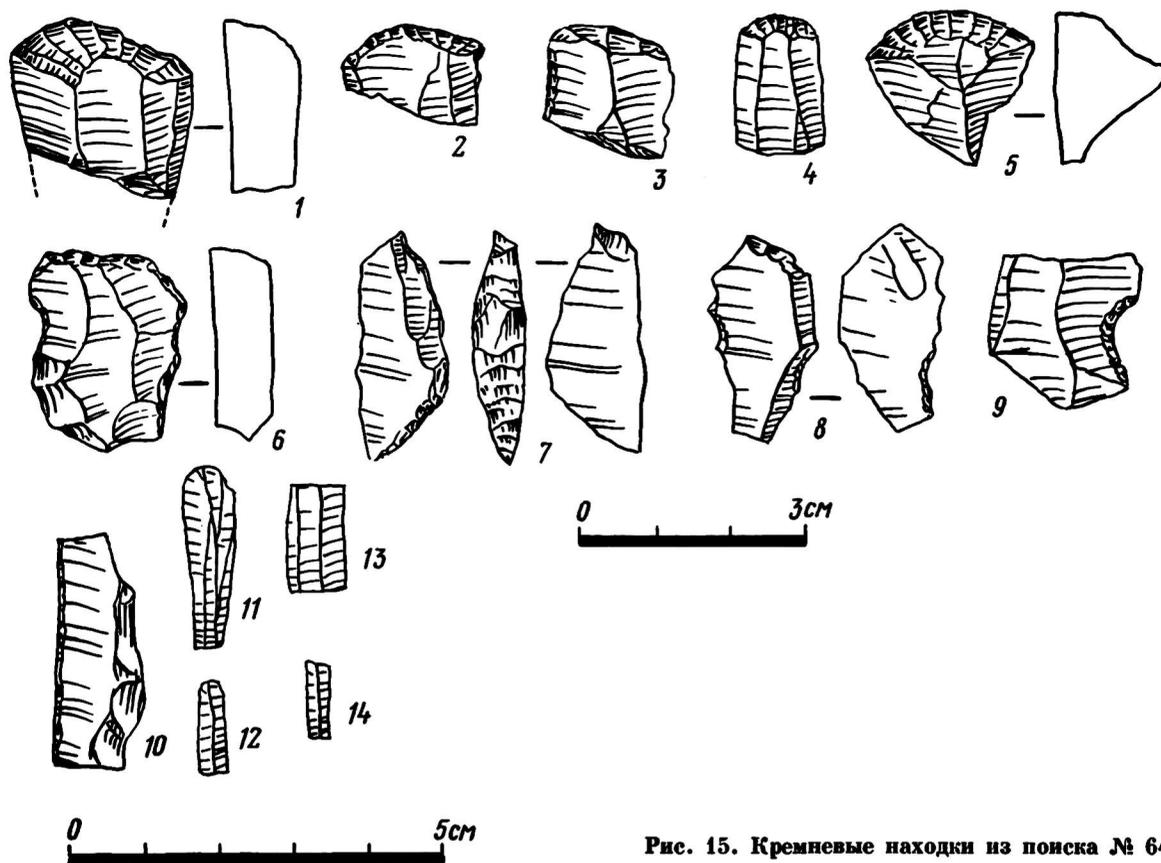

Рис. 15. Кремневые находки из поиска № 64 (1—14)

Поиск № 67. Автомобильная дорога Келифт — Балх пересекает большой массив песков. Обычно это невысокие слаборасчлененные полузаросшие пески, однако здесь имеется также несколько широтно вытянутых цепей высоких бугристо-барханных оголенных песков. По краям цепей пески ниже; на межбугристых участках здесь кое-где наблюдаются площадки, покрытые плотным коричневатосерым гравийным песком. На них обычно встречаются находки.

Дорога пересекает первую цепь таких песков примерно в 30 км от Келифта. В этом месте дорога делает резкий поворот на юго-восток (а затем колено). На карте масштаба 1 : 100 000 в месте поворота находится высотная отметка 281,4. Небольшой поиск западнее дороги (№ 67) обнаружил четыре небольших скопления кремневых находок — пункты 67, а, б, в, г (рис. 16). Всего здесь собрано более 200 кремней. Далее дается описание находок по скоплениям (пунктам).

Пункт 67а. На участке в 50—60 м в поперечнике собрано более 80 кремневых находок. Кремьень разноцветный, преимущественно коричневого и серого тонов. Все предметы довольно сильно сглажены, для большинства характерна белесая патина.

Более половины находок составляют мелкие отщепы и обломки без ретуши. Пластин значительно меньше (18 экз.), и представлены они преимущественно обломками, обычно с неправильно ограненной спинкой. Имеется несколько микропластин.

Орудий сравнительно немного, не более 15% общего количества находок. Они представлены двумя типами: выемчатыми пластинами и пластинчатыми изделиями с притупленным краем. Выемчатые пластины (2 экз.) представлены обломками. Обе они были сделаны из очень широких (более 2 см) пластин крутой ретушью со спинки, образующей широкие выемки (рис. 17, 14—15). Орудий с притупленным краем 7 экз., пять из них по форме, технике и размерам выделяются в особую типологическую группу (рис. 17, 1—4, 7). Это довольно широкие и толстые пластины с одним срезанным вертикальной ретушью длинным краем. Ретушь обычно встречающаяся, крупными фасетками, отчего срезанный, притупленный край часто имеет неровные очертания. Эти изделия представлены преимущественно обломками, однако можно полагать, что все или почти все они относятся к категории острий с притупленной спинкой или изделий сегментовидной или асимметрично-треугольной формы. Все эти варианты,

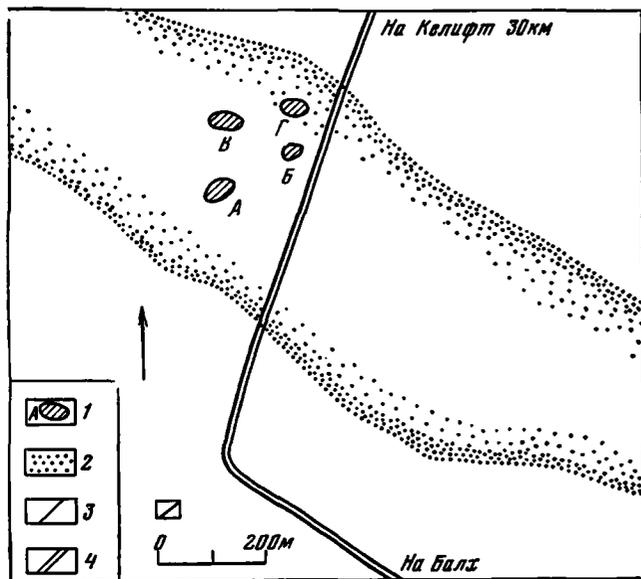

Рис. 16. Схематический план расположения скоплений кремневых находок. Поиск № 67

1 — скопления находок; 2 — песчаные гряды; 3 — развалины сырцово-кирпичной постройки; 4 — автомобильная дорога

учитывая особенно технику и размеры заготовок, свойственны многим мезолитическим памятникам. Аналогичное изделие, как уже указывалось, имеется в материалах пункта 536. Не исключено, что и описанные выше крупные выемчатые пластины хронологически связаны с этими находками.

Несколько иного характера остальные две пластины с притупленным краем. Заготовки для них небольшие, тонкие, ретушь тщательная, аккуратная. Обе они тоже в обломках; у одной ретушь срезан торец (рис. 17, 5).

Никаких других выразительных находок, исключая небольшой односторонний призматический нуклеус (рис. 17, 25), здесь не найдено. Нельзя полностью исключать, что все находки в пункте 67а одновременны и относятся к мезолиту.

Пункт 67б. Здесь найдено 24 кремневых предмета. Среди них два обломка массивных острий с притупленной спинкой того же типа, что найдены в пункте 67а (рис. 17, 6, 11). Из новых сравнительно с пунктом 67а форм имеются скребок на отщепе и обломок пластины типа «с выделенной головкой» (рис. 17, 17). По цвету, оглаженности и характеру патины материал близок находкам в пункте 67а.

Пункт 67в. На скопления собрано около 90 кремневых предметов, на них 12 с ретушью. Среди орудий наиболее интересны пластины с притупленным краем. Кроме известных уже вариантов по материалам пунктов 67а, б

(рис. 17, 8, 10) в коллекции имеется изделие листовидной формы, сделанное из довольно толстого отщепа со срезанной вертикальной встречной ретушью одной стороной (рис. 17, 9). О том, что эта форма не случайна, свидетельствует описанная ранее находка из пункта 536 (см. рис. 11, 3). В коллекции есть также концевой скребок, сделанный из крупной пластины, изделие типа провертки и небольшой нуклеус (рис. 17, 21, 26, 28). Примерно две трети находок на скопления составляют мелкие и средние отщепы и обломки. Ножевидных пластин мало, они, как правило, с неправильной огранкой; есть несколько микропластин.

В целом материал очень близок находкам с двух описанных выше скоплений.

Пункт 67г. Здесь найдено шесть сильно оглаженных кремневых предметов. Среди них обломок крупной выемчатой пластины (рис. 17, 12) и два скребка (рис. 17, 19—20). По материалу они близки найденным в других пунктах поиска № 67.

Поиск № 68 проведен по краям гряды высоких голых песков, которую пересекает дорога Келифт — Балх. Это вторая гряда, если двигаться от Келифта (в 33 км от него и в 3 км далее по дороге от первой гряды, поиск № 67).

Условия расположения находок аналогичны описанному выше. Собрано около 50 кремневых предметов. В отличие от предыдущей песчаной гряды здесь не найдено заметных скоплений кремневого материала. Кремни были рассеяны на довольно значительной площади — до 300 м в поперечнике.

Кремень разноцветный, аналогичный найденному в пунктах поиска № 67. Он оглажен и патинизирован, может быть, даже в более сильной степени, чем материал предыдущего поиска.

Среди находок преобладают небольшие обломки и отщепы, несколько меньше ножевидных пластин; среди которых наряду с сечениями крупных пластин имеются и микропластины. Найден небольшой односторонний конический нуклеус со следами снятия пластин (рис. 17, 27) и другой нуклеус, довольно аморфный, небольшого размера, служивший, возможно, для получения небольших отщепов. Среди орудий — две пластинки с краевой ретушью и две с боковыми выемками (рис. 17, 13). Одна из выемчатых пластин была сделана из толстой пластины, имела широкие выемки с обеих сторон. Ретушь и ребра пластины очень сильно оглажены, а затем покрыты патиной.

Наиболее интересной находкой поиска № 68 является обломок изделия геометрической формы, трапеции или треугольника. Он был сделан из широкой пластины и имел значительные размеры — около 3,5 см длиной при высо-

Таблица 1

Типологический состав коллекций псисков 1976 г. из района г. Акча, не вошедших в описание

Тип изделия	Поиск, №							
	401	402	403	404	405	406	408	425
Ножевидные пластины без ретуши	56	26	22	7	3	2	3	21
Отщепы и обломки без ретуши	181	36	60	22	17	9	12	55
Нуклеусы и заготовки для них	2	—	6	—	1	—	—	2
Пластинки с притупленным краем	1	—	—	—	—	—	—	—
Пластинки со скошенным концом	—	—	—	—	1	—	—	—
Обломок острья или изделия сегментовидной формы с притупленным краем	—	—	—	—	—	1	—	—
Пластины с боковыми выемками	13	4	—	4	1	—	—	—
Пластины с краевой ретушью	3	1	3	—	—	—	—	6
Провертки и сверла	2(?)	—	—	—	—	—	—	2
Скребки концевые	—	2	—	—	—	—	—	—
Скребки на отщепах	—	1	—	—	1	—	—	—
Отщепы с краевой ретушью	—	—	—	1	1	1	1	6
Двусторонне обработанный наконечник стрелы	—	—	—	—	1	—	—	—
Всего	258	70	91	34	26	13	16	92

те около 1,5 см. Впоследствии, когда орудие сломалось, оно было подправлено двумя резцовыми сколами и использовалось как резец срединного типа (рис. 17, 18). Следует сказать, что это не единственное орудие, использованное вторично в качестве резца. Подобным же образом были подправлены и использованы пластины с притупленным краем из пунктов 67а (рис. 17, 1) и 67в (рис. 17, 9).

Близкие по форме крупные трапеции симметричной или слегка асимметричной формы также были найдены в ряде пунктов, обследованных САЭ в 1975—1976 гг. (обзорные поиски № 328, 362 и 437, стоянки Тагана 1 и Тагана 4, № 361, 354). Эти предметы единичны и, к сожалению, не связаны со сколько-нибудь выразительными комплексами. Поэтому и хронология их не совсем ясна. Безусловно, они не могут быть сопоставлены с трапециевидными изделиями раннеолитических памятников Средней Азии³³, но в то же время они не похожи на асимметричные трапеции из нижних слоев Гар-и-Камарбанда³⁴. Наиболее вероятной представляется все же их мезолитический возраст.

Разведки 1976 г. Маршрут севернее Акчи. Материалы.

Как уже указывалось выше, в результате работ 1976 г. в районе Акчи поисками была частично охвачена южная часть массива, обследованного в 1969 г.

Ниже приводится описание материалов обзорных поисков (№ 401—413, 418, 423—429, 434), пунктов (№ 410а, 424а—б, 427а—б) и стоянок Челик-и-Коль 1—4 (№ 414—417), Сафарвал 1—4 (№ 419—422), Сайедабад 1—4 (№ 430—433).

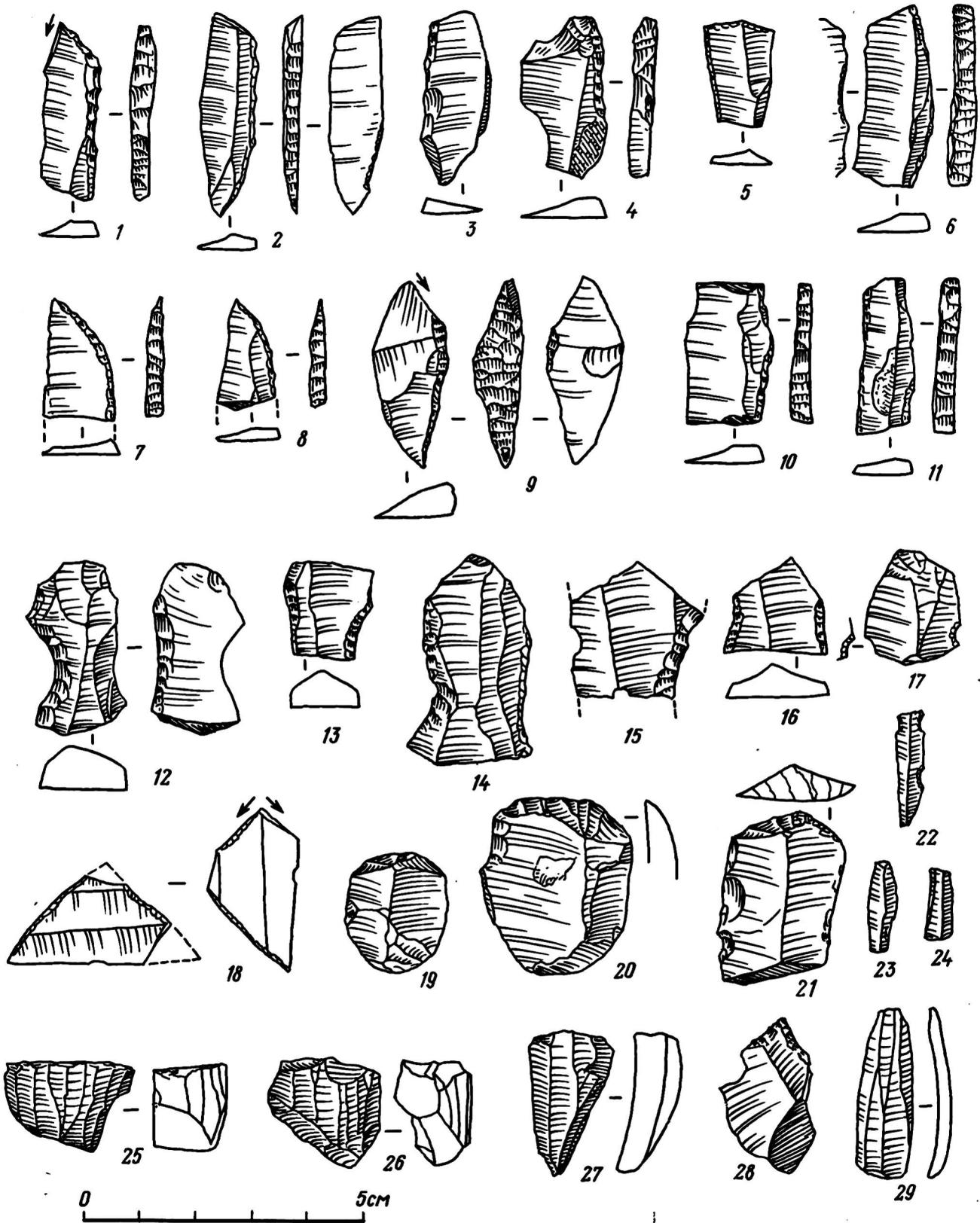
Первые шесть обзорных поисков проведены по южному краю песков, на участке между дорогой Акча — Келифт на востоке до сел. Челик-и-Ялдаш на западе. Собранные здесь единичные находки не образуют значительных по объему и выразительных коллекций. О их составе можно судить по табл. 1.

Как видно по таблице, наиболее распространенным типом изделий являются пластины с боковыми выемками. Большая их часть представлена не очень выразительными типологическими обломками. Заметим также, что уже

Рис. 17. Кремневые находки из поисков № 67 и № 68 1—5, 7, 14—16, 25 — поиск № 67а; 6, 11, 17 — поиск № 67б; 8—10, 21—23, 26, 28, 29 — поиск № 67в; 12, 19, 20 — поиск № 67г; 13, 18, 24, 27 — поиск № 68

³³ Подробнее о последних см. с. 54—56.

³⁴ Coon C. Cave exploration in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, p. 111, pl. VIII.

в материалах этих поисков довольно явно проявился элемент микролитизма, свойственный в сильной степени инвентарю стоянок этого района (см. подробнее ниже). Это заметно, в частности, по довольно частым находкам мелких и микронуклеусов призматической формы со следами снятия тонких правильно ограниченных пластин (поиски № 401, 403, 405).

Поиск № 407 проведен по южному краю песчаного массива, в 2,5—3 км севернее северной оконечности сел. Челик-и-Ялдаш. В ходе поиска осмотрен край песков на протяжении до 1 км и в глубину (к северу) местами до 0,5 км. Собранный кремневая коллекция насчитывает 71 предмет и состоит из 21 ножевидной пластины, 36 отщепов и обломков (и те и другие без дополнительной обработки)³⁵ и 14 изделий с ретушью. Последние, на фоне бедных и невыразительных находок в этом районе, довольно интересны. Впервые здесь встречены крупные изделия типа с притупленной спинкой: одно орудие целое, почти правильной сегментовидной формы, двухконечное (рис. 18, 1); два других представлены обломками острых концов и относятся, видимо, к изделиям той же формы (рис. 18, 2—3). Целое изделие и крупный обломок темно-коричневого цвета, почти без патины, второй обломок коричневатого-желтого цвета, с плотной патиной.

К категории пластин с боковой выемкой можно отнести семь изделий, преимущественно невыразительных обломков (рис. 18, 5—6). Лишь одна из пластин представляет собой хороший образец изделий с широкими асимметрично расположенными выемками (рис. 18, 4). На треугольном отщепе противоположной некрутой ретушью сделано орудие типа сверла или провертки (рис. 18, 7). Наконец, найдены также три хороших скребка (один концевой, рис. 18, 8—9).

В этом же районе, несколько восточнее поиска № 407, проведен поиск № 408. Среди многочисленных находок (см. табл. 1) — обломок сегмента или острия сегментовидной формы с притупленной спинкой.

Поиск № 409. Севернее (в 2—2,2 км) сел. Челик-и-Ясхан находится песчаный массив — западное ответвление песков, обследованных в ходе поисков № 407 и 408. В северной части массива располагается несколько крупных (до 400—600 м в поперечнике) котловин. Склоны и днища их покрыты густой, зеленой кустарниковой и травянистой растительностью: видимо, в котловинах вскрыты подпочвенные

воды. Днища котловин пересечены в нескольких местах узкими песчаными грядами. Чистые, свободные от растительности участки имеются на склонах и бортах котловин.

В ходе поиска осмотрены борта и краевые части двух южных котловин (их пересекает караванная тропа, пригодная для движения автомобиля). Кремневые находки — единичные и скоплениями (по 2—4 экз.) — встречены повсеместно, в том числе и на открытых участках краевой части днищ котловин.

Коллекция насчитывает 42 ножевидные пластины без ретуши, 49 обломков и отщепов, 2 нуклеуса и 9 изделий с дополнительной обработкой. Обращают на себя внимание мелкие размеры многих ножевидных пластин: в коллекции 15 микропластин и примерно столько же узких пластин (рис. 19, 4—7). Характерна в большинстве случаев правильная огранка. Расцветка пластин очень пестрая: от темно-коричневой до белой, хотя в основе лежит единый материал — темно-коричневый кремний.

Оба нуклеуса предназначены для снятия тонких правильных пластинок: один призматической формы с круговой огранкой, другой (обломок) плитчатый, торцового типа. Оба маленькие.

Набор изделий с ретушью довольно случаен и невыразителен: четыре скребка на отщепе, три пластинки с краевой ретушью, обломок пластины с притупленным краем и фрагмент пластины со скошенным концом (рис. 19, 1—3).

Поиск № 410 проведен в 3,5—4 км севернее и северо-северо-западнее селения Челик-и-Ясхан, среди серых заросших песков, расчлененных серией крупных (от 100 до 500 м в поперечнике) котловин. Единичные находки кремневых предметов распространены повсеместно на редких «пятачках» свободных от растительности плотных песчано-гравийных поверхностей и разрушающихся такыров.

В коллекции, состоящей из единичных находок, 188 предметов, в том числе 45 обломков ножевидных пластин и 126 отщепов и обломков без ретуши, нуклеус (небольшой, призматический, со скошенным основанием) и 16 изделий с дополнительной обработкой. Среди находок первой группы 8 микропластин и 16 обломков узких (уже 1 см) пластин. По цвету поверхностей материал очень пестрый.

Изделия с ретушью можно классифицировать следующим образом: а) ножевидные пластины с краевой ретушью по одной или обеим сторонам (4 экз.). Ретушь во всех случаях довольно крутая, скребкового типа. Микропластин в этой группе нет (рис. 19, 14); б) обломки пластин с притупленным краем (5 экз.). Два изделия имеют скошенные концы, одно

³⁵ Здесь и ниже в статистических подсчетах учтены все находки, собранные в процессе обзорных поисков. После обработки некоторая часть маловыразительных обломков и отщепов (от 1/10 до 3/4) исключалась из коллекций, подготовленных для сдачи в Кабульский музей.

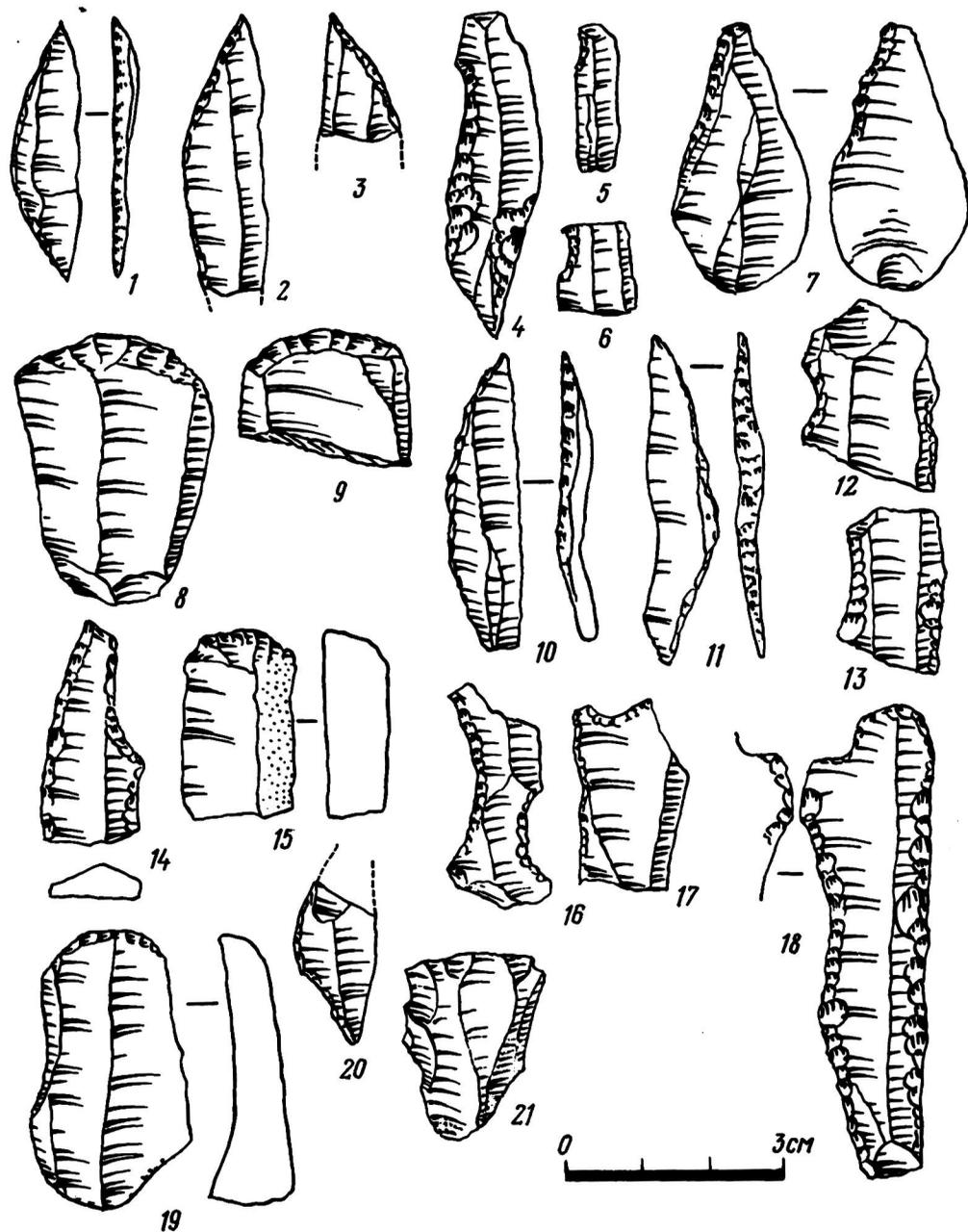

Рис. 18. Кремневые находки из района севернее г. Акти
1—9 — поиск № 407; 10 — поиск № 410; 11—15 — поиск
№ 426; 16—21 — поиск № 427

представляет собой треугольное острие (обломки). Четыре экземпляра сделаны из узких пластин (рис. 19, 8—11); в) микропластины с тонкой подправкой по краям — 2 экз. (рис. 19, 12); г) обломки пластин с краевыми выемками (3 экз.). Микропластин в этой группе нет (рис. 19, 13); д) сегментовидное острие с притупленной спинкой. Изделие покрыто желтовато-коричневой патиной (рис. 19, 10). Изделие это аналогично находкам из описанного выше поиска № 407.

Неясно назначение еще одного изделия. Оно напоминает в плане и по технике обработки стержневидное сверло, однако имеет массив-

ный тупой («нуклеидный») конец (рис. 19, 15).

Можно полагать, что материал поиска разновозрастный и что если острие (так же как и группа близких типологически орудий поиска № 407) может быть безусловно сопоставлено с соответствующими изделиями мезолитического времени, обнаруженными в 1975 г., то основная масса материалов с преобладанием микролитических изделий аналогична находкам из других поисков этого района.

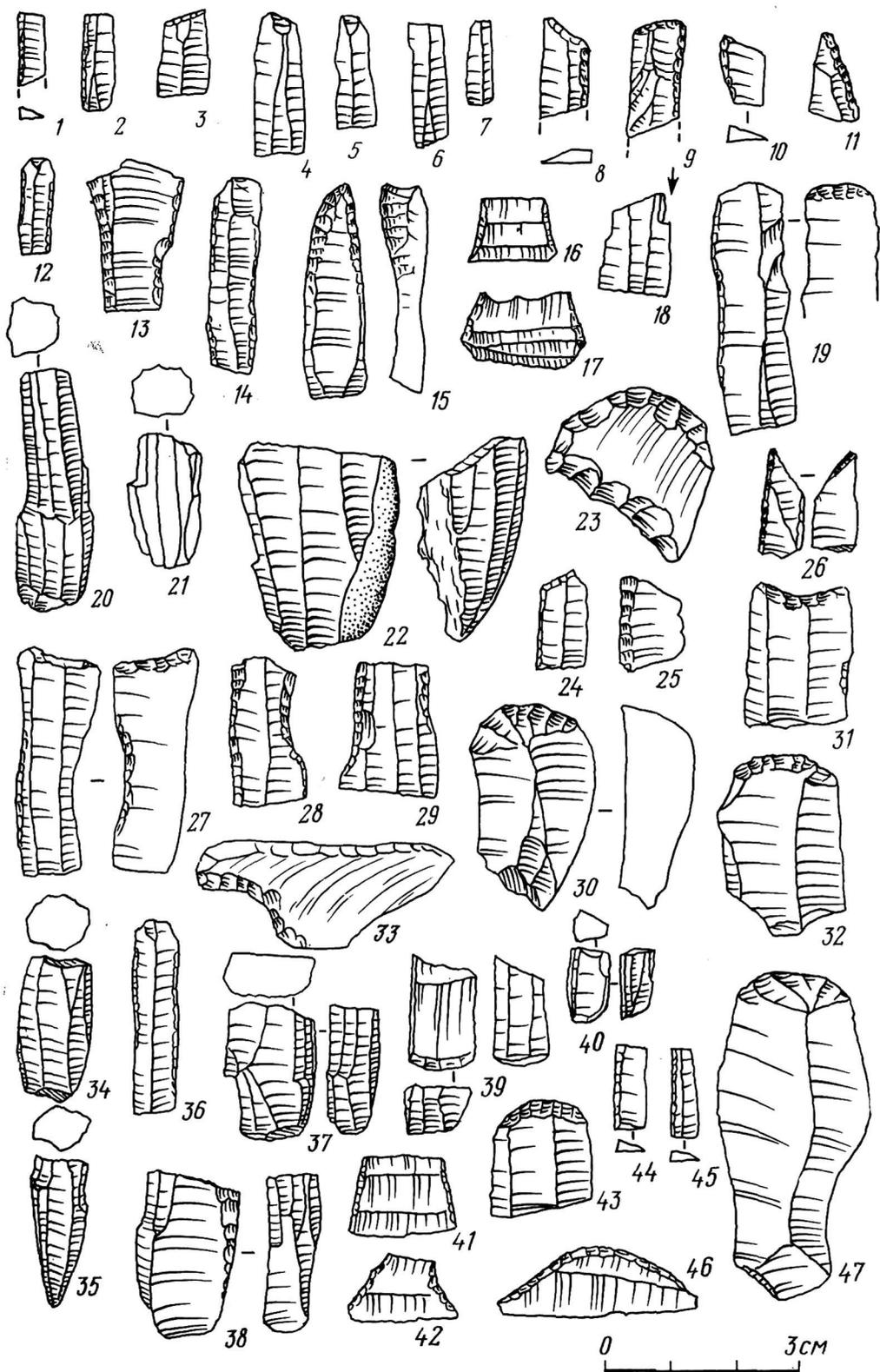

Рис. 19. Кремневые находки из района севернее г. Акчи
 1—7 — поиск № 409; 8—15 — поиск № 410; 16—23 — поиск № 411; 24—36 — поиск № 412; 37—47 — поиск № 413

К ним относятся и находки из нескольких смежных котловин, названные нами условно как пункт 410а. Из собранных там 37 ножевидных пластин 21 является микропластинами и 13 узкими пластинами (уже 1 см). Одна из микропластин имеет тонкую ретушь со спинки по одному краю, аналогичным образом обработан по обеим сторонам обломок более широкой пластины. Здесь же найдено 18 мелких отщепов и чешуек.

Поиск № 411. В 6—6,5 км севернее (точнее, северо-северо-западнее, примерно 340—345°) сел. Челик-и-Коль от основного песчаного массива неправильным клином выдается к юго-западу полоса заросших песков, заканчивающаяся несколькими массивчиками высоких незакрепленных грядовых песков. В этом районе проведены обзорные поиски № 411—417. *Поиск № 411* проведен в юго-восточной части массива, среди низких заросших песков, которые местами прерываются небольшими участками разрушающихся такыров и плотных коричневатых песчаных поверхностей. Находки на этих участках встречаются повсеместно, местами концентрируясь по 3—5 экз.

Здесь найдены 23 сечения ножевидных пластин и 56 отщепов и обломков без ретуши, 7 нуклеусов (целых и в обломках) и 10 изделий с дополнительной обработкой. Микропластин в коллекции нет, но преобладают узкие (уже 1 см) пластины (14 экз.) Широких пластин — 4 экз.

Почти все находки патинизированы. Патина в основном неплотная, пятнистая. Из целых нуклеусов — два тонких призматических, со следами снятия узких и микропластин по всей окружности (рис. 19, 20—21), один клиновидный в вертикальном сечении, одно-сторонний со следами снятия правильно ограниченных пластин (рис. 19, 22). Остальные являются обломками изделий призматических типов.

Ретушированные орудия представлены тремя скребками на отщепах (рис. 19, 23), двумя пластинами (обломки) с крутой скребковой ретушью по сторонам, пластиной с одним концом, обработанным ретушью (рис. 19, 19), обломком сверла стержневидного типа, одной (двумя?) трапецией (рис. 19, 16—17) и пластинкой с резцовым (?) сколом на углу (рис. 19, 18). Одна из трапеций тонкая маленькая симметричная, со слегка вогнутыми боковыми сторонами (рис. 19, 16); другая — из более массивной пластины, обработана ретушью только по одной боковой стороне. Верхнее основание выщерблено недавно (обломана белая патина, покрывающая все орудие, обнажен темно-коричневый излом кремня — исходного материала).

Поиск № 412 проведен в восточной части песчаного массивчика, в 6,5—7 км северо-северо-западнее сел. Челик-и-Коль, среди низких заросших песков. Местами здесь имеются довольно большие дефляционные котловины (до 50—60 м в поперечнике), также заросшие травой и мелким кустарником. На небольших открытых участках отсортированного ветром песка собрано разрозненно довольно много изделий из кремня.

Среди них 72 обломка ножевидных пластин (широких — 10 экз., микропластин нет), 105 отщепов и обломков, четыре нуклеуса (два целых, два обломка) и 24 орудия с ретушью. Кремень очень пестрый по цвету патины. Совсем непатинизированных изделий мало. Значителен процент находок с плотной рыжевато-желтой патиной.

Два целых нуклеуса, из которых один призматический, другой конический, пулевидный, миниатюрные со следами снятия мелких пластин по всей окружности (рис. 19, 34—35).

Наиболее значительную группу (10 экз.) составляют различные выемчатые формы на пластинах. Половина их — мелкие обломки неопределенных типов, в основном, видимо, с мелковыемчатым и неправильно-зубчатым краем. Другие пять — обломки характерных в основном для неолита пластин с широкими мелкими асимметричными выемками по обеим сторонам (рис. 19, 27—29). Две пластинки имеют тонкую укрепляющую ретушь по обеим сторонам по спинке (рис. 19, 36). Четыре других (обломки) относятся к типу пластин с притупленным краем, из которых одна имеет скошенный конец (рис. 19, 24), а одна является обломком остроконечной разновидности пластин подобного рода (рис. 19, 26), хорошо известных в пустынном неолите Средней Азии. Со среднеазиатскими аналогиями ее сближает противоположная ретушь. У одной пластины на торце имеется выемка крутой ретушью (рис. 19, 31).

Скребки на отщепах представлены пятью изделиями (рис. 19, 30), три из них покрыты плотной рыжевато-желтой патиной. Два отщепа обработаны краевой крутой ретушью, образующей выемки (рис. 19, 33).

Находки поиска № 412, вероятно, разновременны, но нельзя не заметить, что наиболее существенную и многочисленную часть орудий составляют типы, характерные более для неолита, чем для мезолита (выемчатые пластины с асимметрично расположенными выемками, пластины с притупленным краем определенных разновидностей, нуклеусы для мелких пластин и др.). Вместе с тем отсутствуют типично мезолитические формы, известные по другим стоянкам Северного Афганистана.

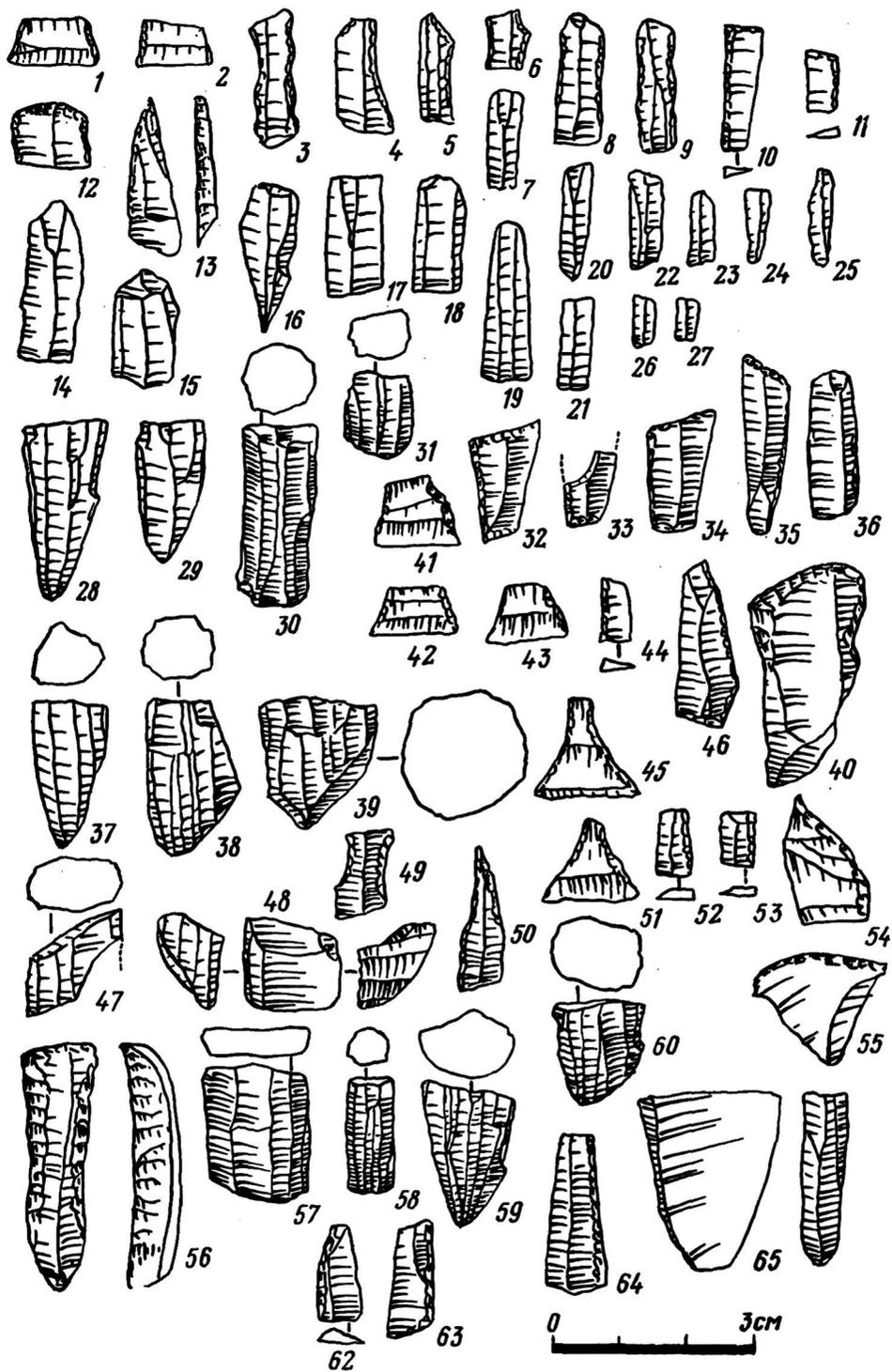

Рис. 20. Кремневые находки из района севернее г. Акчи
 1—31 — стоянка Челик-и-Коль 1 (№ 414); 32—40 — стоянка
 Челик-и-Коль 2 (№ 415); 41—44 — стоянка Челик-и-Коль
 3 (№ 416); 45, 46 — стоянка Челик-и-Коль 4 (№ 417); 47—
 50 — стоянка Сафарвал 1 (№ 419); 51—61 — стоянка Сафар-
 вал 2 (№ 420); 62—65 — поиск № 427

Поиск № 413. Были осмотрены окрестности нескольких высоких обнаженных песчаных гряд, а также участки между грядами в западной части песчаного массива (в 7—7,5 км северо-северо-западнее сел. Челик-и-Коль). Здесь довольно много полос, свободных от растительности, разрушающихся такыров и уплотненных песчано-гравийных поверхностей (отсортированный ветром поверхностный слой песка). Найдены четыре небольшие стоянки (Челик-и-Коль 1—4, № 414—417), а разрозненные находки объединены как обзорный поиск № 413. Материала очень много и при более детальных поисках число находок могло бы быть увеличено. Собрано всего 216 кремневых изделий; среди них 68 сечений ножевидных пластин (8 микропластин, 38 узких, менее 1 см шириной, 5 широких) и 107 отщепов и обломков без ретуши (в основном очень мелких), 13 нуклеусов, обломков и сколов с них 18 изделий, обработанных техникой ретуши. Почти все находки имеют патину, но не очень плотную.

Изделия с ретушью не очень разнообразны, но интересны наличием орудий геометрических форм.

Пластинок с краевой ретушью всего 11, в том числе четыре невыразительных обломка с выемчатыми краями, одна пластинка с ретушью по прямому краю, два обломка микропластин с притупленным краем (рис. 19, 44—45) и четыре обломка типологически неясного облика с частичной ретушью. Одно орудие было, возможно, сверлом или разверткой.

Скребки представлены четырьмя изделиями. Два из них — небольшие концевые скребки (рис. 19, 32), родственные по характеру патины основной массе орудий. Третье — длинный скребок на неправильно ограниченной массивной пластине, покрыт плотной рыжеватожелтой патиной. И типологически, и по характеру патины он близок скребкам из поиска № 412.

Изделия геометрических форм представлены двумя маленькими трапециями и довольно крупным изделием сегментовидной или треугольной формы. Одна трапеция высокая, симметричная, другая меньших размеров, асимметричная с одним выемчатым краем (рис. 19, 41—42).

Сегмент довольно высокий, симметричный, обработан крутой ретушью (рис. 19, 46). По технике он напоминает мезолитические остря с некоторых стоянок Северного Афганистана (материалы разведок 1975 г. стоянки Задан 7, Ничка 5, Тагана 5), но отличается от них пропорциями. Впрочем, на некоторых разветвленных мезолитических стоянках имеются изделия, очень близкие по пропорциям (Тагана 5). Это

изделие совершенно аналогично орудью, найденному в поиске № 407 (см. рис. 18, 1).

Обнаружено пять целых нуклеусов, все они маленькие, а один особенно миниатюрен (1,1 × 0,5 см). Четыре из них — уплощенные, торцового типа, по форме призматические — служили для снятия очень тонких, правильно ограниченных пластин и микропластинок (рис. 19, 37—39). Пятый односторонний, клиновидный в вертикальном сечении, также небольшого размера. По обломкам можно судить, что все остальные нуклеусы также были маленькими и по крайней мере четыре из них имели призматическую или коническую форму и с них снимали мелкие пластины.

№ 414. Стоянка Челик-и-Коль 1. Стоянка найдена в песках, в 7 км северо-северо-западнее сел. Челик-и-Коль, на том участке, где был проведен обзорный поиск № 413 (см. выше). Материал располагался компактным скоплением на серой плотной песчано-гравийной поверхности между двумя оголенными песчаными грядами, на участке площадью не более 20 × 25 м. Собранная на стоянке коллекция насчитывает 540 предметов.

1. Ножевидные пластины без ретуши (163 экз.) представлены в основном короткими сечениями (рис. 20, 14—27). Они демонстрируют высокую степень микролитизма: сечений шириной более 1 см только 6 экз., микропластинки составляют более $\frac{1}{3}$ коллекции (59 экз.). Они довольно однотонны по расцветке: светло-серых и светло-коричневых тонов (слабая, неплотная патина), с редкими отклонениями.

2. Отщепы и обломки без ретуши (337 экз.) преимущественно очень мелких размеров и аналогичной с пластинами расцветки.

3. Нуклеусов и их обломков — 9 экз. Целых нуклеусов 6, все они крайне малых размеров и имеют следы снятия правильных тонких и очень узких пластин. Один нуклеус призматический с круговой огранкой (рис. 20, 30), два других конической формы, также с круговой огранкой (рис. 20, 28—29), два призматические уплощенные, торцового типа и последний односторонний, конической формы. Обломки (3 экз.) также указывают на миниатюрность и правильность пластинчатых снятий.

4. Изделия с дополнительной обработкой — 31 экз. Почти все они изготовлены из узких пластин и микропластин:

а) обломки пластин, ретушированные по одной или обеим сторонам и показывающие слабую выемчатость или мелкозубчатость по краю — 15 экз. (рис. 20, 3—6). Двенадцать орудий изготовлены из очень узких пластин. Ретушь очень тонкая и прослеживается в ряде случаев с трудом, так как «съедена» патиной. Эта особенность присуща и орудиям других

категорий. Существенных типологических разграничений между описываемыми изделиями и орудиями следующей группы нет;

б) пластинки с тонкой ретушью, формирующей прямые рабочие края (9 экз.). Все сделаны из очень узких пластин, представлены обломками (рис. 20, 8—9);

в) пластины с притупленным краем (2 экз.). У обеих ретушью прямо срезан один торец, обе сделаны из микропластин (рис. 20, 10—11).

г) проколка-проверка (1 экз.). Сделана из отщепя, имеет форму высокого треугольника, слегка искривлена к концу. Ретушь почти вертикальная (рис. 20, 13);

д) концевой скребок (1 экз.). Сделан на коротком сечении неширокой (1,1 см) ножевидной пластины, обработан по боковым сторонам (рис. 20, 12);

е) изделия трапецевидной формы (2 экз.) (?). Одна (целая) трапеция очень миниатюрная, почти симметричной формы (рис. 20, 1). Другая, еще меньших размеров, представлена обломком (ретушь только по одной боковой стороне, рис. 20, 2).

№ 415. Стоянка Челик-и-Коль 2. Обнаружена в песках, в 7 км северо-северо-западнее сел. Челик-и-Коль, у восточного края системы коротких меридионально вытянутых оголенных песчаных гряд, охваченных поиском № 413 (см. выше). Находки собраны на гравийно-песчаной поверхности на двух участках, разделенных языком серого навейного песка. Площадь распространения находок достигает 60 м в поперечнике.

Собранная здесь коллекция по внешнему виду находок довольно однородна: преобладают предметы слабо патинизированные светло-серых и светло-коричневых тонов. Всего на стоянке найдено 215 кремней.

1. Ножевидные пластины без ретуши (85 экз.). Две пластины можно отнести к разряду широких, семь — шире одного сантиметра, остальные очень узкие (в том числе 16 микропластин). Почти все представлены обломками.

2. Отщепы и обломки без ретуши (111 экз.). Преимущественно очень мелких размеров.

3. Нуклеусы и обломки нуклеусов (8 экз.). Некоторые из нуклеусов представлены обломками, но форма определяется для всех: один — конический с круговой огранкой (рис. 20, 37), два — призматические с круговой огранкой, два — призматические односторонние и три — широкие, призматические, подтреугольных очертаний в вертикальном сечении (рис. 20, 39). Все нуклеусы характеризуются очень небольшими размерами.

4. Изделия с дополнительной обработкой (11 экз.). Среди них выделяются изделия неправильно-геометрической формы, которые

Таблица 2

Стоянка Челик-и-Коль (№ 416). Типологический состав коллекции

№ п/п	Тип изделий	Скопления	
		I	II
1	Ножевидные пластины без ретуши	34	30
	в том числе широкие	4	--
	микропластины	7	5
2	Отщепы обломки без ретуши	44	29
3	Пластины с притупленным краем	1	—
4	Пластины с краевой ретушью	2	2
5	Пластины с мелковыемчатым краем	1	—
6	Мелкие трапеции	1(?)	1(+1?)
Всего		83	63

можно рассматривать и как усложненные варианты пластин с притупленным краем, и как изделия геометрической формы. Три из них имеют форму неправильных ромбов (рис. 20, 32—34), одно — треугольную форму. Ромбовидные изделия, на мой взгляд, ближе всего к некоторым пластинам с притупленным краем, характерным для многих стоянок пустынного неолита Средней Азии, хотя в отличие от последних они характеризуются некоторым своеобразием. Остальные орудия не столь примечательны. Это три скребка на обломках неправильно ограненных широких пластин (рис. 20, 40) и четыре узкие пластины с тонкой краевой ретушью.

№ 416. Стоянка Челик-и-Коль 3. Обнаружена в песках, в 1 км северо-северо-западнее сел. Челик-и-Коль, у юго-восточной окраины системы песчаных гряд, охваченных поиском № 413 (см. выше). Материал располагался на уплотненной отсортированной песчано-гравийной поверхности двумя скоплениями, разделенными узкой песчаной перемычкой. Собранный здесь кремневый материал (146 экз., табл. 2) характеризуется слабой патинизированностью и светлыми сероватыми и коричневыми поверхностями.

По составу и характеру патины коллекции обоих скоплений очень похожи друг на друга и являются, видимо, частями одного комплекса. Характерная его особенность — высокая степень микролитизации и наличие мелких симметричных трапеций (1 экз. — целый и 2 — видимо, обломки трапеций; рис. 20, 41—43).

№ 417. *Стоянка Челик-и-Коль 4.* Находится в песках, в 7,5 км северо-северо-восточнее сел. Челик-и-Коль. Материал собран на уплотненной песчаю-гравийной поверхности на участке с поперечником около 30 м. Коллекция (всего 70 экз.) содержит 23 ножевидных пластины (широких — 2 экз.; микропластин — 3 экз.), 42 в основном мелких отщепов и обломков и 5 изделий с ретушью. Особого внимания заслуживает узкая высокая трапеция с сильно вогнутыми боковыми сторонами (рис. 20, 45). Изделие такого рода в Северном Афганистане встречено впервые. Не характерны они и для мезолита-неолита Средней Азии. Кроме трапеции, найден обломок пластины с притупленным краем неправильной многоугольной формы (рис. 20, 46), две пластинки с тонкой краевой ретушью и одна с нерегулярно выемчатым краем. По характеру заготовок, цвету патины и составу орудий эта коллекция близка находкам со стоянок Челик-и-Коль 1—3.

Поиск № 418. Был проведен в островном песчаном массиве, находящемся в 1,8 км севернее сел. Сафарвал Авал. Массив небольшой, вытянутый в широтном направлении на 1,5—2 км. В центральной его части располагается система оголенных высоких песчаных гряд протяженностью с севера на юг до 300—400 м. Находки встречались повсеместно по периферии незакрепленных песков и в примыкающих к ним с востока и запада более низких заросших песках. Здесь же найдено несколько небольших разветвленных стоянок (стоянки Сафарвал 1—4, № 419—422).

В ходе поиска собрана коллекция изделий из кремня, насчитывающая 284 экз. Ножевидных пластин без ретуши найдено 83 экз. Для них характерна довольно значительная микролитовидность: широких пластин только девять, а микропластин 14 экз. Преобладают предметы с белесой и почти белой легкой патиной, изредка встречаются непатизированные обломки темно-коричневого цвета. В коллекции 166 отщепов и обломков, в основном небольших.

Нуклеусы представлены довольно хорошо: девять целых, две заготовки, скол «оживления» и продольный скол. Целые нуклеусы классифицируются следующим образом: призматические с круговой огранкой — два; торцового типа — четыре (три из них клиновидные в горизонтальном сечении), односторонние конической (1 экз.) и призматической (2 экз.) формы — три (рис. 21, 21—25). Все нуклеусы очень маленькие и имеют следы снятия узких, коротких, правильно огранных пластинок.

Изделий с ретушью 22 экз. Наиболее интересна серия орудий трапецевидной формы (4 экз.). Три симметричные трапеции показывают варианты по величине: от миниатюрной

(1,1 × 0,7 см) до довольно крупной высокой трапеции (рис. 21, 9—11). Самая интересная последняя трапеция: длинная, сделанная из довольно толстой пластины с хорошо выраженной широкой выемкой на верхнем основании (рис. 21, 12). Размеры изделий 2,8 × 1,1 см.

В коллекции также два концевых скребка (рис. 21, 13—14), два сверла (одно обломано), шесть обломков ножевидных пластин с фрагментированными выемками различных форм (рис. 21, 15, 18—20), пластина со скошенным концом (рис. 21, 16). Остальные изделия (8 экз.) представлены либо обломками пластин с краевой ретушью по прямому краю, либо фрагментами неясных типологически изделий.

№ 419. *Стоянка Сафарвал 1.* В ходе осмотра (поиск № 418, см. выше) островного песчаного массива в 1,8 км севернее сел. Сафарвал Авал было найдено несколько небольших разветвленных стоянок. Они располагались цепочкой вдоль северного края песков в их западной части, на слабозаросшей поверхности разрушающихся такыров и плотного отсортированного ветром песка. Три стоянки располагались с востока на запад цепочкой (стоянки Сафарвал 1—3, № 419—421), четвертая (Сафарвал 4) найдена севернее стоянки Сафарвал 2, уже на склоне низкой заросшей песчаной гряды.

Материал стоянки Сафарвал 1 собран на разрушающейся такырной поверхности, коегде «запесоченной», между низкими «застругами», на площади до 30—35 м в поперечнике. Коллекция насчитывает 220 кремневых находок и состоит из 53 ножевидных пластин, 155 отщепов и обломков, 6 предметов, связанных с расщеплением кремня (нуклеусы, сколы, обломки) и 6 орудий с ретушью. Материал имеет хорошо выраженный микролитовидный характер: отщепы преимущественно мелкие, среди пластин преобладают узкие снятия (широких пластин — 3 экз., от 1,5 до 1,0 см — 4 экз., остальные уже 1 см, в том числе 13 микропластин).

Нуклеусы представлены обломками различной величины. По ним можно реконструировать призматические (или конической формы) экземпляры с круговой огранкой или односторонние со следами снятия мелких и узких правильных пластин (рис. 20, 47). Среди находок обломок маленького двуплощадочного нуклеуса: сколы производились с двух противоположных сторон под углом в 90° друг к другу (рис. 20, 48).

Изделия с ретушью не очень выразительны. Из шести находок пять — обломки пластинок с различного рода фрагментами небольших выемок по краям (рис. 20, 49). Шестое орудие — проколка с тонким длинным слегка изогнутым подтреугольным концом. Ретушь по обоим сторонам со спинки (рис. 20, 50).

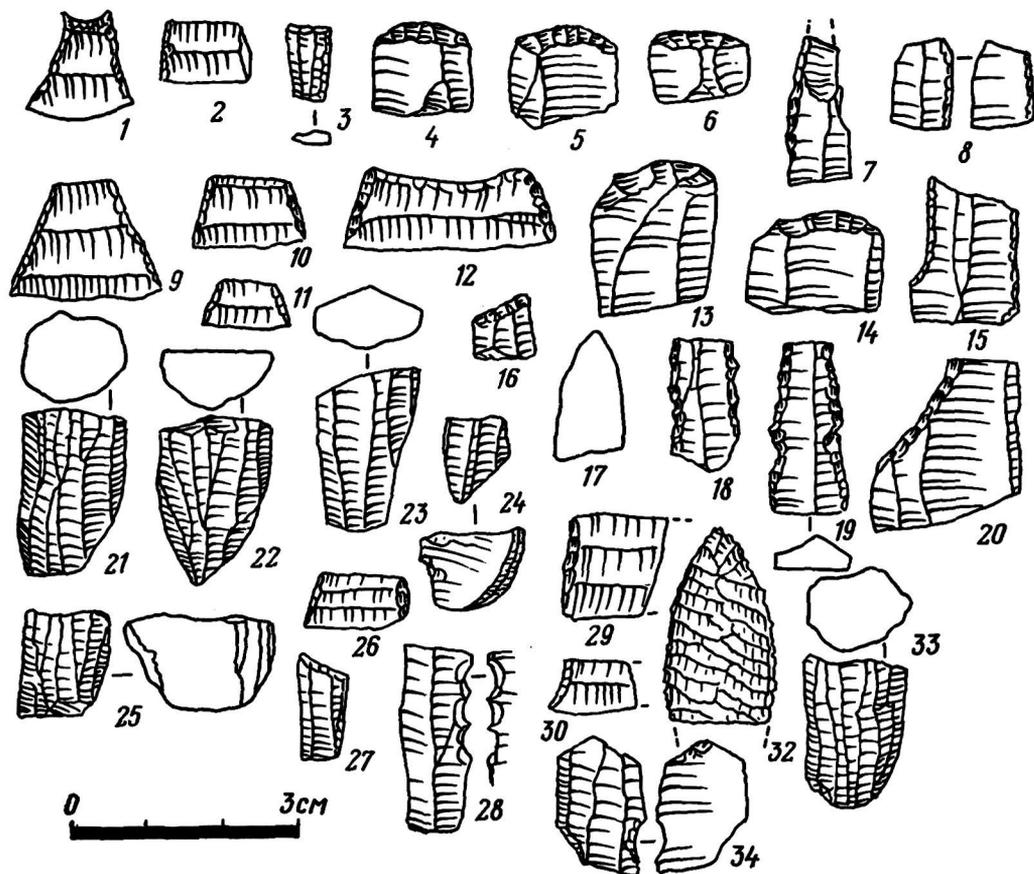

Рис. 21. Кремневые находки из района севернее г. Акчи
1—8 — стоянка Сафарвал 3 (№ 421); 9—25 — поиск № 418;
26—28 — поиск № 423; 29—34 — поиск № 424

№ 420. *Стоянка Сафарвал 2.* Находится у северного края островного массива песков, в 1,8 км севернее сел. Сафарвал Авал, в 50 м западнее стоянки Сафарвал 1 (№ 419, см. выше). Материал собран на участке 30 × 20 м на такырной и песчаной дефлируемой поверхности. Коллекция невелика по объему — 233 кремневых предмета.

1. Ножевидные пластины без ретуши (63 экз.). Широких пластин — 4 экз., микропластин — 15 экз. Большую часть остальных пластин составляют узкие (уже 1 см) снятия. Основная часть пластин представлена короткими сечениями. Патина на изделиях ровная, однообразная, светло-серая, иногда почти белая.

2. Отщепы и обломки (142 экз.). Преимущественно мелкие.

3. Нуклеусы, обломки, заготовки (17 экз.). Целых или почти целых нуклеусов — 9 экз. Из них три призматической формы (два одно-сторонние, один с круговой огранкой (рис. 20,

57—58), два конической формы с круговой огранкой (рис. 20, 60), один уплощенный (рис. 20, 59), плитчатый, торцового типа (рис. 20, 61) и, наконец, три нуклеуса менее определенной формы, призматические в основе, но клиновидные или грубо-конические в нижней части. Все нуклеусы небольшие, есть совсем миниатюрные. Найдено также пять заготовок в разной степени подготовленности, два скола «оживления» и продольный скол.

4. Изделия с ретушью (11 экз.). Наиболее примечательна среди них небольшая высокая симметричная трапеция с вогнутыми боковыми сторонами (рис. 20, 51), близкая по форме и пропорциям изделию со стоянки Челик-и-Коль 4 (№ 417). Есть также пять обломков узких пластин: два — типа с притупленной спинкой (рис. 20, 52—53) и три — с краевой ретушью. Наконец, имеется пять отщепов со скребковой ретушью, все нестандартные, разных размеров.

№ 421. *Стоянка Сафарвал 3.* Находится на северном крае островного песчаного массива, в 1,9 км севернее сел. Сафарвал Авал и в 50 м западнее стоянки Сафарвал 2 (№ 420). Находки располагались на поверхности дефлируемого такыра, на участке площадью примерно 20 × 20 м.

Коллекция очень невелика (всего 69 кремневых предметов) и состоит из 21 обломка ножевидных пластин (широких нет, две — микропластины), 44 отщепов и обломков (в основном мелких), одного нуклеуса (маленький односторонний конической формы) и 13 изделий с дополнительной обработкой. Из последних наиболее интересны трапеции (рис. 21, 1—2), вернее, одна из них — высокая, небольшого размера, с вогнутыми боковыми сторонами и выемкой в верхнем основании. Другая трапеция (?) обычного типа — мелкая, симметричная, у нее обработана ретушью только одна боковая сторона, другая обломана.

Концевые скребки представлены тремя изделиями небольших размеров (рис. 21, 4—6). Имеется обломок тонкой пластинки с притупленным краем и скошенным концом — изделие типично неолитическое (рис. 21, 3).

Остальные орудия невыразительны: 5 коротких обломков пластин с краевой ретушью, образующей слабовыемчатый край, обломок сверла или провертки (?) и небольшой отщеп с выемчатым краем.

№ 422. Стоянка Сафарвал 4. Находится на северном краю островного песчаного массива, в 1,9 км севернее сел. Сафарвал Авал и в 25—30 м южнее стоянки Сафарвал 2 (№ 420). Находки располагались на плотной песчано-гравийной поверхности на участке примерно 20 × 10 м. Коллекция содержит 103 кремневых предмета.

1. Ножевидные пластины без ретуши (53 экз.). Широких пластин нет, шире одного сантиметра — 4 пластины, остальные узкие, в том числе 19 микропластин; представлены сечениями. Цвет патины однородный — светло-серый и белый, патина тонкая.

2. Отщепы и обломки без ретуши (42 экз.), в основном очень мелкие.

3. Изделия с ретушью (8 экз.). Половина их — обломки пластинок с тонкой ретушью по прямому краю. Найдены также обломок выемчатой пластины, пластинка с притупленным краем, обломок тонкой треугольной проколки (аналогична найденной на стоянке Сафарвал 1), фрагмент сверла или провертки на пластине, подтреугольной формы с крутой противоположающей ретушью и обломок нуклеуса (конической формы?).

Поиск № 423. Проведен в песчаном массиве, примыкающем с северо-запада к западной части селения Сафарвал Авал. Пески невысокие, грядово-бугристые, в центральной части массива оголенные, по периферии заросшие, слаборасчлененные. Поиском охвачены как внутренняя часть массива, так и его краевые части. Находки немногочисленны: 12 обломков ножевидных пластин, 18 отщепов и обломков,

5 орудий с дополнительной обработкой. Половина находок имеют неплотную светлую патину, остальные сохранили натуральный темно-коричневый цвет исходного материала. Имеются случаи поздней вторичной обработки уже патинизированных снятий.

Из орудий примечательны маленькая симметричная трапеция (рис. 21, 26) и обломок пластинки с притупленным краем и скошенным концом (рис. 21, 27). Остальные: пластина с пильчатым краем (рис. 21, 28), пластина с выемками и отщеп с краевой ретушью. И среди неретушированных пластин, и среди орудий много мелких узких пластин.

Поиск № 424. Проведен в песчаном островном массиве, в 5 км северо-западнее сел. Сафарвал Авал и в 8 км северо-восточнее сел. Сайедабад. Массив довольно крупный, он вытянут с юго-востока на северо-запад на 2,5—3 км. Ядро его составляют ряды меридионально вытянутых оголенных песчаных гряд, которые окружены низкими заросшими песками. В ходе поиска осмотрена большая часть массива. Кремневые находки немногочисленны. В коллекции 69 предметов, в том числе 25 обломков ножевидных пластин, 35 отщепов и обломков, 5 нуклеусов, заготовок и сколов и 4 изделия с ретушью.

Коллекция очень пестрая по цвету патины: в ней в равной мере представлены темно-коричневые предметы, без патины, а также изделия с легкой белесой и плотной коричневатой-рыжей патиной. Среди пластин имеются как широкие, так и узкие, в том числе и микропластины (3 экз.). Три нуклеуса небольших размеров, аналогичные нуклеусам со стоянок и поисков этого района (см. материалы стоянок Челик-и-Коль 1,2, Сафарвал 2 и др.). Два из них конические, торцового типа, третий — аналогичный по форме, но с круговой огранкой (рис. 21, 33). Четвертый, представленный массивным сколом оживления, принадлежал довольно крупному (ширина ударной площадки 3 см) призматическому или коническому одностороннему нуклеусу.

Ретушированные изделия представлены двумя короткими пластинами со скошенным ретушью концом (возможно, обломками трапеций; рис. 21, 29—30), обломком неясного типологически изделия из пластины (рис. 21, 34) и фрагментом (верхней частью) листовидного наконечника стрелы, отделанного тщательной струйчатой ретушью (рис. 21, 32). Наконечник и одна из пластин со скошенным концом (широкая) не патинизированы.

В пределах обзорного поиска № 424 выделены два пункта: 424а и 424б.

Пункт 424а. В северной части песчаного массива на полосе уплотненного темно-корич-

невого отсортированного ветром песка на участке примерно 10×20 м найдено несколько кремневых изделий, два из которых заслуживают особого упоминания. Это типичные раннеэолитические прямоугольники, выделенные впервые в североафганских материалах САЭ 1975 г. (см., например, стоянки Задан 2, 3, 6; рис. 5). Изделия аналогичны по размерам и всем деталям техники обработки, включая легкую подтеску торцов с бруска (рис. 5, 45—46). Любопытно, что эти два изделия выделяются и внешним видом — они имеют плотную светлую желтовато-рыжую патину (такую же как и изделия с вышеупомянутых стоянок).

Остальные, найденные здесь кремни — несколько обломков пластин и отщепов без ретуши — невыразительны. Они имеют неплотную белую патину, свойственную неолитическим изделиям этого района песков.

Пункт 424б. Находки собраны в 150 м восточнее пункта 424а на поверхности коричневатого уплотненного песка на участке примерно 15×20 м.

В коллекции 80 кремневых находок, в том числе 21 ножевидная пластина, 38 отщепов и обломков, 5 нуклеусов и обломков нуклеусов и 16 изделий с дополнительной обработкой. Пластины представлены короткими обломками снятий среднего размера. Для половины характерна ровная белая и кремевая патина, остальные имеют пятнистую и крапчатую патину. Отщепы в основном мелких, изредка средних размеров.

В коллекции четыре нуклеуса и одна заготовка для нуклеуса. Они довольно разнотипны (рис. 5, 55, 57—58). Два из них миниатюрные (один призматический с круговой огранкой, другой имел первоначально форму конического одностороннего изделия), служили для снятия тонких правильных узких пластин и микропластин. Они оба имеют светло-желтую и светло-серую патину. Два другие нуклеуса более массивны. Один, клиновидный в поперечном сечении, имеет следы снятия ножевидных пластин на узкой стороне. Он почти не патинизирован. Другой аморфный, двуплощадочный, односторонний нуклеус со следами снятия коротких отщепов с одной стороны. Он имеет рыжеватокоричневый цвет поверхностей.

Из изделий с ретушью наибольшим числом орудий представлены орудия с боковыми выемками (4 экз.; рис. 5, 51—52). Они сделаны из пластин средней ширины, выемки мелкие, нерегулярные, патина разнообразная. Лишь одно изделие со светлой кремевой патиной может быть сопоставлено с основной серией ножевидных пластин. Одна пластина ретуширована по прямому боковому краю. В коллекции имеется

концевой скребок, пластина с коротким треугольным рабочим концом, обработанным противлежащей ретушью, крупная неправильная пластина с желвачной коркой на спинке ипологой, далеко заходящей за спинку ретушью по обеим сторонам. Все эти изделия имеют ровную плотную кремво-белую или желтовато-белую патину. Аналогично патинизированы и две другие группы изделий: остря с притупленной спинкой и изделия геометрической формы. Острия небольшие, одно треугольных очертаний, одноконечное (рис. 5, 54), другое, видимо, сегментовидной или виволистной формы (рис. 5, 50). Геометризованных изделий три, все они являются прямоугольниками натуфийско-туткаульского типа (рис. 5, 47—49), аналогичными изделиям, найденным в пункте 424а. Два изделия обломаны с одной стороны, однако с обработанного торца демонстрируют тонкую подправку с бруска. Оба они обработаны по верхнему основанию; очертаниями напоминают скорее слабовыраженную трапецию. Третье изделие, маленькое, сохранилось целиком. Оно имеет правильную прямоугольную форму; боковые стороны с бруска не подработаны.

Прямоугольники натуфийско-туткаульского типа, найденные в пункте 424б, весьма типичны и, что самое важное, составляют серию. Однако все три изделия по характеру патины отличаются от находок подобного рода со стоянок, открытых в 1975 г. (Задан 2 и др.) и в то же время аналогичны большинству изделий и полуфабрикатов данного пункта. Иной характер патины, чем у других комплексов с треугольниками натуфийско-туткаульского типа, можно объяснить иными, особыми условиями залегания материала. По характеру находок и незначительному их количеству рассматриваемая стоянка характерна для комплексов подобного типа. Однако можно предполагать, что в коллекции имеются и инохронологические примеси, инородные ее основному раннеэолитическому ядру. В первую очередь следует указать на нуклеусы и пластины с боковыми выемками. Открытым остается и вопрос о существовании прямоугольных микролитов и острий с притупленной спинкой. Одинаковый характер патины этих орудий в одной коллекции как будто допускает такую вероятность.

Поиск № 42б. Проведен в восточной краевой части основного песчаного массива, отсутствующего в районе сел. Сайедабад резко к югу, в 7 км северо-северо-восточнее селения. Осмотрена краевая часть песков на протяжении до 2 км. Собранный материал невелик — 89 кремневых предметов (16 ножевидных пластин, 56 отщепов и обломков, 2 нуклеуса, 15 изделий с ретушью). Материал очень пестрый: от

темно-коричневого, не патинированного (более трети всех находок) до коричневатого-желтого с плотной древней патиной. Имеются случаи ретуши по уже патинированной поверхности.

Коллекция, в отличие от большинства других в этом районе, характеризуется значительным количеством широких пластин и длинных их сечений.

Изделия (все они из ножевидных пластин) также в основном крупных размеров. Это пять пластин с выемчатыми краями (рис. 18, 12—13), три пластины с краевой ретушью по прямому краю, два сверла со стержневидной толстой рабочей частью (рис. 18, 14), скребок на толстой треугольной в сечении пластине (рис. 18, 15), обломок вкладыша с притупленным краем и скошенным концом (сделан из узкой пластинки) и изделие асимметрично-треугольной формы со слегка вогнутой короткой боковой стороной (рис. 18, 11). Орудие имеет плотную блестящую рыжевато-коричневую патину. Спинка среза обработана вертикальной встречной ретушью. По форме изделие напоминает аналогичные изделия из пещеры Али Таппех в Северо-Восточном Иране³⁶.

Коллекция хронологически явно неоднородна, в ней, видимо, имеются изделия как эпохи мезолита, так и неолита и, возможно, более позднего времени.

Поиск № 427 проведен в 9,5—10 км северо-северо-восточнее сел. Сайедабад, в том месте, где южный край основного песчаного массива резко поворачивает и почти по меридиану отступает к югу почти до упомянутого выше селения. Поиском охвачена краевая часть основного песчаного массива, граница которого здесь проходит с севера на юг на участке примерно до 2 км длиной. Собранный коллекция невелика и довольно разнородна. Ножевидных пластин 31 экз.; в равной мере представлены как узкие (включая микропластины — 3 экз.), так и широкие изделия. Большая часть пластин патинирована (24 экз.), но характер и цвет патины самый разнородный. Отщепов и обломков без ретуши 45 экз., среди них несколько довольно крупных. Некоторые из отщепов сохранили галечную (гладкую) и желвачную (светлую известковистую, пористую) корку. Найденны два нуклеуса и заготовка для нуклеуса. Один из нуклеусов уплощенный, односторонний, клиновидный в продольном сечении был сделан из куска гальки; галечная поверхность полностью сохранилась на тыльной стороне нуклеуса. Другой нуклеус конической формы с круговой огранкой (рис. 18, 21). Сохранившиеся лунки, следы снятия пластин

не столь правильны, как на маленьких нуклеусах стоянок этого района (таких, например, как Челик-и-Коль 1, 2, Сафарвал 2 и др.). Следует заметить, что исходный материал (это заметно и по нуклеусам, и по разного рода снятиям) здесь не столь однороден, как мы привыкли наблюдать. Однако и здесь темно-коричневый кремнь решительно преобладает.

Изделий с ретушью довольно много (16 экз.). Большая часть их изготовлена из крупных, неправильно огранных пластин. Пять пластин с боковыми выемками, главным образом широкими и неглубокими (рис. 18, 16—18), четыре пластины с краевой ретушью по ровному краю, в основном с скребковой крутой ретушью; одна пластина оформлена в виде неправильной формы остря — провертки. Из обломка крупной пластины сделан двухконечный концевой скребок (рис. 18, 19). Один отщеп имеет краевую выемку. Наконец, в коллекции имеется обломок изделий асимметрично-треугольной формы (рис. 18, 20). Все перечисленные орудия сделаны из пластин значительных размеров и, исключая одну выемчатую пластину, в разной степени все патинированы.

Остальные три изделия совершенно иного плана. Они сделаны из узких пластин, почти не патинированы и представляют (все они в обломках) один и тот же тип — пластины с притупленным краем (рис. 20, 62—64).

Бесспорно, рассмотренная коллекция хронологически неоднородна. Основная ее часть по характеру заготовок и патине существенно отличается от микролитических комплексов, характерных для этого района. Видимо, эти изделия относятся к более раннему времени. С микролитическими материалами можно сопоставить упомянутые выше пластинки с притупленным краем и, возможно, некоторые другие находки. Нельзя исключать, что некоторые из найденных кремней могут относиться и к значительно более позднему времени, в том числе к средневековью и современной эпохи. Кремни для высекания огня («чокмакташ») — граниные обломки со снятыми ребрами — нередки в материалах сборных поисков. Не исключено использование кремневых орудий в позднее время и для иных целей.

В пределах поиска № 427 выделены два маленькие скопления находок, обозначенные как пункты 427а и 427б.

В пункте 427а найдено 26 кремневых находок, около половины их (10 экз.) составляют изделия с дополнительной обработкой. Большая часть их (7 экз.) — небольшие скребки на отщепках. Одна пластина имеет скошенный конец, другая, крупная, из сургучно-красной яшмовидной породы — выемчатый край. По-

³⁶ McBurney C. B. M. The cave of Ali Tappeh..., fig. 7, 5, 17, 24 и др.

следнее орудие — маленькая симметричная трапеция. Все находки патинизированы. Патина белая и других оттенков.

Небольшой объем коллекции и ее типологическая выразительность не позволяют с определенностью говорить о ее одновременности.

В пункте 4276 собрана небольшая, очень выдержанная по цветовой гамме коллекция: из 31 предмета 28 не имеют патины, сохраняя темно-коричневый цвет поверхностей. В составе ее 14 ножевидных пластин (преимущественно узких), 11 мелких отщепов, обломок миниатюрного призматического нуклеуса и 5 изделий с ретушью. Это 4 пластинки с тонкой краевой ретушью и микропластинка с притупленным краем и скошенным ретушью концом.

Поиск № 428 проведен в южной краевой части основного песчаного массива, в 11—11,5 км северо-северо-восточнее селения Сайедабад. Осмотрен участок протяженностью до 1,5 км. Собрана коллекция кремневых находок (158 экз.).

1. Ножевидные пластины без ретуши (34 экз.). Представлены сечения в основном довольно крупных пластин (12 экз. широких), очень пестрых по цвету патины. Наряду с белой (или светло-серой) патиной имеется рыжеватая-желтая, серая, пятнисто-крапчатая, есть изделия почти не патинизированные. Последнее относится и к другим категориям находок.

2. Отщепы и обломки без ретуши (99 экз.). Преимущественно средних и мелких размеров.

3. Нуклеусы, заготовки, обломки (9 экз.). Целых нуклеусов — 4; 3 цилиндрико-конической формы, односторонние. Самый крупный имеет высоту в 4 см, остальные 2 почти вдвое меньше. Четвертый нуклеус миниатюрный (2,1 × 1,1 см), клиновидный в поперечном сечении, торцового типа.

4. Изделия с ретушью (16 экз.). Половина их (8 экз.) — обломки широких пластин с боковыми выемками. Имеются 3 скребка на отщепе, проколка на отщепе (с коротким треугольным жальцем, плечикового типа), 2 пластинки с краевой ретушью. Особо выделяются 2 изделия: крохотная пластинка (обломок) с притупленной спинкой и скошенным концом (светло-серая патина) и обломок одноконечного острия с притупленной спинкой сегментовидной формы, покрытый желтой патиной.

Поиск № 429. Обследована южная краевая часть песков (основной массив), в 12—13 км северо-северо-восточнее сел. Сайедабад, тщательно осмотрен участок протяженностью до 2,5 км и шириной до 300—500 м. В ходе поиска на восточном фланге участка обнаружены стоянки Сайедабад 1—4 (№ 430—433, см. ниже), а также собрано большое количество разроз-

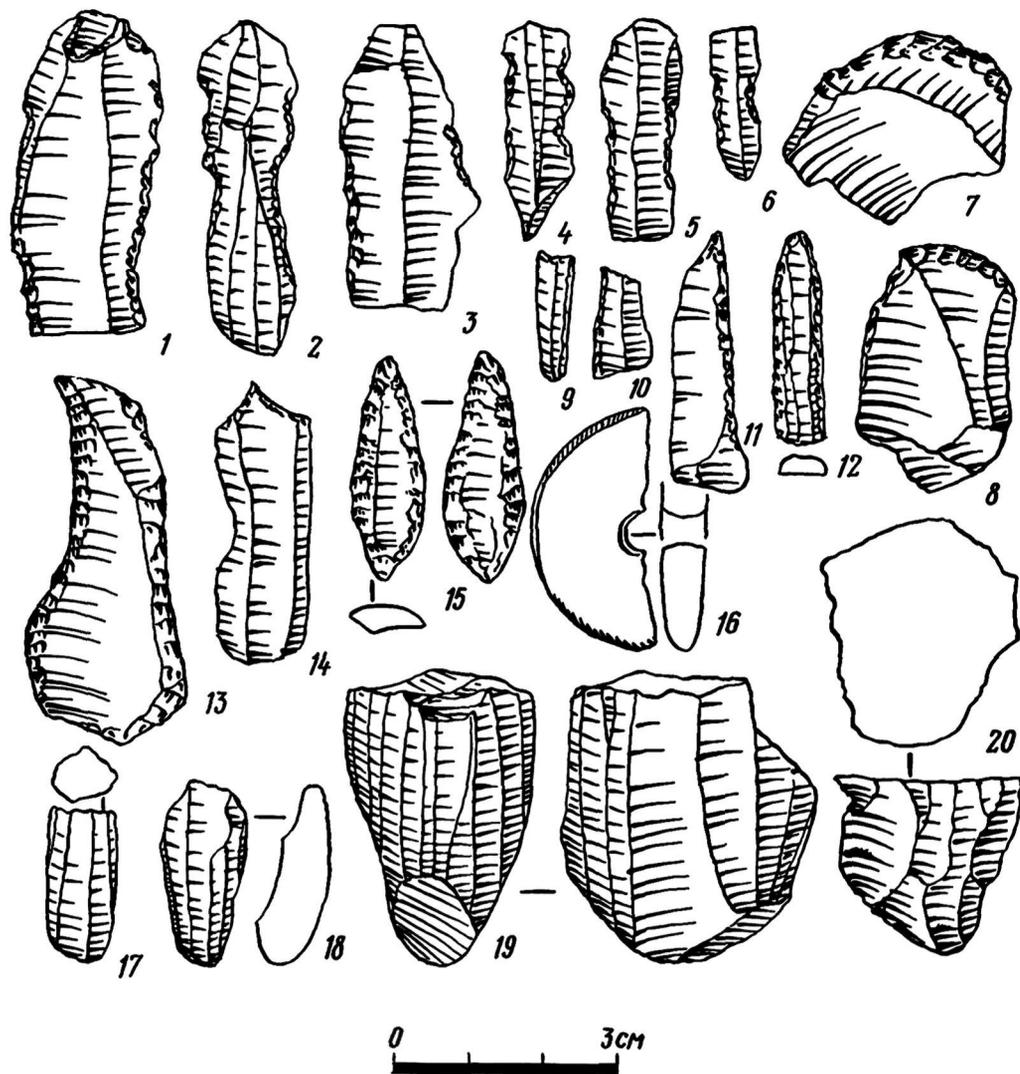
ненных находок. Кремневые изделия встречались главным образом на плотных коричневатых песчано-гравийных поверхностях, располагавшихся с восточной стороны песчаных гряд (в их южных хвостовых частях) и открывшихся в результате постепенной подвижности песков. Коллекция насчитывает 358 кремневых предметов.

1. Ножевидные пластины без ретуши (78 экз.). Среди них 8 обломков широких пластин, 4 микропластины. В целом пластины средних размеров. Цвет патины очень пестрый, наряду со светло-серой, почти белой патиной имеется плотная блестящая патина желтых и рыжих тонов.

2. Отщепы и обломки без ретуши 221 экз., преимущественно средних и мелких размеров. По характеру патины аналогичны пластинам.

3. Нуклеусы, заготовки, сколы (12 экз.). Нуклеусов, целых и в обломках, 8 экз., 2 ребристые пластины и 2 заготовки для нуклеусов. Среди целых нуклеусов (их 5 экз.) выделяются три миниатюрных изделия (максимальная высота 2,2 см) призматической формы с круговой огранкой — типы, характерные для комплексов с мелкими трапециями (рис. 22, 17—18). Имеется также довольно крупный (4 × 2,5 см) нуклеус, клиновидный в продольном разрезе, со следами снятия очень правильных пластин по $\frac{2}{3}$ окружности (рис. 22, 19). Пятый нуклеус совершенно иного плана. Это приземистое (высота 2 см) с широкой ударной площадкой (3,1 см) коническое изделие несет на себе следы коротких, неправильно ограниченных снятий (рис. 22, 30). Такого типа нуклеусы более характерны для мезолитических комплексов.

Изделий с ретушью 47 экз. Наиболее крупную среди них серию (18 экз.) составляют пластины с боковыми выемками (рис. 22, 1—6). Они очень разнообразны по размерам заготовок, форме выемок, цвету патины и другим признакам. Группа широких пластин характеризуется преимущественно широкими и неглубокими выемками, иногда в комбинации с мелковыемчатым (крупнозубчатым) краем. Среди них несколько изделий с плотной патиной желтоватых и рыжеватых тонов. Другая группа (9 экз.) — узкие пластины с мелковыемчатым и неправильно-зубчатым краем, светло-серой или крапчатой патиной. Большая группа обломков пластин имеет ретушь по прямому краю (6 экз.), остальные типологически неопределены (5 экз.). Из пластин изготовлены также два сверла со стержневидным рабочим концом (рис. 22, 11—13) и две узкие пластинки с притупленным краем и скошенным концом (рис. 22, 9—10). Из отщепов сделано три скребка (рис. 22, 8); семь отщепов имеют краевую ретушь (3 — по выемчатому краю).

Три орудия индивидуальны типологически. Это провертка (?) на конце пластины с коротким треугольным рабочим концом (рис. 22, 14), провертка или сверло клювовидной формы на толстом пластинчатом отщепе (рис. 22, 13) и наконечник стрелы (рис. 22, 15). Он листовидной формы с заостренным основанием, сделан из ножевидной пластины и обработан краевой ретушью. На брюшке ретушь заходит далеко от краев, но не покрывает его поверхности целиком.

Коллекция, безусловно, хронологически неоднородна. Не будет ошибкой отнести ее в целом к мезолиту-неолиту.

№ 430. Стоянка Сайедабад 1 найдена в 13 км северо-северо-восточнее сел. Сайедабад, в краевой южной части основного массива песков, в восточной части площади, охваченной поиском № 429. Здесь перед низкой краевой грядой имеется крупное желобообразное по-

Рис. 22. Кремневые находки из района севернее г. Акчи. Поиск № 429 (1—20)

нижение, вытянутое на 350—400 м в широтном направлении. Днище его затакырено и заросло мелким кустарником и травой, борта также густо покрыты растительностью. Чистая, свободная от растительности полоса затакыренной поверхности прослеживается лишь по северному береговому склону понижения. К нему местами примыкают «чистые» участки днища — уплотненные песчаные поверхности. Примерно в средней части понижения, у северного берега, находится бугор, соединенный с берегом низкой перемычкой. На этом участке и были найдены четыре небольшие развеванные стоянки (рис. 23).

Стоянка Сайедабад 1 располагалась на повышенном участке днища, между северным бе-

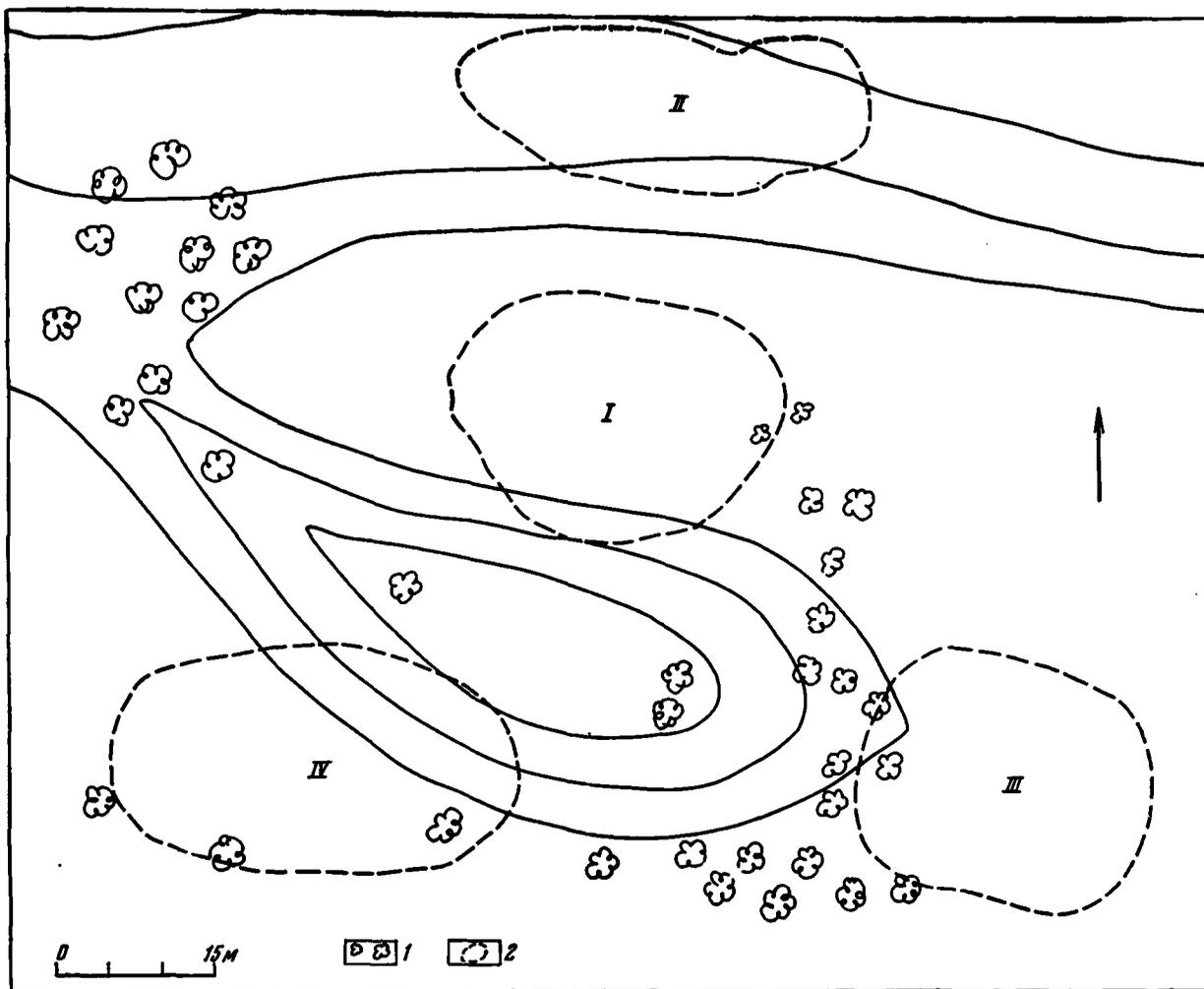

Рис. 23. Схематический план расположения стоянок Сайедабад 1—4

I — Сайедабад 1 (№ 430); II — Сайедабад 2 (№ 431); III — Сайедабад 3 (№ 432); IV — Сайедабад 4 (№ 433); 1 — низкие кустарники; 2 — границы скопления находок

регом понижения и бугром. С запада площадь стоянки ограничена перемычкой. Стоянка Сайедабад 2 (№ 431) располагалась севернее (точнее, северо-восточнее) на участке склона понижения и прилегающей к склону части берега. Стоянка Сайедабад 3 (№ 432) найдена на возвышенном участке дна, примыкающем к бугру с востока. Стоянка Сайедабад 4 (№ 433) найдена на южном склоне бугра и прилегающей к нему части дна понижения. Эта стоянка наибольшая по площади распространения находок (до 40 м с востока на запад). Следует отметить, что резкой границы между площадями стоянок не существует. Это единое поле с рассеянными кремневыми находками, участки с наибольшей концентрацией которых и соответствуют выделенным стоянкам. Единичные

находки в непосредственных окрестностях стоянок суммированы как поиск № 434 (см. ниже).

Вернемся к стоянке Сайедабад 1 (№ 430). Площадь, занятая основным скоплением, невелика (около 25 м с севера на юг), она не правильно-овальной формы. Находки собраны со слегка засоленной супесчаной поверхности и с отдельных плотных песчаных участков. В коллекции 265 кремневых предметов.

1. Ножевидные пластины без ретуши (69 экз.). Представлены только короткими обломками. Широких пластин 7 экз., микропластин 3 экз. Из остальных более половины уже 1 см. По характеру патины коллекция пластин довольно выдержанная, основная масса их покрыта светло-серой и белой, часто пятнистой патиной. Небольшое число их имеет слабую крапчатую патины и коричневые поверхности.

2. Отщепы и обломки без ретуши (131 экз.), преимущественно мелкие и средние. Среди отщепов несколько больший процент коричневых непатинизированных снятий.

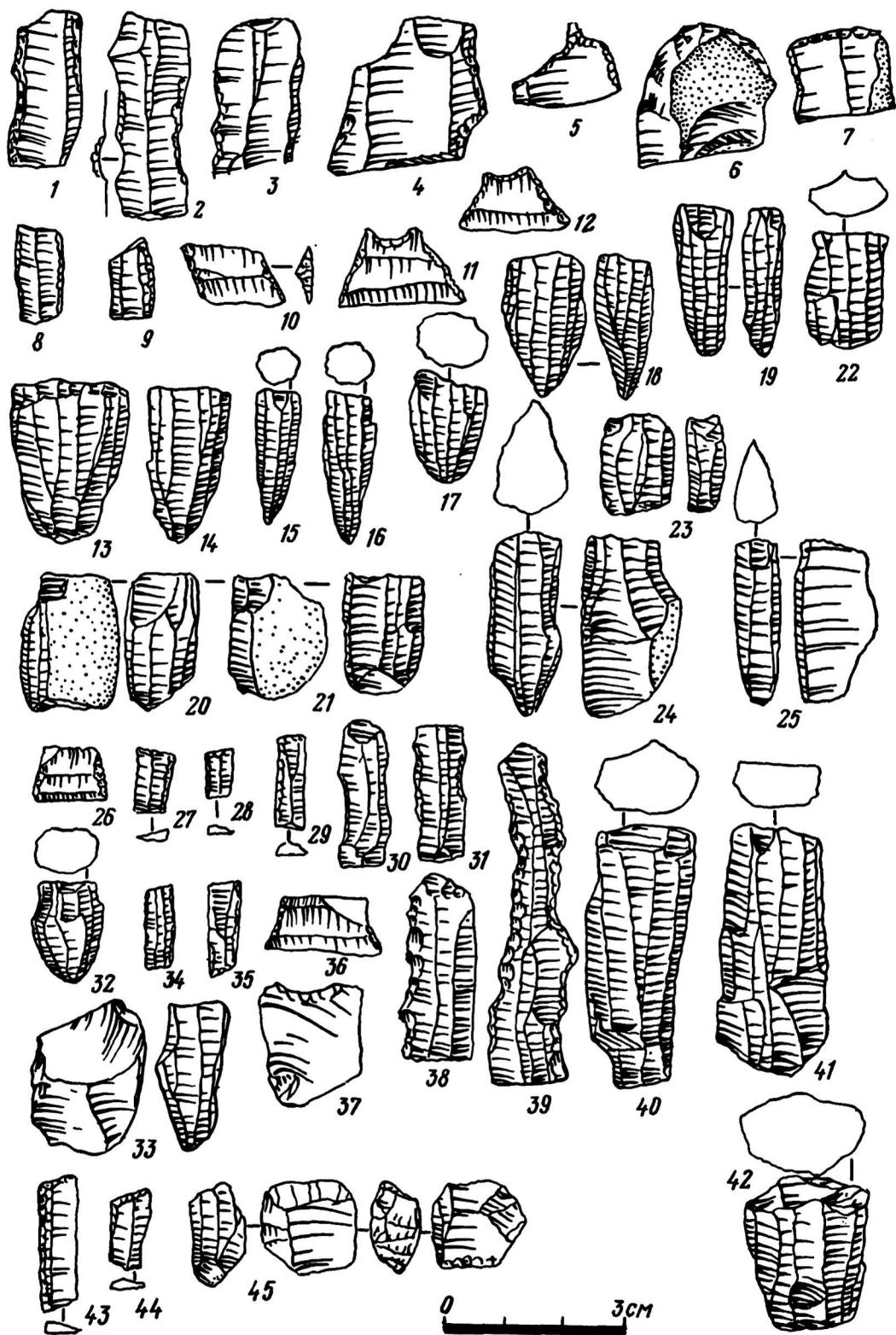

Рис. 24. Кремневые находки из района севернее г. Акчи
 1 — 25 — стоянка Сайедабад 1 (№ 430); 26 — 33 — стоянка
 Сайедабад 3 (№ 432); 34 — 42 — стоянка Сайедабад 2 (№ 431);
 43 — 45 — поиск № 434

Таблица 3
Стоянка Сайнебад 1 (430). Нуклеусы

Конические нуклеусы с круговой гранкой			Конические нуклеусы с частичной гранкой			Призматические нуклеусы торцового и клиновидного типов			Призматические нуклеусы с частичной гранкой		
№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см
1	2,1	0,8	1	2,3	0,8	1	2	1,1	1	1,6	0,8
2	2,1	0,7	2	2,2	1,1	2	2,1	1,6	2	1,9	1,1
3	2,4	0,9	3	2,8	1,1	3	2,1	1,9	3	2,1	1,1
4	1,8	1,1	—	—	—	4	2,5	1,1	4	1,2	1,2
5	1,8	1,1	—	—	—	5	2,7	1,3	5	1,7	1,3
6	2,4	1,4	—	—	—	6	2,8	1,5	6	2,1	1,6
7	2,4	1,5	—	—	—	—	—	—	7	2,9	1,7
8	2,9	1,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	3,1	1,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	2,6	1,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—

3. Нуклеусы, обломки, заготовки (41 экз.). Для столь небольшой стоянки эта серия очень значительна и требует детального рассмотрения. Целых нуклеусов или таких, у которых хорошо реконструируется первоначальная форма, 27 экз. Наиболее крупную группу составляют изделия конической или близкой формы с круговой (9 экз., рис. 24, 13—17) или частичной (4 экз., рис. 24, 18—19) гранкой — следами снятия мелких и узких правильной формы пластин. Все нуклеусы мелкие, ударные площадки в большинстве случаев прямые, реже слегка скошенные (табл. 3).

Другую большую группу нуклеусов составляют изделия призматической или близкой к ней формы. Все они характеризуются односторонностью, частичной гранкой и делятся на две подгруппы. Первая — нуклеусы торцового типа, т. е. в той или иной степени уплощенные, со следами снятия пластин по одной или обоим узким граням (7 экз.; рис. 24, 20—21). Три из них относятся к типу клиновидных — в поперечном сечении имеют форму клина (рис. 24, 24—25).

Остальные 7 нуклеусов можно отнести к числу призматических односторонних изделий. У них, как и у торцовых нуклеусов, гранка не круговая, не полная, но в отличие от последних пластины снимались не с узких, а с широких боковых сторон (7 экз.; рис. 24, 22—23). Эти нуклеусы также небольшие, в том числе имеются и миниатюрные. О их размерах можно судить по табл. 3. Несколько иное соотношение между длиной и шириной изделий этого типа (в отличие от конических нуклеусов) объ-

ясняется вытянутостью ударных площадок (при измерении учитывался максимальный размер) у всех уплощенных нуклеусов (торцовых, клиновидных, пластинчатых и т. п.).

Отдельные изделия описываемой группы представляют собой различного рода обломки и неударные сколы с нуклеусов, заготовки для нуклеуса (1 экз.) и скол «оживления» (1 экз.). Следует указать, что почти все нуклеусы имеют светло-серую или белесую патину, аналогичную патине большинства заготовок.

4. Изделия с дополнительной обработкой (26 экз.). Более половины (15 экз.) — обломки различного рода пластин с боковыми выемками (рис. 24, 1—4). Большинство этих изделий типологически очень невыразительно и потому, что характер выемок очень неопределенен, не стандартен. Более одной трети орудий сделано из широких ножевидных пластин. В этой группе имеются отклонения в характере патины: три пластины имеют рыжеватую-коричневую блестящую патину. Правда, у двух пластин мы наблюдаем ретушь, нанесенную по патизированной уже заготовке, что предполагает вторичное использование старой пластины. Более половины орудий, в том числе почти все, сделанные из нешироких (0,8—1,2 см) пластин, имеют характерную для коллекции светлую патину. О характере выемок уже говорилось — они не стандартные, преимущественно мелкие (неправильно-зубчатый край), иногда широкие и неглубокие в сочетании с мелкими.

В коллекции 4 обломка пластин с нерегулярной краевой ретушью (рис. 24, 8—9), проколка плечикового типа из отщепца (жальце об-

ломано; рис. 24, 5) 2 скребка (один концевой, рис. 24, 6—7), отщеп с краевой ретушью и 3 изделия геометрических очертаний. Одно из них — в форме маленького параллелограмма ($0,9 \times 1,3$ см) — сделано из коричневого кремня и не имеет заметной патины (рис. 24, 10).

Другие два изделия — небольшие трапеции, слегка асимметричные, обе с выемкой в верхнем основании («рогатые»; рис. 24, 11, 12). Одна трапеция миниатюрная ($1,6 \times 1,0$ см), другая побольше ($2,1 \times 1,2$ см). Выемки четкие, хорошо оформленные. Эти два изделия, найденные на одной стоянке, свидетельствуют о неслучайном характере описанных выше единичных находок «рогатых» трапеций для неолита этого района (см. также материалы стоянки Сафарвал 3 и поиска № 418).

Говоря о материалах стоянки в целом, нельзя не указать на определенные сомнения в единовременности ее материалов. Они, в частности, возникают при рассмотрении пластин с боковыми выемками: имеются в виду различия в патине и крупные размеры пластин, которым не только соответствующие, но и близких размеров нуклеусы в коллекции отсутствуют. Однако основная масса находок на стоянке, видимо, относится к одному комплексу — они хорошо «выдержаны» и типологически, и по патине. К этой группе относятся и «рогатые» трапеции.

№ 431. Стоянка Сайедабад 2. О положении стоянки см. рис. 23, 46. Находки собраны с плотной с востока-гравийной поверхности, вытянутой с востока на запад на 35—40 м, и шириной не более 15 м. В коллекции насчитывается 151 кремневый предмет, в том числе 56 ножевидных пластин, 72 отщепа и обломка, 9 нуклеусов, целых и в обломках, и 14 орудий с дополнительной обработкой. Ножевидные пластины, особенно неширокие, а также почти в равной мере и другие категории находок, отличаются единообразием патины — ровной, кремнево-белых тонов. Коллекция микролитонидная по характеру снятий: широких пластин — 2 экз., пластин уже 1 см — 34 экз., микропластин — 7 экз. Отщепы и обломки преимущественно очень мелкие.

Целых нуклеусов — пять (рис. 24, 40—42), из них четыре призматической (некоторые ближе к усеченно-конической) формы, два длинные ($4,0 \times 1,6$ см; $3,8 \times 1,4$ см) и два более приземистые ($2,3 \times 2$ см; $2,4 \times 1,7$). Пятый нуклеус конической формы с круговой гранкой, миниатюрный ($1,4 \times 1,1$ см).

Изделия с ретушью не очень выразительны с типологической точки зрения. Большая их часть (8 экз.) пластинки с боковыми выемками (рис. 24, 38—39). Выемки мелкие, нерегулярные. В этой серии есть целая пластина, у кото-

рой широкие мелкие выемки скомбинированы с мелкозубчатым краем. Остальные орудия: два отщепа с краевой ретушью, один с выемкой (рис. 24, 37), две микропластинки с краевой ретушью по обеим сторонам (рис. 24, 34—35) и обломок невысокой вытянутой трапеции (рис. 24, 36). Все орудия, исключая две пластины с выемками, имеют однообразную ровную патину кремовых, светлых тонов.

№ 432. Стоянка Сайедабад 3. Участок, на котором собраны находки, расположен восточнее бугра, разделяющего стоянки Сайедабад 1 и 4 (см. план, рис. 23, а также описание ситуации). Площадь находок около 25 м в поперечнике. Собранная здесь коллекция невелика (185 кремневых предметов). Из 58 пластин 2 — широкие, 12 — микропластины. Большая часть средних (от 1,5 до 0,5 см) пластин имеет ширину менее 1 см (30 экз. из 34 экз.). Почти все пластины представлены короткими сечениями. По цвету патины коллекция очень разнородна, в ней в равной мере представлены изделия с ровной кремнево-белой патиной и изделия с пятнисто-крапчатой патиной. Отщепы и обломки (105 экз.) преимущественно очень мелкие.

Нуклеусы почти все (6 из 9 экз.) представлены обломками, по которым можно лишь судить, что преобладали призматические формы, предназначенные для снятия правильных узких пластин. Из трех целых экземпляров один микронуклеус пулевидной формы (рис. 24, 32), слегка уплощенный, с круговой гранкой и следами снятия микропластин. Два других, менее ярко выраженных, клиновидных в поперечном сечении, находятся, видимо, в начальной стадии использования. В коллекции две ребристые пластины и один скол «оживления». Любопытны две заготовки для нуклеусов из больших ($3—4$ см), уплощенных, неправильной формы желвачков. У них уже подготовлены ударные площадки и произведены пробные снятия, однако корка сохранилась еще на большей части поверхности.

Изделий с ретушью 13 экз. и 10 экз. из них — обломки мелких пластин с нерегулярной краевой ретушью, образующей слабо выраженный мелковыемчато-пильчатый край. Остальные — микропластинки с притупленным краем и скошенным или прямо срезанным концом (3 экз., обломки) и миниатюрная симметричная трапеция (рис. 24, 26—31).

№ 433. Стоянка Сайедабад 4. Расположена на южном и юго-западном склонах бугра, отделяющего ее от стоянки Сайедабад 1 (№ 430) и на прилегающих к бугру участках. Площадь распространения массовых находок примерно 40×20 м. Они располагались на плотной, слегка «затакыренной» супесчаной поверхности, вместе с мелкой галькой. Полученная на сто-

Таблица 4

Стоянка Сайедабад 4(433). Нуклеусы

Нуклеусы призматической и близкой к ним формы			Нуклеусы уплощенные, клиновидные в вертикальном сечении			Нуклеусы клиновидного и торцового типов			Нуклеусы односторонние, треугольных очертаний в вертикальном сечении			Нуклеусы конической и пулевидной формы и близкие к ним		
№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см	№	высота, см	максим. ширина ударной площадки, см
1	2,6	1,1	1	2,8	1,7	1	2,4	1,4	1	1,8	2,1	1	2,4	0,9
2	2,0	1,1	2	1,6	1,1	2	1,8	0,8	2	2,0	1,7	2	2,1	1,2
3	1,7	1,0	—	—	—	3	2,4	1,3	—	—	—	3	1,9	1,1
4	1,7	1,2	—	—	—	4	2,3	1,6	—	—	—	4	2,4	0,7
5	2,4	1,0	—	—	—	5	2,4	2,1	—	—	—	5	2,4	1,0
6	2,3	0,9	—	—	—	6	1,9	1,7	—	—	—	6	2,4	1,0
7	1,8	0,9	—	—	—	7	2,4	1,0	—	—	—	7	2,4	1,6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	1,8	1,0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	2,5	1,0

янке коллекция довольно значительна — 492 кремневых находки.

1. Ножевидные пластины без ретуши (217 экз.). Эта группа находок демонстрирует высокую степень микролитичности: широких пластин — 4 экз., пластин шире 1 см — 12 экз., микропластин — 41 экз.; остальные — это близкие к микропластинам узкие снятия от 0,5 до 1 см шириной. Большая часть пластин правильной формы, со строгой огранкой (преобладают двугранные снятия). Что касается патины, то основную массу находок составляют предметы с белесой, светло-серой, реже белой ровной патиной. Реже встречается слабая крапчатая патина.

2. Отщепы и обломки без ретуши (214 экз.), преимущественно мелких и очень мелких размеров. В отношении цвета патины представляют собой несколько более пеструю картину, хотя и здесь решительно преобладают белесые тона.

3. Нуклеусы, обломки нуклеусов, заготовки (41 экз.). Эта обширная серия заслуживает более детального рассмотрения. Несмотря на то что подавляющее большинство нуклеусов хорошо морфологически выражено, классификация их затруднена из-за отсутствия четких границ между изделиями конической, пулевидной, усеченно-конической и призмo-конической форм. Поэтому предлагаемая классификация несколько условна в этом аспекте. Но сначала несколько общих замечаний. Целых нуклеусов (в том числе и не абсолютно полных, но дающих возможность безошибочной реконструкции формы) 28 экз. Все они, а также те из обломков, которые сохранили следы снятий, служили для приготовления узких пра-

вильно огранных пластин и микропластин. Нуклеусы и ножевидные пластины коллекции полностью соответствуют, таким образом, друг другу. Все нуклеусы были очень небольших или миниатюрных размеров, о чем можно судить по приводимой табл. 4. Как видно из таблицы, высота изделий не превышала 3 см, а у микронуклеусов составляла 1,6—1,8 см. Такого рода изделия, при небольшой ширине ударной площадки выглядели как граненый карандаш. Нами условно выделены следующие группы: а) нуклеусы конической и пулевидной формы и близкие к ним — 8 экз., в том числе с круговой огранкой — 5 экз., односторонние 3 экз.; б) нуклеусы призматической, либо усеченно-конической, формы и близкие к ним — 8 экз., в том числе с круговой огранкой — 3 экз., односторонние — 5 экз.; в) нуклеусы клиновидной в поперечном сечении формы и торцового типа — 8 экз.; г) нуклеусы уплощенные, односторонние, клиновидные в вертикальном сечении — 2 экз.; д) нуклеусы широкие, односторонние, резко скошенные снизу с тыльной стороны (треугольные в вертикальном сечении).

В коллекции также имеются: скол «оживления» — 1 экз.; продольные сколы с нуклеусов призмo-конических типов — 7 экз.; заготовки для небольших нуклеусов — 5 экз.

4. Изделия с ретушью (23 экз.). Эта коллекция очень невыразительна. В ее составе 8 обломков ножевидных пластин с разного рода выемками (2 — с мелкозубчатым краем), 4 обломка пластин с краевой ретушью, 5 микро- и узких пластинок с тонкой краевой ретушью, 2 узкие пластинки с притупленным краем (обломки), маленький концевой скребок, 2 отщепы с

нерегулярной краевой ретушью и пластинка с косым резцовым (?) сколом на одном конце и тонкой поперечной ретушью — на другом.

Безусловно, основная масса находок стоянки и типологически, и по внешнему виду может быть отнесена к одному комплексу.

Поиск № 434. Материалы поиска представляют собой единичные находки в районе стоянок Сайедабад 1—4 (№ 430—433). Собранные здесь коллекции очень небольшая (57 кремневых предметов), она содержит 28 обломков ножевидных пластин, преимущественно очень узких, правильной формы и огранки, 21 отщеп (почти все отщепы мелкие), 2 нуклеуса и 6 изделий с ретушью. Цвет патины изделий самый разнообразный, преобладает слабая патина белесых тонов. Нуклеусы представлены одним испорченным маленьким изделием усеченноконической формы с односторонней огранкой и любопытным микронуклеусом для тонких пластин, использовавшимся также, вероятно, как скребок (рис. 24, 45).

Орудия представлены отщепом с краевой ретушью, 3 пластинами с краевой ретушью (2 — с боковыми выемками) и 2 узкими пластинами с притупленным краем и скопленным концом (рис. 24, 43—44).

* * *

Описанная коллекция довольно значительна по объему (примерно 6,5 тыс. кремневых находок)³⁷, однако хронологическая классификация материала сопряжена с известными трудностями. Главная из них заключается в заведомой хронологической неоднородности многих коллекций (обзорные поиски). Другое немаловажное в этом плане обстоятельство — большое количество пунктов с не очень значительным материалом, полученным в каждом из них.

Обработка и анализ сводной статистической таблицы показали, однако, наличие в материале нескольких разнообъемных групп, различающихся по ряду признаков: характеру заготовок, наличию или отсутствию некоторых специфических типов или разновидностей кремневого инвентаря, количественными соотношениями разных типов инвентаря, отчасти характером патины³⁸.

³⁷ В сводной статистической таблице учтены 687 кремневых и иных находок 1969 г. и 5979 кремневых находок 1976 г.

³⁸ Исследование характера патинизированности кремня на предмет использования ее в хронологических целях было проведено в 1975 г. Установлено, что существует некоторая взаимозависимость между плотностью и цветом патины и типологической характеристикой коллекций. Однако подмеченные закономерности не имеют абсолютного характера, даже в пределах небольшого района и в рамках

Прежде всего совершенно отчетливо выделяются типологически из общей массы материалов находки из пунктов 51 (бугор Ходжа-Ду-Ку), 58 (бугор Чаш-баба) и 55 (восточнее бугра Кара-депе). Крайне незначительный объем коллекций не позволяет сколько-нибудь убедительно датировать их. Предположение о палеолитическом возрасте (вероятно, мустьерском) нескольких отщепов из пункта № 55 было высказано выше (см. с. 25). Об этом свидетельствуют не только морфологические признаки этих находок, но и их сильная оглаженность, резко выделяющая их из всей массы полученного в этом районе материала. Существенно отличаются от последнего отщепы и пластинчатые отщепы с бугров Ходжа-Ду-Ку и Чаш-баба, однако они почти не оглажены. Не исключено, что последнее обстоятельство связано с условиями их расположения — на вершинах останцевых коренных возвышенностей в галечных и обломочных россыпях. Кстати сказать, такое геологическое и геоморфологическое положение, так же как и типологические признаки, существенно отличают находки в Ходжа-Ду-Ку и Чаш-баба от всех других, найденных в этом районе материалов. Что касается материалов из Ходжа-Ду-Ку, то вероятен и их послепалеолитический возраст. Они, как уже упоминалось, связаны с выходами мощного галечного слоя и, не исключено, являются результатом опробывания и первичной обработки галечного кремня уже в неолитическое или даже в более позднее время.

Другая группа кремневых материалов представлена преимущественно отдельными предметами из обзорных поисков и, в незначительной степени небольшими предположительно «чистыми» хронологически коллекциями (последние — из числа материалов 1969 г.). В эту группу выделены коллекции с остриями и изделиями геометрической формы: удлинненными сегментами и треугольниками. Все эти изделия обработаны по одной из сторон очень крутой, чаще всего «встречной» (так называемой гелуанского типа) ретушью. Сюда отнесены отдельные находки из обзорных поисков № 64 (1969 г.), 407, 408, 410, 413, 424 (?), 426, 427, 428 (1976 г.), а также небольшие коллекции (полностью или частично?) из пунктов 53г, 67а, 67б, (1969 г.).

Следует заметить, что выделение всех этих материалов в единую группу носит условный характер: в нее объединены группы однотипных

одной коллекции. Отмечено, в частности, что плотная желтоватая «старая» патина, свойственная для большинства раннемезолитических коллекций, может соседствовать на одном изделии с тонкой пятнистой и «крапчатой» патиной. Поэтому характер патинизированности может играть определенную, но не решающую роль в хронологической классификации материала.

орудий с существенными вариациями, внутри каждого из типов вероятно хронологические различия. Однако даже не вдаваясь в детальный анализ этих материалов, можно определенно сделать два заключения. Во-первых, изделия указанных выше типов совершенно не характерны для неолита и, скорее всего, могут быть отнесены к мезолитической эпохе. Во-вторых, эти материалы (в целом или значительной их части) могут быть сопоставлены прежде всего с материалами группы мезолитических памятников Средней Азии, испытавших сильное влияние зарзийской технической традиции, выделенных Г. Д. Коробковой в «прикаспийский комплекс» (нижние горизонты Дам-Дамчешме I и Кайлю, 4-й «верх» слой Дам-Дамчешме II и др.)³⁹. Из ближайших территориально мезолитических памятников Ирана к этой группе можно отнести пещеру Али Таппех⁴⁰. Определенное сходство с указанными памятниками имеют и материалы 2а горизонта Туткаула в Таджикистане. В этом горизонте Туткаула четко фиксируется положение острий с притупленной спинкой и удлинённых сегментов в хронологической последовательности культурных отложений. Он отделен из нижележащего 3-го горизонта двухметровой стерильной прослойкой, но не отделяется стратиграфически от 2-го горизонта. Однако именно появление в низах 2-го горизонта в значительном количестве острий с притупленной спинкой и послужило основой для выделения комплекса материалов горизонта 2а⁴¹. Последний комплекс, территориально наиболее близкий рассматриваемым материалам, может дать и ориентировочную абсолютную дату. Радиоуглеродный анализ образца из основания 2-го (неолитического) горизонта Туткаула датирован 6070 ± 170 до н. э. Из этого определенно следует, что комплекс находок из 2а горизонта относится по крайней мере к VII тысячелетию до н. э.

Мы не проводим в настоящей публикации более детального анализа находок данной группы — слишком они разрозненны и многочисленны. Аналогичного типа комплексы, как уже указывалось, очень хорошо представлены в материалах разведок 1975—1976 г. в восточной части песчаного массива; при публикации этих материалов они будут рассмотрены подробнее.

Две последние группы находок в районе Акчи в отличие от предыдущей группы представлены небольшими развешенными стоянками.

³⁹ Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии. — СА, 1975, № 3, с. 20—26.

⁴⁰ McBurney С. В. М. The cave of Ali Tappéh...

⁴¹ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение. . . , с. 142—144.

Одна из них характеризуется наличием низких вытянутых прямоугольников-трапеций, другая — очень высокой степенью микролитизации и мелкими, в основном симметричной формы трапециями.

Материалы первой из указанных выше групп найдены только в двух местах, в пунктах 424а — б. В первом из них обнаружено 2 прямоугольника и несколько неретушированных обломков и пластин. Во втором, кроме 3 прямоугольников (2 — в обломках) еще 16 изделий с ретушью. О составе коллекции говорилось выше (см. с. 41, 42). Несколько небольших аналогичного типа коллекций имеется в материалах разведок 1975 г. (№ 334, 337, 342; стоянки Задиян 2, 3, 6). Доля изделий прямоугольной формы среди находок неодинакова в разных коллекциях, но везде весьма значительна. На стоянке Задиян 2 (№ 334) и в пункте 424а они составляют более половины изделий с ретушью, в других коллекциях (Задиян 3, Задиян 6, пункт 424б) — от четверти до половины количества изделий. Кроме прямоугольников, в коллекциях имеются скребки (концевые и на отщепе), пластины с боковыми выемками, пластины с притупленным краем, проколка, небольшие нуклеусы нескольких типов и др. Особо следует отметить находки острий с притупленной спинкой. Они встречены единично, главным образом в обломках. Часть изделий атипична по форме, но в ряде случаев можно предполагать, что это острия сегментовидной формы. Судя по обломкам, в коллекциях имеются также 3—4 экз. изделия сегментовидной и асимметрично-треугольной формы в целом, так же как и острия, не совсем типичные по форме и характеру обработки.

Известный нам афганский материал не дает аналогий рассматриваемым находкам. В то же время для понимания их в плане хронологическом и культурно-историческом очень важны материалы из Таджикистана, и в частности материалы 3-го горизонта Туткаула.

Каменную индустрию этого, самого нижнего горизонта поселения В. А. Ранов и Г. Ф. Коробкова относят к раннему мезолиту (X—XI тысячелетия до н. э.), основываясь на материалах геологических исследований на поселении, а также на аналогиях определенной части кремневого инвентаря в ранненатуфийских комплексах. Наиболее специфической формой кремневого инвентаря 3-го горизонта являются «низкие трапеции удлинённых пропорций, приближающиеся по своим очертаниям к прямоугольникам»⁴². Эти изделия и по ха-

⁴² Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение. . . , с. 144. О не случайном характере такого рода комплексов свидетельствуют и находки из Чиульчор-Чашма в Южном Таджикиста-

рактору заготовки (узкие пластины с неправильной огранкой), по размерам, по форме, по характеру обработки совершенно аналогичны описанным выше прямоугольникам. Совпадает даже такая мелкая, но характерная деталь, как наличие по концам ряда изделий, на брюшке серий тончайших плоских снятий, которые скорее всего являются не результатом специальной подтески, а следствием крутой обработки концов изделия⁴³. Характерно также наличие и в Туткауле, и в североафганских коллекциях изделий со слегка выпуклыми боковыми сторонами.

Предварительный характер публикации Туткаула, с одной стороны, и крайне ограниченный объем наших коллекций — с другой, не позволяют произвести детально сопоставления по другим типам изделий. В 3-м горизонте Туткаула найдены, кроме прямоугольников, также скребки (с преобладанием изделий из отщепов), скобели, микроскрепки, развертки. Некоторые из этих изделий характерны и для афганских коллекций с прямоугольными вкладышами, хотя, как уже говорилось, данных слишком мало для детального сопоставления. Однако следует указать, что прямоугольники являются настолько специфической формой, а сходство этих изделий из Туткаула и североафганских стоянок настолько близко, что и культурное и хронологическое соответствие этих материалов не вызывает сомнений.

Особо следует остановиться на остриях, найденных в пункте 424б, и на стоянках, открытых в 1975 г. Судя по статье В. А. Ранова и Г. Ф. Коробковой, острия с притупленной спинкой не характерны для 3-го горизонта Туткаула. В коллекции орудий из 3-го горизонта имеется, правда, одно изделие, которое можно было бы сопоставить с нашими обломками острий. Это верхняя часть (?) сегментовидного острия, ретушированного к острому концу. Ретушь мелкая и тонкая в нижней части обломка, к заостренному концу его становится крутой, типичной для острий. Это орудие может быть сопоставлено с первым из двух острий из пункта № 424б. Несколько атипичных острий с притупленной спинкой, а также небольшие изделия геометрических очертаний имеются и в коллекции из Чиульчор-Чашма, однако, вероятно, последняя содержит разновременный материал.

не (Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана. Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг. — МИА, 1958, № 66, с. 48—58, рис. 27, 4; рис. 29, 1; Песмяков С. А., Ранов В. А. Археологические данные о возрасте наиболее молодых террас Средней Азии. — БКИЧП, 1975, № 43.

⁴³ С коллекцией из Туткаула нас любезно познакомил В. А. Ранов.

Основная масса полученных в районе к северу от Акчи материалов, особенно материалов 1976 г., относится к последней из выделенных выше групп.

Это прежде всего материалы стоянок Сафарвал 1—4 (№ 419—422), Челик-и-Коль 1—4 (№ 414—417), Сайедабад 1—4 (№ 430—433), пунктов № 427а, 427б, 410а, а также основная масса материала обзорных поисков 1976 г. (№ 401—406, 409, 411, 412, 413, 418, 423, 424, 429 (?), 434). К этой группе также можно отнести отдельные категории находок из обзорных поисков, в материалах которых имеются рассмотренные выше мезолитические орудия. Это обзорные поиски № 407—409, 427 (?), 428 (?). Из перечисления можно видеть, что практически каждый поиск в песках к северу от Акчи дал материал рассматриваемого сейчас типа.

Что касается разведок 1969 г. то они в этом плане менее выразительны. Можно полагать, что материалы описываемого типа имеются в коллекциях из поисков и пунктов № 52, 53б, 53г, 64, 67в, 68 и ряда других.

Суммируем основные признаки, позволившие выделить эту группу из весьма обширного массива материалов, полученных в 1969 и в 1975—1976 гг.

Прежде всего необходимо указать на заметную, а в ряде случаев на весьма высокую степень микролитизма, характерную для рассматриваемых коллекций. Он фиксируется по многим проявлениям. При описании материалов стоянок и поисков мы акцентировали внимание на характере пластинчатых заготовок. И дело не только в наличии микропластин, хотя во многих коллекциях их значительное количество, но и в общей измельченности пластин. Во многих случаях мы, кроме микропластин (0,5 см и уже), выделяли группу пластин шириной в пределах 1 см. В большинстве случаев эти две группы заготовок составляли подавляющее большинство среди пластинчатых снятий.

Найденные на ряде стоянок в большом количестве нуклеусы полностью соответствуют пластинам. Обычно это правильные призматические или конические изделия очень небольшие, часто миниатюрных размеров со следами снятия узких правильно огранных пластин и микропластин. Основные типы нуклеусов охарактеризованы выше (см. описание стоянок Сайедабад 2—4 на с. 49, 50). Укажем, что нуклеусы этой группы существенно отличаются от более крупных, преимущественно односторонних нуклеусов эпохи мезолита, известных по материалам 1975 г. В мезолите песчаных массивов Северного Афганистана не известны, в частности тонкие с круговой огранкой призматические и конические нуклеусы, весьма характерные для рассматриваемых материалов.

• Большая часть изделий с дополнительной обработкой также изготовлена из узких пластин. Наиболее характерными типами следует считать.

1. Пластинки с притупленным краем. Сделаны они преимущественно из очень узких, тонких, правильно ограненных пластин. Крутая ретушь по одному боковому краю часто сочетается с обработкой конца (или обоих концов), и тогда эти орудия получают вид, аналогичный неолитическим изделиям, наиболее хорошо изученным по материалам неолитических стоянок Кызылкумов⁴⁴. Следует, однако, заметить, что среди афганских материалов ни разу не встречена на этих орудиях противоположащая ретушь, прием, очень характерный для кельтеминарцев низовьев Амударьи⁴⁵. В этом плане афганские пластинки с притупленным краем ближе раннеолитическим материалам дарьсайского типа.

2. Ножевидные пластины с боковыми выемками. Представлены преимущественно изделиями с мелкими нестандартными выемками. В коллекциях имеются образцы, сделанные как из узких, так и из относительно широких пластин. Учитывая подъемный характер материала, трудно судить, в какой степени они соответствуют друг другу и остальным материалам хронологически.

3. Ножевидные пластины со скошенным концом. Их немного, и они обычного типа для среднеазиатского мезолита и неолита.

4. Скребки. В материалах имеются примерно в равном количестве как концевые скребки на пластинах, так и скребки на отщепках. Случаи преобладания на отдельных стоянках скребков того или иного типа требуют более детального рассмотрения ввиду незначительного объема коллекций.

5. Пластины с краевой ретушью. Это преимущественно сечения узких пластин, иногда микропластин с легкой ретушью по одному или обоим боковым краям. Крутая ретушь скребкового типа очень редка.

6. Сверла и проколки. Для этой небольшой группы характерны изделия из пластин с вытянутым подтреугольной формы рабочим концом.

7. Изделия трапециевидной формы. Всего их вместе с сомнительными образцами (обработана только одна боковая сторона) 25 экз., и они составляют очень существенный (количес-

венно и типологически) компонент кремневой индустрии. Трапеции встречаются в основном единично, реже мелкими сериями (по 2—3 экз.; стоянки Челик-и-Коль 1, 3; Сафарвал 3; Сайедабад 1, обзорные поиски № 411, 413, 418). Эти изделия небольших размеров, а по крайней мере половину их можно назвать миниатюрными. Более половины изделий не превышают в длину (по нижнему основанию) 1,5 см; лишь одно изделие может быть отнесено к типу низких вытянутых (длинная «рогатая» трапеция из поиска № 418). Более $\frac{2}{3}$ трапеций имеют высоту в пределах до 1 см. Девять из 20 бесспорных трапеций могут быть отнесены к типу мелких изделий симметричной формы с прямыми боковыми сторонами. Остальные имеют различного рода выемки. Изделий с явно выраженной асимметричностью 2 экз. Изделий с выемками по одной или обоим боковым сторонам 9 экз. В большинстве случаев выемки не резко выраженные. К числу исключений относятся 2 изделия высокой формы с боковыми выемками — трапеции со стоянок Челик-и-Коль 4, Сафарвал 2. 5 экз. относятся к типу «рогатых» трапеций (с выемкой в верхнем основании). О характеристике этого варианта для описываемых материалов и в известной степени об их одновременности остальным вариантам свидетельствует то обстоятельство, что «рогатость» присуща если не всем, то большинству представленных здесь разновидностей трапеций.

Изделия трапециевидной формы представляют собой наиболее ценную для выяснения хронологии категорию материалов. Подобного рода мелкие геометрические изделия трапециевидной формы, изредка асимметричные, а большей частью уже симметричные приходят на смену несколько более крупным асимметричным изделиям, видимо, в конце мезолита и получают очень широкое распространение в Средней Азии в раннем неолите, встречаясь спорадически и в развитом неолите. Было бы заманчиво при этом сослаться на пример Гар-и-Камарбанда в Южном Прикаспии, где раннемезолитические слои содержат довольно крупные асимметричные трапеции, а затем после перерыва в слоях позднего мезолита — раннего неолита (слои 10—11) появляются в небольшом количестве изделия другого рода⁴⁶. Однако последние не имеют ничего общего с нашими трапециями, а возможно, и вообще, с изделиями геометрической формы⁴⁷.

⁴⁴ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, с. 95, рис. 44; с. 166, рис. 63; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лялякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М., 1975.

⁴⁵ Тем же приемом оформляли изделия треугольной и трапециевидной формы и мастера янгельской культуры Южного Зауралья (Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976, с. 333, табл. 23).

⁴⁶ Coon C. Cave explorations..., p. 47, pl. 5a.

⁴⁷ К. Кун таким образом описывает эти находки: «Все изделия геометрической формы, за исключением двух происходят из слоев 23—28; остальные два — это необычный предмет из слоя 10; не имевший отношения к изделиям раннего мезолита и сломанный предмет из слоя 11, который трудно определить»

На территории Средней Азии время бытования небольших, преимущественно симметричных трапеций достаточно четко фиксируется материалами Туткаула в Таджикистане, памятников джейтунской культуры в Юго-Западной Туркмении, памятников дарьясайского типа в Западном Узбекистане и Джебела в Западной Туркмении. Все эти материалы имеют достаточно основательные датировки. Рассмотрим их подробнее.

В Туткауле мелкие, довольно высокие трапеции найдены в кровле 2-го горизонта⁴⁸. Из нижележащих слоев изделия геометрической формы имеются только в 3-м горизонте. Это, как уже отмечалось выше, вытянутые изделия близкой к прямоугольной формы, обработанные с трех сторон.

Верхняя часть 2-го горизонта, где впервые встречены трапеции, датирована радиоуглеродом концом VI тысячелетия до н.э. (5150 ± 140 гг. до н.э.)⁴⁹, т.е. ранним неолитом.

В Джейтуне — наиболее раннем и наиболее полно исследованном памятнике джейтунской культуры — найдены геометрические изделия нескольких типов: трапеции, сегменты, треугольники и прямоугольники. Трапеции при этом преобладают (264 экз., 75,5% всех находок геометрической формы). Среди них основную массу составляют мелкие (с основанием до 2 см) изделия симметричной формы, встречаются асимметричные изделия, но без резкого подчеркивания этой асимметрии⁵⁰. Поселение Джейтун относится к ранней фазе джейтунской культуры; в то время как другие типы изделий геометрической формы практически исчезают, мелкие трапеции в небольшом количестве продолжают существовать и на втором и на третьем этапах (фазах) джейтунской культуры⁵¹. Все три этапа джейтунской культуры хронологически укладываются в рамки VI тысячелетия до н.э., с возможным удревнением раннего этапа в конец VII тысячелетия до н.э.

Наибольший интерес в плане хронологии мелких трапеций представляют материалы Джебела. Трапеции появляются здесь в слое 6 и имеют хорошо выраженную асимметричную форму. В слое 5А появляются симметричные

трапеции, в вышележащем слое 5 эти трапеции полностью вытесняют асимметричные формы⁵².

Мелкие и довольно низкие асимметричные изделия слоя 5А имеют легкую выемчатость по короткой или длинной боковой стороне⁵³. В слое 5 две из трех трапеций, представленных на таблице в статье А. П. Окладникова (все-го их здесь найдено 5 экз.), мелкие высокие, близкие по пропорциям трапециям из Туткаула и некоторым североафганским находкам. Третья трапеция низкая, слегка вытянутая⁵⁴.

А. П. Окладников отнес слой 5 Джебела к раннему неолиту, а нижележащие слои — к позднему мезолиту⁵⁵. Позднее четвертый слой пещеры получил радиоуглеродную дату — рубеж IV и V тысячелетий до н.э. (4030 ± 240 г. до н.э.)⁵⁶. Как бы ни датировать сейчас слой 5А (подстилат слой 5) — ранним неолитом⁵⁷ или концом мезолита, ясно, что мелкие симметричные и частично асимметричные трапеции фиксируются в Джебеле со времени от конца мезолита (или рубежа мезолита и неолита) до развитого неолита: в слое 4 пещеры найдена симметричная трапеция вместе с наконечником стрелы кельтеминарского типа⁵⁸.

⁵² Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, с. 194—195.

⁵³ Там же, с. 143, рис. 86, 1—2, 46.

⁵⁴ Там же, с. 125, рис. 74, 1—3.

⁵⁵ Там же, с. 240, 241.

⁵⁶ Протопопов Х. В., Бутомо С. В. Жидкие сцинтилляторы и применение их для датировки по радиоуглероду (C_{14}). — СА, 1959, № 2, с. 32.

⁵⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 63.

⁵⁸ В Прикаспии известен еще один памятник (пещера Дам-Дам-чешме II), где среди находок имеется большое число изделий геометрических форм (Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-чешме II..., с. 104—125). Трапеции из этого памятника в основном иных, ранних пропорций и размеров. Лишь в слое 3 обнаружены сравнительно небольшие, сделанные из тонких пластин симметричные, реже асимметричные трапеции (рис. 5, 8—12 в статье Г. Е. Маркова), по большому числу признаков сопоставимые с рассматриваемым нами кругом изделий такого рода. В. М. Массон уже сравнивал их с материалами Джейтуна, отмечая, что эти трапеции не образуют в слое 3 доминирующего комплекса (Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 62, 63). С этим нельзя не согласиться. Действительно наряду с мелкими неолитического облика трапециями в слое 3 хорошо представлены и вытянутые острия с притуленной спинкой, и изделия сегментовидной и асимметрично-треугольной формы, типы, несвойственные неолитическим памятникам и имеющие прямые аналогии лишь в мезолитических комплексах. Можно, в частности, указать на материал из мезолитических слоев (до слоя 11 включительно) Гар-и-Камарбанда, которые К. Кун называет «пластинами с притуленной спинкой» и которые было бы точнее определить как острия с притуленной спинкой, вытянутые сегменты и асимметричные треугольники (Coon C. Cave exploration..., p. 111, pl. VIII 7—16). Близки находкам из Дам-Дам-чешме и материалы другой пещеры из Южного Прикаспия — Али Тапхех (McBurney

(Coon C. Cave explorations..., p. 47). Предмет из слоя 11, изображенный на табл. VIII, 31 в книге К. Куна, возможно, является обломком крупной трапеции.

⁴⁸ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение..., с. 140—143, рис. 4, 11—16.

⁴⁹ Там же, с. 144.

⁵⁰ Массон В. М. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики). Л., 1971, с. 31—32, 184—185, табл. XVIII—XIX.

⁵¹ Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969, с. 48; Массон В. М. Поселение Джейтун с. 56.

Последним пунктом с достаточно обоснованной датировкой является стоянка Учаши 131 на Дарьясае (Юго-Западные Кызылкумы), к которой примыкает найденная в том же районе большая группа развешенных стоянок (стоянки дарьясайского типа). На стоянке Учаши 131 вместе с большим количеством изделий из кремня найдено немного керамики. Радиоуглеродные определения образцов из шестого торфянистого горизонта (культурный слой стоянки совмещен с нижележащим пятым горизонтом) дали следующие даты 6630 ± 100 ; 6590 ± 130 (т. е. 4680 и 4640 гг. до н. э.⁵⁹). Стратиграфические и иные наблюдения в районе стоянки показывают, что нет оснований говорить о сколько-нибудь сильном хронологическом разрыве между пятым и шестым торфянистым горизонтом и что датировка стоянки VI тысячелетием до н.э. наиболее вероятна⁶⁰.

Изделия геометрической формы представлены на стоянке Учаши 131 в основном асимметричными треугольниками и трапециями. Треугольники низкие, очень вытянутые, иногда с легкой выемкой на короткой боковой стороне. Некоторые из них (с обломанными острыми концами) близки соответствующим изделиям рассматриваемых североафганских стоянок. Трапециевидные изделия стоянки чрезвычайно разнообразны, но основную группу их составляют небольшие симметричные трапеции⁶¹. Иногда для них характерны слегка вогнутые боковые края. Встречаются, и не редко, трапеции вытянутых пропорций и мелкие и высокие, близкие изделиям из Туткаула и из слоя 5 Джебела.

Характерной особенностью комплексов дарьясайского типа является наличие так называемых рогатых трапеций. Найденные на северо-

афганских стоянках четыре «рогатые» трапеции, различающиеся по форме и пропорциям, находят аналогии в материалах стоянки Учаши 131⁶².

Единичные мелкие трапеции, в основном симметричные, изредка встречаются на территории Средней Азии и позднее, в V—IV тысячелетиях до н. э. Пункты, в которых найдены трапеции, довольно многочисленны, но все они развешенные и не могут служить хронологическими ориентирами⁶³.

Можно вкратце следующим образом суммировать приведенные выше данные. Трапеции того же типа или близкие к найденным на стоянках Северного Афганистана чрезвычайно широко распространены в западных областях Средней Азии. Появляются они здесь, видимо, еще в самом конце мезолита, но наибольшее распространение получают в раннем неолите, преимущественно в VI, возможно, и в V тысячелетиях до н.э. Единично эти изделия продолжают бытовать и в более позднее время. Нам представляется, что наиболее оправданным будет хронологическое сопоставление североафганских материалов с ранненеолитическими комплексами Средней Азии, такими, как Туткаул, слой 2, Учаши 131, Джейтун, Джебел, слой 5

С.В.М. The cave of Ali Tappeh..., p. 401, fig. 7). В связи с этим возникает вопрос, фиксируют материалы слоя 3 появление мелких, в том числе симметричных, трапеций где-то в «ведрах» мезолита, или они являются смешанными, соединившими два разновременных компонента.

⁵⁹ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д.* Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов. — СА, 1977, № 4, с. 267—269.

⁶⁰ Проведенные Э. Д. Мамедовым примерные подсчеты, основанные на некоторых известных данных о скорости осадконакопления в поймах подобных рек, показали, что для накопления пойменного аллювия, разделяющего V и VI горизонты, потребовалось, видимо, не более 300—500 лет (Э. Д. Мамедов, личное сообщение).

⁶¹ Материалы стоянки Учаши 131 еще не опубликованы, имеются лишь предварительные сообщения (*Виноградов А. В., Вахтурская Н. Н., Мамедов Э.* Археолого-географические исследования в районе Дарьясае. — АО, 1968 г. М., 1969, с. 411—412; *Виноградов А. В., Мамедов Э.* Исследования в Юго-Западных Кызылкумах. — АО, 1969 г. М., 1970, с. 400, 401.

⁶² Некоторое представление о «рогатых» трапециях можно получить по материалам ряда стоянок Кызылкумов, опубликованных выборочно (*Виноградов А. В.* О распространении ранненеолитических комплексов дарьясайского типа (по материалам работ 1970 г.). — УСА, 1972, вып. 1, с. 32—34, 67, 75, рис. 8). Трапеции из Учаши 131 значительно разнообразнее по форме. «Рогатые» трапеции, близкие по форме дарьясайским, известны в подъямном материале с территории Восточного Ирана. Они либо одновременны дарьясайским трапециям, либо относятся к несколько более раннему времени (конец мезолита) (*Huckried R.* Jungquartar und End-Mesolithikum in der Provinz Kerman (Iran). — *Eiszeitalter und Gegenwart*, 1962, Bd. 12, S. 36—42, Abb. 4, 43—45).

⁶³ Обзор находок см.: *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма, с. 144—145. Имеются еще две коллекции с мелкими симметричными трапециями, полученные в результате раскопок и относящиеся скорее всего к раннему — развитому неолиту. Это стоянки Караганда 15 и Зеленая балка в Карагандинской области (см.: *Кланчук М. Н.* Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. — СА, 1965, № 3, с. 212—217). В культурных отложениях первой стоянки найдено 16 мелких трапеций, сходных с аналогичными изделиями из описанных выше памятников. Однако интерпретация материала, в частности датировка его, вызывает сомнения. Основываясь в основном на результатах пылевцевых анализов, автор датирует стоянку Караганда 15 III тысячелетием до н. э., а Зеленую балку IV — даже первой половиной II тысячелетия до н. э. Любопытно, что Г. Н. Матюшин, опираясь в основном на те же данные, делает попытку отнести слои с трапециями к позднему мезолиту (*Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 150—152).

и 5А. Учитывая сравнительно небольшой объем большей части полученных с североафганских развешенных стоянок коллекций и значительное количество найденных там трапеций, следует, видимо, считать, что последние составляют, как и в раннеолитических комплексах Средней Азии, существенную часть инвентаря этих стоянок.

Если говорить об абсолютной хронологии, то рассматриваемые материалы в целом, видимо, наиболее целесообразно отнести к VI тысячелетию до н. э., что, конечно, не исключает возможности датировки отдельных частей этого массива как несколько более ранним временем — самым концом мезолита, так и более поздним, в абсолютных цифрах — V тысячелетием до н. э.

Следует указать в заключение на опубликованные недавно подъемные материалы из района Тахта-Базара (Юго-Восточная Туркмения, среднее течение Мургаба), территориально весьма близкие рассматриваемым находкам из Северного Афганистана⁶⁴. На стоянке Тахта-Базар 2 собрана коллекция находок, чрезвычайно близких североафганским. В их числе пластинки с выемками, со скошенным концом, с притупленным краем, скребки на отщепах и концевые, небольшие призматические и конические нуклеусы и мелкие трапеции. Последних три экземпляра и в описании указано, что они симметричны. Однако, судя по приведенным рисункам, одна из трапеций явно асимметричной формы, близкая к некоторым изделиям из слоя 5 А Джебела⁶⁵. Третья трапеция со стоянки Тахта-Базар 2 аналогична находкам из слоя 5 Джебела⁶⁶ и из второго горизонта Туткаула⁶⁷. Все представленные в материалах стоянки Тахта-Базар 2 трапеции имеют близкие аналогии в афганских коллекциях. Последние близки тахтабазарским не только по составу и количественному соотношению находок, но и по общей микролитовидности инвентаря, выраженной в значительном количестве микропластин и изделий из них, мелких нуклеусов, со следами снятия узких правильных пластин, и по другим признакам. В целом коллекция из Тахта-Базар 2 ближе афганским материалам,

чем каким-либо из среднеазиатских раннеолитических комплексов. Г. Е. Марков, Г. Ф. Коробкова и Х. Юсупов отнесли стоянку к VI—V тысячелетиям до н. э.⁶⁸ и с этой датировкой нельзя не согласиться.

* * *

Полученные Советско-Афганской экспедицией материалы каменного века представляют новый существенный вклад в изучение древнейших этапов истории как Северного Афганистана, так и сопредельных территорий. Новые находки охватывают значительный хронологический диапазон — предположительно от эпохи мустье до заключительных этапов неолита. Однако наиболее полно и выразительно представлены материалы мезолитического и раннеолитического времени. Уже предварительное ознакомление с этими материалами позволяет сделать два основных заключения.

1. Мезолитические комплексы аллювиальных равнин Северного Афганистана, в том числе и самые ранние, существенно отличаются от эпилеолитических комплексов северных предгорий Гиндукуша.

2. Вместе с тем новые мезолитические находки демонстрируют сильное сходство с позднелеолитическими — мезолитическими материалами Восточного Средиземноморья и теми комплексами на территории Средней Азии, которые сложились под явным воздействием культуры восточносредиземноморского типа.

В настоящее время можно считать установленным распространение мезолитической традиции восточносредиземноморского типа на значительной части территории равнин Северного Афганистана. Можно предполагать, что здесь, как и на западе Средней Азии, мы имеем дело с двумя разнородными, очевидно, разновременными культурно-техническими традициями: одной ранней, связанной с позднелеолитической — раннемезолитической культурой Леванта и другой, находящейся под заметным воздействием технической традиции зарзийского типа. Крупные, высоких форм геометрические изделия (трапеции) изредка встречаются в нашем материале, но не играют в нем сколько-нибудь существенной роли.

Вопрос о местных истоках мезолитической культуры, видимо, останется открытым до получения на этой территории новых более выразительных и более хорошо документированных собственно верхнелеолитических комплексов. Собственно говоря, речь может идти не о местных корнях как таковых, а о степени

⁶⁴ Юсупов Х. Археологическое исследование Тахта-Базарского района. — Каракумские древности, Ашхабад, 1977, вып. V, с. 72—74.

⁶⁵ Ср.: Юсупов Х. Археологическое исследование..., с. 73, рис. 3, 9; Окладников А. П. Пещера Джебел..., с. 143, рис. 86, 4, 7, 2.

⁶⁶ Ср.: Юсупов Х. Археологическое исследование..., с. 73, рис. 3, 10; Окладников А. П. Пещера Джебел... с. 125, рис. 74, 1, 3.

⁶⁷ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение..., с. 140, рис. 4, 11—12 и др.

⁶⁸ Юсупов Х. Археологическое исследование..., с. 74.

их участия в сложении мезолитической культуры. Следует учитывать, что, несмотря на крайне ограниченный объем информации о палеолите Северного Афганистана, у большинства исследователей, анализировавших эти данные, складывалось впечатление скорее о западном, средиземноморском, чем об индостанском или сибирско-монгольском его облике. Аналогичное впечатление производят и разрозненные верхнепалеолитические находки САЭ.

В свете этих данных следует рассматривать и одну из самых сложных сейчас проблем — проблему культурного и хронологического соотношения позднего палеолита (или эпипалеолита) северных предгорий Гиндукуша (культуру Ак Купрука) и мезолита песчаной приамударьинской равнины. В качестве одной из рабочих гипотез определенным интерес представляет предложение Р. Дэвиса рассматривать хронологическую последовательность Кара Камар III (пластинки и нуклеидные скребки-нуклеусы для пластинок) — Ак Купрук — Ташкурбан 40 как проявления единой линии зарождения и развития микролитической техники на разных ее этапах⁶⁹. Предлагая эту гипотезу, автор исходит из некоторых закономерностей, наблюдаемых на примере развития микролитических индустрий Палестины (поздний ориньяк — кебара — ранний натуф), где этот процесс начинается с появления простых микролитов (микропластин), затем пластинок со скошенным концом и узких микроострий и заканчивается зарождением, а затем и широким распространением изделий геометрических форм.

Основной слабостью этой гипотезы, по мнению ее автора, является, несомненно, значительный хронологический разрыв между указанными выше североафганскими памятниками, особенно между Кара Камаром III и АК Купруком II. Мезолитические материалы из приамударьинских песков в целом не противоречат гипотезе Р. Дэвиса, характеризую более представительно, чем Ташкурбан 40, поздние этапы микролитизации. Так, в частности, небольшие комплексы с вытянутыми трапециями-прямоугольниками могли бы соответствовать в намеченной им последовательности месту кебары (а возможно, поздней кебары — раннего натуфа) в «микролитической» истории Северного Афганистана. Естественно, что искать полной аналогии в развитии кремневой индустрии на этих двух столь отдаленных друг от друга территориях было бы ошибкой. Особенно существенными различия должны были быть на поздних этапах этого процесса, что подтверждает-

ся и документально: на следующем этапе мезолит приамударьинской равнины демонстрирует, как уже говорилось, сильное воздействие культуры зарзыйского типа.

Не ясен пока вопрос о степени и характере «гиссарского элемента» в сложении неолитической культуры этого региона. Интереснейшие находки на стоянке Акли-Мамай на данном этапе не более чем повод для постановки этой проблемы. При рассмотрении ее необходимо, на наш взгляд, учитывать два обстоятельства.

Во-первых, на обследованной САЭ части песчано-аллювиальной равнины «гиссарский элемент» в кремневом материале почти полностью отсутствует. Выше, при описании материалов 1969 г. из района Акчи, были отмечены редкие находки галечных сколов и одно орудие типа чоппинга, но эта примесь столь незначительна, что не может рассматриваться как признак наличия «гиссарского элемента». Подобной степени примесь нередко бывает характерна для типично пластинчатых индустрий, особенно при использовании галечного сырья.

Во-вторых, стоянка Акли-Мамай приурочена не к равнинной, а предгорной зоне (юго-западные отроги Памира, низовье р. Кокча)⁷⁰. Оба эти обстоятельства позволяют высказать предположение о возможном обнаружении гиссарской культуры в северо-восточной, предгорной и низкогорной части Афганистана. Следует заметить, что для материалов из предгорной полосы северо-западного Гиндукуша «гиссарский элемент» в той же степени нехарактерен. Исключение составляют лишь поздние предметы гиссарского облика среди находок С. Пуглизи, зафиксированные В. А. Рановым⁷¹.

Никаких прямых свидетельств о характере хозяйственных занятий мезолитического и ранне-неолитического населения на развеейных стоянках не обнаружено, и на этот счет можно лишь строить предположения. По сообщению Л. Дюпри, кости домашней козы и овцы найдены в слоях бескерамического неолита как в Ак Купруке I, так и в АК Купруке II. В более поздних слоях Ак Купрука I, по тем же данным, обнаружены также остатки деместицированных лошадей и, возможно, крупного рогатого скота. Слой бескерамического неолита в Ак Купруке I (неолит А) имеет радиоуглеродную дату 8650 ± 100 , а соответствующий слой Ак Купрука II еще более раннюю дату — $10\ 210 \pm 235$ ⁷². Учитывая, что первые бесспорные свидетельства о наличии домашних

⁷⁰ Никонов А. А., Ранов В. А. Новые данные..., с. 41, 45.

⁷¹ Там же, с. 45.

⁷² Dupree L. Tentative conclusions..., p. 75—77.

⁶⁹ Davis R. S. The palaeolithic.

коз и овец относятся в Восточном Средиземноморье ко времени не ранее VIII тысячелетия до н. э.⁷³, а в Южном Прикаспии и Таджикистане — не ранее конца VII — начала VI тысячелетия до н. э.⁷⁴, данные по Ак Купруку II называют известные сомнения⁷⁵. Учитывая крайнюю фрагментарность фаунистических материалов из Северного Афганистана и некоторые другие данные, трудно предполагать местную доместикацию коз и овец в столь раннее время. Никаких прямых данных о появлении земледелия в каменном веке на этой территории пока не обнаружено.

Рассматривая вопрос об экономике мезолитических и раннеолитических племен песчано-аллювиальной равнины, нельзя не отметить существенных различий природных условий этой области и предгорной зоны Гиндукуша и в настоящее время, и в прошлом. Приуроченность основной массы стоянок к южной краевой части песков и зоне контакта песков с аллювиальной равниной, несомненно, была вызвана большей обводненностью этой полосы в периоды ее обживания. Постепенный процесс отмирания дельтовых частей некогда сильно разветвленной системы выходящих на равнину горных рек, а затем и частичный распад ее хорошо демонстрируется материалами изучения поселений эпохи бронзы, а также ахеменидских и античных памятников этого района. Исследования показали некоторую общую закономерность расположения разновременных памятников на равнине, примыкающей с юга к песчаному массиву, закономерность, в общем виде характерную для всей обследованной территории. Несколько южнее полосы распространения стоянок каменного века располагаются оазисы эпохи бронзы, а еще далее — многочисленные памятники ахеменидского времени⁷⁶.

Все памятники эпохи бронзы и ахеменид-

ского времени, не говоря уже о мезолитических и энеолитических стоянках, находятся сейчас на совершенно безводной пустынной равнине, между тем экономика населения в бронзовую и ахеменидскую эпоху основывалась главным образом на орошаемом земледелии.

Поэтапный процесс отмирания хвостовых частей и сокращения протяженности водных потоков на протяжении этого времени был обусловлен двумя взаимно усиливавшимися друг друга обстоятельствами: усилением аридизации климата и формированием условий, близких к современному, происходившими в конце неолита — начале эпохи бронзы, с одной стороны⁷⁷, и прогрессирующим разбором воды на орошение в последующее время — с другой. Безусловно, на раннем этапе этого процесса определяющее значение имели естественные факторы.

Исходя из этого может быть предложена реконструкция природной обстановки в этом районе в мезолите — раннем неолите. Дельтовые части горных рек в большинстве, видимо, достигали южной кромки песков, слепо заканчиваясь в их краевой части. В отдельные периоды и сезоны, соответствующие наибольшему расходу воды, здесь, очевидно, создавались режим избыточного увлажнения и соответствующая экологическая обстановка (по крайней мере на отдельных участках). Большая часть воды в этом случае расходовалась на испарение и фильтрацию в песках, однако могли существовать, хотя бы сезонно, подтопленные участки, а далее в южной части песков — небольшие фильтрационные озера. Общий подъем уровня грунтовых вод благоприятствовал закреплению песков и созданию хороших пастбищ. Экологические условия в отдельные периоды были, видимо, близки обстановке, существовавшей в дельтовых частях рек среднеазиатских равнин, существенно отличаясь лишь меньшим постоянством, неустойчивостью режима. В близких реконструируемых условиях в низовьях Зеравшана и Амударьи в конце каменного века доминировала присваивающая экономика. Главными объектами охоты были джейран, дикая свинья, тур, существенную роль в хозяйстве играло рыболовство. Заметим, что джейран и кабан до настоящего времени ха-

⁷³ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. Автореф. канд. дис. М., 1976.

⁷⁴ Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-чешме II..., с. 123; Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул... с. 146; Пахомов М. М., Ранов В. А., Никонов А. А. Некоторые данные по палеогеографической обстановке стоянки Туткаул. — СА, 1974, № 4, с. 246, 247; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства, с. 7—9.

⁷⁵ В опубликованной заметке Д. Перкинса, определяющего фаунистические остатки из памятников аккумуляционной группы, приведены данные для Ак Купрука I и II (Perkins D. The fauna of the Aq Kupruk caves: A brief note. — In: Prehistoric research in Afghanistan (1959—1966). Transaction of the American Philological Society, Philadelphia, 1972. № 9).

⁷⁶ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции, с. 20; Сарияниди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса, с. 21.

⁷⁷ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Степанов И. И. О древних почвах в песках Кызылкумов. — Почвоведение, 1969, № 9, с. 33—45; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Ландшафтно-климатические условия пустынных равнин Средней Азии в голоцене. — В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов совещания. Ташкент, 1972, с. 95—97. См. также: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. (Тезисы докладов). М., 1977, с. 11, 28—29 и др.

рактены в небольшом количестве для данного района.

Полностью исключать здесь, по крайней мере в раннем неолите (VI тысячелетие до н. э.), наличие элементов производящего хозяйства (в частности, скотоводства) нельзя, так как

невозможно рассматривать экономику населения равнины вне тесной связи с близлежащей зоной предгорий, где и в Афганистане, и в Таджикистане в VI—V тысячелетиях до н. э. уже зафиксировано наличие домашних животных.

RÉSUMÉ

«RECHERCHES DES GISEMENTS DATANT DE L'ÂGE DE LA PIERRE EN AFGHANISTAN DU NORD (LA RÉGION D'ANDKHOI-AKCHA, EN 1969 ET EN 1976)»

par A. V. Vinogradov

Dès le début des travaux de la Mission Archéologique Soviëto-Afghane les gisements de l'âge de la pierre sont devenus l'objet des explorations spéciales effectuées par l'une de ses équipes. C'était le massif de sables longeant la rive gauche de l'Amu-Daria qui était la région principale des investigations. Le massif large seulement de 20 à 30 km commence un peu à l'est de la ville de Tashkurgan et s'étend à l'ouest où, dans la région de l'Uzboi de Kelift, s'unit à ceux de sables du Kurakoum sud-ouest (dans la République Soviétique Socialiste de Turkménie).

Les particularités du relief, la végétation qui y est signalée, les résultats des processus de déflation varient d'une partie à l'autre du massif dont la bande s'étend à la distance de 300 km. Son emplacement par rapport à la vallée de l'Amu-Daria et sa forme ne laissent pas de doute sur sa genèse: il s'agit incontestablement des sables alluviaux amudariens ayant subi les effets éoliens. Mais dans la formation du relief de cette région, ce furent les cours d'eau dont les sources se localisaient dans le midi, aux épérons occidentaux de l'Hindou-Kouch, qui jouèrent aussi leur rôle qu'on ne pouvait pas négliger. Dans les périodes où le climat était plus humide pour ces derniers une abondance relative en eau était propre et leurs parties du delta se terminaient «aveuglement» dans le bout méridional du massif. A ce qu'il paraît c'est à l'activité finale de ces cours d'eau qu'est due le faisceau des couches interstratifiées de limons sableux, terres argileuses et galets, observé sur les terrains adjoints à la lisière méridionale du massif. Là, dans la zone de contact des sables et de la plaine alluviale nous avons souvent signalé les dépressions longues à peu près de 1 km, qui étaient probablement les vestiges d'anciens lits fluviaux. Un lit abandonné bien dégagé joignant les sables du côté sud est découvert dans la région des ruines de Kafir-tepé. Le lit creusé à la profondeur de quelques 1,5-2 m est large de 50 à 70 m. Ses méandres sont peu nombreux.

Les recherches géomorphologiques spéciales de la région pourraient fournir des données importantes sur l'histoire de la formation du milieu naturel compte tenu des premières apparitions des Hommes en ces lieux.

En 1969 on a effectué les campagnes de reconnaissance en prospectant le flanc occidental extrême du massif de sables sur l'itinéraire de Seberghan-Andkhoi-Jar-

kuduk-Hamab-Kelift-Akcha-Seberghan¹. On y a découvert quinze points (sites à mobilier peu abondant — voir l'explication du terme plus loin) comportant les matériaux de l'âge de la pierre, entre autres douze stations éolisées de dimensions réduites (dans le lieu—dit Nazar-Oguz et la région du hameau de Islam-punja). La partie majeure du matériel recueilli en 1968 remonte au Néolithique et au Mésolithique.

Les travaux ont été repris en 1975. On a inspecté la lisière méridionale du massif de sables depuis le hameau de Islam-punja à l'ouest jusqu'à la région de Hairaton à l'est. Les prospections de 1969 et 1975 ont montré que les hommes de l'âge de la pierre peuplaient le plus activement la partie marginale méridionale du massif et la zone de son contact avec la plaine alluviale. Dans la partie centrale des sables et à leur lisière septentrionale les trouvailles ont été extrêmement rares. Les matériaux datant de l'âge de la pierre ont été trouvés sur 82 points dont 32 représentaient les stations de plein air à couche archéologique ruinée. Le matériel lithique ramassé en 1975 (la collection se compose de plus de 10 mille objets) est attribuable à des étapes diverses du Mésolithique et revêt des analogies étroites avec les matériaux provenant du Proche Orient et de certaines régions de l'Asie Moyenne Soviétique. Les stations les plus anciennes sont celles dont le mobilier se caractérise par la présence des microlithes géométriques sous forme de rectangles allongés retouchés sur trois bords. Ils sont semblables à des objets des ensembles natufiens anciens et aussi à ceux provenant de la troisième couche de Toutkaoul (l'Asie Moyenne Soviétique). Les autres étapes du Mésolithique sont représentées par les stations, où sont collectées de nombreuses lames à dos rabattu, segmentoïdes ou sous forme de triangle asymétrique, et de bas segments allongés. Les ensembles analogues sont connus en Asie Moyenne Soviétique, en Iran et aux bords de la Méditerranée Orientale.

¹ Dans les investigations in situ des sites rattachables à l'âge de la pierre en 1969 et au cours des années suivantes participaient MM Abdul Kaïum Gulami, Zalmai Heidari et Mohammed Adjan Naïmi, collaborateurs de l'Institut d'archéologie de la République d'Afghanistan.

En 1976 deux zones de sables ont été investiguées en détail. On a examiné la lisière méridionale des sables à partir de Hairation jusqu'aux terrains salifères de Sar-i-Namak (au nord-ouest de la ville de Tashkurghan) où une nouvelle série importante de stations de l'âge de la pierre a été découverte. Outre les trouvailles mésolithiques qui composaient, aussi qu'en 1975, la partie essentielle de la collection, on y a mis au jour les matériaux se rapportant à des temps plus anciens. Il s'agit, en premier lieu, d'une série peu nombreuse de points moustériennes isolées qui ne se trouvaient plus «in situ». Un autre groupe de trouvailles auquel une série de grattoirs nucléoïdes bien déterminés est propre présente de proches affinités avec les objets provenant des stations du Paléolithique supérieur en Asie Moyenne Soviétique et en Afghanistan.

En 1976 on a également prospecté la lisière méridionale des sables dans la région située au nord de la ville d'Arkha. Les travaux de 1969 effectués en ces lieux ne portaient essentiellement que sur les parties du centre et du bord septentrional du massif de sables. Ils ont livré alors très peu de matériel. Comme les prospections de 1976 l'ont montré, la plupart de trouvailles remontant à l'âge de la pierre a été mise au jour à la lisière méridionale des sables. Là on peut citer une série importante des stations rattachables au Néolithique ancien. Ces documents ainsi que ceux ramassés en 1969 seront analysés en détail ci-dessous.

Généralement, les matériaux collectés par les soins de la Mission archéologique Soviète-Afghane en 1969 et surtout en 1975-1976 présentent un intérêt notable pour étudier les périodes anciennes de l'histoire de l'Afghanistan. A présent on peut considérer, comme un fait constaté, qu'à l'époque du Paléolithique les hommes commençaient déjà à peupler activement non seulement les avant-pays des montagnes mais aussi la plaine arrosée par l'Amu-Daria. Les recherches comparées des matériaux provenant de plusieurs dizaines de stations donnent lieu à les prendre pour la révélation la plus orientale de la culture de type Proche Orient. Leurs analogies étroites avec les matériaux datant de la fin du Paléolithique et du Mésolithique découverts en Afghanistan du nord sur divers gisements de l'Asie Moyenne Soviétique ne font que confirmer cette suggestion. Il conviendrait bien sûr de s'accorder sur certaines notions générales concernant le caractère de la culture de l'Âge de la pierre en Afghanistan du nord. Notamment, les trouvailles récentes donnent lieu à parler d'une grande diversité et d'une extrême fréquence, en ces lieux, des microlithes de formes géométriques qu' auparavant, on n'y croyait pas communs.

Arrêtons-nous de façon plus détaillée, sur les matériaux provenant de la région d'Arkha, publiés dans le présent article. En réalisant in situ, dans les sables de l'Afghanistan du nord, les travaux de recherches nous avons utilisé certaines méthodes élaborées et vérifiées pendant de longues années de pratique dans les déserts de l'Asie Moyenne Soviétique ainsi que la terminologie y relative. En particulier, en parlant des matériaux collectés sur le sol actuel nous employons les termes «stožanka» (station, site), «punkt» (le point), «poisk» (recolte, collecte). Sous le terme de station (site) on entend une grande accumulation de matériel archéologique sur une surface restreinte, limitée (généralement sur un terrain du diamètre de 10 à 30 m). Il n'y a pas de différence de principe entre les notions «station(site)» et «point». Par ce dernier terme on désigne une faible accumulation de matériaux sur une surface peu importante. Le terme «poisk» ou «obzorny poisk» (collecte sur une surface étendue) est d'un caractère tout autre. On l'emploie, par rapport au matériel que l'on décrit, pour désigner une collection d'objets isolés, disparates, rattachables pour la plupart de cas à des époques diverses et ramassés sur des aires étendues (notamment sur

les surfaces de longueur de 2 à 3 km).

Les travaux de prospection de 1976 effectués dans la région d'Arkha ont été réalisés sur le terrain entre la route de Balkh-Kelift à l'est et le hameau de Sayedabad à l'ouest. Là la lisière méridionale du massif de sables est sensiblement zigzagüée. Parfois on y observe des «caps» et des «îles» de sables, de formes alambiquées, qui s'étendent loin dans la direction du sud. Sur cette lisière méridionale de sables et dans de petits massifs sableux sous forme d'îlots situés plus au sud on a découvert une série de stations, de dimensions peu élevées, mais, par contre, à des trouvailles très intéressantes. Ce sont Safarval 1-4 (nos 419-422), Chelik-i-kol 1-4 (nos 414-417), Sayedabad 1-4 (nos 430-433), les points nos 424a, 424b, 427a, 427b, 410. La collection d'objets lithiques provenant de cette région comprend 5979 pièces (sans compter 687 objets en silex y découverts en 1969).

Les études typologiques ont permis de subdiviser l'outillage retrouvé en trois groupes:

1. Les trouvailles provenant des points nos 424a et 424b qui se caractérisent par la présence des objets de forme géométrique, notamment de bas rectangles allongés, parfois les trapèzes dont on tailla les côtés latéraux et celles supérieures. Sur le point N 424b ont été cueillis: deux pointes à dos rabattu, lames à encoches latérales à retouches sur bord, grattoir sur bout et plusieurs nucléi. Les matériaux de l'Afghanistan du nord déjà connus ne revêtent pas d'analogies avec nos trouvailles. Par contre, pour les qualifier correctement, des points de vue chronologique et historico-culturel, ce sont les matériaux provenant du site de Toutkaoul (du Tadjikistan) qui présentent une importance primordiale. De bas trapèzes ou rectangles de proportions allongées provenant de la troisième couche de Toutkaoul sont tout à fait semblables à ceux d'Afghanistan du nord et, en même temps, peuvent être comparés à des objets pariels des ensembles natufiens anciens. Il n'est pas exclu que parmi les matériaux provenant des points nos 424a et 424b puissent se trouver les objets rattachables à d'autres époques. Par exemple, les pointes à dos rabattu ne sont pas fréquentes dans la troisième couche de Toutkaoul, ces objets ne connaissent une large diffusion que dans la deuxième couche «a» de ce monument.

2. Le groupe de trouvailles résultant en premier lieu des récoltes sur les aires étendues, qui se caractérise par un haut pourcentage de pointes à dos rabattu proches à celles de la couche 2a de Toutkaoul (remontant à 7000 ans d'après la méthode radiocarbone) et à celles provenant de plusieurs autres sites de l'Asie Moyenne Soviétique et de l'Iran (Dam-Dam-chechme II, Ali-Tappéh et d'autres). Les matériaux de ce groupe sont représentés de la façon la plus complète dans les collections recueillies en 1975-1976 entre Kelift et Sar-i-Namak. Leur étude détaillée fera objet de la publication suivante.

3. Au troisième groupe se rapporte la masse essentielle de matériaux récoltés en 1976 dans la région d'Arkha. Les objets appartenant à la collection de ce type sont de caractère microlithique bien déterminé propre à des nucléi aussi bien qu'à des lames non taillées et à des outils qui en furent faits. Aux ensembles de ce groupe sont propres de menues lamelles à dos rabattu et souvent à bouts retouchés, lamelles tronquées, à encoches latérales, à retouches sur bord, grattoirs sur bout et ceux sur éclat (les deux types sont de fréquence à peu près égale), burins et aiguilles. Mais dans la collection la plus grande importance est rattachée aux pièces de forme trapézoïdale dont le nombre total monte à 25. Sur les sites c'étaient parfois des trouvailles uniques, parfois groupées en séries peu nombreuses (composées de deux ou trois exemplaires). Il s'agit d'objets de dimensions réduites dont à peu près une moitié peut être identifiée comme de menus trapèzes symétriques à cotés latéraux droits. D'autres comportent

toutes sortes d'encoches. Il est à noter que ces derniers n'ont rien de commun, de points de vue de configurations et dimensions, avec les trapèzes de Gar-i-Kamarbanda remontant au Mésolithique ancien et composent, conjointement avec les objets de formes symétriques, un seul groupe rattachable à la même époque. Un intérêt particulier est suscité par la présence, dans les collections, de cinq trapèzes dites «à cornes», (à une encoche sur le côté supérieur). Ce qui constitue un trait particulier du Néolithique ancien au Kyzyl Koum.

En Asie Moyenne Soviétique le temps où de menus trapèzes, par prédominance symétriques, étaient communs est déterminé, avec une précision suffisante, par les matériaux provenant de Toutkaoul (la partie supérieure de la deuxième couche, le Tadjikistan), gisements de type Outchachtchi (L'Uzbékistan occidental), de la culture de Djeitoune (la Turkménie sud-ouest), de la grotte de Djébel (les couches 5A et 5, la Turkménie occidentale). Tous ces ensembles sont généralement attribuables au VIe millénaire avant notre ère. Mais il est plausible que certaines formes aient été fréquentes également au VIIe millénaire avant notre ère. En Asie Moyenne Soviétique les trapèzes de ce type étaient maintenus au Ve millénaire de notre ère, en tous cas à son début. Compte tenu une quantité relativement faible de matériaux découverts sur les sites de l'Afghanistan du nord et nombre de trapèzes y retrouvés on a tout lieu à supposer que ces derniers représentent, en ces lieux ainsi que sur les stations de l'ancien Néolithique, une partie notable de mobilier.

La trouvaille, en Afghanistan du nord, de trapèzes «à cornes» et une affinité sensible générale des matériaux recoltés dans cette région avec ceux du Néolithique ancien provenant du Kyzyl koum occidental (le site d'Outchachtchi 131 et les complexes y analogues) donnent lieu à poser la question, de façon concrète, sur une seconde voie, celle orientale, par où pénétraient, en Asie Moyenne Soviétique et plus loin au nord et au nord-est, les influences d'origine méridionale (y compris les déplacements des groupes ethniques) via l'Afghanistan du nord, le long de l'Amu-Daria. D'où un grand intérêt des matériaux du site de Takhta-Bazar 2 (le cours moyen du Murghab), récemment publiés, qui revêtent des analogies extrêmement proches avec les ensembles du Néolithique ancien découverts dans la région d'Akcha.

En conclusion il est à noter que parmi les trapèzes de l'Afghanistan du nord il y a les pièces ne présentant d'analogie directe ni avec les matériaux mésolithiques ni avec ceux néolithiques de l'Asie Moyenne Soviétique. Il s'agit des deux trapèzes symétriques, plus hauts que larges, à encoches latérales bien déterminées qu'il est convenu de considérer comme les pointes de flèche à tranchant transversal. Les outillages de ce type connaissent une large diffusion dans les ensembles microlithiques de l'Afrique du nord et de l'Europe du sud où ils remontent aussi, par prédominance, à la fin du Mésolithique et au Néolithique.

Г. А. Пугаченкова

ЖИГА-ТЕПЕ
(РАСКОПКИ 1974 г.)

Жига-тепе расположен в 5 км к востоку от Дильберджина, в зоне наступающих песков, близ античной стены Балхского оазиса. Он возвышается массивом округлого плато со скошенными гранями и высоким холмом с каким-то монументальным сооружением в центре. К северу до 1,2 км, а к западу до 300 м простираются следы застройки древнего поселения и россыпи керамики на выдувах песка.

Главному тепе окрестные жители присвоили название «жига», что означает у среднеазиатских народов султан из перьев дикой птицы на макушке головного убора. Странный силуэт Жига-тепе виден уже издалека.

Рис. 1. Жига-тепе. Центральный холм и археологический разрез

Памятник привлек внимание своей круглой формой, указывавшей на какое-то особое его назначение. Подъемная же керамика здесь содержала черепки того же типа, что и в Дильберджине, не выходя за пределы античной эпохи.

В 1974 г. были начаты раскопки этого памятника. Они осуществлялись автором и Р. Сулеймановым (Институт археологии АН Узбекской ССР) при участии инспектора Института археологии Афганистана Абдулгаука. Итогам этих исследований посвящена настоящая публикация.

Первоначальная задача заключалась в выяснении стратиграфии и элементов планировки Жига-тепе. С этой целью с центрального холма вниз была протянута общая базисная линия. Вдоль нее была наполовину расчищена верх-

няя зона центрального холма (28 × 15 м), откуда до самой подошвы внешнего круга протянут сплошной бороздой широкий шурф (рис. 1). На склоне холма, где выявилась средняя зона застройки, заложен раскоп 7 × 10 м. В нижней зоне тепе, в участке внешней стены, раскоп был расширен внутри нее до 18 × 10—6 м, а по внешнему периметру стены протянут до 120 м. Общее протяжение раскопа вдоль базисной линии 110 м (рис. 2).

Общая площадь раскопа была разбита на крупные квадраты 10 × 10 м. Направление базисной линии раскопа (и соответственно квадратов) избрано не по сторонам света, а перпендикулярно к намечавшемуся в микро-рельефе направлению стен со склонением 40°

к северо-западу. Нивелировочные отметки и соответственно археологические ярусы взяты через 50 см, причем отсчет их велся от репера в верхней точке центрального холма, в основании возвышавшегося здесь триангуляционного знака. Перепад отметок от репера до подошвы стены достигает 13,6 м. Порядковая нумерация вскрытых помещений в верхней и средней зонах принята с № 1, а в нижней — с условного № 31.

В итоге работ была выявлена общая стратиграфия объекта. Описание раскопок мы даем соответственно стратиграфическим данным от наиболее ранних археологических напластований к позднейшим. Далее будем именовать участок раскопок на центральном холме «верх-

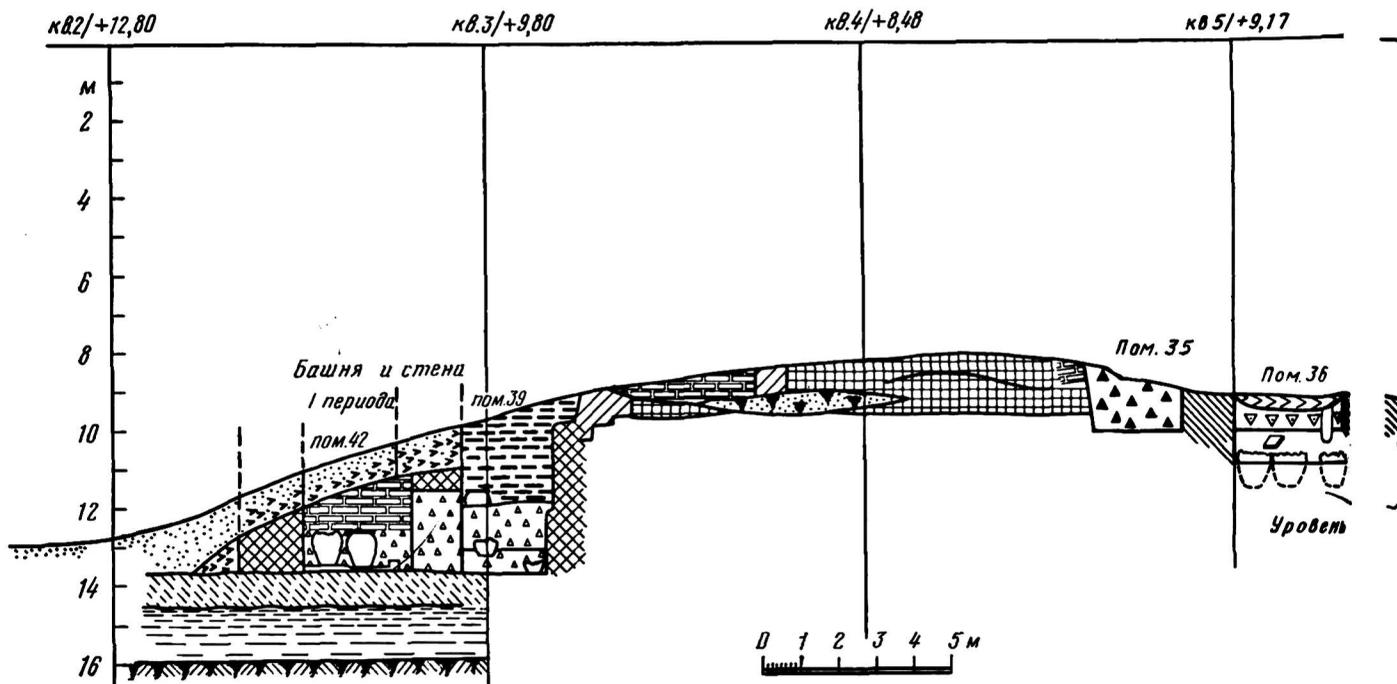
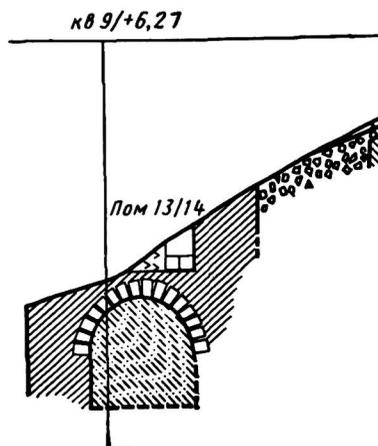

Рис. 2. Стратиграфический разрез на Жига-тепе

a — нижняя зона, *б* — средняя зона, *в* — верхняя и часть средней зоны, 1 — стена I периода; 2 — стены из сырца; 3 — сырцовые кирпичи; 4 — оплыв; 5 — надувные и натечные прослойки глины и песка; 6 — оплывы кладок — глина, куски сырца, угольки; 7 — зольно-угольный слой; 8 — плотная глина; 9 — стена из пахсы; 10 — рыхлая глина; зола, фрагменты керамики; 11 — надувной песок, фрагменты керамики, большое включение золы; 12 — рыхлый завал, глина, песок, керамика, зола; 13 — забутовка глиной с фрагментами керамики, угольками, шлаками; 14 — очень плотная, однородная глина; 15 — уплотненная комковатая глина, фрагменты керамики, угольки, зола; 16 — линза песка; 17 — зольная линза; 18 — глина с золой; 19 — обрушенные кладки, глина, песок; 20 — плотная глина-тоюн, подстилающая стену и башни; 21 — глиняная забутовка, местами с отстойной поверху сырцом; 22 — завал разрушенных кладок; 23 — завал комковатой глины; 24 — оплыв разрушенных кладок; 25 — древнейший культурный слой; 26 — уплотненная глина с кусками сырца, керамикой, угольками; 27 — рыхлая глина, зола, органические остатки; 28 — материк

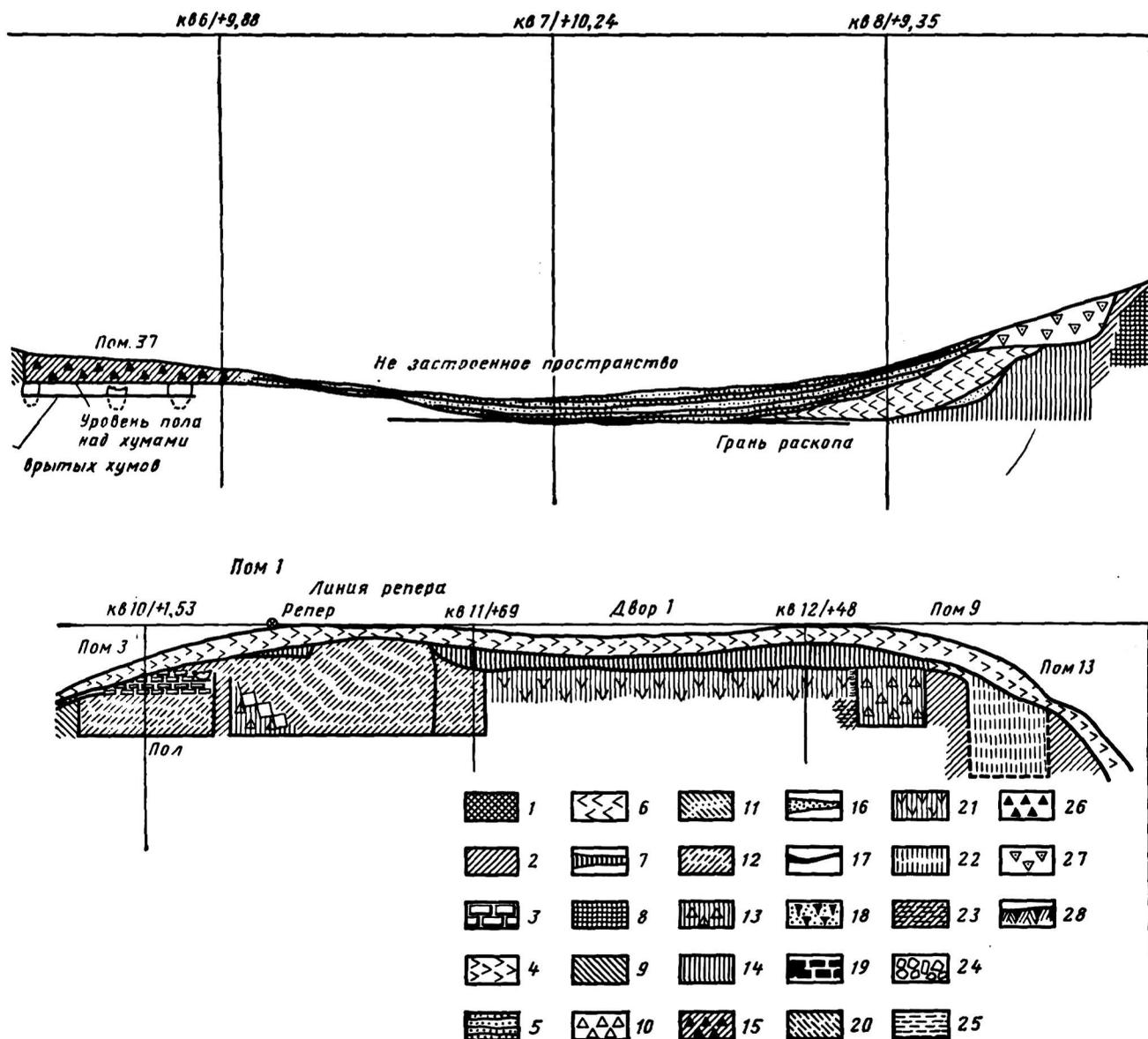
ним», на ограждающей стене с прилегающей к ней внутренней застройкой — «нижним», а промежуточный отдел — «средним» (рис. 3).

Шурф в квадрате 2 у подошвы стены и одной из башен (4) показал, что материк находится по отношению к реперу на отметке 16 м. Материк представляет собой плотную голубовато-серую глину алевролитового характера, свидетельствующую, вероятно, о близком к ней в древности уровне грунтовых вод, что могло быть одной из причин выбора места поселения.

Над этим материковым грунтом следует полуметровый слой плотной глины с отдельными невыразительными фрагментами керамики. Над ними — 10-сантиметровая прослойка песка и выше на 75 см слой менее плотной глины, также

с включениями отдельных черепков и угольков. На нем на отметке 14,5 м в шурфе оказалась сплошная зольная прослойка пожара или кострища. Затем до отметки 13,6 м следует на 60—70 см слой комковатой глины болотного характера с песком и фрагментами керамики. Это так называемый тоюн, образующийся от долгого недвижимого стояния воды, когда глина уплотняется и пропитывается органическими вкраплениями. Выше начинается конструкция внешней стены Жига-тепе.

Весь описанный культурный слой, залегающий над материком, мы обозначаем условно принадлежащим к нулевому периоду, поскольку на вскрытом участке он не связан с какой-либо застройкой, полученные же на нем фраг-

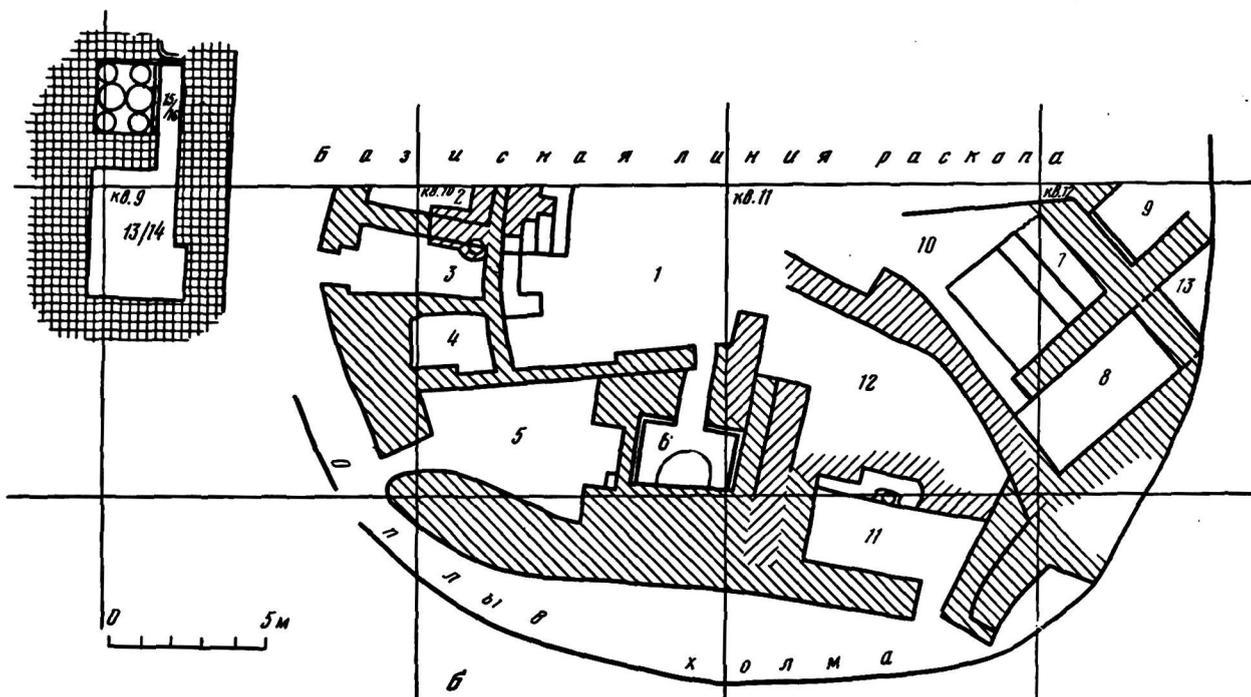
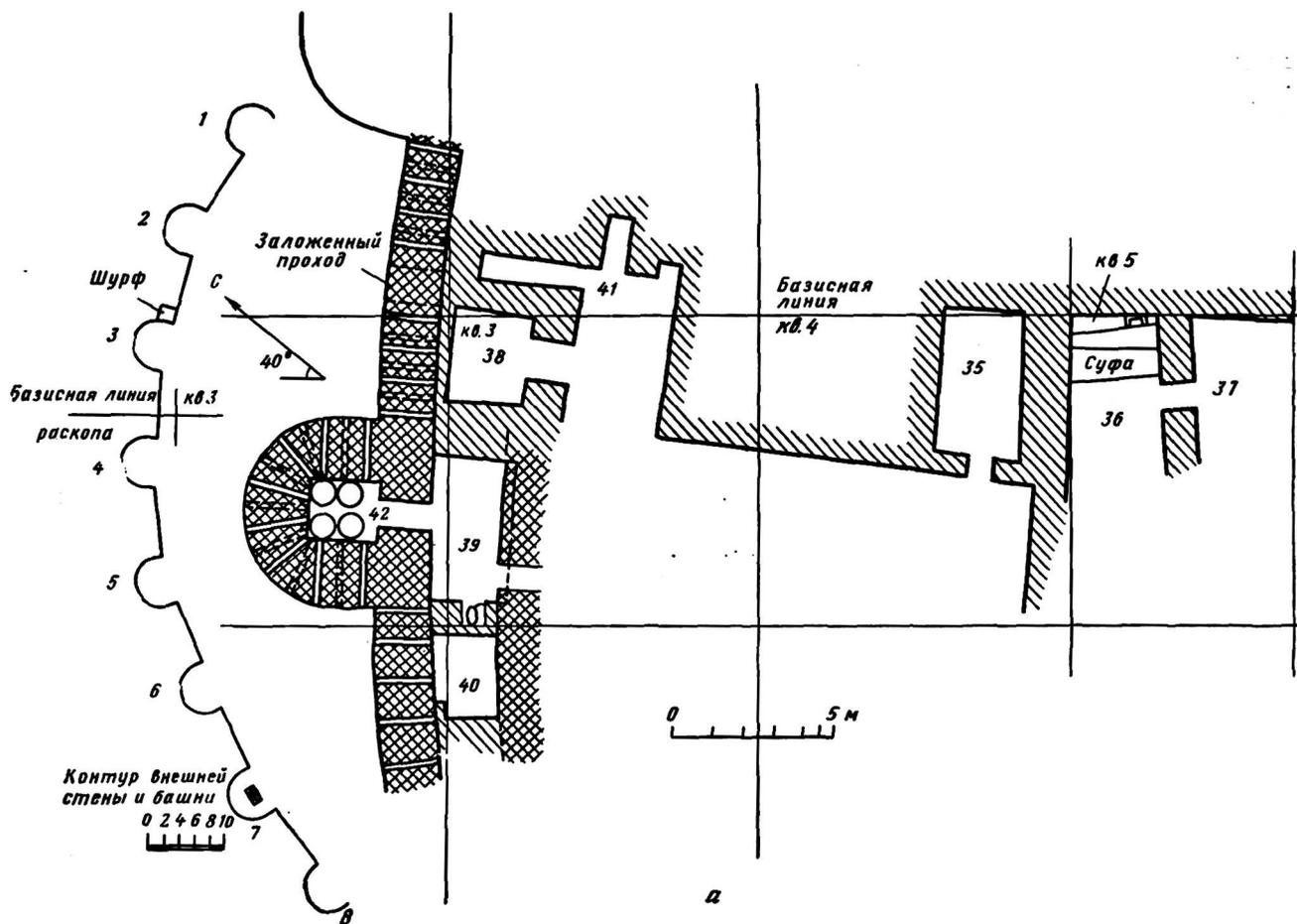

Рис. 3. План раскопанных сооружений
 а — раскоп «Верхний» и частично «Средний»;
 б — «Нижний»

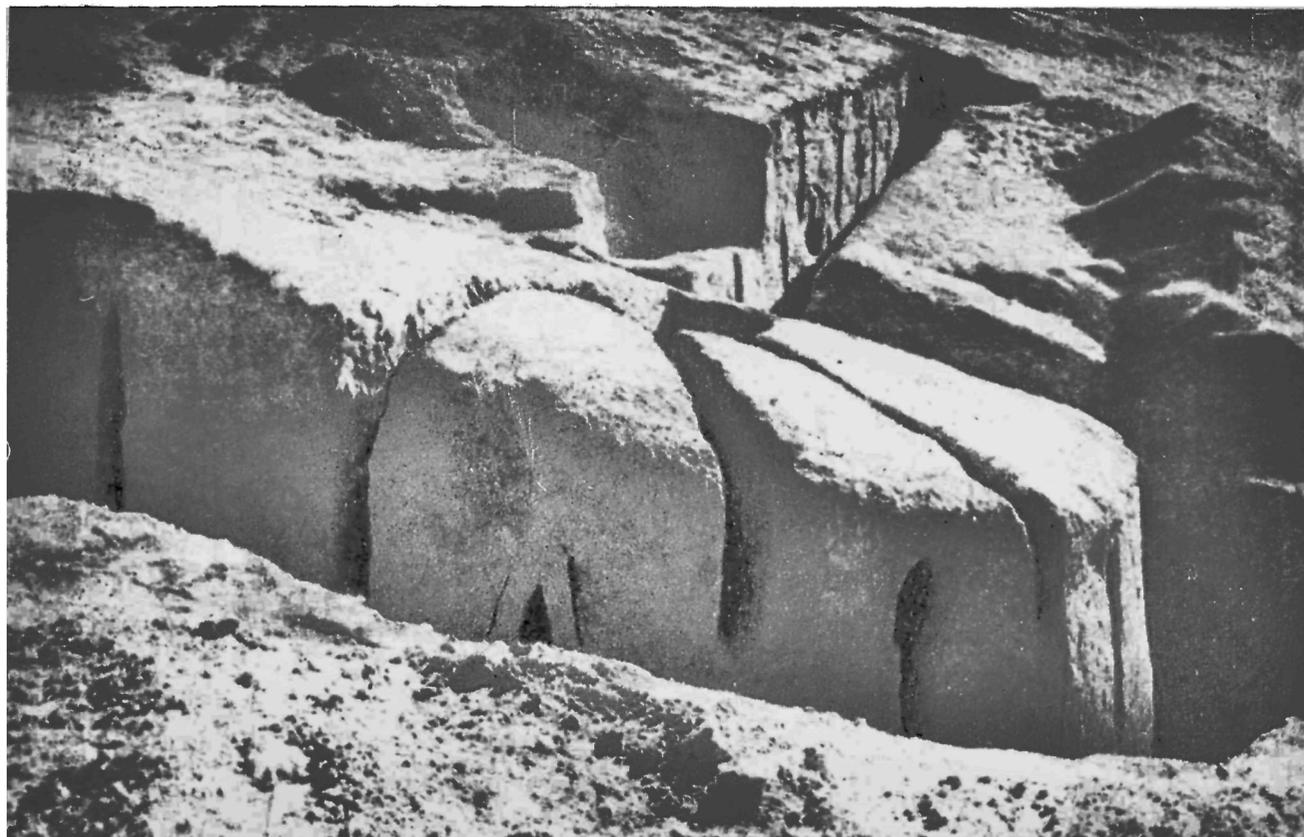

Рис. 4. Одна из башен внешней стены

менты керамики маловыразительны и пока не дают сколько-нибудь определенной датировки.

I период — основной в истории формирования Жига-тепе, отмечен возведением над нижним слоем внешней круговой стены толщиной 1,7 м. Промер и подсчет по хорде и ее высоте дают диаметр около 150 м, но, разумеется, окончательно уточнить его можно будет лишь после полных раскопок.

В участке наших вскрытий в квадратах В2 — В3 параллельно внешней стене проходит внутренняя стена и между ними расположены либо галерея, либо помещения пролетом 2,15—2,25 м.

Внешняя стена фланкирована округлыми башнями с внутренними камерами (рис. 4). Очертание башен следует на 1 м перпендикулярно стене, а затем переходит в полуциркулярную форму диаметром 6 м. Полностью было вскрыто шесть башен и частично две. Пролеты куртин между ними (от первой до седьмой): 9,55 м; 9,05; 8,80; 9,85; 8,65; 8,95; 9,20 м.

Сделаны следующие интересные наблюдения — ось башни 1 ориентирована строго на север. Деление вычисленной нами длины окружности (с допуском некоторых колебаний) на среднее расстояние между осями башен дает число их, равное 30 или 32.

Камеры башен прямоугольные, в них из галереи или смежного помещения ведет дверной проем. Размеры расчищенной от закладок камеры в башне 4—2,3 × 1,95 м.

Сохранность кладок на вскрытом отрезке стены неоднородна и притом по внешнему фасу они ниже, чем по внутреннему контуру: в куртинах местами она достигает по высоте 4 м, у башен же в углах — от 3,5 до 2 м, а в наиболее выступающей части глина смыта и свеяна от 1,5 до 0,80 м.

Кладка стены и башен осуществлена рядами пахсы. Нижний цокольный ряд на высоту 1 м выведен со скосом внешней грани, что придает ему конструктивную и зрительную усадчивость, выше пахса уложена вертикально. На высоте 0,6 м и 1,25 м от подошвы размещены в шахматном порядке узкие стреловидные бойницы (рис. 5, а, б). Число их в куртинах достигает 13—15, все перпендикулярны к фасу стены, в башнях же их по 14—15, и размещены они радиально. Размеры бойниц 115 × 14—15 см, их треугольное завершение образовано стыками наклонно поставленных под острым углом

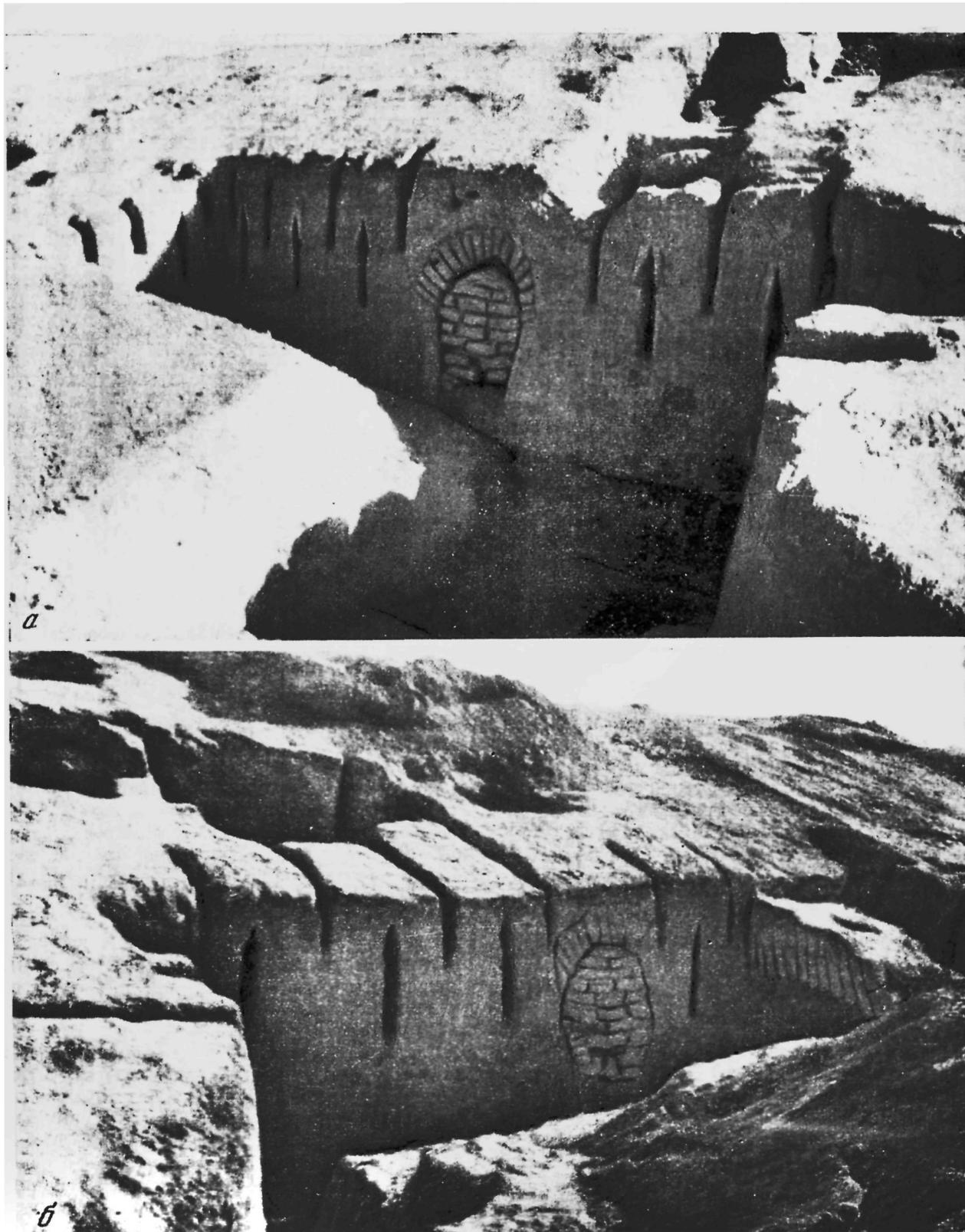

Рис. 5. Участки внешней стены и башен (а, б)

Рис. 6. Внешняя стена. Заложенные проходы (а, б)

а

б

Рис. 7. Средняя зона. Помещения 15/16

квадратных сырцовых кирпичей размерами 37—39, × 10—11 см (варианты до 40 см в стороне). Все бойницы, заполненные со временем натеками глины и песком, оказались при расчистках сквозными — ложных или заложенных изнутри нет.

В простенках куртин имеется по дверному проему, расположенному посредине, со сдвигом то вправо, то влево от оси. Высота проходов 1,85—1,95 м. Они перекрыты арками (пролет 1,20—1,40 м) полуциркульного очертания, с радиальной выкладкой кирпичей тычком и треугольными швами, густо залитыми глиняным раствором (рис. 6, а, б). Размеры сырцовых кирпичей 37—38 × 37—38 × 10—11 см; в замках арок они иногда укорочены поверху горизонтальным срезом.

В строительном этапе IA все проходы были наглухо заложены сырцом 38—40 × 38—40 × 10 см (целые или куски кирпичей), а местами просто подбитованы глиной. При этом в обводной стене был оставлен единственный главный вход, отчетливо выделяющийся в микро-

рельефе городища. Он обращен на запад, в сторону Дильберджина, в соподчинении которому, очевидно, находился Жига-тепе. С этого времени камеры башен и отсеки галерей (или комнаты?) использовались в качестве складских помещений. На полу камеры, вскрытой в башне 4, оказалось четыре смежно поставленных хума, в прилежащем к ней помещении 39 — донца нескольких хумов.

Этап I — Б запечатлен повышением в помещении 39 уровня пола до 0,3 м и установкой на нем нового хума, от которого сохранилось лишь днище, так как впоследствии он был разбит.

На последнем этапе I — В — камера башни 4, проход в нее и помещение за стеной практически не использовались и превратились в место свалки глины, золы и фрагментов керамики, высотой от 0,6 м до 1 м.

По-видимому, в I периоде в центральной части охваченного по кругу пространства располагалось монументальное сооружение. Косвенным свидетельством тому служит общая высота центрального бугра, где уровень полов постройки следующего II периода на 4,15 м выше полов башен и помещений обводной застройки I периода.

Как показал раскоп в квадратах 6—7 между этой застройкой и центральным сооружением, был пониженный, видимо, не застроенный широкий обвод: здесь в разрезе оказались лишь натеchnые глино-галечные и песчано-надувные слои.

II период. Башни и внутрстенные отсеки утрачивают свое первоначальное назначение. Камеры башен в уровне бойниц закладывают крупноформатным прямоугольным сырцовым кирпичом (52—53 × 35—36 × 10 см в башне 4; 56—58 × 36—38 × 10—11 см в башне 7). В отсеке помещения 39 в проходе из него в камеру башни над рыхлым завалом глины, золы и другими на отметке 12—11,8 м появляется уплотненный уровень неровного пола, в котором вкапаны новые хумы.

На склоне центрального холма в нашем раскопе оказалось по две комнаты I и II этажей двухэтажного здания, возведенного на руинах более раннего сооружения. В нижних (14 и 16) сохранились своды, выведенные перпендикулярно друг другу. От верхних комнат (13 и 15) дошли лишь частично стены и полы. Стены толщиной до 1,5 м, сложены из сырца 39—40 × 39—40 × 11—12 см. Своды нижних комнат выведены отрезками из клиновидных кирпичей 38 × 27—25 × 10 см, на глиняном растворе (рис. 7).

Все четыре помещения хозяйственно-бытового назначения. В помещении 16 стояли хумы (рис. 8), в помещениях 13 и 15 на полах найдено свыше десятка глиняных и терракотовых ткацких грузил (рис. 9), а за северо-восточной стеной помещения 15 видна уходящая в не-вскрытую толщу часть какого-то обмазанного известковым раствором резервуара, обложенного вишу жженым кирпичом. В квадрате 5 обнаружена часть хумханы данного периода, где крупные хумы стояли на глинобитной суфе.

У четвертой куртины, когда подошва стен еще оставалась незанесенной песком и, значит, стены поддерживались в хорошем состоянии, был сложен штабель сырцового кирпича размерами 37—38 × 37—38 × 11—12 см (варианты толщины 10 и 13 см). Возникшее было предположение, что это ремонтный контрфорс, отпадает, так как ни у стены, ни между рядами нет скрепляющего глиняного раствора. Очевидно, кирпич был поставлен впрок. С течением времени кирпичи оползли, образовав сильный наклон.

Этап II—А знаменует временное запустение Жига-тепе. Оплывает внешняя стена и башни; стены помещений 39 и 40 ветшают, осыпаются, имеют неровную поверхность; очевидно, они какое-то время подвергаются воздействию непогоды; покинуто и разрушается центральное здание и лишь через значительный отрезок

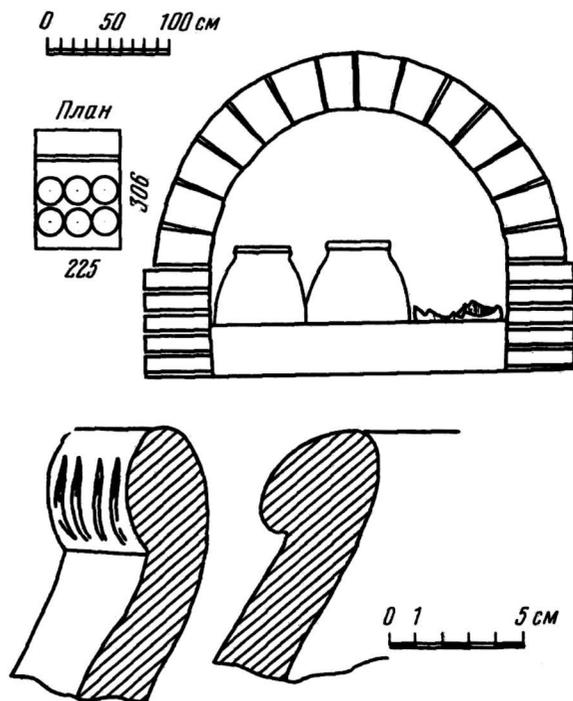

Рис. 8. Помещение 16 с хумами

Рис. 9. Ткацкие грузила (глиняные и терракотовые)

времени его руины преобразуются в платформу для новой застройки.

III период. Как показали вскрытия в квадрате 8 для предохранения высокого (до 7,5—8 м от подошвы) основания нового сооружения от дальнейших размывов, за внешними стенами помещения 13/14 и 15/16 (т. е., очевидно, и всего здания II периода), осуществляется обкладка плотной массой глины, а также разноформатным сырцом, взятым, видимо, с пришедших в упадок более ранних строений (52 × 28 × 10—12, 40 × 40 × 11—12, 36 × 36 × 10 см и др.).

Это новое здание представляло собой жилой дом неправильной овальной формы (около 33 м с северо-востока/юго-запада) и с абсолютной иррегулярной планировкой. Выявлена часть внутреннего дома (1/10) с выступающими торцами стенок (возможно, от навесов-айванов на деревянных стойках), группа трапециевидных комнат с криволинейной внешней стеной в северо-западной четверти дома (2—5) подпрямоугольных и трапециевидных — в юго-западной (6—9, 11, 17). Стены выведены из пахсы, из сырца и комбинированной кладкой обоих материалов. Сырец размером от 35 × 35 × 9—10 см до 37 × 37 × 10 см. На некоторых вынутых нами кирпичках оказались клейма в виде Р или черты с двумя вмятинами пальца. Перегородка же между двориком 1 и помещением 5 сложена из сырцовых кирпичей 50 × 35 × 10—12 см (несколько штук — 40 × 30 × 10 см).

Полы здания лежат в разных уровнях — в северо-западной четверти на 3,2 м от репера, в юго-западной — 4,4 м. Следов перекрытий не обнаружено. В продолговатых комнатах они могли быть сводчатыми, но в трапециевидных помещениях — скорее балочными.

Помещения 3, 5, 11 имеют выходы наружу: очевидно, за внешней стеной проходила обводная галерея (открытым навесом или замкнутая?) либо располагались балконы. Помещения 6, 7, 12 связаны проходом с двориком 1/10.

Из архитектурных деталей во вскрытой группе помещений следует упомянуть в помещении 5 арочную нишу (возможно, заложенный проход), выведенную из сырца — тычками, радиальной кладкой, с выступающей перед ней суфой (рис. 10), а также полукруглую сырцовую тумбу высотой 80 см у западной стены помещения 6, назначение которой остается неясным (культовое, бытовое, производственное?). Подъем и вход в дом располагались с восточной стороны — они пока не вскрыты, но ясно обозначены в микрорельефе.

Дворик и комнаты заполняет археологический материал хозяйственно-бытового характера: кухонные остатки, масса фрагментов ке-

рамики, кости животных, грузила и пряслица и т. п. Это был, несомненно, жилой дом типа небольшого замка, расположенного на высокой крутой платформе.

В нижней зоне Жига-тепе в тот же период также осуществляется значительное и столь же неупорядоченное строительство. Над руинами древней круговой стены и над примыкающими к ней помещениями, заполненными рыхлым завалом (глина, песок, зола, фрагменты керамики), на отметке 11,8—12 м выявлен пол (или уплотненный уровень) новых помещений 38—41. В полосе 10-метровых квадратов раскопа и на смежных вскрытых участках обнаружены также контуры комнат 35, 36 и, видимо, двора 38. Их оконтуривание далось не без труда, так как в ряде случаев помещения как бы опущены в более ранний культурный слой и стены сливаются с ним, поскольку представляют лишь обкладку пахсой по внутреннему периметру этих помещений. Они имели хозяйственно-бытовое и складское назначение. Во многих из них оказались хумы (в помещении 35 они стояли на полу, перекрывающем наполовину отбитые хумы предшествующего II периода).

В IV периоде в верхней и нижней зонах Жигатепе осуществляются последние перестройки. К этому времени почти все помещения и дворы были заполнены хозяйственным мусором, особенно в нижней зоне, где скопились огромные зольно-угольные пласты с горелой глиной, крошками гипса и битой керамикой. Над ними обнаружены платформенные отмостки в один-два ряда квадратного сырцового кирпича со сторонами 35 см, иногда 36—37 см, толщиной 9 см, иногда 10—11 см. На некоторых из них нанесены черта и пара вмятин от пальцев. Иногда выстилки переходят просто в толстую глиняную смазку. Контуры новых стен здесь не улавливаются — они разрушены до основания, но местами обнаружены днища некогда врытых в пол хумов, скопления керамики, зольно-угольные пятна.

В верхней зоне производится забутовка помещений овального здания на 2—2,4 м выше его первоначальных полов. Здесь образуется платформа, местами с выстилкой из сырца 35 × 35 × 8 см. За полтора тысячелетия ветер и осадки почти полностью уничтожили новое сооружение. Планировка его не восстанавливается, нам удалось проследить лишь отдельные отрезки стен над помещениями 1, 2, 3, 10, не совпадающих с нижележащими.

В системе ограждений Жига-тепе примечательны общая круговая форма и полукруглые башни. То и другое на территории Бактрии — Южной и Северной — восходит к очень древним местным традициям. В группе поселения Дашлинского оазиса САЭ вскрыт круп-

ный храм эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.) — Дашлы III. Он имеет круглую форму, с разделенным на отсеки обводным кулуаром, откуда входы ведут к девяти башням, расположенным на равных расстояниях. Эти башни квадратного плана, с квадратными же камерами¹. Вместе с тем крепость Дашлы I прямоугольна в плане, но стены ее фланкированы полукруглыми башнями. Камер в них не обнаружено, но так как все кладки сохранились на незначительную высоту, не исключено, что они располагались здесь над сплошной кладкой цоколя².

К эпохе раннего железа относится огромное городище Алтын-Дильяр-тепе с кольцевой внешней стеной, фланкированной полукруглыми башнями и монументальным прямоугольным сооружением в центре, также с округлыми башнями³. Тем же периодом датируется по

Рис. 10. Комната № 5

археологическому комплексу Кутлуг-тепе в Фарукабадском оазисе. Это круглое здание с тремя концентрическими рядами стен и входом в форме полукруглой башни⁴.

Оба памятника отнесены к ахеменидскому времени, т. е. VI—IV вв. до н. э.⁵ Между тем исследование Узбекстанской искусствоведческой экспедицией древних городищ Северной Бактрии Кызыл-тепе и Бандыхан-II в Шурчинском районе Узбекской ССР, с аналогичными археологическими комплексами позволяет поднять начальную датировку обоих упомянутых южнобактрийских памятников еще к предахеменидскому времени. Кызыл-тепе и Бандыхан-II обнесены стенами с внутрискрипной галереей и фланкированы полукруглыми башнями с внутренними камерами. Стены и башни имеют бойницы (в прямом расположении на стенах и радиальном в башнях).

Несмотря на близость к упомянутым памятникам древнебактрийской архитектуры общих архитектурных форм Жига-тепе, археоло-

¹ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции. — ДБ — 1976, с. 6, рис. 2; Сарияниди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии. — СА, 1977, № 1, с. 204 и сл., рис. 1.

² Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. — СА, 1971, № 4 с. 155, рис. 1.

³ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы..., рис. 10.

⁴ Сарияниди В. И. Памятники..., с. 210 и сл., рис. 9.

⁵ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы..., с. 12; Сарияниди В. И. Памятники..., с. 216.

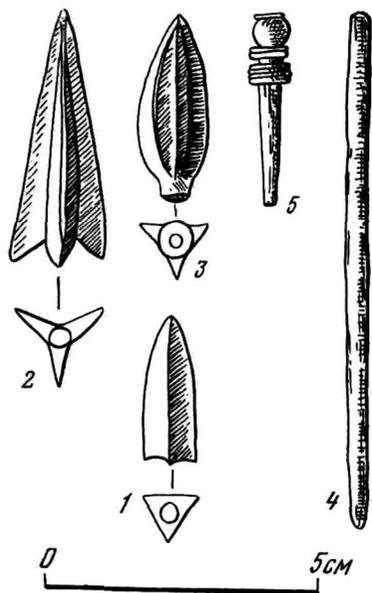

Рис. 11. Находки

1—3 — бронзовые наконечники стрел; 4, 5 — фрагменты стилей

Рис. 12. Фрагменты надписей: на терракотовой плите и на черепках (1—3)

гический материал не дает оснований к их синхронизации. Хотя со времени прихода в Бактрию греков здесь существенно меняются принципы фортификации, в частности, стены фланкируются либо выступами, либо подквадратными башнями (Ай-Ханум), причем оба приема сохраняются и получают дальнейшее развитие в кушанское время, в античной бактрийской фортификации иногда еще возводятся традиционные полукруглые башни. Таковы укрепления Зар-тепе, крупного античного города Северной Бактрии. Вероятно, не без влияния бактрийской традиции появляются полукруглые башни и в укреплениях кушанской Таксилы — городища Сирсукх⁶. Отметим в этой связи непрочность аргументации японского археолога Ш. Куваяма, который подвергает сомнению кушанскую датировку фортификации Сирсукха исходя из предвзятой концепции, что башни при Кушанах к северу от Гиндукуша были квадратными, а не круглыми. Соответственно он «замолаживает» и датировки цитадели с полукруглыми башнями в Тепе-Скандер в Кабулистане, изучавшегося экспедицией Кюотского университета⁷.

Датировка «нулевого» слоя Жига-тепе, подстилающего стены, затруднена в силу невыразительности мелких керамических фрагментов, обычно плотного красноватого черепка со светлым ангобом, но не дающих сколь-нибудь характерных профилей. Под башней 6 обнаружен бронзовый наконечник стрелки со скрытой втулкой (высота 26 см, стороны граней 11 мм), трехгранной формы и с куполовидным профилем (рис. 11, 1). В среднеазиатской археологии подобные наконечники датируют VI—IV вв. до н. э. Возможно, что этот экземпляр связан еще с «нулевым» горизонтом. За внешней стеной Балхской округи на выдувах песка обнаружены целые россыпи керамики ахеменидского времени, а при раскопках 1976 г. на Дильберджине она выявлена под его цитаделью.

Для датировки I периода большое значение имеют медные монеты и фрагмент плитки с греческой надписью, хотя они и обнаружены уже в переотложенных слоях. Одна из монет оказалась в слое пушонки центрального холма над помещением 3, другая — над очагом помещения 36, на отметке 9,9 м. Обе сильно окислены, изображения прослеживаются с трудом. Эти монеты со скошенным гуртом, сегментовидные в сечении, диаметром 20 мм. На выпуклой стороне их видна мужская голова вправо, с густыми кудрявыми волосами, а на обо-

⁶ Marshall J. Taxila. t. I Cambridge, 1951, p. 217, сл.; t. III, pl. 42.

⁷ Kuwayama Sh. Kapisi Begram III: renewing its dating. — Orient, 1974, vol. X.

роте одной из монет — часть конской фигуры вправо с выброшенными в галопе ногами, и сверху часть легенды...ΑΣΙΛΕ... Обе принадлежат местному чекану Евтидема. На аверсе голова бородатого Геракла вправо, а на реверсе — скачущий вправо конь, над и под фигурой которого надпись ΒΑΣΙΛΕΟ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ⁸. Только для этого греко-бактрийского царя и его предшественника Диодота характерны монеты со скошенным гуртом.

В дерновом слое на башне 4 оказалась верхняя угловая часть керамической плитки сероватого цвета размерами 8,7 × 10,5 см при толщине 1,2 см (рис. 12, 1). Плитка была квадратной или прямоугольной, с левого края ее сохранилось отверстие (диаметр 7 мм), свидетельствующее, что некогда она была прибита к стене или столбу. Наружная поверхность отшлифована, и на ней вырезана греческая надпись хорошим греческим алфавитом — без тех искажений, которые уже в нем появляются в индо-парфянском и кушанском чекане. Анализ надписи остается за специалистами, здесь следует отметить, что слова ΔΙΟΓΕΝΗ («Богородный») и ΠΑΤΡΟΣ (отец—отче?), может быть, свидетельствуют о посвятельном характере плиты и связи ее с неким сооружением «для бога», т. е. храмом.

Среди фрагментов керамики из нижней зоны нашего раскопа имеются черепки, близкие к греко-бактрийским из Ай-Ханум. В числе их несколько экземпляров плотного сероглиняного черепка с почти черным ангобом. Характерна, например, тарелочка с невысоким кольцевым поддоном, раскинутыми стенками и утолщенным, с заострением венчиком⁹; чашка с более выпуклым резервуаром (подобные находили в Ай-Ханум¹⁰, а также в нижних слоях Дильберджина¹¹); стенка кубка.

Другая группа изделий — плотного, светлого черепка: миска, покрытая двусторонним ангобом серо-стального цвета; край тагары с мягко утолщенным венчиком, покрытый изнутри розово-красным ангобом с лощением; нижняя половина небольшого кратерообразного сосуда (или кувшина?) на устойчивой ножке с профилированным снизу выемом, покрытого ярко-красным ангобом и вертикальным лощением¹² (рис. 13).

⁸ *Smith V. Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta. Oxford, 1906, p. 8, pl. 1—7; Whitehead R. B. Catalogue of the coins in the Punjab Museum, Lahore. Oxford, 1914, p. 12, pl. 1—16.*

⁹ Ср.: *Gardin J. C. Céramiques, Fouilles d'Ai Khanoum. — MDAFA, t. XXI. Paris, 1973, p. 128, pl. 127.*

¹⁰ *Ibid.*, p. 130, pl. 128.

¹¹ *Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, рис. 12, с. 18, 19.*

¹² *Gardin J. C. Céramiques..., p. 145, pl. 134, 136.*

Хумы периода I-A из заполнения башни 4 с чуть выпуклым дном. Общим профилем они сходны с айханумскими, но их утолщенный с заостренным переломом над шейкой венчик несколько отличен¹³.

Приведенный перечень археологических объектов дает основание датировать I период, когда возникает комплекс Жига-тепе с обводом его круговой стеной и, очевидно, центральным зданием, греко-бактрийской эпохой; при этом, судя по монетам Евтидема (около 230—200 гг. до н. э.), еще III в. до н. э.

В числе находок ранней даты имеется еще два бронзовых наконечника стрел. Оба оказались в более поздних слоях. Один (из помещения 37, на полу) трехлопастной, с выступающей втулкой; лопасти дугобразного контура, втулка короткая; общая длина 33 мм, длина головки 27 мм, ширина 13 мм. Другой наконечник (из верхнего уровня заполнения помещения 11) трехперый со скрытой втулкой, ребра прямые, остроугольные и приспущенные; длина 43 мм, ширина у основания граней 15 мм (рис. 11, 2, 3).

В классической археологии датировку бронзовых наконечников того и другого вида относят к V—IV вв. до н. э.¹⁴, иногда доводя ее до III в. до н. э. Едва ли правильно жестко придерживаться этой хронологии применительно к Средней Азии. Комплекс подобных стрел обнаружен в крепостном сооружении Мерва, возведение которого восходит к парфянскому времени. З. И. Усманова справедливо отмечает, что во II—I вв. до н. э. в Маргиане, когда уже преобладало железное оружие, в том числе железные наконечники стрел, еще бытовали бронзовые втульчатые трехперые наконечники¹⁵. При раскопе Квадратного дома на городище Старая Ниса, богатый инвентарь которого восходит ко II—I вв. до н. э., в одном из помещений оказалась кучка трехперых бронзовых и мелких железных наконечников стрел. Те и другие, таким образом, сосуществовали в эту пору в Парфии. Раскопки в Ай-Ханум подтверждают подобное сосуществование и в Греко-Бактрии в III—II вв. до н. э., причем примечательно, что среди найденных здесь наконечников число бронзовых и железных одинаково¹⁶. Сказанное позволяет соотнести оба наконечника с I периодом Жига-тепе.

¹³ *Ibid.*, fig. 15.

¹⁴ Ср., например: *Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 159, 160, табл. 1.*

¹⁵ *Усманова З. И. Эрк-кала. — ТЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, с. 64 и сл., рис. 33, а.*

¹⁶ *Gouin Ph. Les Petits objets. «Fouilles d'Ai Khanoum». — MDAFA, t. XXI 1973, p. 195—197.*

0 1 5 10 см

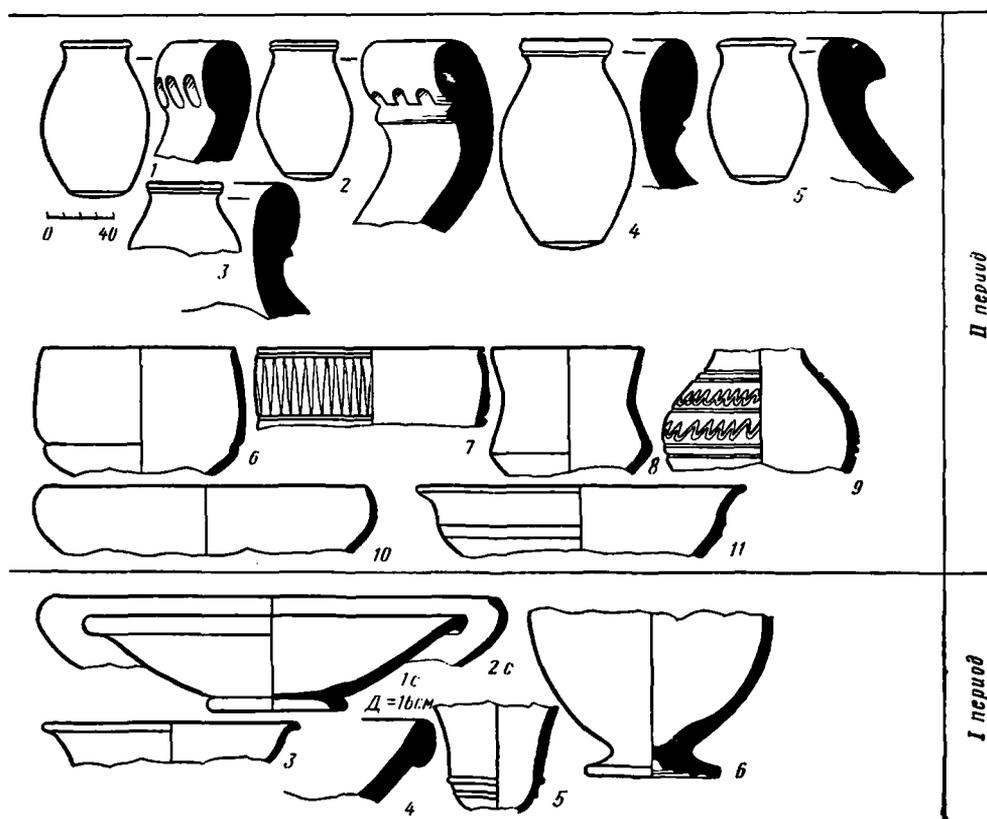

Рис. 13. Керамика I и II периодов (1—11; 1—6)

Этап I — А связан с закладкой всех дверных проемов в межбашенных отрезках стен и установкой хумов в башне 4 и помещении 39. Учитывая, что уровень полов остается прежним, можно думать, что он отделен от периода I не столь уж большим промежутком времени. Точно датирующего материала мы здесь не имеем. Следует, однако, обратить внимание на закладку проемов продолговатым сырцом $52 \times 36 \times 10$ см. Этот формат почти совпадает с сырцом из нижних греко-бактрийских кладок храма Диоскуров, а также и в раннекушанском доме (раскоп V), где он применен в комбинации с квадратным¹⁷.

II период наступает после значительного перерыва, отмеченного накоплением в башне и смежных с ограждающей стеной помещениях толстого слоя глины. После этого, как уже было отмечено выше, башни забутовывают сырцом, помещения же используют с хозяйственными целями, а в центральной зоне на возвы-

шенной платформе (вероятно, руины более ранней постройки) возводится новое здание.

Конструкция сводов на вскрытом здесь участке аналогична сводам кушанского времени в Дильберджине¹⁸ и укреплениях главных ворот¹⁹.

Найдено пять медных монет чекана Великих Кушан. Монеты сильно окислены, сохранность плохая, изображения угадываются с трудом. В числе их: на нижнем полу помещения 36, где врыты хумы (на отметке 10,3 м), — крупный халк, диаметр 25 мм, видимо, чекана Хувишки (?): изображения стертые, но на обороте как будто фигура государя, сидящего на тахте. Три халка Васудевы I. Один из слоя нижней зоны в том же помещении 36 (на отметке 9,70 м): аверс — стоящий государь, реверс — Шива с быком влево, диаметр 1,5 мм. Другой — с теми же изображениями, диаметр 21 мм, из завала во дворике 1 (на отметке 1,20 м). Третий, полуобломанный, диаметр 18 мм, — из завала глины и золы в квадрате Л (отметка 9,68 м), с отчетливым изображением на аверсе — государь в панцире, правая рука над алтарем,

¹⁸ Там же, с. 128 и сл., рис. 70.

¹⁹ Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина (см. статью в настоящем сборнике, с. 101).

¹⁷ Пугаченкова Г. А. К познанию античной и ранне-средневековой архитектуры Северного Афганистана. — ДБ — 1976, с. 125, 126.

левая приподнята, реверс неразличим. В том же завале квадрата Л (отметка 10,4 м) был халк Васудевы II, диаметр 18 мм, со смутными изображениями: аверс — государь прямо, реверс — сидящая богиня.

Характерен состав керамики II периода, отобранной из соответствующих уровней помещений 13/14, 15/16, 39, 40 (рис. 14, 15).

Хумы — одна из наименее эволюционирующих форм древних тарных сосудов. Для II периода они дают некоторые разновидности венчика. У хумов из помещения 16 он либо отогнут наружу, с приострением, либо просто в форме утолщенного валика, по которому на одном из хумов нанесены вмятины пальцем. Хумы из нижней зоны Жига-тепе в виде валика с приостренным перегибом над шейкой, один из них также с пальцевыми вмятинами. Черепок красноватый, снаружи — светлый ангоб (рис. 13).

В общем сервизе столовых форм характерны бокалы и кубки, чаши, миски, горшки.

Бокалы обычно на ножке с выемом снизу, иногда отлого-конической, но чаще профилированной одним-двумя перегибами; резервуар их — полуовоидный или рюмкообразный. Кубки на отлого-конической ножке с выемом; широкий резервуар полуовоидной формы, с выпуклым перегибом при переходе к почти вертикальной верхней части. Черепок этого вида сосудов красный, лишь иногда охристый, ангоб двусторонний, красный (реже розовый), снаружи по нему нередко вертикальное лощение.

Чаши-фиалы тонкостенные, профиль их имеет несколько вариантов: а) невысокий поддон, с легким выемом, стенки распахнутые, мягко круглящиеся, верхняя же часть с загибом внутрь; б) то же, но вверху легкий отгиб наружу; в) то же, но с выпуклым перегибом стенки под приостренной закраиной, на поло-конической ножке. Обычно чаши покрыты густокрасным ангобом (оттенки от вишневого до ярко-красного), но в одном случае внутри нанесен черный ангоб. На некоторых внутри имеется беспорядочное лощение, а на особо изысканных экземплярах нанесено арочное лощение, а снаружи по бортику — сетчатое; г) чаша почти полусферическая на поло-конической ножке.

Миски на поло-коническом поддоне, стенки резервуара крутые, с отгибом вверху. Черепок их красноватый или светлый, внутри обычно красный ангоб, но есть экземпляры с двусторонним черным ангобом. Иногда на внутренней поверхности стекой проведены концентрические линии, мелкая волна и овальные наколы.

В комплексе керамики из нижней зоны Жига-тепе уже появляются миски-вазы с прямыми

Рис. 14. Керамика II периода (1—3)

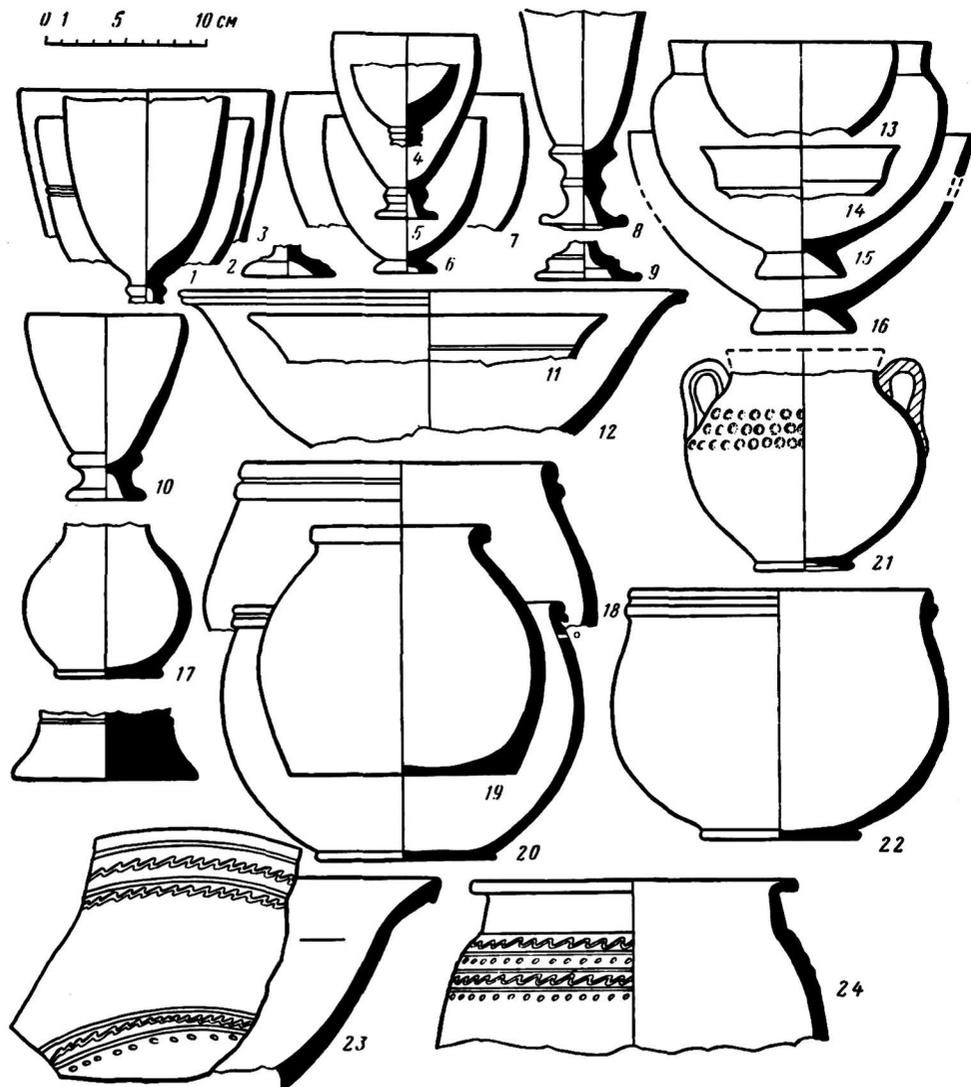
раскинутыми стенками, широкие борта которых изнутри профилированы и украшены волнистым орнаментом, а по краю закреплены две витые горизонтальные ручки с зубчатым переходом от них к закраине. Этот вид сосудов получит распространение в позднекушанское время.

Горшки с невысоким или поло-коническим поддоном, со сферовидным туловом и почти вертикальным бортиком, иногда оттянутым в виде горизонтальной закраины. Черепок плотный, красноватый или светлый. Снаружи красный ангоб, заходящий по краю изнутри. На одном фрагменте снаружи — орнаментация, нанесенная стекой: концентрические и волнистые линии и наколы. Другая разновидность горшков со слегка выделенным широким поддоном, иногда просто с плоским дном, сферовидным туловом и выпуклым профилированным венчиком. Под ним подчас имеется четыре круглых отверстия для подвязывания крышки или же для подвешивания. Сходны по форме и небольшие горшочки.

Что касается кувшинов, то судить о их полной форме затруднительно: в нашем комплексе мы располагаем лишь фрагментами горловин, некоторые с S-образными ручками, закреплявшимися на горле и плече, и невысокие поддоны или просто плоские донья. Поверхность их обычно покрыта светлым ангобом.

Не вдаваясь в детальный анализ отдельных керамических форм описанного комплекса, отметим, что в целом весь он находит прямые параллели в керамике из кушанских слоев Дильберджина. Типы хумов, кубков, чаш, мисок (и их орнаментация) аналогичны полученным на кушанском поселении Дурмантепе (в 12 км к юго-западу от Кундуза)²⁰.

²⁰ Mizuno S., Odani N. Durman Tepe. — In: Durman Tepe and Lalma. Kyoto, 1968, fig. 6, 7, 10.

Кубки с выпуклым перегибом резервуара встречаются начиная от раннекушанских до позднекушанских слоев Северной Бактрии²¹ (но формы бокалов там иные, чем в жигатепинском комплексе). В Балхе они найдены в кушанском и кушано-сасанидском стратиграфических слоях²². Чаши типа «в» многочисленны в кушанских слоях Халчаяна²³, Дальверзин-тепе и Термеза²⁴, а миски (в том числе с орнаментацией «волной» и наколами на внутренней по-

верхности) — в Кей-Кабад-шахе²⁵, Халчаяне²⁶, Термезе²⁷, Шахри-Гульгуля²⁸ и др.

Судя по подъемной керамике на поселении у Жига-тепе, аналогичной описанным группам, это поселение разрослось именно в кушанское время. За проездом главных ворот, выделяющихся в рельефе Жига-тепе двумя выступами, тянется улочка, по обе стороны которой высятся холмы былых построек. Далее большие и малые всхолмления выделяют многокомнатные дома или целые блоки смежных домов. Съемка одного из таких жилых массивов, вы-

²¹ Тургунов Б. А. К изучению Айртама. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, рис. 13; Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзин-тепе, — СА, 1971, № 4, рис. 13.

²² Gardin J. C. Céramiques de Bactres. — MDAFA, t. XV, 1957, pl. XXIV.

²³ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, рис. 19, 20, 39, 40, 60, 61.

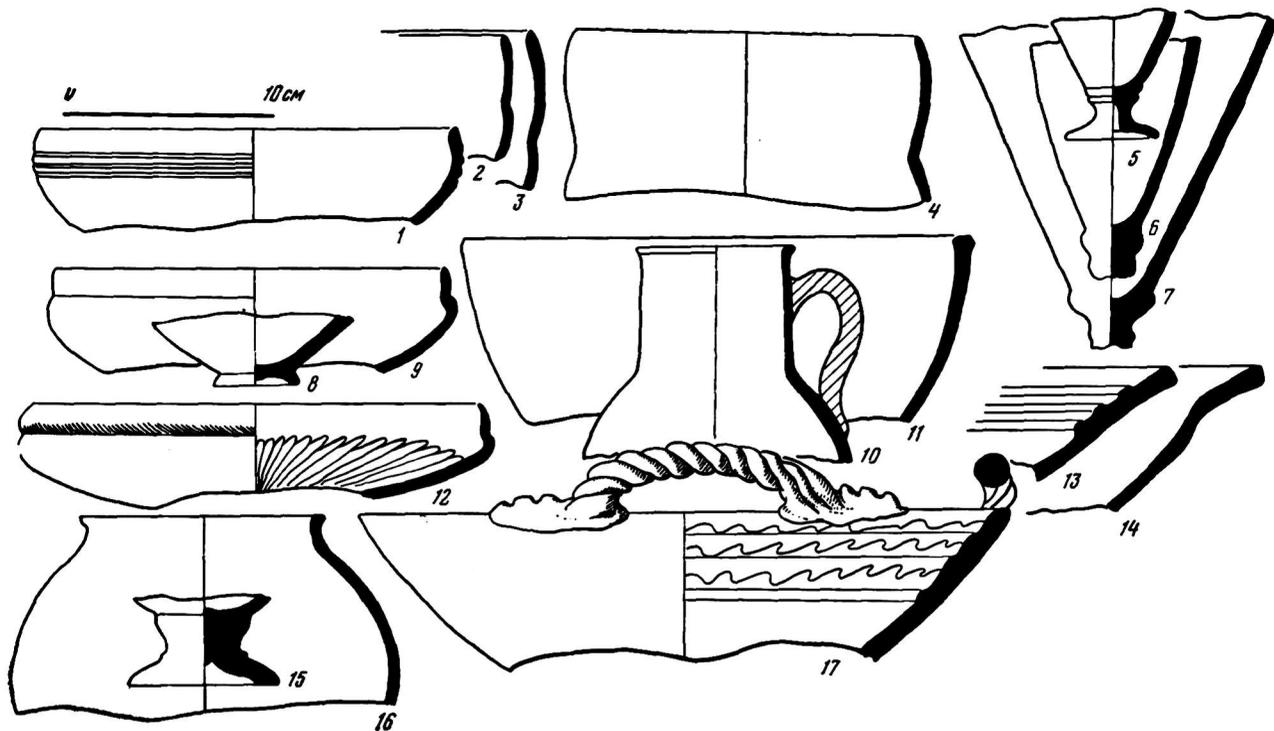
²⁴ Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на пятаке древнего Термеза. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, рис. 4.

²⁵ Мандельштам А. М., Пезнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА, 1968, № 66, рис. 11.

²⁶ Пугаченкова Г. А. Халчаян, рис. 40, 60, 61.

²⁷ Козловский В. А., Некрасова Н. Г. Стратиграфический шурф..., рис. 3.

²⁸ Тургунов Б. А. Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии. — В кн.: Бактрийские древности. с. 105, рис. 2, 13.

8

ступающего из барханов, где дома разделены узкими проулками, сделана нами по гребням стен (рис. 16).

Среди подъемного материала заслуживает внимания фрагмент терракотовой матрицы, найденной нами прямо на поверхности в средней зоне Жига-тепе (рис. 17, 1). Матрица представляла род толстой, круглой лепешки диаметром около 15 см и толщиной 11—13 мм, на которой выдавлено глубоким рельефом обратное изображение. От нее сохранился лишь верхний сегмент.

На оттиске мы видим круговой бордюр в виде плоских, сплетенных «в косичку» ремешков. В круглом поле центральной композиции (диаметром до 13 см) — возлежащий на ложе мужчина, который обнимает за талию стоящую за ним женщину. Вверху, в поле справа и слева от обоих персонажей, — обрамление из крупных заостренных листов или лепестков. У женщины тяжелое, подквадратное лицо, начельная повязка в две полосы, на шее двойная гривна, платье высоко подхвачено двойным кушаком, а между грудей и под ними проходят к спине две рельефные перетяжки. Правая рука полусогнута, кисть ее — на колене мужчины, левая протянута, придерживая над его головой венец. Голова и фигура мужчины сохранились лишь наполовину. Он возлежит в вычурной позе, видимо, опираясь на подушку или просто на ложе локтем левой руки. Голова обращена в трехчетвертном поворо-

Рис. 15. Керамика II периода (а, б, 1—24; 1—17)

те вправо, торс до пояса передан почти фронтально, а бедро и нога — в профиль, лицо массивное, с крупными чертами, волосы обрамляют его короткими широкими прядями, спускающимися из-под овальной шапочки. Одет мужчина в кафтан (или тунику?) с широкой каймой по краю, перепоясанной у бедер, складки которого переданы несколькими углубленными, косыми линиями. Ноги в узких шароварах и облегкающей обуви причудливо перекрещены, упираясь носками в бордюр.

Описанная пластическая композиция и ее персонажи живо напоминают один из так называемых туалетных дисков из Сиркапа Таксилы²⁹. На нем тоже возлежащий на высокой банкетке мужчина, опирающийся о нее согнутым локтем левой руки, в которой держит чашу (вероятно, чаша была и у мужчины на жигатепинском муляже), за ним стоит женщина с венком в приподнятой руке, а справа от ложа сидит другая женщина, к которой он повернул лицо (это объясняет и поворот у нашего персонажа, смотрящего, очевидно, в сторону не сохранившейся на матрице фигуры). Датировка диска, по стратиграфическим данным, восходит к индо-сакскому периоду — I в. до н. э. Исследователи именуют изображение

²⁹ Marshall J. Taxila, t. III, pl. 144, № 63.

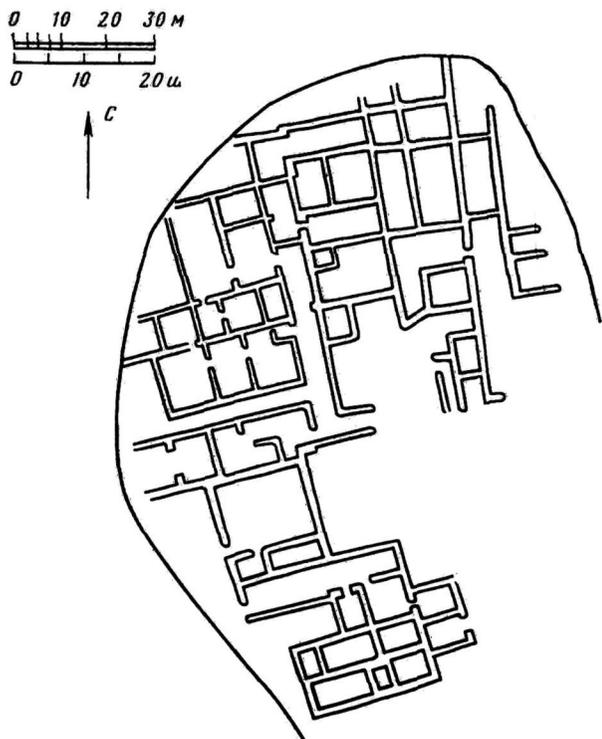

Рис. 16. Западный блок жилых строений на поселении

«сценой винопития» и отмечают его эллинизирующие черты³⁰, хотя, по мнению К. В. Доббинса, «стиль его правильнее считать иранским, может быть, парфянским или скифским»³¹. Но, может быть, добавим от себя — бактрийским?

Фрагмент матрицы из Жига-тепе — бесспорное свидетельство местного изготовления муляжей с этой сценой, на которые, очевидно, был соответствующий спрос. При сходстве с изображением на сиркапском туалетном диске, здесь обращает внимание иной характер одяния: у мужчины на диске из Сиркапа пышные, в горизонтальную складку шаровары парфянского типа, у мужчины из Жига-тепе они неширокие, со слегка намеченными вертикальными складками, первый — в мягкой рубашке с драпирующимися рукавами, второй — в более плотной, позиция ног у них различна, женщина на сиркапском диске — в эллинизированной тунике и гиматии, женщина на жигатепинском — с опоясками на талии и между грудей. Бактрийский мастер по-своему интерпретировал популярный, очевидно, сюжет. Датировка матрицы, судя по еще больше-

Рис. 17. Керамика

1 — фрагмент матрицы и отиск с нее; 2 — корень ручки со скульптурным налепом

³⁰ Ibid., t. II, p. 494, 495; *Dobbins K. W. Gandharan Art from Stratified Excavations.— East and West. 1973, vol. 23, № 3—4, p. 285.*

³¹ *Dobbins K. W. Gandharan Art...*, p. 285.

му, чем в Сиркапе, отходу от эллинистической модели, может быть отнесена уже к началу нашей эры.

В III—IV периодах жизнь на поселении у Жига-тепе сокращается. Об этом свидетельствует устройство на месте покинутых и оплывших домов кушанского времени на поселении керамических печей, где, очевидно, изготовлялась посуда для местного использования.

На основном объекте Жига-тепе III—IV периоды разделены хронологическим интервалом, который, вероятно, исчислялся несколькими десятилетиями поскольку верхнее здание III периода не просто перестраивалось, но пришло в упадок и послужило основанием для более поздней постройки. Однако судя по единообразному составу археологических находок, оба принадлежат единой историко-культурной среде. В силу этого расчленение их пока не представляется возможным, тем более что культурный слой периода IV, прослеживающийся лишь в верхней зоне раскопа, не превышает 0,8—0,9 м. Можно утверждать, однако, что оба принадлежат кушано-сасанидскому времени — об этом говорят находки монет, извлеченные из разных уровней — от поверхности тепе до полов построек верхней и нижней зоны.

Таких монет получено 75. Монетные кружки мелкие, диаметром от 10 до 14 мм, тоненькие, чаще не круглой, а слегка овальной формы. Все они сильно окислены, изображения почти неразличимы.

Поскольку вокруг датировки кушано-сасанидских монет не утихает дискуссия, медный же чекан кушано-сасанидских эмиссий вообще крайне слабо изучен, здесь отметим лишь те разновидности изображений, которые до лабораторной очистки монет из Жига-тепе нам удалось в экспедиционных условиях в контурах рассмотреть (рис. 18). В числе их подражания чекану Васудевы I, где на аверсе представлена стоящая фигура, а на реверсе — сидящая³². Другая группа подражаний — с изображением на реверсе Шивы с быком (тип Хормизда I Кушаншаха, по А. Бивару)³³.

На ряде экземпляров видна тамга — иногда это род спаренных завитков, обращенных вверх и с точками понизу (тамга Хормизда и Варахрана)³⁴, иногда полумесяц или комбинация

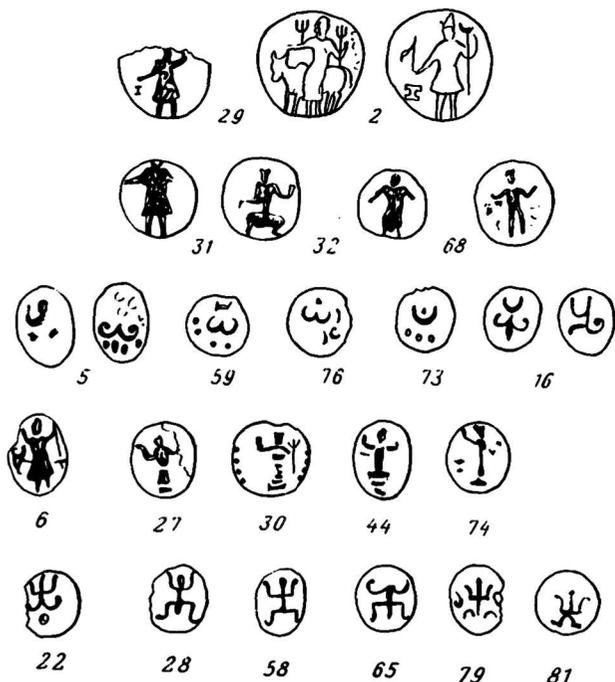

Рис. 18. Монеты из верхних слоев (2, 5, 6, 16, 22, 27—32, 44, 58, 65, 68, 74, 79, 81)

того и другого. Есть варианты тамги трехзубчатой на черте с «ножками» — варианты подобных (но не идентичных) известны в чекане Варахрана³⁵. К группе Хормизда и в основном Варахрана принадлежат монетки, на реверсе которых изображен бюст божества на алтаре с разведенными руками, в левой из которых он держит трезубец³⁶.

Датировки кушано-сасанидских эмиссий одни исследователи относят к III—IV вв., другие — к IV—V вв. Поскольку при обильном составе кушано-сасанидских монет не только из Жига-тепе, но и из Дильберджина, нет ни одной кидаритской, а единичные экземпляры эфталитского чекана найдены в слоях запустения и в позднейших погребениях, мы считаем, что ко времени Кидаритов, т. е. во второй половине IV в. жизнь на Жига-тепе уже замирает. Соответственно III—IV вв. датируют сооружения и археологические слои III—IV периодов нашего памятника.

Эти слои дали обильный керамический материал (рис. 19). Наряду со станковой значительен процент лепной керамики. Даже первая по сравнению с кушанской отличается заметным ухудшением черепка — более пори-

³² Подобный тип см.: *Herzfeld E. Kushano-Sassanian coins.* — *Memoris of the Archaeological Survey of India, Calcutta, 1930, № 38, pl. III, № 16-d.*

³³ *Bivar A. D. The Kushano-Sassanian Coin Series.* — *Journal of Numismatic Society of India, 1956, vol. XVIII, p. 23, 35, № 25.* См. также: *Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, табл. XIII.*

³⁴ *Bivar A. D. The Kushano-Sassanian...*, p. 17; *Луконин В. Г. Культура...*, табл. XXI.

³⁵ *Луконин В. Г. Культура...*, табл. XXI.

³⁶ Ср. там же, табл. XXI; *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина.* — ДБ — 1976, табл. на с. 175 и сл.

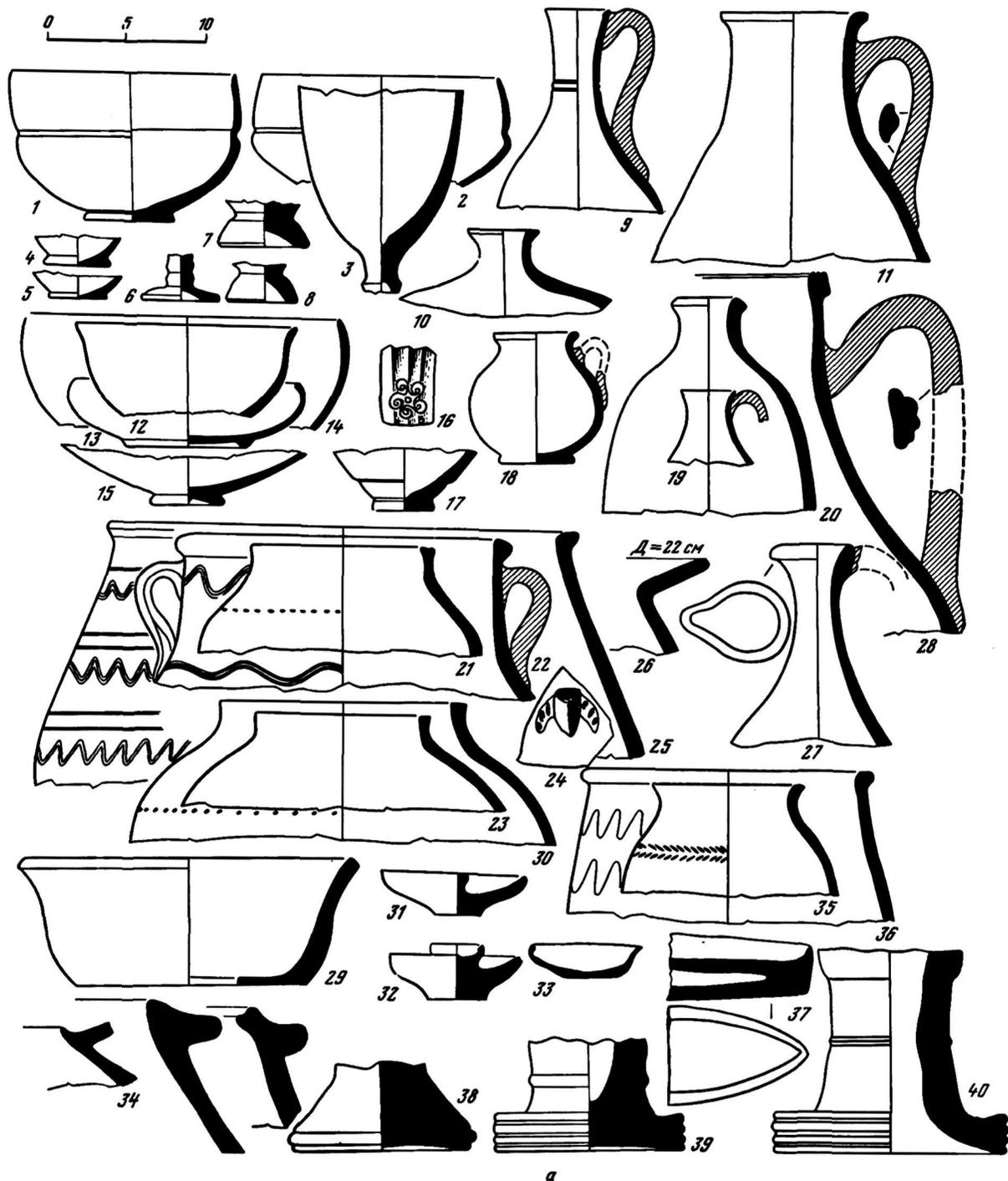

Рис. 19. Керамика

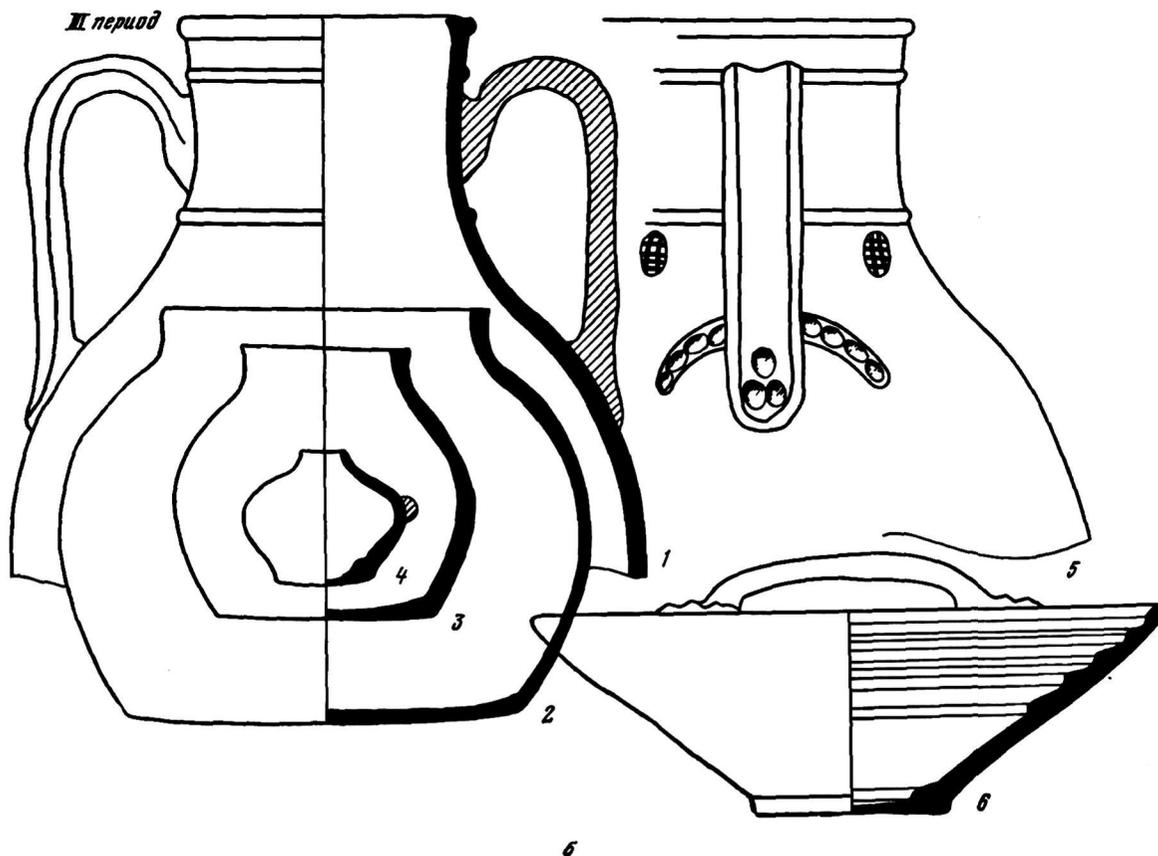
а — III — IV периодов (1—40); б — III периода (1—6)

стого, в основном желтовато-серого цвета. Ангоб также желтовато-серый, либо бурокрасный, либо черный, обычно легко отслаивающийся.

В составе керамических форм хозяйственные сосуды: хумы, хумча, лоханки-тагара,

кувшины, горшки, котлы; из столового же сервиза (где почти исчезают бокалы и кубки) — чаши, миски, миски-вазы, небольшие горшочки, кувшинчики.

Хумы и хумча иногда с валикообразным венчиком, но чаще всего с резко оттянутым, подпрямоугольным или лопаткообразным; в тесте их значительная примесь дресвы, черепок иногда плохо прокаленный, с темной поло-

сой. Котлы лепные, крупные, сферической формы с невысокой горловиной, горизонтально срезанной по краю и с перегибом в придонной части.

Среди лепной керамики отныне заметное место занимают кухонные горшки с аналогичной котлам закраиной, туловом утяжеленного книзу профиля, плоским дном; на плечах их иногда нанесена полоска наколов стекой. Горшки станковые немногочисленны. Они имеют закраину, профилированную двумя-тремя валиками, или же оттянутый широкий борт; поддон широкий и невысокий. Поверхность покрывает коричневато-красный ангоб, иногда зубчатым инструментом нанесены волнистые полосы орнамента; на одном экземпляре прикреплены две витые ручки. Небольшой горшочек украшен налепом в виде спиралевидных рогов архара. Другой некрупный двухручный горшок оформлен в три ряда штампованными розетками.

Широко представлены в данном керамическом комплексе кувшины. Целых экземпляров или таких, по которым можно было бы восстановить форму, к сожалению, мы не имеем. Кувшины крупные и среднеразмерные, чаще всего двухручные, горло широкое, с небольшим венчиком, обычно профилированным поверху же-

лобком. Оно мягко переходит к широким плечам, на которые от него спускаются ручки — у крупных кувшинов почти вертикальные, у прочих с легким S-образным выгибом. Донья плоские с небольшим поддоном. Примечательную черту составляет украшение плеч многих кувшинов штампованным орнаментом (найлены десятки фрагментов). У крупных кувшинов особый интерес представляет оформление корня ручек в виде примятой нажимом пальцев развилки в два-три конца или же в форме налепного полумесяца, иногда с таким же нажимом по поверхности (рис. 20).

Особую форму составляют в данном керамическом комплексе графины и ойнохои; по существу это единый тип, отличие лишь в верхней части горловины, которая имеет у ойнохои оттянутый носик. Черепок их плотный, тонкостенный. Горловина узкая, стройная, плавно переходящая к плечу, на которое от закраины спускается своим длинным корнем S-образно выгнутая ручка. Поверхность покрыта красным ангобом и по нему нанесено вертикально-полосчатое лощение (рис. 19а, 9, 27).

Очевидно, эти изящные, тщательно выделанные сосуды использовались на пирах и пирושках, хранили же в них вино, которым всег-

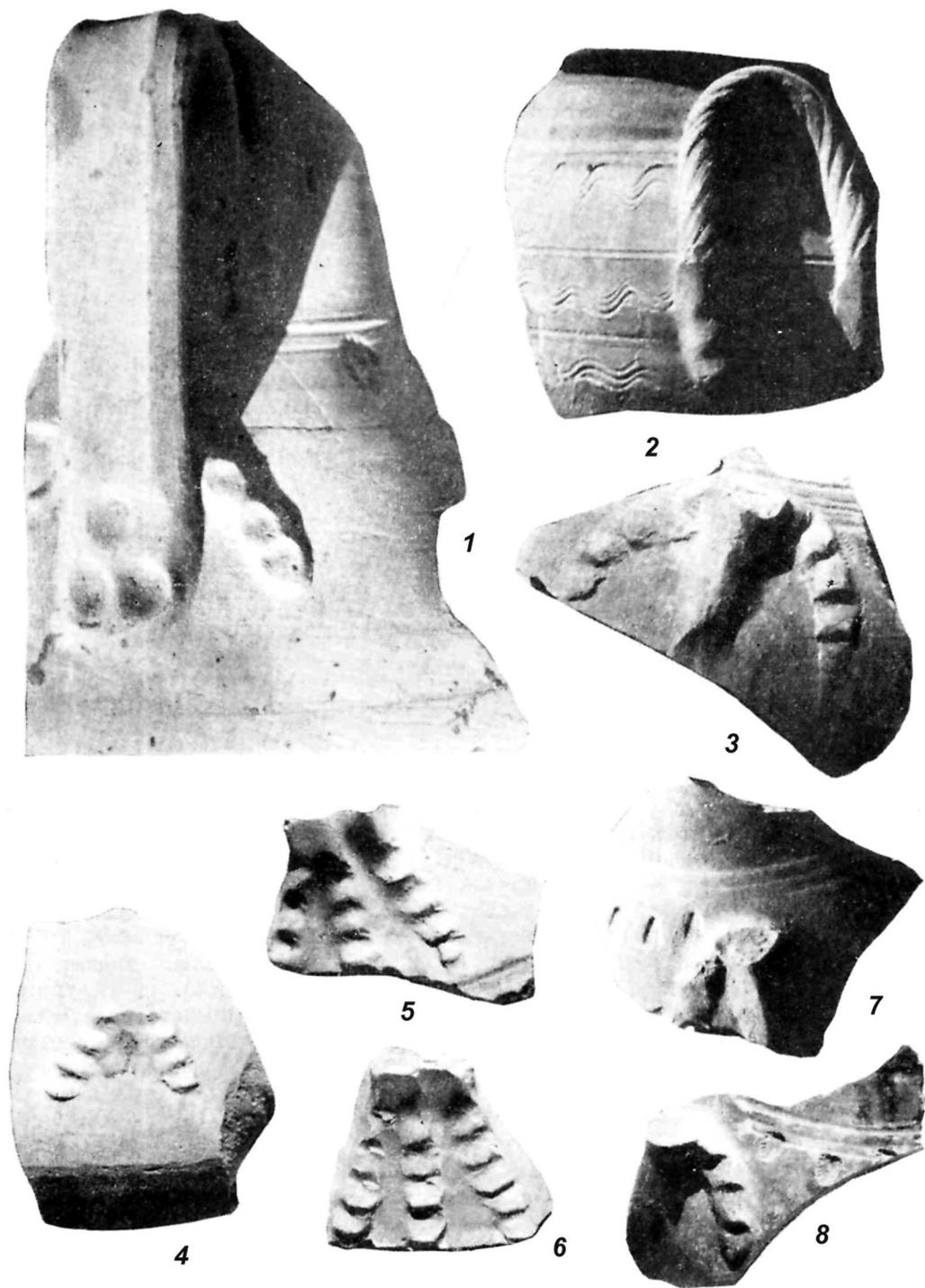

Рис. 20. Разновидности корня ручек кувшинов (1—8)

да была богата страна древнейшего виноградарства — Бактрия. Той же цели служили и кубки, находки которых в данном слое Жигатепе в общем-то немногочисленны. Они тонкостенные, покрытые двусторонним красноватым

ангобом, а по внешнему борту и лощением. Здесь сохранена идея «кубка с перегибом», но резервуар их более пологий, поддон широкий и плоский, сосуд скорее напоминает чашку (рис. 19а, 1).

Чаши прежней формы, с легким отгибом у закраины, покрыты черным или буро-красным ангобом. Миски тяжелые, с устойчивым

плоским дном. Среди парадных столовых форм получают распространение миски-вазы (описанного выше типа). От более ранних они отличаются низким качеством черепка и облетающего, мутного по колориту ангоба. Вазы эти имеют широкий, слегка рельефный плоский поддон, раскинутые прямые стенки, концентрически профилированные изнутри и орнаментированные рядами «бегущей волны»; у закраины прикреплены две широкие, витые горизонтальные ручки.

Среди особых керамических форм отметим основания массивных подставок. Форма их то наподобие конической пятки, то в виде полого цилиндра на расширяющемся кольцевом основании или толстого, профилированного стержня. Целых подставок пока не найдено, и значение их остается неясным, — возможно, они служили для установки светильников, или для поддержания ритуального огня.

Найдены фрагменты чирагов, обычно ладьевидной формы (рис. 21, 1, 2); один из них с полостью внутри своего массивного основания. Имеются небольшие крышки (диаметр 9—9,5 см) наподобие тяжелого блюда с шишковидным выступом посередине вместо ручки; судя по размерам, ими, очевидно, закрывали небольшие кувшины (рис. 21, 3).

Специфическую особенность рассматриваемого керамического комплекса составляет широкое применение тисненого орнамента. Он наносился мелкими штампами, которые дают ряд разновидностей (рис. 22). Из них наиболее распространен мотив овального листка с центральным стержнем и прожилками (представлен несколькими вариантами размера, пропорций, числа прожилков) (рис. 23). Нередки также розетки — то с радиальными штришками, то с крестовиной. Из других мотивов — ромбики, овал с заполнением в середине, квадратики с крестовиной и диагоналями в них, четырехлистник с кружком посередине, «корона», «ступня Будды». По-разному скомбинированные, они дают большое разнообразие вариантов. Эта орнаментация наносилась главным образом на плечи кувшинов, иногда небольших столовых горшков. Основная масса орнаментированных штампом фрагментов получена на центральном бугре, в меньшей мере в нижней зоне.

Генезис штампованных орнаментов этого рода восходит на местной почве к греко-бактрийской керамике, где они появляются под воздействием керамики эллинистического мира. В керамике из Ай-Ханум имеются штампы в виде пальметок (несколько разновидностей)³⁷, однако здесь они выступают самостоятельными рельефными деталями. Со времени Кушан в Бактрии появляются оттиснутые штампами

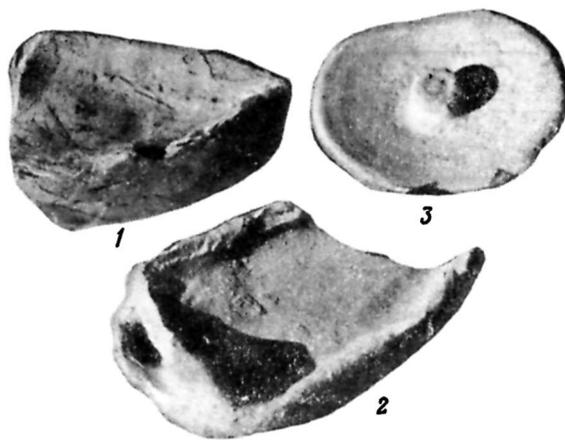

Рис. 21. Чираги, крышка (1—3)

мотивы (листы с прожилками, трехвихревой знак, розетка)³⁸. Первый особенно распространен — его трактуют иногда как древо или колос, но с нашей точки зрения это упрощенная передача греко-бактрийских пальметок или акантов (ту же схематизацию классических мотивов мы наблюдаем и на щитках бактрийских антефиксов кушанского времени)³⁹. Наиболее широкое употребление, однако, мелкие керамические штампы получают на сосудах кушано-сасанидского времени.

Примечательны в верхнем комплексе Жигатепе фрагменты кувшина, тулово которого украшено рельефными розетками (наподобие колесиков со множеством спиц). Их штамповали по отдельности на глиняных лепешечках, которые затем по-сырому налеплялись на сосуд (рис. 24, 10). Подобный прием известен на сосудах из Тепе-Маранджан близ Кабула, имеющих уточненную дату благодаря наход-

³⁷ Schlumberger D., Bernard P. Ai Khanoum. — Bulletin de correspondance Hellenique, 1965, vol. LXXXIX, p. 612; Gardin J. C. Céramiques..., p. 169, fig. 34, pl. 124, 125.

³⁸ Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов. — ТАКЭ, II. Ташкент, 1945, табл. IX; Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. — Там же, рис. 27, 28; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). — МИА, 1953, № 37, рис. 23; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане. — В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. IX. Душанбе, 1964, рис. 5; Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136, табл. XXXVII; Пугаченкова Г. А. Халчаян, рис. 33, 70; Тургунов Б. А. К изучению Айртама, рис. 18; Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф..., рис. 1, 4. Мы не затрагиваем здесь купанской керамики со штампами вне пределов Бактрии.

³⁹ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, рис. 4.

Рис. 22. Налепные детали, корни ручек, мотивы штампованного орнамента (1—32)

кам сасанидских монет IV в. и одной кушано-сасанидской того же времени ⁴⁰.

Окидывая взглядом кушано-сасанидскую керамику Жига-тепе, мы отмечаем идентичность технологии и форм с сосудами из соответствующих слоев Дильберджина (например, керамики из раскопа Д-VIII) ⁴¹. Близкие аналогии форм и типов мы встречаем также в «среднем слое» поселения Чакалак-тепе близ Кундуза, который хорошо датирован кладом кушано-сасанидских монет IV в. ⁴², а частично и в соответствующем материале из Дурман-тепе ⁴³.

Приведем перечень других находок из третьего-четвертого горизонтов (часть их могла быть перемещенной из ранних слоев).

Предметы ткацкого дела — прясла и грузила. В числе их выточенные из молочно-белого камня «пуговицеобразные» пряслица (12 из верхней и 14 из нижней зоны), варьирующие в размерах и профилировке (диаметр от 33 до 22 мм) (рис. 25, 1—23). Два крупных белокаменных прясла «зонтичной» формы — наподобие полусферы с отходящим внутри стержнем (рис. 25, 23), через который проходит осевое отверстие (диаметр 53 мм).

Десять пирамидальных грузил — глиняных и терракотовых (размеры стороны основания от 3,3 до 4,5 см, высота от 5,5 до 7 см) (рис. 25, 24—28). Десять дисковидных глиняных грузил (диаметр от 7 до 11,5 см (рис. 25, 29—31)). Шесть очень крупных и тяжелых глиняных грузил цилиндрической формы (диаметр 11—12 см, толщина 2,5—3,5 см). Вероятно, они использовались для удержания в натянутом состоянии на станке пучка каких-то толстых нитей, может быть основы ковров.

Бронзовый черпачок с глубоким резервуаром. Небольшой оселок. Сильно оруденевший наконечник копья (?) чечевицеобразного сечения, высотой 18 см, толщиной 5,8 см (в помещении 40).

Литой гипсовый диск (диаметр 25 см) и в нем отлого-шлемовидная вставка от отполированного серого базальта (во дворике 1, над полом). Не исключено, что это предмет более древний, перемещенный из нижнего слоя и как-то связанный с культовым инвентарем. Кроме того, найдено пять фрагментов костяных стилей;

раковина-каури (амулет с дырочкой для подвешивания); фрагменты терракотовых статуэток животных, в том числе две головки коньков с налепными кружочками глаз и хохолком между ушами (рис. 26, 5, 8). Завершения ручек сосудов в виде головок животных трудно-различимой породы (по-видимому, найденные в перемещенном состоянии, так как вообще они характерны для керамики времени Великих Кушан) ⁴⁴. Две фигурки баранов, у одного на спине следы какого-то налета ⁴⁵ (рис. 26, 6, 7).

Среди подъемного материала с поселения упомянем два острака. Один поднят на западном дальнем бугре — это плечевая часть тонкостенного кувшина с несколькими знаками (видимо, искаженного греческого письма), нанесенными тушью. Другой острак, найденный на дальнем северном холме, — небольшой тонкостенный, с частью нанесенной тушью до его полочки лигатурной надписью (рис. 12, 2, 3).

Особо интересна находка из верхнего здания на Жига-тепе. Это корневая часть ручки большого кувшина желтовато-серого черепка со следами буро-красного, почти отслоившегося ангоба. Она оформлена рельефным полумесяцем, а на корне отгиснуто в высоком рельефе погрудное изображение женщины (высота его 4,2 см) (рис. 26, 1 и 77, 2). Лицо овальное, черты его сбиты. На шее толстая гривна, кисти рук у груди, в левой — округлый плод, в правой — неясный удлиненный предмет; под грудью проходит пояс, ниже лепка сходит на нет. Над лбом женщины рельефная перевязь с каплевидным украшением (драгоценный камень), от которой к плечам спадают либо концы ее, либо косы. Над перевязью раструбообразный головной убор, также с кружком посредине, выше еще два кружка и от них спускаются как бы ленты, переходящие в овальное обрамление фигуры; они нанесены когтевидными вдавлениями, которыми украшены и дуги полумесяца под ручкой сосуда.

Оформление ручек кувшинов рельефными изображениями богини известно по находкам в Балхе, где они датируются кушанским време-

⁴⁰ Carl J., Hackin J. Le monastère bouddhique du Tépé Marandjân. — MDAFA, t. VIII. Paris, 1959, p. 8, pl. IV, fig. 16.

⁴¹ См. статью в настоящем сборнике, с. 110 и сл.

⁴² Higuchi T., Kawayata Sh. Chaqalaq Tere. Kyoto, 1970, pl. 23—25 (кувшины), 38 (горшки и котлы), 31 (ойнохой), 35 (миски), 39—40 (хумы с вечником-бортиком), 46 (основания подставок).

⁴³ Mizuno S., Odani N. Durman Tere, fig. 7, 9, 10, 12, 13.

⁴⁴ Например: Шишкин, В. А. «Курган» и мечеть..., рис. 28; Дьяконов М. М. Археологические работы..., рис. 22; Пугаченкова Г. А. Халчаян, рис. 70; Она же. Новые данные..., рис. 40—42; Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе. — В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975, рис. 52; Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф..., рис. 2, Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. — В кн.: Бактрийские древности, рис. 3.

⁴⁵ Аналогичный экземпляр из Зар-тепе см.: Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса..., рис. 3.

нем⁴⁶. Оттиски довольно нечетки, но видно, что это фигуры женщин в полный рост, в раструбовидном головном уборе над рельефной перевязью; одна рука прижата к груди, положение другой неясно. Датировка нашего объекта кушано-сасанидским временем по технологическим качествам самого сосуда сомнений не вызывает, но не исключено, что керамист использовал более раннюю матрицу, восходящую еще к эпохе Кушан.

Изображение из Жига-тепе, бесспорно, передает не бытовую, но культовый образ. Это богиня — но какая? Возможно, что Анахит, древний храм которой со статуей, установленной еще в V в. до н. э., имелся в Бактрах-Балхе⁴⁷. В известном гимне Авесты, посвященном Ардвисуре Анахите, она предстает в образе прекрасной девушки, «высоко подпоясанной, стройной», с ожерельем на шее и диадемой на голове «с сотнями драгоценных камней», «украшенной лентами, прекрасную, с выдающимся (рельефным) кольцом, хорошо сделанную»⁴⁸, — детали эти есть у фигурки из Жига-тепе. Анахита чтилась как богиня влаги и плодородия — символом последнего является плод в руке статуэтки, в другой она держит либо сосуд — символ воды, либо пучок баресма (как в Ардвисуре-Яшт). Сам кувшин из Жига-тепе, под ручкой которого оттиснута фигурка, был крупным, и предназначался, очевидно, для воды; возможно, что он имел не бытовое, а ритуальное назначение.

Что же представлял собой Жига-тепе на протяжении тех четырех основных периодов и промежуточных этапов, которые отмечают главные вехи его создания и изменений? Изначальную особенность архитектуры Жига-тепе составляла его обводная круговая стена со множеством полуовальных башен, соответствующим числом проходов и огромным количеством бойниц, за которой проходила параллельная стена, образующая или коридор, или отсеки помещений. Но при внешних признаках крепостной стены она таковой не была: в крепости никогда не стали бы устраивать до 30 открытых проходов. Да и «бойницы» здесь не бойницы: они не имеют в основании скоса для спуска стрел, их смотровая треугольная часть находится на высоте 1,60 м и 2,25 м от пола, причем ни в башнях, ни в стене изнутри нет никаких приступок, стоя на которых защитники могли бы из них стрелять. Это скорее световые щели, обес-

печивавшие внутри хорошее освещение. Снаружи же они вводили в архитектуру стен и башен четкий вертикальный ритм.

В центре круга возвышалось какое-то пока неизвестное нам сооружение, а вокруг него находилось незастроенное, пониженное пространство.

По всем данным, это был крупный храм, куда в дни празднеств люди стекались с разных сторон из округи. Идея доступности для всех, идея крупного общественно-культового центра отвечала круговая форма плана и обращенные по радиусам одинаковые входы и обширная, свободная эспланада вокруг центрального здания. Но само это здание было, очевидно, замкнутым, в нем совершался тайный ритуал, и из него выходили к толпе жрецы.

О храмовом характере Жига-тепе свидетельствует упомянутый выше фрагмент греческой надписи на посвянительной плите. В пользу храмового истолкования говорят также аналогии плана Жига-тепе с открытыми именно в Балхском оазисе храмами Дашлы III (эпоха бронзы) и Кутлуг-тепе (эпоха раннего железа). Столь глубокая древность и традиционность этого архитектурного типа позволяют предполагать и общность того культа, с которыми все они, в том числе и Жига-тепе, были связаны. Но что это был за культ?

Большое число очагов-алтарей в центральной зоне Дашлы III привели В. И. Сарганиди к заключению, что это был храм огня. Возможно, и так, хотя само по себе возжигание огня на алтарях отнюдь не признак огнепоклонничества: в Индии, например, огонь сопровождал и доныне сопровождается многие ритуалы (в частности, свадебные церемонии), хотя сами обряды были посвящены не Агни, а другим божествам. То же было и в Греции.

Вопрос о культе Жига-тепе сможет быть прослежен лишь после полного вскрытия объекта. Но уместно в этой связи привлечь Кой-Крылган-калу, памятник, близкий по времени и своей архитектуре, хотя и расположенный в далеком Хорезме.

Кой-Крылган-кала в научной литературе уже получила освещение⁴⁹. Следует отметить основное. Нижний горизонт ее относят к IV—III вв. до н. э., затем наступает перерыв, средний же и верхний горизонты (не разделяющиеся хронологически) к I—III/IV вв., когда существенно изменяется само назначение здания. Первоначально, как полагают исследователи,

⁴⁶ Gardin J. C. Céramiques..., p. 61, 62, pl. XXI. Такие ручки из Балха имеются и в Мазари-Шерифском музее.

⁴⁷ Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948, p. 471.

⁴⁸ См. Отрывки из Авесты, пер. Е. Э. Бертельса. Восток. М.—Л., 1924, 4, с. 1—2.

⁴⁹ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967.

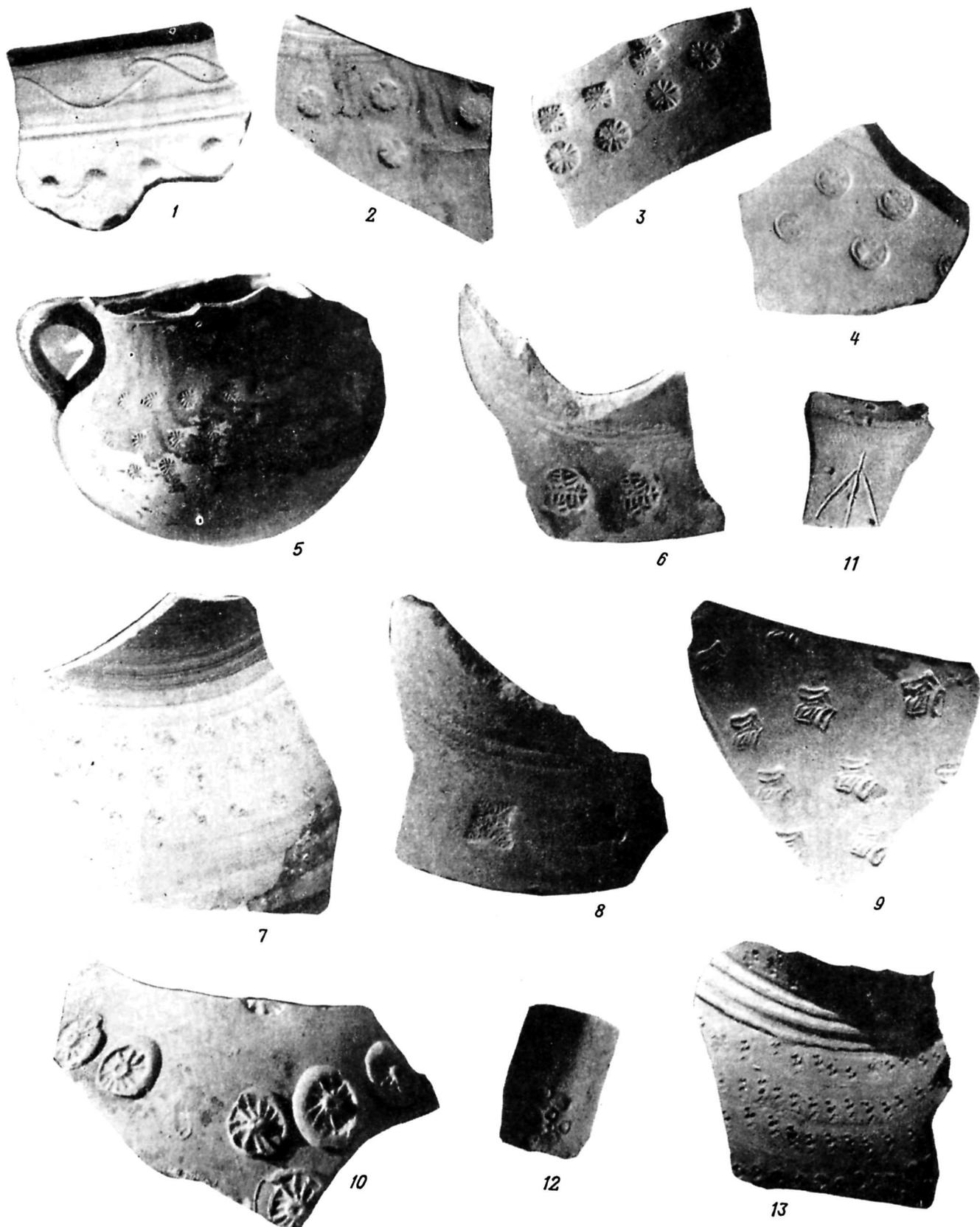

Рис. 24. Штампы на горшочке и на фрагментах керамики (1—13)

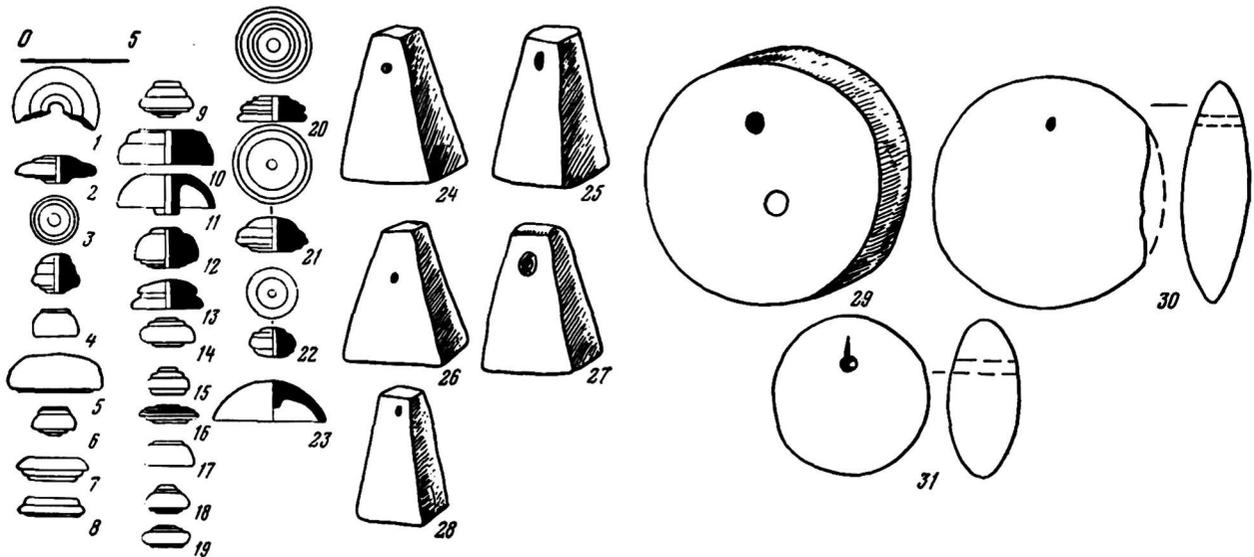

Рис. 25. Пряслица и грузила (1—31)

это было культовое сооружение — укрепленный храм-гробница, где производились астрономические наблюдения; внутри укреплений вокруг центрального культового здания располагались хозяйственные и жилые постройки, вероятно, служителей культа. В последующем старые постройки использовались лишь с бытовыми целями⁵⁰.

Кой-Крылган-кала включала возведенное ранее всего центральное здание диаметром 44,5 м. Через какое-то время в расстоянии 15 м от него появляется стена с бойницами, но в дальнейшем в целях усиления оборонных качеств выводится вторая, внешняя стена, также с бойницами, а между ними образуется стрелковая галерея, перебитая девятью башнями, не выступавшими наружу, но лишь возвышавшимися над гребнями стен. С восточной стороны сооружаются ворота с лабиринтообразным въездом и двумя выступающими полуовальными башнями, которые снабжены радиальными бойницами. Общий диаметр внешнего круга достигает 90 м.

Как видим, оборонительная система Кой-Крылган-калы неидентична внешнему ограждению Жига-тепе, но черты общности двух этих памятников несомненны: круглый план, где выделяются центральное здание, внешний обвод стен с отсеками и незастроенное пространство между ними; некоторые архитектурные формы, например полуовальные башни с радиальными бойницами Жига-тепе и две такие же башни у ворот Кой-Крылган-калы; строительные материалы и приемы строительной техники; форма стреловидных бойниц (в Кой-Крылган-кале только в центральном здании) и другие детали.

Вместе с тем мы не стали бы утверждать, что Кой-Крылган-кала предшествует Жига-тепе. Датировку ее нижнего горизонта началом IV в. до н. э. едва ли можно принять безоговорочно. Она основана в общем-то на сопоставлении некоторых типов керамики с материалами из Дингильдже⁵¹ и группе мелких предметов, таких, как железный наконечник стрелы, железный и бронзовый перстни, зеркало⁵², которые могут быть отнесены к широким пределам IV—II вв. до н. э.

Во всяком случае при огромном масштабе археологических разведок в Древнем Хорезме других храмовых сооружений подобной композиции не обнаружено. Мы исключаем круглые погребальные мавзолеи низовьев Сырдарьи (от эпохи бронзы до IV—II вв. до н. э.) — у них иные функции, размеры, композиции, у них отсутствует кольцевое ограждение⁵³. Между тем традиционность композиционного типа Жига-тепе, находящего свои прототипы в Бактрии уже в эпоху бронзы и раннего железа, позволяет предполагать, что и в правобережный Хорезм этот архитектурный тип культового комплекса проник именно из Бактрии, связи которой по Амударье с ее низовьями, упоминаемые в I в. до н. э. Страбонам (XI, VII, 3)⁵⁴, были, несомненно, гораздо более древними.

⁵¹ Кой-Крылган-кала..., с. 129.

⁵² Там же, с. 172.

⁵³ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 201 и сл., рис. 117.

⁵⁴ Страбон. География. Пер. Г. А. Стратоновского. М., 1964, с. 482.

⁵⁰ Кой-Крылган-кала..., с. 310, 311.

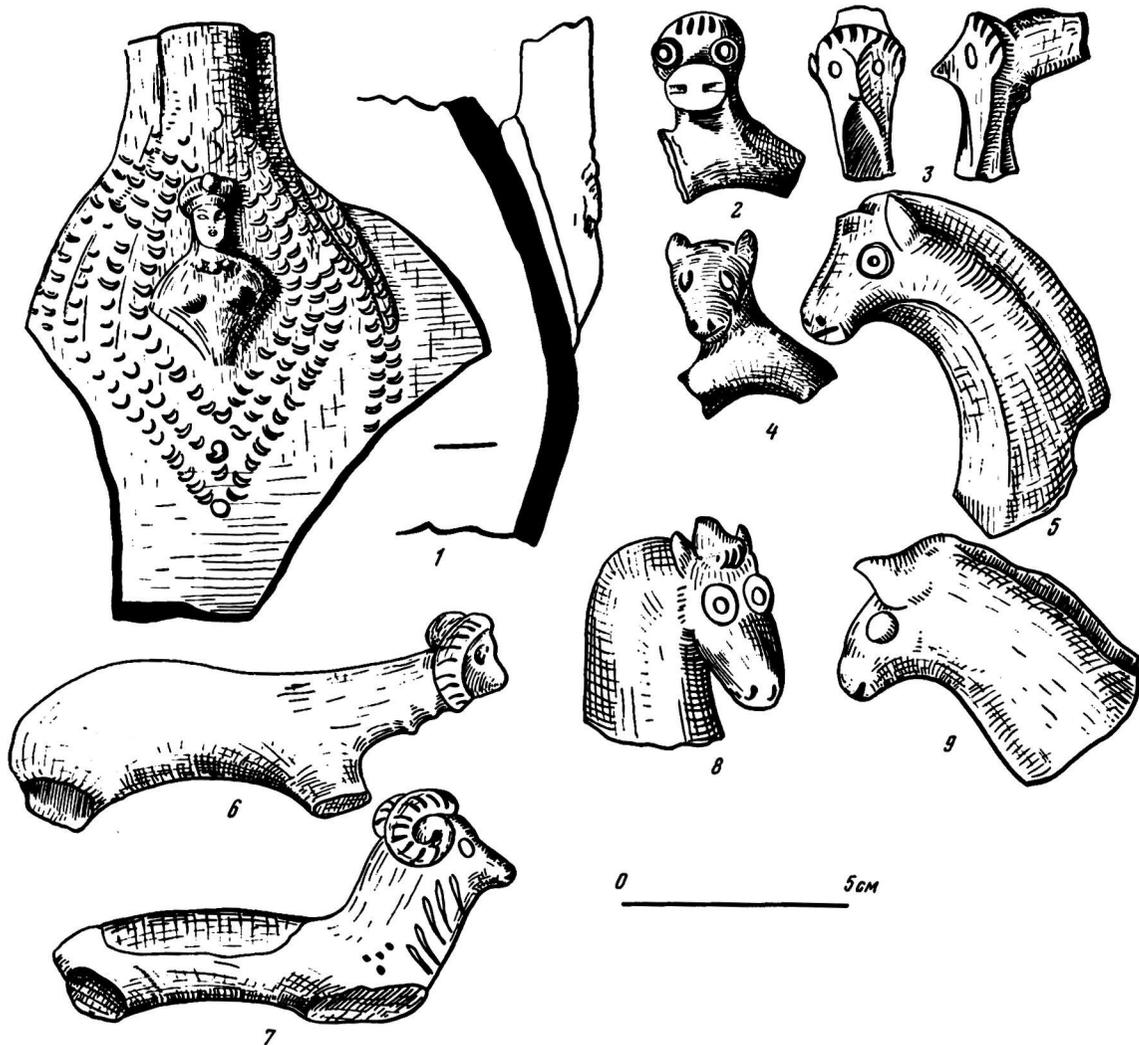

Рис. 26. Терракотовые фигурки, налпы и зооморфные ручки (1—9)

Возвращаясь к вопросу о назначении Жига-тепе, позволим себе выдвинуть следующую гипотезу. Нам представляется вероятной связь этого памятника с культом небесных светил. Если наши расчеты верны (это уточнит лишь полное вскрытие памятника) и внешняя стена была разбита на 32 или на 30 частей, то, следовательно, эта разбивка велась путем деления окружности вначале на четыре части по странам света и затем — в первом случае каждой из них еще на восемь частей, а во втором — через каждые 12° (двенадцатичный счет, кратный 2, 3, 4, 6, был основным в древневосточном исчислении). Если предположить, что на каждой из башен на точно исчисленном расстоянии была закреплена высокая стойка (они корректирова-

ли некоторые колебания в пролетах куртин), то из центрального здания могли вестись и фиксироваться наблюдения за положением солнца, луны и главных астральных светил в разное время года и суток.

Во всяком случае несомненно, что храм на Жига-тепе был связан с каким-то древнебактрийским культом, в силу чего строители придерживались традиционной в Балхском оазисе композиционной архитектурной схемы. Между тем почти одновременно с ними в Дильберджине был возведен и функционировал другой храм, посвященный греческим Диоскурам. И если первый был связан с культовыми традициями местной народной бактрийской среды, то второй был порождением эллинизированной культуры, поддерживавшейся греко-бактрийскими басилевсами, их придворным окружением и, очевидно, теми представителями знати, которых они назначали управителями своих провинций и городов.

Закладка проходов в стене Жига-тепе на втором этапе его истории, вероятно, произошла около середины II в. до н. э. и связана с тревожным периодом, когда на севере уже началось продвижение саков. Однако и в это время стены башни не преобразуются в оборонительное ограждение, но лишь используются в храмовом хозяйстве, поскольку, как мы видим на вскрытом участке, в башне и помещениях за ней устанавливаются хумы, даже не дающие доступа к окнам-бойницам.

Смутное время сако-юеджийских вторжений могло послужить причиной упадка и разрушения храмового комплекса Жига-тепе.

Судить о назначении Жига-тепе во втором периоде — в эпоху Великих Кушан пока затруднительно. Во всяком случае в подчинении ему, очевидно, находилось разросшееся в эту пору поселение.

Новое запустение Жига-тепе, после Васудевы II можно связать с вторжением Сасанидов и завоеванием ими в III в. Балхской области.

Что касается строений III—IV периодов на Жига-тепе, то здесь все более или менее ясно. Перед нами изолированный дом-усадебка III—IV вв., почти замок. «Почти» — потому что оборонительных устройств здание не имеет, хотя само расположение на высокой платформе в какой-то мере обеспечивало его безопасность.

Дом принадлежал, очевидно, какой-то владетельной семье; у его подножия на круглом плато, уже лишенном внешних ограждений, располагались службы и проживала челядь. В подчинении владельцам, вероятно, находились жители уже сильно сократившегося поселения.

Эти новые строения на Жига-тепе, с их бессистемной планировкой отличает явный упадок архитектуры. Ту же картину, между прочим, дает и поздняя застройка в Дильберджине: на раскопе II⁵⁵ у северной оборонительной стены мы отмечаем асимметрию помещения, непараллельность стен, низкое качество строительных материалов. Но при всем том на некоторых стенах здесь была нанесена живопись большого художественного интереса⁵⁶. Несмотря на деградацию зодчества, этот вид искусства стоял весьма высоко.

Разведочные раскопки 1974 г. на Жига-тепе обрисовывают его как памятник исключительно перспективный для последующих исследований. Они будут продолжены Советско-Афганской археологической экспедицией в предстоящие годы.

⁵⁵ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 56 и сл.

⁵⁶ Там же, с. 57 и сл.; Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина. — ДБ—1976, с. 96 сл.; Бурый В. П. Техника живописи. — ДБ—1976, с. 116 сл.

RÉSUMÉ

«ЖИГА-ТЭПÉ»

par Mme G. A. Pougatchénkova

Jiga-tépé est situé à 5 km à l'est de Delbarjin, dans la zone des sables qui avancent toujours, à proximité du mur antique entourant l'oasis de Balkh. C'est un plateau élevé, de forme arrondie, à une haute colline au centre. Au nord et à l'ouest se font voir les vestiges d'un site ancien. Les recherches de ce monument ont été commencées en 1974. On a ouvert un sondage de prospection qui occupait une moitié de la butte centrale et s'étendait, tout en formant une bande unique, jusqu'au pied du versant extérieur du plateau où la différence des cotes, par rapport au point de repère supérieur, montait à 13,6 m. Là, à la base de l'éminence, on a creusé un sondage allant jusqu'au sol vierge enfoui à la profondeur de 16 m. Au-dessus du sol vierge s'étend une couche archéologique inférieure (que nous considérons comme «celle de zéro») composée d'argile, sable, intercalation de cendres où sont inclus de menus fragments de céramique (le nombre de ces derniers est insuffisant à dater). Sur cette couche fut érigé un ensemble d'architecture monumental de Jiga-tépé.

Les données stratigraphiques donnent lieu à dégager quatre périodes de sa subsistance.

La première période. Une enceinte extérieure formant un cercle du diamètre de 150 m environ fut dressée. Parallèlement à ce mur, à la distance de 2,15 m, fut

érigé le second mur, celui intérieur. Entre eux on construisit soit une galerie soit des chambres séparées. La muraille extérieure fut flanquée par des tours en demi-cercles (diamètre-6m, la portée à couvrir des courtines: de 8,80 m à 9,55 m). Dans les tours sont disposés les locaux de tracé quasirectangulaire, chaque courtine comporte une baie de porte à couverture en arc. Les murs et les tours sont munis des deux rangées de meurtrières en flèche (de 12 à 13 dans les murs des courtines, de 14 à 15 dans ceux des tours). Les maçonneries sont exécutées en pisé, les parties hautes des meurtrières et des arcs se composent des briques brutes, de forme carrée, des dimensions de 37—39 × 10—11 cm. A l'étape finale de la période tous les passages furent bouchés, en hâte, avec des briques crues et de l'argile. A l'intérieur de la tour déagée et sur le sol de la galerie on a découvert les khoums.

A ce qu'il paraît, au centre de Jiga-tépé il y avait un édifice. Entre celui-ci et une zone construite longeant la muraille s'étendait une esplanade vide de constructions.

La première période est attestée, en surplus de plusieurs traits d'architecture particuliers, par deux monnaies battues sous Eutidemos, une partie d'une dalle de céramique comportant une inscription grecque, certains tessons de poterie, pointes de flèche en bronze. L'édification

des murs et de certaines constructions peut être rattachée au IIIe siècle avant notre ère tandis que le bouchage des passages date du milieu du IIe siècle avant notre ère ce qui est dû à l'invasion des hordes nomades venues du nord.

La deuxième période survient après une assez longue étape d'abandon quand les constructions de Jiga-tépé tombent en ruines et ce sont de l'argile et des sables qui les remplissent. Ensuite on bouche les locaux entre deux murs cidits par de grosses briques brutes, de forme rectangulaire. Dans les locaux disposés hors du mur on surélève légèrement les niveaux des sols et on construit de nouveaux locaux, tous à destination de ménage. Dans la zone centrale, sur les ruines d'une construction ancienne on bâtit une maison à deux niveaux dont quatre pièces voûtées, toutes aussi destinées à des fins de ménage et d'habitation, ont été dégagées une fois un chantier de fouilles y a été ouvert. Leurs murs sont construits de briques crues, de forme carrée, des dimensions de 39—40 × 11—12 cm tandis que les voûtes en berceau montées par tranches successives fortement inclinées se composent de briques trapézoïdales. A cette époque-là la zone construite située au-delà de la muraille entourant Jiga-tépé augmente sensiblement.

Généralement la deuxième période est rattachable aux temps de Kouchans. Elle est datée par les appareils de constructions, monnayage de Huvishka, Vasudeva I et Vasudeva II et aussi par l'ensemble de céramique. Aux débuts de l'époque kouchane se rapporte un fragment d'un moule en terre cuite reproduisant une scène de festin, analogue à la représentation figurant sur un des disques dits «de toilette» en provenance de Taxila.

La troisième étape vient après une nouvelle période de l'abandon de Jiga-tépé quand le mur d'enceinte extérieur et l'édifice central tombent en destruction et leurs contours deviennent incertains. Les ruines du bâtiment sont couvertes de l'argile compacte et de briques brutes de formes et dimensions diverses. Sur la plateforme ainsi formée on érige une maison d'habitation.

Son architecture fait voir avec évidence que la maîtrise de construction jadis haute a décliné. Le plan de la maison est d'un tracé oval irrégulier, la disposition de ses locaux n'est pas non plus régulière. Là sont dégagés: une petite cour intérieure entourée de pièces de formes subrectangulaire et trapézoïdale. Plusieurs de ces locaux comportaient les sorties menant en dehors, probablement, vers la galerie périphérique ou les balcons. Les murs sont composés de pakhsa et de briques crues de dimensions de 35—37 × 35—37 × 9—10 cm; 50 × 35 × 10—12 cm. Les sols sont disposés à des niveaux divers. Dans la zone basse, au-dessus d'un mur d'enceinte ancien et les constructions qui y attenaient apparaît une zone irrégulièrement construite.

Lors de la quatrième période sur Jiga-tépé on effectue les dernières réfections des constructions dont les plans sont à peine perceptibles leurs murs étant effacés par des vents et des pluies.

Les deux niveaux stratigraphiques — le troisième et le quatrième — comportent une quantité énorme d'amoncèlements de débris d'origine de ménage et

d'habitation tels tessons de poterie, ossements d'animaux, cendres, de l'argile brûlée etc. La vie sur le site diminue notablement. Là sur les ruines fondues d'anciennes constructions on installe des fours de potiers.

L'ensemble archéologique des périodes troisième et quatrième n'est pas homogène. On y a mis au jour 75 monnaies de cuir, de petit module. Celles où l'on peut distinguer les effigies sont battues sous les Kou-chans-Sassanides aux III—IVes siècles. Les couches archéologiques attribuables à cette époque ont livré un abondant matériel céramique qui donne lieu à signaler un empirement général de la qualité de production. On note également les modifications évidentes des formes de la vaisselle.

Une particularité essentielle de l'ensemble archéologique consiste en la présence d'un grand pourcentage de poterie à ornementation estempée décorant pour la plupart de cas les épaulement des cruches. Parmi d'autres trouvailles il y a des pesons pour les métiers à tisser, un style en os, des terres cuites représentant des animaux, une moulure d'en-dessous de l'anse d'une cruche sous forme de statuette d'une déesse. Sur le site sont ramassés deux tessons comportant des inscriptions faites avec encre noire.

Quand au rôle que Jiga-tépé avait joué durant deux périodes principales de sa subsistance on n'y pourrait que faire des suppositions provisoires. Le plan original de l'ensemble primitif à un édifice central et une zone construite en cercle entourée de muraille à tours et à plusieurs entrées ouvertes en arc nous incline à croire qu'il ne s'agit pas d'une construction fortifiée où l'on n'aurait jamais pratiquée un si grand nombre de passages donnant sur tous les côtés. C'était plutôt un temple. Cette hypothèse peut être soutenue par l'analogie avec les temples rattachables à l'âge du bronze (Dachly III) et aux débuts de l'âge du fer (Kouloug-tépé) découverts justement dans l'oasis de Balkh par la Mission archéologique Soviète-Afghane ainsi qu'avec le temple de Koi - Kryglan-kala à la Choresmie datant aux débuts de l'antiquité. Il est plausible que le temple de Jiga-tépé fût lié avec le culte des astres.

Si le temple des Dioscures à Delbarjin édifié à peu près à la même époque était issu d'une civilisation hellénisée soutenue par des basileis gréco-bactriens le temple de Jiga-tépé était en rapport avec des croyances bactriennes anciennes. D'où son schéma d'architecture bactrien traditionnel que suivaient ses bâtisseurs.

Pour le moment il nous serait difficile de donner un avis sûr quant à la destination des constructions attribuables à la deuxième période. Mais dans les périodes troisième et quatrième là apparaît une maison à dépendances appartenant à une riche et noble famille, on dirait château dressé sur une haute plateforme mais sans fortifications.

Les fouilles de prospection effectuées en 1974 sur Jiga-tépé donne lieu à supposer que ce soit un site extrêmement prometteur du point de vue des recherches qu'on a l'intention de poursuivre dans les années à venir.

ДВА ОСТРАКА ИЗ ДИЛЬБЕРДЖИНА

Раскопки Дильберджина уже в 1970 г. (первый сезон работы на городище) привели к открытию бактрийских настенных надписей-дипинти, начертанных курсивным письмом и содержащих, очевидно, пояснительные тексты к росписям в помещениях северо-восточного культового комплекса¹; эти надписи, все очень плохой сохранности, по палеографическим данным можно датировать III или IV в.²

Расцвет Дильберджина, как установлено археологами, связан с кушанской эпохой, временем, когда на основе греческого алфавита возникла бактрийская письменность³. Можно было поэтому ожидать новых находок бактрийских памятников на Дильберджине, в том числе и кушанской эпохи. Эти надежды оправдались. В 1973 г. на городище найдены два сравнительно поздних бактрийских острака.

¹ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, с. 68-69, табл. 12; Она же. Настенные росписи Дильберджина. — ДБ — 1976, рис. 58.

² Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина. — ДБ — 1976, с. 165—169, рис. 100—103. К концу II или к III в. можно отнести надпись на хуме из раскопа III (помещение 14), см.: Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 89, 90, рис. 61, 2. В этой надписи, судя по опубликованной прорисовке, всего три буквы: ραϛ. Из греческого ραϛ истолковать нельзя. Если считать надпись бактрийской (что наиболее вероятно), то следует учитывать, что в бактрийской письменности в исходе слов обычно выступает гласный. Можно поэтому полагать, что конец надписи (она написана чернилами) уничтожен. Если надпись содержала имя владельца сосуда (очень распространенный тип надписей), то возможно восстановление ραϛ[ο] или ραϛ[αυο], т. е. *Rām или *Rāman. Ср., например, парфянские и. с. Rāman (rṃn), Rāmēn (rṃn), Rāmēnak (rṃnk), Rāmanič (rṃnyš) в документах из Нисы и другие имена, образованные от др.-ир. теонима gāma⁰, gāman-.

³ В Греко-Бактрийском царстве употреблялась, наряду с греческой и индийскими, и письменность арамейского происхождения, продолжающая традиции арамейской канцелярии ахеменидского времени. Об этом можно судить по находке в 1970 г. на городище Ай-Ханум остракона с текстом хозяйственного документа, язык которого, по-видимому, бактрийский (II в. до н. э.? остракон, найденный при раскопках «храма с уступами», еще не опубликован). После создания, вероятно уже при Виме Кадфизе, бактрийского письма на греческой основе (бактрийско-греческое), письмо арамейского происхождения («бактрийско-арамейское») не исчезло с территории Бактрии, хотя, несомненно, применялось гораздо реже, чем первое. В настоящее время

Остраки найдены при раскопках привратных сооружений городских ворот (раскоп VIII). Г. А. Пугаченкова, руководившая работами на этом объекте, отмечает в отчете, что *остракон 1*, с текстом на обеих сторонах (рис. 1, 2), обнаружен «среди керамики кушанского и кушано-сасанидского времени из камеры 5, которая, видимо, утратила свое перекрытие и во время перестроек IV периода была превращена в место хозяйственной свалки: в нее снесли и набросали под накопившимся слоем надувного песка собранную из разных помещений разбитую посуду предшествующего времени, пополняя затем черепками на протяжении всего IV периода». Г. А. Пугаченкова относит IV период к сасанидской («кушано-сасанидской») эпохе на основе находок медных монет, из которых, по крайней мере, одна определяется как чекан Варахрана IV, выпускавшийся в то время, когда Варахран был еще кушаншахом и находился в Балхе (380—389 гг.)⁴. Если согласиться с этой дати-

известны две «бактрийско-арамейские» надписи, которые можно отнести к кушанской эпохе: одна, на фрагменте керамики, найдена в 1975 г. на Фаяз-тепе, около Термеза (раскопки Л. И. Альбаума, слой I—III вв.); другая — фрагмент остракона — обнаружена в 1974 г. на Джига-тепе, в 3 км от Дильберджина (раскопки Советско-Афганской экспедиции). Обе эти надписи также еще не опубликованы. Разнообразие письменностей, применявшихся в Кушанской державе, свидетельствует о сосуществовании различных культурных традиций не менее ярко, чем изображения и имена богов на кушанских монетах: греческая, ххарошти, брахми, «бактрийско-греческая», «бактрийско-арамейская», наконец, нерасшифрованная письменность, известная по находкам в Иссике, Дашт-е Навуре, Сурх-Котале, Халчаяне, Кафиринган-тепе (Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина, с. 165, примеч. 14), а ныне и на Фаяз-тепе. Примечательно, что на Фаяз-тепе найдены надписи на керамике на пяти письменностях (все перечисленные, кроме греческой).

⁴ Лукокин В. Г. Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ, 1967, XVIII, с. 21—23, 30, 31; Она же. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 138, табл. XII, 10. Следует отметить, что хронология выпусков кушано-сасанидских (и сасанидо-кушанских, по терминологии Лукокина) монет и их атрибуция остаются во многом неясными. Отождествление Варахрана на кушано-сасанидских монетах с Варахраном IV вряд ли возможно, поскольку последний, по данным нарративных источников, до коронации был заместителем Кирмана (Kirmān-šāh), см.: *Harmatta J. Late Bactrian inscriptions.* — AAASH, t. XVII, 1969, p. 430.

Рис. 1. Надпись на внешней стороне остракона 1

Рис. 2. Надпись на внутренней стороне остракона 1

ровкой, то остракон 1 должен быть отнесен скорее всего ко второй половине IV—V вв. Бактрийский курсив текста на остраконе очень своеобразен, точная датировка его по палеографическим данным кажется невозможной, однако препятствий для отнесения к указанному периоду я не вижу. В той же хозяйственной свалке в камере 5 обнаружен фрагмент горловины кувшина с остатками надписи, начертанной письмом брахми. Ни одна из акшар не сохранилась целиком, так что даже приблизительную палеографическую дату надписи установить нельзя.

Остракон 2 (рис. 3) найден вместе с обломками посуды над верхним — последним — полом камеры 17; согласно Г. А. Пугаченковой, это VI, последний период истории привратных сооружений Дильберджина, относящийся к эфталитскому времени. Для такой датировки существенна находка эфталитской монеты в погребении в полуразрушенной и оплывшей

стене бывшего бастиона ворот. Эта монета, по определению Г. А. Пугаченковой, относится к одной из эмиссий так называемых *Alxop-Khingila* (по классификации Р. Гёбля), датированных в пределах 430—490 гг.⁵ Г. А. Пугаченкова считает, что остракон 2 «должен предшествовать этой дате, по крайней мере, на несколько десятилетий, в течение которых могли разрушиться мощные стены и сводчатые перекрытия помещений бастиона»⁶.

Остракон 1 — кусок хума, подтреугольной формы, обломан с двух сторон так, что начало и конец всех строк не сохранились. На внешней (выпуклой) стороне имеется рисунок: справа — изображение человека в профиль; слева — какой-то предмет (или тамга? см. рис. 1). Под рисунком остатки двух строк бактрийской надписи, сделанной, очевидно, той же рукой черными чернилами (рис. 1). Буквы сильно выцвели⁷:

- (1)](ι?)β(·)δ/οα[
 (2)](·)ζ? (0)υ?α[

На внутренней (вогнутой) стороне сохранились части четырех строк, начертанных той же рукой (рис. 2); в верхней части черепка можно различить следы смытых знаков (две строки прежнего текста или рисунок?):

- (1)]α(τ?)ο (ι?)αβδο[
 (2)]β (ο)ρ(δ?)αδι? βαγο(δ)[
 (3)](β)ι?α (τ?α)δο(·)[
 (4)⁸]οζοα? στ/ωο<ο)⁹βαρ[

В этом фрагментированном тексте мне удалось понять очень немногое. Трудности чтения связаны не только с плохой сохранностью текста, но и с необычными формами ряда букв и лигатур, до сих пор не встречавшимися, насколько я могу судить, в бактрийском курсивном письме. Это прежде всего начертание β, с открытой верхней частью буквы¹⁰; варианты

⁵ О монетах этого типа см.: *Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*, Bd. I. Wiesbaden, 1967, S. 58 ff.; Bd. III, Taf. 15—16; *Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler*, T. I. Wiesbaden, 1966, S. 56; T. II. 1967, Taf. 12.

⁶ Письмо Г. А. Пугаченковой от 23.III 1974 г.

⁷ В круглые скобки заключены частично разрушенные буквы; квадратные скобки указывают на уничтоженные полностью буквы.

⁸ Над началом строки — следы смытых (или добавленных к строке 3?) знаков: (·.v).

⁹ Дописано под строкой.

¹⁰ Ср. формы β в других памятниках бактрийского курсива, см.: *Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler*, T. II, Taf. 2; *Лившиц В. А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. — В кн.: *Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1969, с. 84, рис. 22.

о, с длинным левым штрихом, спускающимся вниз в середине слова на стыке морфем (так в βαυοδ|, внутр.: 2), и горизонтальным в начальной позиции (первое слово в строке 4); несколько вариантов α; форма -τ- в |ατο (внутр.: 1) и οζοαστοο (?), строка 4, если этот знак определен правильно (менее вероятно видеть в нем φ или ω или лигатуру ει). Если согласиться с чтением οζοαστοο, с лигатурой -οα- (-ο- тесно смыкается с предыдущей дзетой) и -τ-, то это слово означает 'выведен' или 'вывел', ср. οζοοαστο, /uzwastə/ или /uzwast/, в том же значении в большой сурхкотальской надписи¹¹. Членение βαυοδ|, внутр.: 2 на βαυο 'бог, господин' и союз (ο)δ|ο 'и' вряд ли возможно из-за неконечной формы ο (см. выше), скорее это композита с βαυο- в первой части. Выделение отдельных слов в тексте остракона не всегда ясно, хотя в некоторых случаях пробелы между словами хорошо заметны. В (ι?)αφοδ|, внутр.: 1, первые две буквы можно было бы отнести и к предшествующему слову, однако в следующем затем βοδο beta имеет длинный левый штрих, которого нет в βαυοδ| и в βαρ| (внутр.: 4, вряд ли здесь <ο>βαρ|), а потому вычленение βοδο| кажется маловероятным; в любом случае от понимания βοδο как 'Будда' лучше воздержаться (ср. βοδδο на кушанских монетах, βοδο в надписи Trī: 1). Для β(ο)ρ(δ)αδι(?), внутр.: 2, которое можно принять за целое слово, удовлетворительного толкования я не вижу; чтение βορ(ξ)αδι (*burzādi/ə от др.-ир. bṛz-, barz-) кажется невозможным, а заимствование в бактрийский из юго-западного диалекта с -rd- (*brd-, как в др.-перс. Vrīya-) крайне маловероятно. В целом остракон оказывается более важным для палеографии, чем для пополнения наших скудных знаний о бактрийской лексике и грамматике. Так, к сожалению, обстоит дело с подавляющим большинством бактрийских надписей, открытых в течение последних двух десятилетий.

Остракон 2 (рис. 3) содержит две строки, первая идет по краю черепка, вторая загибается

¹¹ Henning W. B. The Bactrian inscription.— BSOAS, 1960, XXIII, p. 54.

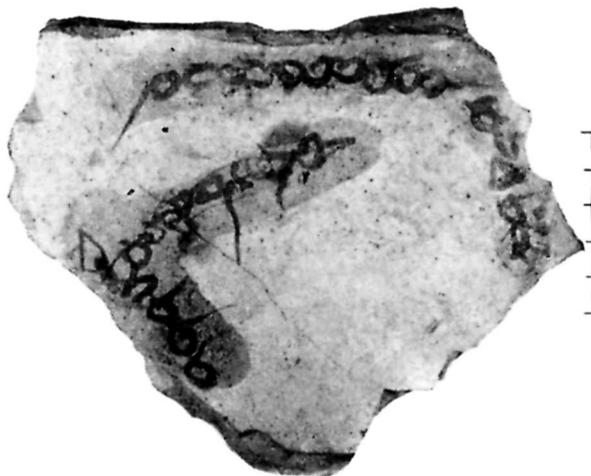

Рис. 3. Остракон 2

внутрь поля. Начертания ряда букв близки к письму остракона 1, что особенно ясно для ο и α; это может указывать на известное единообразие выучки писцов в Дильберджине в IV — начале V в. Различия заметны в формах беты (если я правильно определяю эту букву в остраконе 2) и гаммы. Вторую строку, в начале которой трижды выписана альфа, можно без особых колебаний считать писцовым упражнением; в первой строке, вероятно, мы тоже имеем дело с «пробой пера» начинающего писца, так что остракон может быть отнесен к архиву дильберджинского *дибиристана* — школы писцов (ср., например, писцовые упражнения на некоторых парфянских остраках из Нисы, I в. до н. э.; согдийскую азбуку на черепке из Пенджикента, VII — начало VIII в.; арабские азбуки и согдийское писцовое упражнение на остраках из Старого Мерва, VII или VIII в.):

- (1) οδ/αφ¹²αγ¹³οδο¹⁴ ι?γο/δ(β?)αο
2) ααγαορδου?(δ/ο)ο

¹² Или сочетание др-?

¹³ Или -τ- (см. и в строке 2)? Но ср. иную форму -τ- в остраконе 1. Читать -υ-: ραυο 'царь'??

¹⁴ Вряд ли союз (ο)δο, ибо не отделено пробелом от предшествующего.

RÉSUMÉ

«DEUX OSTRACA BACTRIENS TROUVÉS À DELBARJIN»

par V. A. Livchits

En 1973, lors des fouilles des constructions de la porte de ville méridionale, on a mis au jour, dans les locaux nos 5 et 17, deux ostraca qui n'étaient autres que les tessons de poterie et comportaient des inscriptions bactriennes. Les conditions de trouvaille nous inclinent à rattacher ces dernières aux IV—V siècles.

L'écriture cursive du tesson N 1 (fig. 1-2) se distingue par formes singulières de plusieurs lettres et ligatures. On n'a pas réussi à reconstituer un texte compréhensible. L'inscription du tesson N 2 (fig. 3) représente probablement les exercices d'un scribe qui faisait les modèles d'écriture des lettres séparées et des combinaisons de lettres.

ФРАГМЕНТЫ БАКТРИЙСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ НАДПИСИ ИЗ ДИЛЬБЕРДЖИНА

В 1974 г. при раскопках храма Диоскуров в северо-восточном углу главного (западного) помещения 1 на полу третьего строительного периода, под семью слоями кирпичной забутовки, разделявшей полы третьего и четвертого строительных периодов, были найдены четыре обломка разбитого мраморного блока с остатками надписи, вырезанной на одной из гладких сторон. Обломки лежали на слое желто-зеленого песка, покрывавшего пол, среди обломков гипса и кусков очень плотной глины, известнякового и мраморного щебня. По-видимому, именно здесь разбили вынутый при разрушении алтаря или пьедестала статуи мраморный блок с надписью, предварительно отделив его от слоя плотной глины и гипса, которые его прикрепляли к каменной кладке алтаря. Среди обломков кирпичей, кусков известкового раствора был найден обломок глиняной скульптуры — складки одежды, покрытые красной краской по белой грунтовке.

Стратиграфия уровней пола храма дает возможность определить время возведения сооружения, условно названного нами алтарем, в основании которого была закреплена плита с надписью.

Наиболее ранний уровень пола храма первого строительного периода относится к греко-бактрийскому времени.

Над самым поздним уровнем пола, относящемся к пятому строительному горизонту, найдены монеты сасанидских царей Шапура III (383—388 гг.) и Варахрана IV (388—399 гг.). Эти два горизонта определяют время существования храма.

В период первого строительного горизонта еще не существовало ни помещения 1, ни алтаря. Во второй строительный период здание было реконструировано и к нему было пристроено помещение 1. Это следует, вероятно, связать с деятельностью первых кушанских правителей. Под полом второго строительного горизонта была найдена в 1976 г. монета греко-бактрийского царя Евтидема, дающая нам ос-

нование установить *terminus post quem* для уровня второго горизонта храма и для нижнего пола помещения 1. Но в первый период существования помещения 1 в его центральной части алтаря еще не было. Его роль выполняла, вероятно, суфа у северной стены. Лишь в третий строительный период, когда уровень пола помещения 1 был поднят до поверхности суфы, в центре помещения был сооружен алтарь. От этого алтаря сохранились только два глинобитных крыла с побелкой на боковых плоскостях. Вся центральная часть алтаря была разрушена при реконструкции помещения 1 в четвертый строительный период и пространство заполнено сырцовыми кирпичами. Можно предположить, что в центре алтаря первоначально между крыльями из сырцовых кирпичей находился «алтарь» из каменных блоков известняка, в который и была вмонтирована плита с надписью.

В третий строительный период, при повышении уровня пола во всем храме, был заложен сырцовыми кирпичами дверной проем между помещениями 2 и 5. Между кирпичами заклада и в шве между стеной и закладом в 1976 г. были найдены 10 медных монет кушанского чекана, в том числе 5 — Вимы Кадфиза¹ и 5 — Канишки².

¹ Находка 1976 г. Полевая опись 7—11. На лицевой стороне стоящий царь влево. Правая рука опущена к алтарю, левая — у пояса. Трезубец и палица, круговая легенда, тамга. На оборотной стороне Шива в фас, стоящий перед быком (*Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India. London, 1886, tabl. XXV, 12; Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже. — Труды Гос. Эрмитажа, 1967, т. IX, вып. 3, с. 62, 63, рис. 4, 5).*

² Опись 12—16; на лицевой стороне стоящий царь влево. Правая рука над алтарем, левая опирается на жезл. На оборотной стороне у 12—15 — стоящее божество влево с вытянутой вперед правой рукой, левая согнута у пояса. Справа следы надписи. У 16 — бегущий Вад (*Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан..., с. 68, рис. 8, 2 и 4*), Е. В. Зеймаль относит такие монеты к третьей фазе чеканки Канишки.

Рис. 1. Обломки надписи на полу помещения 1 (фрагменты II, III, IV)

Рис. 2. Фрагменты II и III

Рис. 3. Прорись надписи на фрагментах II и III

Таким образом, мы можем предположить, что первый храм был сооружен греко-бактрийскими правителями. Пол второго строительного периода следует связать со временем деятельности первых кушанских царей, а пол третьего периода отнести ко времени Канишки. Перед тем как храм был вновь перестроен и уровень его пола был поднят (в четвертый строительный период), из разобранного алтаря в центре главного помещения был вынут мраморный блок с надписью и разбит тут же около алтаря. Четыре мелких его обломка так и остались на полу среди осколков камня и обломков глины (рис. 1). Это фрагменты II, III, которые склеиваются из трех частей (рис. 2 и 3), и фрагмент IV (рис. 4 и 5), найденные в 1974 г. Более крупный фрагмент I, отбитый от верхнего левого угла плиты, с началом первых пяти строк надписи был найден в том же помещении в 1975 г. при разборке каменного алтаря (рис. 6). Он упал в грабительскую яму внутри алтаря, возведенного на полу четвертого строи-

Рис. 4. Фрагмент IV

Рис. 5. Прорись надписи на фрагменте IV

Рис. 6. Фрагмент 1

тельного горизонта. По-видимому, он попал в яму из кладки алтаря, сложенного из вторично употребленных каменных блоков, которые были вынуты из алтаря предшествующего периода (рис. 7).

Самый крупный из фрагментов надписи — фрагмент V (рис. 8) был найден в основании лестницы, сооруженной после забутовки сырцовыми кирпичами южного внутреннего коридора храма. Этот фрагмент надписи от нижней части мраморного блока лежал на полу четвертого строительного горизонта, который, возможно, следует относить ко времени Васудевы, в помещении 4.

Таким образом, можно предполагать, что блок с надписью первоначально был укреплен в центральной части основания каменного алтаря, сооруженного в эпоху Канишки либо при его предшественнике. Надпись была вырезана на одной из сторон большого мраморного блока, принадлежащего, вероятно, первоначально храму греко-бактрийского времени. Хотя куски от разбитой надписи найдены на уровне пола третьего строительного горизонта, нельзя отвергать возможность связать надпись и со вторым строительным горизонтом, откуда она могла быть перенесена еще в целом виде при реконструкции помещения 1 и сооружении каменного алтаря в его центральной части. Если предположить этот вариант, то дата надписи может быть отодвинута ко времени Куджулы Кадфиза.

Надпись вырезана острым инструментом, поставленным под углом, благодаря чему вырезанные линии букв в разрезе представляют угол, обращенный острием внутрь. На линии поверхности плиты толщина вырезанных линий достигает 0,3 см, реже 0,2 см, а на глубине 0,2 см — средней глубине вырезанных букв — она сходит на нет. Надпись не отличается особой тщательностью исполнения. Размеры букв даже внутри строки различны. Например, высота *омикрона* колеблется от 0,7 до 1,5 см. Неодинакова и форма этой буквы — чаще она в виде квадрата, иногда в виде неправильного четырехугольника с острыми и тупыми углами. Также нестандартны формы *дельты*, *каппы*, *ро* и многих других букв. Различна ширина *альфы*, длина ее правой хвосты колеблется от 1,5 до 2,4 см.

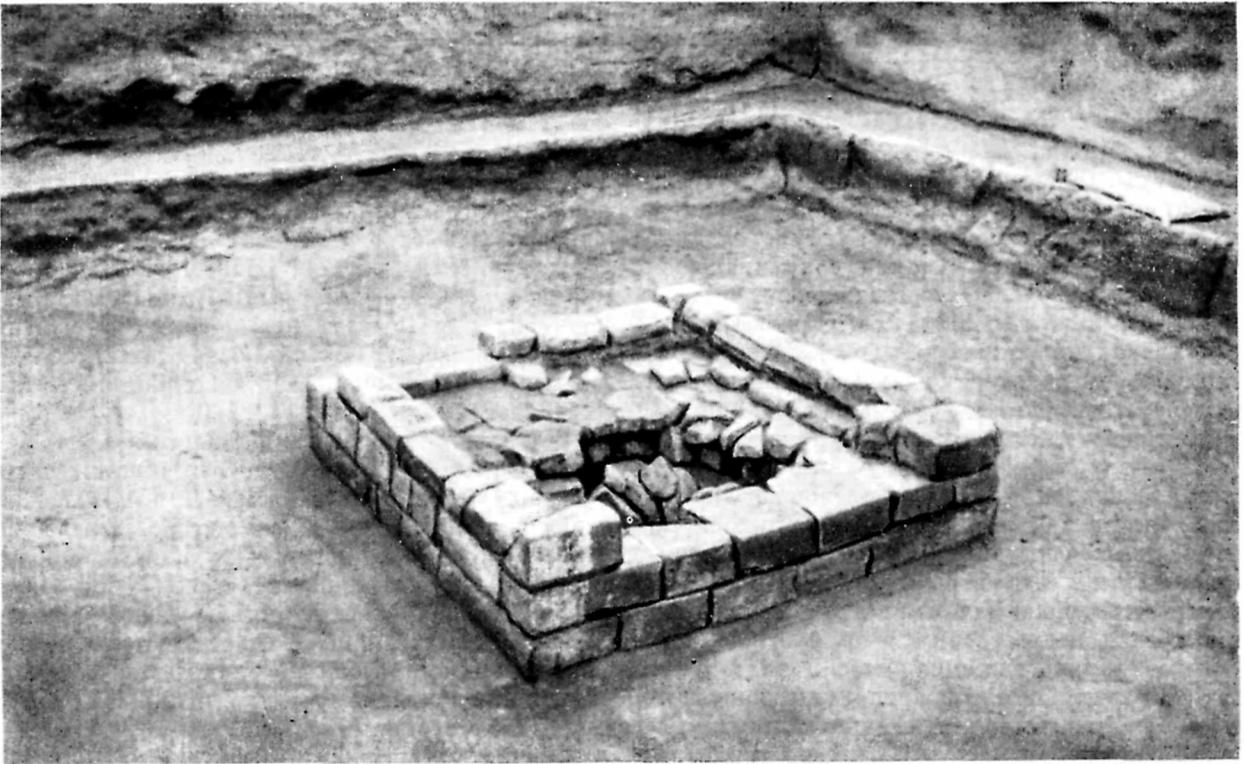

Рис. 7. Каменный алтарь в помещении 1

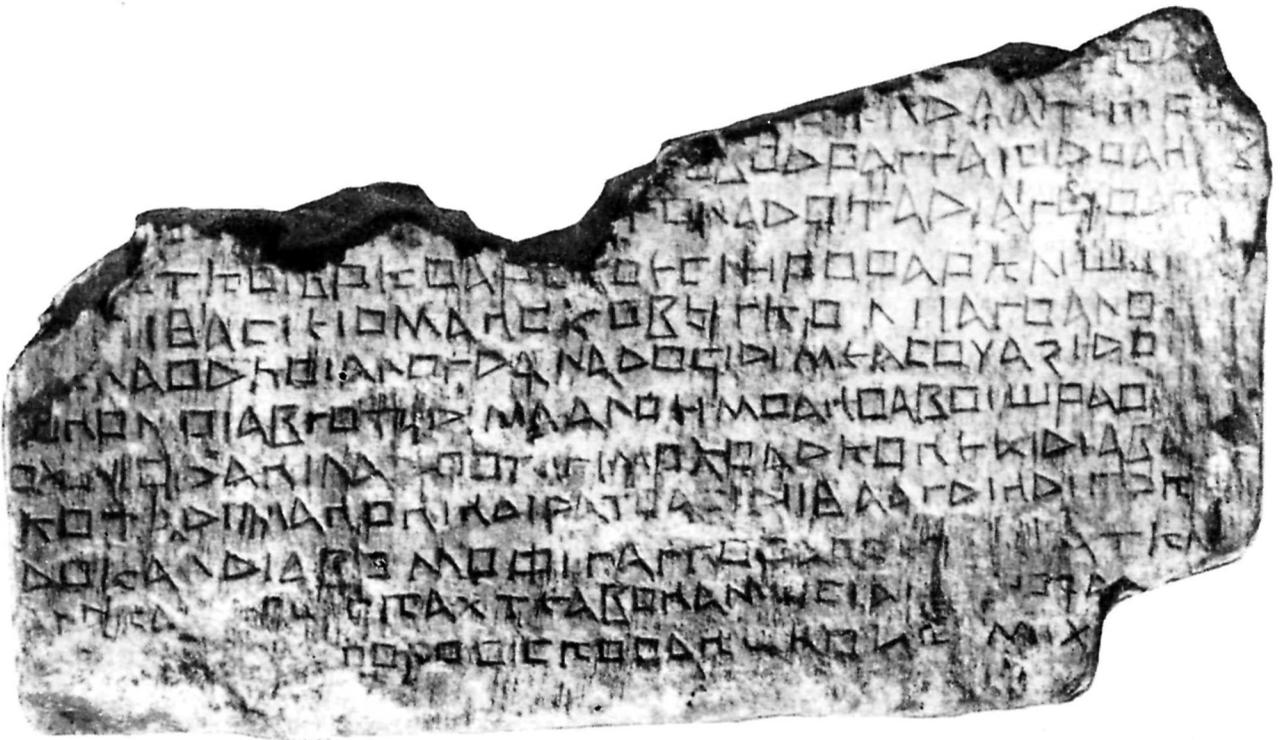

Рис. 8. Фрагмент V

Основания букв не всегда на одной горизонтальной линии. Буквы были покрашены ярко-красной краской, частично утраченной.

Фрагмент I с остатками восьми строк надписи найден в 1975 г. (полевой шифр Г). Его размеры: ширина 22 см, высота 17,5 см, толщина 14 см. Поверхность камня сильно повреждена, и плоскость с остатками надписи сохранилась только в левом верхнем углу и частично в середине обломка. Ширина сохранившейся первоначальной поверхности колеблется от 7 до 12,5 см, высота от 11 до 16 см (рис. 6).

В правой половине фрагмента поверхность камня разрушена, текст здесь уничтожен полностью. Этот фрагмент — начало надписи, верхняя левая часть стелы, закругленная по краю. Сохранилось начало пяти первых строк. В первой из них повреждена первая буква. Лишь по нескольким буквам имеется в шестой-седьмой строках и четыре полуразрушенные буквы — в восьмой. Судя по этому фрагменту, строки начинались на расстоянии 2 см от края стелы.

Высота букв различна, от 0,5 до 1,5 см. Левая и верхняя грани фрагмента выровнены — это натуральные грани стелы, а нижняя и правая грани оббиты, левый верхний угол закруглен и покрыт ганчем как с боковой грани, так и на лицевой стороне. Первые буквы двух верхних строк (*альфа* и *омикрон*) вырезаны по ганчу и покрашены. На ганче сохранились следы краски также в правой половине второй, третьей и четвертой строк. Возможно, ганч здесь был применен для ремонта испорченной поверхности мрамора еще до нанесения на нее надписи. Но не исключено, что здесь следы ремонта и подновления надписи (при Канишке? Если это так, то мы видим здесь подтверждение предположения, что надпись была вырезана при его предшественнике). Сохранились, кроме того, следы ганча на гранях. Это указывает, что стела с помощью ганча прикреплялась к стенке какого-то сооружения.

Фрагменты II и III из такого же розоватого мрамора удалось склеить из трех небольших обломков, найденных в 1974 г. на полу помещения 1. Это кусок надписи шириной 6—10 см, высотой 19 см, оббитый со всех сторон, кроме лицевой. Первоначальная поверхность сохранилась лишь на лицевой стороне, шириной 5,5—9 см, высотой 13,5—15,4 см. Толщина верхнего обломка (II) 1,8 см, а нижнего (III) до 4,5 см. Имеются части семи строк, по четыре-пять букв в каждой строке (рис. 2,3). Буквы сохранили остатки красной краски. На нижнем фрагменте III на поверхности мрамора местами обнаружены слои ганчевой обмазки, по которой вырезаны буквы более тонкими линиями, чем те, которые были вырезаны вначале

прямо по мрамору. Здесь явно видны следы ремонта поверхности надписи, возможно произведенного при переносе плиты.

Фрагмент IV (рис. 4 и 5), найденный вместе со II и III, вероятно, обломок от части надписи, примыкавшей к обломкам II—III. Но линии соединения нет и какие из строк продолжают на фрагменте, неясно. Размеры фрагмента: высота 9 см, ширина от 3 до 8 см, толщина 7 см. Фрагмент оббит со всех сторон, кроме лицевой, где остатки четырех строк надписи. Буквы вырезаны косо и покрашены красной краской. Поверхность камня сильно повреждена. В нижней части сохранились пятна ганчевой обмазки.

Фрагмент V (рис. 8), найденный в помещении 4, наиболее крупный. Это нижняя часть большого мраморного блока. Ширина его 55,3 см, высота от 19,5 до 32 см, толщина правой стороны 9 см, левой — 15,5 см. Он оббит слева и сверху. В нижнем правом углу выбит кусок. Ровная поверхность боковых граней только внизу и с правой стороны стелы. Лицевая поверхность сильно повреждена, много выщербин, большие утраты в нижней части и у конца строк.

Фрагмент содержит части последних 14 строк надписи, от одной до 37 букв в строке; последнюю, четырнадцатую строку отделяют от нижнего края стелы 2 см. Лучшее в этом фрагменте сохранились строки (х+) 9—14. В начале строк 9—13 разрушено, по-видимому, не более чем по одной—три буквы, левый край стелы здесь обломан. Сохранившийся текст не дает возможности проверить эти предположения, поскольку концы строк утрачены в результате разрушения поверхности стелы у правого края.

При оценке степени сохранности строк 9—13 фрагмента V нужно учитывать, что бактрийские писцы следовали примеру греков и переносили в следующую строку части слов любого размера. Поэтому, например, ΔΟ в начале строки V:12 (ΔΟΚΑΛΔΙΑΒΟΜΟΦΙΓΑΓΓΟϚΑΟ... '... когда к этому *храму царь...')³ может быть понято либо как конец слова, начало которого находилось в утраченной части предыдущей строки, либо как .]ΔΟ, с.] в обломе начала строки (наиболее вероятным кажется здесь восстановление Ο]ΔΟ 'и').

Фрагмент I непосредственно не примыкает к V, объем утрат здесь определить невозможно;

³ Для воспроизведения текста монументальных надписей предпочтительны прописные буквы, близкие к оригиналу. О принципах выделения слов в тексте, начертанном без пробелов (*scriptio perpetua*), см. с. 106. В переводе* указывает на предположительное, возможное значение слова. Ο ΦΙΓΑΓΓΟ ср. с. 111.

фрагменты II + III—IV, которые должны помещаться справа от I, могут в нижних своих частях совпадать с уровнем первых пяти строк фрагмента V, но и здесь точек соприкосновения нет.

Таким образом, перед нами разрозненные фрагменты большой надписи, не сохранившие ни одной полной строки. Определить сколь-нибудь точно размеры утраченных кусков стелы не представляется возможным, поскольку связанный контекст восстановить не удалось. Общее число букв в обнаруженных фрагментах — 420 (считая и полуразрушенные)⁴.

Размеры букв варьируют в одних и тех же пределах — высота от 0,7 см (например, *омикрон* в ΔO I : 4), до 2,5 см (*фи* в I : 1), ширина большинства букв 1,2—1,3 см (наиболее широкая — *омега*, 2 см); расстояния между буквами составляют от 0,5 до 0,2 см.

Надпись, очевидно, имела дату, но в дошедших до нас фрагментах ее обнаружить не удается⁵, равно как и имен кушанских царей. Титул ρAO 'царь', известный, например, по большой сурхкотальской надписи (далее обозначается KI)⁶, присутствует, вероятно, в V : 12 (возможно, также в V : 9, если правильно здесь членение ABO IQ ρAO[к... царю (?)'⁷. Толкование IABFO в V : 9 как 'ябгу' (титул, известный по монетам Куджулы Кадфиза⁸ и по более поздним памятникам)⁹ очень сомнительно (K(O?)NO MO IABFO — конец синтагмы). Зато в V : 10 уверенно читается титул XOAΔHO 'государь' (OT(I) EIMO XOAΔHO NE KIΔI AB(O?)['и этот вот (частица NE? см.

ниже) государь, который...'). Этот титул представлен в KI и в надписях на эфталитских монетах; он мог, вероятно, принадлежать не только самому царю, но и царским сановникам (например, наместникам областей¹⁰).

В V : 7 в сочетании KOBE(I)ΓHO ΛIAGO два имени собственных или, учитывая отсутствие соединительного союза, имя, состоящее из двух компонентов (K(O?) IΘA CI EIO MANO KOBE(I)ΓHO ΛIAGO AAO['...*колонны *и это здание К.-Л. вместе с {...построил (??)}'). Для KOBEIΓHO (Kub/βeig/γēw?) никаких аналогий в ономастике кушанского времени (известной нам очень плохо, главным образом по индийским надписям, монетам, KI и геммам) мы найти не смогли. ΛIAGO можно попытаться рассматривать как бактрийскую передачу имени, которое известно нам в праkritской форме как Liaka, в греческой — ΛIAKO. Это имя в сочетании Liako Kusuluko (Лиака Кузулука) засвидетельствовано в надписи из Таксилы, датированной 78 г. неизвестной эры и относящейся к правлению индосакского царя Мога (Мауэса), возможно, к середине или второй половине I в. до н. э., а также по греческой надписи на выпускавшихся им монетах (ΛIAKO KOZOYΔO)¹¹. Судя по таксилской надписи, Лиака Кузулука был сатрапом Чухкса¹² и отцом Патики (Patika), известного также по одной надписи из Матхуры¹³. Оснований для отождествления ΛIAGGO дильберджинской надписи с Лиака Кузулукой, конечно, нет, но мы вправе предположить, что это имя (возможно, сакское или даже бактрийское) было нередким в царстве Кушан — на это указывает упоминание сатрапа Лиака (Liaka kṣa-[ra]pa) в надписи из Зеды, датированной 11 г. Канишки¹⁴. Этот Лиака был, возможно, потомком Лиака Кузулуки¹⁵.

⁴ Известняковая стела подквадратной формы, на которой начертана большая сурхкотальская надпись (версия *m*), имеет высоту 110—117 см, ширину 132—125 см, всего 25 строк, 948 букв, в строке от 48 до 29 букв (см.: *Maricq A. La grande inscription de Kaniska et l'étole-tocharien.* — JA, 1958, t. 246, p. 346 sq.).

⁵ AB(Φ)OH(ρO)[в самом начале надписи (I : 1) остается непонятным, но в любом случае буквенного обозначения года здесь нет: членение AB + ΦOH невозможно (ожидалось бы *ABO), да и ΦOH = 578 для кушанского времени не может соответствовать ни одной из известных эр.

⁶ Обозначения бактрийских памятников см.: *Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler*, T. I. Wiesbaden, 1966, S. 5—6.

⁷ В I : 6 выделение ρAO в [(H/E?ρ)AOP(O)] еще более сомнительно. ρAOP(O) здесь могло бы передавать š/sahr(ə) 'царство, страна', но контекста нет; восстановление ρAOP(O)[O] 'сатрап' невозможно: последняя из сохранившихся букв наполовину разрушена, но ясно, что это не *beta*.

⁸ В этом случае IOBFO = yu/obgu, ср. инд. uaviga-, uaiṅa-, греч. ZAOOY (Gen. от ZAOHC) в надписях на монетах Куджулы.

⁹ *Henning W. B. Surkh-Kotal und Kaniska.* — ZDMG, Bd. 115, H. 1, 1965, S. 85 и примеч. 56; *Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler*, T. I, S. 24—28.

¹⁰ Об этом значении XOAΔHO в KI см.: *Sims-Williams N. A note on Bactrian syntax.* — IF, 1973, Bd. 78, p. 98.

¹¹ *Konow S. Kharoshthi Inscriptions with exception of those of Aśoka.* — *Corpus Inscriptionum Indicarum*, vol. II, pt. I. Calcutta, 1929, p. 23—29; ср.: *Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India*, 2 ed. Cambridge, 1951, p. 494—502; *Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans.* Berkeley—Los Angeles, 1967, p. 125 и сл. О времени правления Мауэса/Мога ср.: *Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана*, т. I. М., 1964, с. 145; *Rosenfield J. M. The Dynastic...*, p. 126.

¹² Область по Инду, примыкавшая, вероятно, на западе к Таксиле и простиравшаяся до восточных границ Гандхары, ср.: *Konow S. Kharoshthi...*, p. 25.

¹³ *Konow S. Kharoshthi...*, p. 30—49; ср.: *van Loon J. E. The «Scythian» Period.* Leiden, 1949, p. 332—335.

¹⁴ *Konow S. Kharoshthi...*, p. 142—145.

¹⁵ С. Конов полагал, что Лиака надписи из Зеды мог править также в области Чухкса (*Konow S. Kharoshthi...*, p. 144), но доказать это невозможно.

Кусанские монеты	Надпись IDN-1	Надпись Par.	Надпись KI	Фрагменты дильберджинской надписи
AA AA	AA	AA	AAA	AAA
BB BB	BB	BB	BBB	BBB
GG GG	GG	GG	GGG	GGG
DD DD	DD	DD	DD	DD
EE EE	EE	EE	EE	EE
ZZ Z	Z	Z	Z	Z
HH HH		HH	HH	HH
ΘΘ Θ		ΘΘ	ΘΘ	ΘΘ
III III		III	III	III
KKK KK		KKKK	KKK	KKK
ΛΛ Λ		ΛΛΛ	ΛΛΛ	ΛΛΛ
MM MM		MM	MMMM	MMMM
NN NN		NN	NN	NN
OO OO		OOO	OOOO	OOOO
PP PP		PP	PPPP	PP
RR RR		RR	RRRR	RRR
SS SS		SS	SSSS	SSS
TT TT		TTT	TTTT	TTT
YY YY		YY	YYYY	Y
ΦΦ		ΦΦ	ΦΦΦ	Φ Φ Φ
Χ Χ		Χ	ΧΧ	ΧΧ
Ω Ω		ΩΩ	ΩΩ	Ω Ω

Рис. 9. Написание букв

Для датировки дильберджинской надписи приходится учитывать, помимо археологических данных, палеографические ее особенности (рис. 9), хотя этот путь сопряжен со значительными трудностями. Для сравнения мы должны прежде всего привлечь большую сурхкотальскую надпись (KI, три версии) — *foins et origo* исследований бактрийского языка и письменности¹⁶; эта надпись датирована 31 г. эры Канишки. Другие надписи, начертанные монументальным бактрийским письмом, сохранились гораздо хуже, из них мы будем привлекать фрагменты сурхкотальской надписи Par. (дата не сохранилась)¹⁷ и наскальную надпись из Дашт-е Навура (IDN-1), датированную 279 г. неизвестной эры и упоминающую ООНМО — Виму (очевидно, Вима Кадфиз)¹⁸.

Альфа имеет только остроугольную форму (так и в Par., IDN-1; в KI эта форма также решительно преобладает). *Бета* представлена в трех вариантах, все они остроугольные и в верхней, и в нижней частях буквы, чем отличаются от KI и сближаются с Par. и IDN-1, хотя и не тождественны *бете* в последних. *Гамма* не имеет закруглений (так и в Par., IDN-1 и в подавляющем большинстве случаев в KI). *Дельта* треугольная, с вертикальной левой стороной (так и в других надписях). Для *эпсилон* преобладает слегка закругленная форма хвоста с удлиненным средним штри-

Цмя *Patika*, сына Лиакы Кузулуки («Лиак старший»), может быть истолковано как праkritская передача бактрийского **Pādīg*(^o), гипокористика с суффиксом -*īg* от **Pād*, др.-пр. **Pāta*-. Ср., например, нарф. *Pātēn* (p'tun, p'tun) в документах из Нисы (гипокористик с -*ēn* от **Pat*^o, **Pāta*-, образованного, в свою очередь, усечением имен типа **Mītra-pāta*- 'защищенный Митрой' и т. п.), а также др.-пр. **Pāta*-, **Pātaka*- в эламских передачах. Если в *Patika* видеть **Pādīg*, с -*ā*-, то ср., возможно, др.-пр. **Pātika*- (в эламской передаче *Batika*), гипокористик от **Pati*-, также усеченного имени (*Mayerhofer M.* *Onomastica Persepolitana*. Wien, 1973, S. 134, 142, 143).

Бактр. **Iyag*(^o), прапр. *Liaka* можно было бы объяснять из др.-пр. **Dyaka*- или **Diyaka*-, букв. 'жественный'??

¹⁶ О начертаниях букв в KI см.: *Maricq A.* *La grande...*, p. 348—352 (версия *m*); *Humbach H.* *Baktrische Sprachdenkmäler*, T. II. Wiesbaden, 1967, Taf. 1—9.

¹⁷ *Curjel R.* *Inscriptions de Surkh Kotal*.— JA. 1954, t. 242, p. 190, tabl. IV; *Benveniste E.* *Inscriptions de Bactriane*.— JA. 1961, t. 249, p. 142 sq.; *Humbach H.* *Baktrische Sprachdenkmäler*, T. II, Taf. 21.

¹⁸ *Fussman G.* *Documents épigraphiques Kouchans*.— *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient*. 1974, t. LXI, p. 12—18 (о date см.: p. 38—50), tabl. III, XIII—XIX; *Davary G. Dj.*, *Humbach H.* *Die baktrische Inschrift IDN 1 von Dascht-e Nāwūr (Afghanistan)*. Wiesbaden, 1976 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse, 1976, N 1); cp.: *Bivar A. D. H.* *The Kusāna trilingual*.— BSOAS, 1976, XXXIX, pt. 2, p. 333—340.

хом; это начертание сближается с «лунарным» Е в КІ; один раз (V : 7) представлена другая форма буквы — остроугольная, с выраженным нижним штрихом, но без верхнего — сходный вариант преобладает в КІ, он характерен также для Par. и IDN-1. *Дзета* закругленная, существенно не отличается от КІ. В *эте* левая хаста вертикальная, правая скошена и имеет внизу характерный излом; близкие, но не тождественные варианты в КІ (в IDN-1 форма *эти* иная). *Тета* засвидетельствована всего два или три раза (только в IΘA), она имеет трапециевидную форму с выраженной верхней горизонтальной чертой, без закругления (довольно близкая форма *теты* в IDN-1 — в дате; в КІ — овалы варианты). *Иота* прямая, вертикальная (так и в других надписях). *Каппа* имеет вертикальную хасту, от ее подножья идет вверх направо длинный штрих, к которому подвешен короткий нижний (этот вариант *каппы*, довольно значительно отличающийся от классических начертаний буквы, выступает часто в КІ, он представлен также в IDN-1); буква приближается по форме к некоторым вариантам *эты*, но в последней, как отмечено, правая часть заканчивается внизу изломом. В *лямбде* вертикальная левая хаста, правая короткая, незакругленная (сходный вариант — наряду с другими — в КІ и в Par.; в IDN-1 форма этой буквы нам неясна). В *мю* левая хаста чаще вертикальная прямая, иногда немного изогнута внизу (например, в ME — V : 8); правая хаста по высоте либо равна левой, либо значительно короче, например, в NAMΩ — V : 13, MA — V : 9). Оба эти варианта близки к классическому типу; в IDN-1, если судить по прорисовке Давари¹⁹, в строках 4 и 10 выступает сходное начертание; в Par. и КІ буква имеет иные формы (закругленная правая хаста). Начертания *ню* не отличаются от других надписей: левая короткая хаста прямая, правая закруглена. *Омикрон* почти всегда квадратный (так и в Par. и IDN-1, тогда как в КІ, версия *т* — только круглый; в версии *б* — круглый и гораздо реже квадратный; в версии *а* — квадратный, редко круглый). В *пи* левая и правая хасты прямые; от правой, значительно более короткой, снизу отходит короткая горизонтальная черта, от верхней горизонтали справа спускается вертикальный штрих (близкие начертания *пи* в IDN-1; в КІ, как и в надписях на кушанских монетах, правая хаста либо закруглена, либо длиннее левой). *Ро* в большинстве случаев квадратное (так и в КІ-*т*, *а*; в Par. всегда квадратное, в IDN-1 квадратное, причем «открытое»), но

встречается и округлое (например, в NINΔI-PATO — V : 11; этот вариант обычен для КІ-*б*). *Сан* не всегда легко отличить от квадратного *ро*. Левая хаста в *сан* несколько длиннее, чем в *ро*, но заметно возвышается над верхней горизонтальной чертой только в I : 6, тогда как в V : 9, 12, если здесь правильно чтение PAO, *сан* не имеет видимых отличий от *ро* (в КІ квадратный, реже круглый *сан*, достаточно четко отличается от *ро*; в IDN-1: 2,4 *сан*, в отличие от *ро*, не закрыт снизу). *Сигма* только прямоугольная, подобно Par. и IDN-1 (в КІ чаще закругленная, «лунарная»). *Тау* близка к классической форме, без наклона и изгиба, причем хаста приходится не на середину горизонтальной черты (аналогичная форма в IDN-1; для КІ обычны иные начертания). *Ипсилон* мы обнаружили только один раз, в V : 8 (YAZIΔO); правый верхний штрих здесь поврежден, но, очевидно, форма буквы близка к классической (ср. такую же форму в греческой формуле в конце сурхкотальской надписи Pal²⁰; в Par. выступает несколько иной вариант, в КІ — ряд вариантов, заметно отличающихся от греческого прототипа). *Фи* прямоугольное, с длинной средней хастой (сходно в Par.; в КІ чаще округлая форма). В *хи* от правой верхней части отходит короткий горизонтальный штрих (отчетливо виден в XOA-ΔHO — V : 10; в PAXTE — V : 13 этот штрих также, вероятно, присутствует; близкая форма буквы в Par., нередко также в КІ, но здесь этот штрих обычно опускается вниз). *Омега* прямоугольная, как и в Par., КІ (но округлый вариант в версии *б*) и, возможно, в IDN-1.

Лигатур в дильберджинской надписи нет; единственным исключением можно считать -ΓΔ- в V : 5 (AGΔO), где буквы начертаны без обычного промежутка. Фрагмент V показывает, что строки идут наклонно, к концу они повышаются; следов предварительной разметки строк на стеле (подобно КІ-*т*) обнаружить не удалось. В целом, судя по сохранившимся фрагментам, мы должны высоко оценить мастерство резчика монументальной надписи.

Точная датировка надписи по палеографическим данным невозможна, однако кажется вероятным, что надпись относится к более раннему времени, чем КІ, сближаясь по некоторым палеографическим особенностям с Par. (которая, по-видимому, старше КІ)²¹ и IDN-1. Следует учитывать, что бактрийское письмо создавалось на основе греческого курсива, поэтому в формах букв заметны курсив-

¹⁹ Davary G. Dj., Humbach H. Die baktrische..., S. 7, fig. 3.

²⁰ Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler, T. II, Taf. 22.

²¹ Ср.: Harmatta J. Minor Bactrian Inscriptions.— AAASH, 1965, t. XIII, p. 196 sqq.

ные прототипы, а в надписях на камне и металле монументальные и курсивные варианты могут выступать рядом (это хорошо видно и по бактрийским надписям на монетах Великих Кушан, и по KI-a, и особенно KI-b — версиям, которые были сделаны несколько раньше, чем KI-m). Соответственно мы должны весьма осторожно привлекать в качестве критериев датировки такие особенности, как, например, абсолютное преобладание в дильберджинской надписи остро- и прямоугольных начертаний. Но в целом письмо надписи может быть определено как более раннее сравнительно с KI и более близкое к греческим надписям на монетах Куджулы и Вимы. Если начало эры Канишки относить к концу I или к 20-м годам II в. н.э. (последнее кажется наиболее вероятным) и соответственно датировать KI первой третью или серединой II в., то дильберджинскую надпись, как представляется, можно отнести к I или к началу II в. н. э.

Выделение слов из графических сегментов (последовательностей) в тексте, начертанном без пробелов, должно производиться с учетом орфографических особенностей, которые были установлены для других бактрийских надписей, прежде всего для KI, благодаря наблюдениям А. Марика и В. Б. Хеннинга²²; работы И. Гершевича, Я. Харматты, Э. Бенвениста, Х. Хумбаха²³ и других исследователей подтвердили правильность этих наблюдений.

В исходе слова всегда выступает буква, которая может обозначать гласный. Наиболее часто это -О, реже -I, еще более редки -А и -Е; в очень немногих случаях в этой позиции засвидетельствована -Ω (-Н в исходе до сих пор не было отмечено). Заметим, что фонетическая релевантность конечных графем ясна для -Е (соответствует, очевидно, /-e/), -А (более вероятно /-a/, чем /-ā/), -Ω /-w/, возможно, также -ō/, ср. ниже о NAMΩ в V : 13). Фонетическая реальность -I (/i/, возможно, и редуцированный гласный /-ə/, а также /-ī/) не вызывает

сомнений, кроме случаев, когда написания с -I чередуются — для одних и тех же словоформ — с -О. Для -О фонетическая реальность очевидна в тех написаниях, где -О обозначает /-w/, например в ХОАΔНО «государь» /xwa-dēw/, из *xvatāvya-²⁴, PAO 'царь' /šaw/ или /šaw/. Возможно, альтернатива -I/-О указывает на передачу конечного гласного типа /-ə/, по крайней мере в определенной группе слов (KIΔI/KIΔO 'кто, который' и ряд других, см. о них ниже), однако в большинстве случаев можно сомневаться в том, что конечное -О вообще произносилось, а не служило чисто графическим сигналом конца слова²⁵.

При членении текста на слова наибольшие трудности вызывает разграничение целых слов и частей композит, поскольку -О выступает и в исходе их первых компонентов (ср., например, в KI: BAFO 'бог, господин', BAFOΛAΓFO 'храм', BAFOΠOYPO, BAFOΠOPO 'сын бога, devaputra'; предлог ΠIΔO и префикс ΠIΔO- в ΠIΔOPIΓAΔO 'остался'; соответственно в дильберджинской надписи нет ясности в членении таких, например, сегментов, как NOMOIAVFO — V : 9 или OICΠOC(A)I — I : 3). Для издаваемых фрагментов членение текста облегчается тем, что в них представлено значительное число слов и морфем, известных по KI. Это прежде всего союзы и относительные местоимения, позволяющие установить синтаксическую структуру текста; предлоги; «изафет» I (артиклъ и относительное местоимение, вводящее некоторые типы определений и определительных синтагм)²⁶; артиклъ MO (указательное местоимение с ослабленным значением)²⁷; местоимения EIO 'этот' (/iyu/ или /iʔu/, из *ayam)²⁸, ср. EIO в KI-b (и a?),

²⁴ Henning W. B. The Bactrian inscription.— BSOAS, 1960, vol. XXIII, p. 51.

²⁵ Ср. различные мнения по этому поводу: Henning W. B. The Bactrian inscription, p. 50; Gershevitch I. The Well of Baghlan, p. 101; Harmatta J. Late Bactrian Inscriptions.— AAASH, 1969, t. XVII, p. 342—344; Morgenstierne G. Notes on Bactrian phonology.— BSOAS, 1970, XXXIII, pt. 1, p. 126.

²⁶ Henning W. B. The Bactrian inscription, p. 50 sq. Ср. функции среднеперсидского i и особенно древнеперсидского haaya-, taaya-. Бактр. I/i/, из ya-, показывает, что в некоторых восточноиранских языках местоимение ya- имело те же функции, что и в авестийском, и развилось в «изафет» подобно ряду западноиранских языков; таким образом, «изафет» должен быть исключен из числа признаков, которые, согласно П. Тедеско, отличают западноиранские диалекты от восточноиранских (Tedesco P. Dialektologie der westiranischen Turfantexte.— Le Monde Oriental, 1921, XV, S. 255).

²⁷ Benveniste E. Inscriptions de Bactriane, p. 148; Gershevitch I. The Well of Baghlan, p. 102.

²⁸ Ср.: Henning W. B. The Bactrian inscription, p. 51, примеч. 7; Gershevitch I. The Well of Baghlan, p. 102, где для EIO, EIOO предлагается /i/, что, однако, не объясняет варианта с -II-. Возможно,

²² Maricq A. La grande...; Henning W. B. The Bactrian inscription.— BSOAS, pt. 1, 1960, XXIII, p. 47—55.

²³ Gershevitch I. Рец. на кн.: Humbach H. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal: ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran. Wiesbaden, 1960.— BSOAS, 1963, XXVI, pt. 1, p. 193—196; Gershevitch I. The Well of Baghlan.— AM, N.S., XII, pt. 1, 1966, p. 90—109; Idem. Bactrian inscriptions and manuscripts.— IF, 1967, Bd. 72, p. 27—57; Harmatta J. Cusanica.— AOASH, t. XI, 1960, p. 191—220; Idem. The great Bactrian inscription.— AAASH, t. XII, 1964, p. 373—471; Idem. Minor Bactrian inscriptions, p. 149—205; Idem. Late Bactrian inscriptions.— AAASH, 1969, t. XVII, p. 297—432; Benveniste E. Inscriptions...; Humbach H. Baktrische..., T. I; Davary G. Dj., Humbach H. Die baktrische Inschrift...

ЕПО в KI-m; ОIСПО весь, каждый (ОIСПОС(А) в I : 3, см. выше; ОIСПООАН(О) в V : 14; ОIСПААН(О), с заменой -О на -А перед -А, в I : 2 — косвенный падеж множ. числа, ср. ОIСПОАНО в KI) ²⁹. О PAO 'царь' и ХОАДНО 'государь' упоминалось выше. Встречаются также слова IOA и MANO, засвидетельствованные в KI, причем наша надпись позволяет определить их как существительные. Фрагменты содержат также ряд новых слов, в том числе глагольные формы, существительные и местоимения, которых нет в KI. Следует учитывать, что чисто этимологические объяснения значений впервые засвидетельствованных слов в надписи на почти неизвестном языке всегда лишь предположительны и требуют проверки по контексту; для фрагментарного текста гипотетичность таких толкований очевидна.

Текст фрагментов

Фрагмент I (рис. 6)

- (1) АВ(Ф)ОН(Р)О[
- (2) ОIСПААН(О)['всех?]
- (3) ОIСПО С(А) ['весь (или все-)]'
- (4) ΔΟ ΦΑΡΟ Α(В) ['и (?) к/для...]'
- (5) [·](В)ΑΓΟ CΙ(Δ)Ι ['господин, чт[о?]
- (6) [...](Н?) ΡΑΟΡΟ (Ο?) ['...страна
- (?) [
- (7) [5—6 букв]ΔΑΝΕ[
- (8) [6—7 букв](Α/ΛΔΑΦ/Ο?) [

Членение сегмента в строке 1 неясно, выделение ОНрО (ср. ОНрО 'Шива' на кушанских монетах) невозможно по нормам орфографии; АВФО° предполагало бы др.-ир. *āpfa/u° или *ābfa/u-?

В строке 4 ΦΑΡΟ — предлог или послелог, известный по KI (очевидно, из др.-ир. fā ³⁰), менее вероятно — 'фарр, харизма', ΦΑΡΡΟ, ΦΑΡΟ на монетах.

В строке 5 чтение В в (В)ΑΓΟ кажется надежным, как и восстановление CΙ(Δ)Ι ['что, которое' — относительное местоимение и союз; в этом случае синтагма, следовавшая после CΙΔΙ, зависела, очевидно, не от ΒΑΓΟ, а от какого-то существительного, находившегося в конце строки 4. CΙΔΙ присутствует и в V : 8, ср. CΙΔΟ в KI-m и a, но CΙΔΙ в KI-b. В нашей надписи имеется еще несколько слов с исходом на -Ι, которому соответствует -Ο в KI-m и

что в бактрийском, подобно согдийскому, др.-ир. -аш превратилось в -у (ср. согдийское uw/yu/ из *auam); флексия кось. пад. мн. ч. -ANO из -ānam можно трактовать как /-ānu/.

²⁹ Ср.: Gershevitch I. The Well of Baghlan, p. 107, примеч. 30.

³⁰ Henning W. B. The Bactrian inscription, p. 54; иначе: Gershevitch I. The Well..., p. 107.

a, -Ι в KI-b; все они входят в группу местоименных союзов: KΙΔΙ 'кто, который' — V : 10 (KΙΔΟ в KI-m, a, KΙΔΙ в KI-b, ср. также KΙΔΙ в IDN-1 : 5); TΑΔΙ 'тогда, затем' — V : 5, 9, 11 (TΑΔΟ в KI-m, a, TΑΔΙ в KI-b, а также в IDN-1, строка 7, но TΑΔΟ в той же надписи, строка 8); KΑΛΔΙ 'когда' — V : 12 (KΑΛΔΟ в KI-m, a и в бактрийских надписях курсивным письмом, KΑΛΔΙ в KI-b); A CΙΔΙ 'поэтому, потому' — V : 11 (из ACO + CΙΔΙ, ср. A CΙΔΟ в KI-m, a, A CΙΔΙ в KI-b); OTI 'и' V : 10 (ср. OTO в KI, в b OTI). С орфографией версии KI-b нашу надпись сближает и написание -Ι в исходе флексии 3-го л. мн. числа прошедшего времени: IΝΔΙ в AΓΔΙΝΔΙ — V : 11, ср. ΦΡΟΧΟΡΤΙΝΔΟ в KI-m, a, ΦΡΟΧΟΡΤΙΝΔΙ в KI-b. Если учесть, что в написаниях других слов чередований -Ι и -Ο не наблюдается, то можно предположить, что такие чередования указывают на передачу конечного гласного /ə/ ³¹ — в отличие от написаний только с -Ο, в которых -Ο фонетически нерелевантен и служит лишь сигналом конца слова ('O-shuet'). Если согласиться с этим, то CΙΔΟ/Ι = /çidə/(или/cidə/, из др.-ир. *çi-ti/u), KΑΛΔΟ/Ι = /kaldə/ (из *kadā-ti/u) и т. п. ³², тогда как предлоги ΠΙΔΟ = /pid/, ABO = /aβ/ и др. Такая гипотеза, как кажется, может объяснить орфографические варианты с -Ο/-Ι, не прибегая к признанию серьезных диалектных различий внутри письменного бактрийского уже в кушанское время ³³. Однако она не разъясняет причин альтернативы -Ο/-Ι в исходе глагольной основы прошедшего времени, выступающей в качестве 3-го л. ед. числа, ср. ΠΙΔΟΡΙΓΔΟ 'он остался' в KI-m, a, но ΠΙΔΟΡΙΓΔΙ в KI-b (/pidriyð/, менее вероятно /pidriyðə/ или /pidəriyðə/ из *patirixta(h)), аналогично OZOOACTO 'был уведен' в m, a, но ZOOACTI в b (/uzuwast/, /zuwast/, из *uzvasta(h)).

В строке 7 IΔΑΝΕ[является скорее всего вторым компонентом композиты (-Ε, если это действительно конец слова, может указывать на прямой падеж мн. числа — /-ē/, из др.-ир. местоименной флексии -ai) ³⁴, ср. I(O)X(M)OΔ-ANI в V : 10?

³¹ Типологически ср. выявление /ə/ (фонема или аллофон) в согдийском в позиции середины слова на основе альтернатив написаний с -i-, -y-, -w-, -ø-.

³² Сходная альтернатива -Ο/-Ι выступает и в передаче префикса в NOpAAMO 'обитель, гнездо' в KI-m, a, NIpAAMO в KI-b; здесь, вероятно, /nə-/ из ni- (Morgenstierne G. Notes..., p. 126; иначе: Henning W. B. The Bactrian inscription, p. 50).

³³ Ср.: Harmatta J. Late Bactrian Inscriptions. — AAASH, 1969, t. XVII, p. 351.

³⁴ Ср.: Harmatta J. Late..., p. 350, где флексия -ə возводится к др.-ир. -āh.

Фрагменты II + III и IV

II + III (рис. 2 и 3) IV (рис. 4 и 5)
 (x + 1)](A)AΔ(E)]
 (2)](C)AΓΔ(O)] 'построил (?)'](E)O(·)]
 (3)](A?) AΓ(?)] '[ко]лонны(?)]'(·)ΔO K(A)] 'и 'ко
]гда(?)'³⁵
 (4)](·)I BAΓ(A)]](H?)O CAΔ[
 (5)](N)AXCE]](A?)NO(X)]
 (6)](·)HO O(Δ)]
 (7)](O?)P(T?)].]O]

Точно совместить строки фрагментов II + III и IV и определить размеры лакун не удается. ΛΑΔΕ, если это не второй компонент сложения, может быть понято (вне контекста) как мн. число от ΛΑΔΟ 'дар, пожалование', др.-ир. *dāti-*, или 'закон', др.-ир. *dāta-*, но также и какое-то другое существительное, образованное от др.-ир. корня *dā-* или его префиксальных дериватов (ср. ниже о ΛΑΔΟ в V : 5, 8, 10). Не лучше обстоит дело с]САΓΔO], которое может значить не только 'построил', '(был) построен' (/ *sāyd* /, перс. *sāxt*) или 'привел в порядок, устроил' (парф. *sāxt*), но и 'ознакомил(ся), научил(ся)' (авест. *sak-*, хот. *sāj-* ср. согд. 'β-s'с-: 'β-s'yt 'учить'³⁶). Здесь следует еще учитывать возможность префиксальных дериватов (например,]ΠΙΔO]САΓΔO и т. п.). Восстановление]I]θ(A) в строке 3 кажется вероятным, хотя -A сильно повреждено; ср. IΘA в V : 7, 11 (см. ниже). Для]NAXCE] сопоставление с ΠΙΔOPIXCHIO в KI (3 л. ед. числа опатива) могло бы указывать на личную глагольную форму от интранзитивной (или пассивной) основы *-*paχs-*, однако без контекста от поисков такой основы и попыток объяснения -E лучше воздержаться. CAΔ[в IV : 3, если принять членение](H?)O CAΔ[, можно сопоставить с CAΔO 'колодец' в KI (где речь идет о сооружении колодца и каких-то других гидротехнических устройств), однако столь же возможны вне контекста и толкования CAΔ[O] как 'сто' или 'целиком, полностью'.

Фрагмент V (рис. 8)

(x + 1)](O?)]
 (2)](·)OAI]
 (3)](O?)... Λ?)ΔA ATI ΦPA(·)]
 (4)](O)BOΔPAΓΓA ΠΙΔO AN(AX)]
 (5) [5—6 букв] (E..)[4—5 букв](P/P? ³⁷.)
 [5—6 букв] (Γ?)O ΛΑΔO TAD I AΓΔO A(BO A)]
 '... *создал. Затем *обрушилось...'
 (6) [4—5 букв] (O)THO I (B)PHOAP(O.)OE
 CI EIPO OAPHAIΩ(·)]

³⁵ Восстанавливая (O)ΔO KA[ΔΔI...

³⁶ *Emmerick R. E. Saka Grammatical Studies. London, 1968, p. 132.*

³⁷ Или (Φ)?

'...И он *множество...*и ...'
 (7) [3—4 буквы](O) IΘA CI EIO MANO
 KOBE(I)ΓHO ΠIAGO AΛO]
 '... *колонны, и это *здание Кубейгев(?)—
 Лийаг (?) вместе с ...'
 (8) [3—4 буквы?] (X?)AOΔHO I AΛOΓΔA
 ΛAΔO CIΔI ME ACO YAZIΔO]
 '... *создал, которое мне (?) от...'
 (9) [1—2 буквы?] (O)NO (M)O IABGO (TA)ΔI
 MA AΛO EIMOANO ABO IOPAO]
 '...ябгу. Затем я с ними к...царю...'
 (10) [1—2 буквы?] (O)X(M)OΔANI ΛA(Δ)O
 OT(I) EIMO XOAΔHO NE KIΔI AB(A)]
 '... *создал. И этот *же государь, кото-
 рый...'
 (11) [1—2 буквы?] X³⁸O TADI MANO
 NINΔIPATO A(C)IΔI IΘA AΓΔINΔI (Φ)PH]
 '...Затем *здание *осело, поэтому *ко-
 лонны *рухнули...'
 (12) [1—2 буквы?] ΔO KAIΔI ABO MO
 ΦIΓAΓO (P?)³⁹AO (O/P?) [5—6 букв]
 (A)TH(A/P?)⁴⁰]
 '...И когда к *храму царь(?)...'
 (13) [1—2 буквы?] (AΓ)ΔH(A?) [...] (ABO?.O?)
 ΠAXTE ABO NAM(Ω) CI A(·.) [4—5 букв]
 O(Z?? ⁴¹A)]
 '... в *восхваление *и...'
 (14) [около 11—13 букв] OO(P/P)O OIC-
 ΠOOAN(O N?O...) M[.] X]

Этот фрагмент дает возможность сделать некоторые заключения относительно структуры надписи и ее содержания. Прежде всего можно отметить, что повествование — по крайней мере в заключительной части надписи — шло от первого лица. Такой вывод следует из строки 9, в которой MA является местоимением 1-го лица: 'Затем (TADI) MA с (AΛO) нами (EIMOANO) к (ABO)... (IO) царю (PAO) [...]'. Глагол не сохранился, значение I Ω неясно⁴², однако вряд ли можно сомневаться в том, что MA здесь субъект (а не вариант артикля MO), тогда как EIMOANO — косвенный падеж множественного числа указательного местоимения EIMO, которое выступает в атрибутивной функции в строке 10 (EIMO XOAΔHO 'этот государь'). Это местоимение, впервые заведательствованное в нашей надписи (/im/ из *iym < iyam, с ранней утратой -a-, ср. авест. *aēm*, *im* при бактр. *EIO*, *EIO* из *ayam*), могло употребляться и в качестве местоимения 3-го лица, так что

³⁸ Менее вероятно K.

³⁹ Или (O)?

⁴⁰ Или (M)?

⁴¹ Очевь неясно.

⁴² 'Такой?', ср. авест. *aēvā* 'так', др.-инд. *evā*? Вряд ли из *aiva-* 'один', ср. IOΓO 'один' (<**aivaka-*) в KI.

АЛО ЕИМОАНО — ‘с ними’⁴³. Возможно, речь идет о лицах, упомянутых в строке 7 (КОВЕИГ-НО-АПАГО + ..., см. выше). Наиболее вероятно кажется видеть в МА косвенный падеж местоимения 1-го л. ед. числа (/mā/, из др.-ир., mān или mā, ср. в пашто mā того же происхождения), выступающий в качестве субъекта при форме прошедшего времени переходного глагола (пассивная или (псевдо)эргативная конструкция): ‘Затем я (‘мною’) с ними к... царю [послал?]', Местоимением 1-го лица является, возможно, и МЕ в строке 8 — СИДИ МЕ ‘которое мне (?)’ (МЕ из энклитического *mai)⁴⁴, но контекст здесь неясен.

Для определения содержания надписи наиболее важными представляются строки 7 и 11, в которых выступают слова MANO и IΘA. Сочетание IΘA АГΔΙΝΔΙ показывает, что IΘA — существительное с собирательным значением, поскольку АГΔΙΝΔΙ — форма 3-го л. мн. числа прошедшего времени (очевидно, от непереходного глагола), согласуемая с IΘA. Перевод этой формы как ‘упали’, ‘рухнули’ или ‘деформировались’ не более чем предположительный, он основывается лишь на объяснении АГΔ- (/ayd-inda/) из др.-ир. *axta-, причастия от корня *ak- ‘притеснять, давить, сокращать’ (ср. авест. axti- ‘страдание’, ‘боль’, aka-, перс. āk ‘плохой’, хот. vyach- ‘исчезать, пропадать’ из *vi-ač-ya, byāchūta- ‘огорченный’⁴⁵); значение АГΔО в строке 5 по контексту уточнить не удастся (ТАΔΙ АГΔО АВО... ‘затем *обрушилось, к...?’)⁴⁶. В строке 7 IΘA СИ ЕЮ MANO можно попытаться толковать как сочетание существительных IΘA и

MANO, считая, что ЕЮ — указательное местоимение (‘это’), а СИ — энклитический союз ‘и’, из др.-ир. -čit (авест. čī, др.-перс. -čiy/-čī/). Такое толкование поддерживается как будто синтаксической структурой строки 11, где говорится о двух событиях, причем второе является следствием первого: ‘Затем (ТАΔΙ) MANO NINΔIPATO, отчего (АСΙΔΙ) IΘA *рухнули’. В NINΔIPATO следует в таком случае видеть глагольную форму 3-го л. ед. числа прошедшего времени, однако значение ее неясно: сложный префикс NINΔIP-, из ni+andar, и -ATO из ašta⁴⁷ от корня az- ‘двигать, приводить в движение’, тогда NINΔIPATO (/nəndərat/) ‘сдвинут’, ‘осел, обвалился’?

Однако эти гипотезы осложняются еще тем, что IΘA и MANO засвидетельствованы в надписи KI, причем и здесь их значения не могут считаться точно установленными. В версии KI-m представлено только написание IΘO, в версии b — только IΘA, в a — I|ΘO и IΘA⁴⁸. В. Б. Хеннинг видел в этом слове существительное, предположительно ‘опора, колонна’ (*pillar), и связывал его с авест. aīfua- ‘воротный столб’⁴⁹. Такое объяснение не было поддержано другими исследователями большой сурхкотальской надписи, которые предпочли вслед за А. Мариком видеть в IΘO/IΘA частицу, соответствующую авест. iθa ‘так’ (др.-инд. ittham, лат. item)⁵⁰. В KI это слово выступает дважды. Синтагму OTHOI ΠΙΔΟ АСАГГЕ IΘO OIΔIPΔO (m: 13; a: 19; b: 17 с вариантом IΘA) Хеннинг понимал как ‘затем он (‘им’, энклитика 3-го л. ΠΙO) на камнях (или ‘при помощи камней’) установил опоры’. Поскольку непосредственно перед этим в KI говорится о рытье колодца и подаче

⁴³ Конструкция АЛО ЕИМОАНО, как и ФАРО ОIСПОАНО МО ОАДОВАРГАНО ‘ко всем живым существам’ в KI, показывает, что в сочетаниях с (некоторыми?) предлогами имена во множественном числе выступают в форме косвенного падежа, тогда как в единственном числе с предлогами употреблялся преимущественно прямой падеж.

⁴⁴ При таком толковании МЕ было бы орфографическим вариантом к MI, последняя форма известна по фрагментированной надписи Pal.: KIPΔO MI ΒΑΓΟΛΑΓΓΟ ‘сооружено (‘сделано’) мною святилище’ (ср. также: ΛΑΔΟ MI ‘мною дано’ или ‘мною создано’ в берлинском рукописном фрагменте MB V:4) Ср.: *Henning W. B. Surkh Kotal.* — BSOAS, 1956, XVIII, pt. 2, p. 367, примеч. 4; *Humbach H., Baktrische Sprachdenkmäler*, t. I, S. 122, 126; *Harmatta J. Minor...*, p. 150; sqq; *Sims-Williams N. A note...*, p. 95, примеч. 1. Вряд ли есть основания рассматривать MI как глагольную связку 1-го л. ед. ч. (из ahmi, в бактрийском ожидалось бы в этом случае скорее *AMI или *IMI, *OMI), проникшую столь рано в парадигму прошедшего времени *переходных* глаголов.

⁴⁵ *Emmerick R. E. Saka Grammatical Studies*, p. 125.

⁴⁶ Для АГΔΟ, АГΔΙΝΔΙ вне контекста возможны и другие объяснения, например, из *haxta-, от hak-, hač- ‘следовать, сопровождать’ (‘последовал’, ‘сопроводили, следовали вместе?’).

⁴⁷ Судьба др.-ир. -št- в бактрийском не вполне ясна, ср.: *Morgensterne G. Notes...*, p. 127 sqq.

⁴⁸ *Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler*, T. I, S. 78—87.

⁴⁹ Это авестийское слово, засвидетельствованное только в Яште X, 28, X. Бартоломе сопоставлял с ведическим ātā- ‘дверная рама, косяк’ (*Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904, стлб. 359), ср. еще лат. antae, арм. dr-and, др.-ир. *pati-antā-, в согдийском rbynd, перс. palindīn ‘косяк двери’, а также осет.-диг. uāindzā ‘крыша’, букв. ‘(то что) над столбами’, из др.-ир. *upari-andya- (*Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge, 1959, p. 182).

⁵⁰ *Maricq A. La grande...*, p. 365; *Humbach H. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal: ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran*. Wiesbaden, 1960, § 113; *Idem. Baktrische Sprachdenkmäler*, T. I, S. 96; *Gershevitch I. Реч. на кн.: Humbach H. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal: ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran*. Wiesbaden, 1960. — BSOAS, 1963, XXVI, pt. 1, p. 194; *Idem. The Well of Baghlan*, p. 107; *Harmatta J. The great Bactrian inscription*, p. 471.

воды (на территорию акрополя), в приведенном отрывке энклитику -НЮ можно отнести к колодцу и вслед за Гершевичем переводить: 'затем (он) установил также (Ю) на нем (т. е. колодце, -НЮ и послелог ПИЮ) камни', т. е. 'выложил колодец камнями'⁵¹. Однако из дальнейшего текста КІ выясняется, что, помимо колодца (остатки его нашли археологи, раскапывавшие Сурх-Котал), было построено еще несколько гидротехнических сооружений (в том числе, вероятно, водоподъемник и резервуар для воды)⁵², поэтому нельзя исключить и возможность возведения каких-то опор (для водоподъемника?) рядом с колодцем и, таким образом, вернуться к переводу, предложенному для Ю Хенningом. Второй раз Ю в КІ выступает в таком контексте: ОНЮ АСАКО МО САДО АХЪТРИГО КИРАО АЛВАРГО ОСТАДО Ю АТО ПИДЕИНО САДО ПИДЕИНО АХЪТРИГО УАРОУГО МАЛИЗО ХОВО ПОРООАТО 'И над колодцем он соорудил *водоподъемник, установил *резервуар (и) *опоры, так что благодаря этому колодцу, благодаря этому *водоподъемнику весь акрополь *благодепствовал'. Здесь Ю стоит после глагола (ОСТАДО), что нарушает синтаксический параллелизм (*водоподъемник соорудил, но *резервуар установил, *опоры) и тем самым свидетельствует как будто в пользу объяснения Ю как частицы ('установил так(же)' или, скорее, объединяя Ю с АТО, — 'так что'). Однако мы слишком мало знаем о бактрийском синтаксисе, чтобы вовсе исключить возможность постановки второго прямого объекта после глагола и отказаться на этом основании от толкования Ю в данном отрывке как существительного. Наконец, возможно, в бактрийском существовали омографы (или даже омонимы) Ю/ЮА 'опора' и Ю/ЮА 'так'. В любом случае сочетание ЮА АГДИНДИ в дильберджинской надписи указывает на существительное; перевод АСИДИ ЮА АГДИНДИ (V: 11) как 'поэтому так (ЮА) *рухнули' кажется по условиям контекста невероятным. Предложенное Хенningом сопоставление Ю с авест. *aiθuā-/anθuā-/* не встречает непреодолимых затруднений с точки зрения исторической фонетики, поскольку в дренеиранских диалектах могло существовать несколько вариантов данной основы, в том числе с начальным вокализмом а- из *ŋ- (ср. ведич. *ātā-*), а также с i-

⁵¹ *Gershevitch I. The Well...*, p. 107; *Harmatta J. The great Bactrian inscription*, p. 471.

⁵² *Gershevitch I. Рец. на кн.: Н. Humbach... — BSOAS, XXVI, 1963, pt. I; Idem. The Well of Baghlan. Ср. капитальное водохранилище (типа средневековых сардоба), открытое на Дильберджине и относящееся к кушанскому времени: Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, с. 48—60.*

Теперь следует обратиться к MANO. Сочетание ЕЮ MANO в V : 7 имеет точную параллель в ЕЮ MANO большой сурхкотальской надписи: ОТО ЕЮ MANO NOBIXTO AMO MIYRAMANO AMO BOPZOMIYPOYPO. Это предложение, содержащееся только в версии *m*, Гершевич переводит так: 'И написал Ийуман вместе с (также) Михраманом, вместе с Бурзмихрпухром', рассматривая ЕЮMANO как одно слово — имя собственное⁵³. Хенning также видел здесь одно слово, но считал его апеллятивом с буквальным значением 'единодушный' (из авест. **aēvōmanah-*) и предлагал иное синтаксическое членение текста, при котором синтагма начинается не с союза ОТО, а с NOBIXTO 'написал'⁵⁴. Участие трех лиц в начертании надписи, выполненной одним почерком, представляется весьма странным, особенно если учесть, что в последней строке КІ-*m* между двумя «тамгами» (монограммами) стоит только одно слово — AMIYRAMANO, которое лучше всего объяснить как стяжение из *AMO MIYRAMANO 'посредством Михрамана, *per M*'⁵⁵. Н. Симс-Уильямс показал, что MIYRAMANO и BOPZOMIYPO следует понимать как имена отца и сына, в AMO он видит предлог, выражающий совместность и соответствующий древнеиндийскому *samam* 'вместе с', и переводит: 'с Михраманом, сыном Бурзмихра'⁵⁶. Однако ничто не препятствует тому, чтобы считать AMO предлогом с инструментальным значением, и, таким образом, расстаться с идеей о совместном написании надписи несколькими лицами. Тем самым отпадает и необходимость видеть в ЕЮ MANO имя собственное⁵⁷. Нет оснований считать именем собственным и ЕЮ MANO в дильберджинской надписи (V : 7), тем более что MANO в V : 7 синтаксически определяется как существительное. Однако все эти рассуждения еще не приблизили нас к пониманию значения MANO. В КІ-*m* ЕЮ MANO в сочетании с NOBIXTO ('это MANO написал') указывает, очевидно, на то, что MANO может обозначать либо саму надпись, либо стелу — плиту известняка, на которой надпись начертана, либо здание, в стену

⁵³ *Gershevitch I. The Well of Baghlan*, p. 108.

⁵⁴ *Henning W. B. The Bactrian inscription*, p. 51.

⁵⁵ В версии *b*, начертанной другим почерком, между «тамгами» стоит АДЕИГО — имя писца. В *a*, выполненной тем же почерком, что и *m*, имени писца нет.

⁵⁶ *Sims-Williams N. A note...*

⁵⁷ Соответственно в предшествующем тексте КІ-*m* (§ 9 у Гершевича) ОТО ЕЮ МО САДО ОДО МАРТО ХИГОМАНО КИРАО АМО BOPZOMIYPO АМО КОЗГАРКИ ПОУРО АМО АСТИЛОГАНСЕИГИ... следует понимать как 'И этот вот колодец и *лестница (и) *терраса сооружены Бурзмихром, сыном Козгашки, и Астилогандземом...', а не как '... Хиргоман соорудил вместе с Б., сыном К., вместе с А...'

которого эта плита была вмонтирована. Если MANO в КІ является тем же самым словом, что и MANO в дильберджинской надписи (а не омографом), то последнее предположение кажется наиболее вероятным. (Для сочетаний с NOBIXTO 'написано' можно указать на фрагмент надписи Par.: (N)OBIXTO MO MAPTO OYBE MO ПАГДО 'написано (на) *лестнице, также (на) ...') Напомним, что плита с КІ-т была обнаружена в земле, перед фасадом сурхкотальского храма, в 12 м от оси монументальной лестницы⁵⁸. Этимологически MANO может продолжать др.-ир. *māna- 'обитель, дом', авест. dēmāna-, mīāna-, ср. др.-перс. māna- в mānu- 'домашний' > раб', либо, как предлагал Я. Харматта (единственный из исследователей КІ-т, правильно членивший ЕІЮ MANO), др.-ир. māna- 'постройка, сооружение', по форме — причастие с суффиксом -па- от корня mā(y)- 'мерить, строить'⁵⁹. В дильберджинской надписи MANO обозначает скорее всего какую-то часть строения — более точно определить это слово по скудным контекстам фрагмента V не удастся.

Таковы те немногие данные, которые можно, как представляется, почерпнуть из сопоставлений ІӨА и MANO фрагмента V с КІ. Эти данные позволяют предположить, что в дильберджинской надписи рассказывалось о какой-то катастрофе, в результате которой храмовый комплекс был разрушен, и о последующих восстановительных работах. Если это предположение верно, то наша надпись по тематике близка к большой сурхкотальской. По аналогии с КІ можно далее полагать, что в первой части надписи говорилось и о первоначальной постройке или перестройке храма. Не следует, однако, преувеличивать сходство с КІ. Общие элементы в лексике, как можно судить по дошедшим до нас фрагментам, ограничиваются лишь союзами⁶⁰, предлогами, немногими местоимениями, титулами PAO, XOADHO и, вероятно, существительными ІӨА и MANO.

⁵⁸ Maricq A. La grande inscription..., p. 345.

⁵⁹ Harmatta J. The great Bactrian inscription, p. 467, 469. X. Хумбах предлагал понимать ЕІЮ MANO как 'это мною (Михраманом... написано)', определяя MANO как личное местоимение (Хумбах X. Кара-тепе — Точл — Сурх-Котал. — В кн.: Буддийский культурный центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972, с. 127), но такой перевод более чем сомнителен, поскольку в тексте КІ авторской речи нет (для дильберджинской надписи толкование MANO как местоимения исключено). В IDN-1 значение -MANO в SAPO-MANO (?), CANO-MANO (?) неясно (ср.: Davary G. Dj., Humbach H. Die baktrische Inschrift..., S. 6, 15—16, 18—19), равно как и MANO в курсивной надписи на фрагменте сосуда из Кухна Масджид (Fussman G. Documents..., p. 53, fig. 24, 25).

⁶⁰ Помимо отмеченных выше (с. 131), ср. еще АТІ в V : 3, в КІ-т, а — АТО, b — АТІ 'чтобы'.

Обозначения храма, известного по надписям Сурх-Котала — ВАГОЛАГГО, наши фрагменты не содержат (ВАГ(А)[в II + III: 4 вряд ли может быть восстановлено в ВАГА[ЛАГГО], с -А-), так что гипотеза о связи надписи с перестройкой старейшего храмового комплекса Дильберджина основывается лишь на местонахождении надписи. Возможно, обозначением храма (или какой-то его части) служит слово ФІГАГГО в V : 12, однако этимологию его нам установить не удалось⁶¹.

Примечательно, что в сохранившихся фрагментах нет следов глагола КІРАО 'сделал' > соорудил, построил', частого в надписи КІ. Зато привлекает внимание ЛАДО, трижды встречающееся во фрагменте V:5, 8, 10. Это слово может иметь значение 'дал', 'пожаловал', но также и 'установил'⁶², 'создал' возможно, также 'построил'?

Отсутствие контекста не позволяет установить сколько-нибудь точно значения других слов. Для)(O)ВОДРАГГА (V : 4) членение на)(O)ВО и ДРАГГА невозможно, поскольку др.-ир. dr в бактр. соответствует Іг, так что др.-ир. *daranaka- 'стена'⁶³ отразилось бы как Л(А)РАГГО. Предполагать в данном случае заимствование из какого-то другого языка (например, сакского или индийского)⁶⁴ трудно. Сопоставление с согд. tryt-, 'βtr(')unc-: (')βtryt-, перс. fadrang, ādrang (заимствования из согдийского), образованными от др.-ир. *tr(n)k-⁶⁵, позволяет связать с этим корнем и)(O)ВОДРАГГА (конечное -А указывает, очевидно, на др.-ир. -ā или -āh), однако в разрушенном контексте установить значение слова трудно. В строке 6 ОТНО может быть понято как 'и им' (или 'и ему'), сочетание союза ОТИ (ср. V : 10) и местоименной энклитики 3-го л. ед. ч. -НО, но ср. ОТНЮ в КІ. Для (В)РНОАР(O) сопоставление с авест. baēvar-, согд. brywr 'десять тысяч; несметное число' может указывать на появление в бактрийском, подобно согдийскому, неэтимологического -r-, однако и здесь только контекст мог бы подтвердить эту гипотезу. ЕІРО имеет аналогию в ЕІРО (или

⁶¹ ФІГАГГО (fig/γāng) предполагает скорее всего др.-ир. *fig/kānaka-.

⁶² Но в КІ в этом значении употреблен глагол ΩСТАДО /ōstād/, из *ava-stā-.

⁶³ Ср. хорезмийское rōn/arden/ 'стена' из *daranaka-, с метатезой dr- > rd-(см.: MacKenzie D. N. The Khwarezmian glossary — I. — BSOAS, 1970, XXXIII, pt. 3, Appendix).

⁶⁴ Ср. пракритское dramga 'укрепленный пункт, крепость', заимствованное, в свою очередь, из иранского (Henning W. B. The date of the Sogdian ancient letters. — BSOAS, 1948, XII, pt. 3-4, p. 605, примеч. 4).

⁶⁵ Henning W. B. Sogdian loan-words in New Persian. — BSOAS, 1939, X, pt. 1, p. 104; Gershevitch I. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954, § 152—153.

IEIPO) в KI, это слово толкуют как 'засуха' ⁶⁶, но в нашей надписи значение его неясно ('энергия, деятельность', из авест. īga-?), как и следующего непосредственно за ним OAPHΛIΩ(.) ('гераклион'??). Не удалось найти скольконбудь надежных толкований и для AΛOΓΔA (V: 8, синтаксически — существительное или прилагательное, из *ā-duxtā-?), YAZIΔO (V: 8, от авест. hazah- 'мощь, сила' вряд ли связано с др.-инд. sahita 'объединенный, примкнувший', от sahā),)(O)X(M?)OΔANI (V: 10), ΠAXTE (V: 13, из *raxšta-? сопоставление с согд. pyštka 'начертанное, написанное', из *rixšta-, невозможно из-за -A-). В строке 8 (X?)AODHO — ошибка резчика вместо XOAΔHO 'государь'? Определение первой буквы здесь очень сомнительно, возможно и (K)-. В строке 10 NE в синтагме OT(I) EIMO XOAΔHO NE KIΔI является, очевидно, частицей — либо отрицательной, из *nait ('И этот государь — не (тот), который...?'), либо, скорее, эмфатической (ср. мунджанское ne в némla 'вот' <ne mála?) ⁶⁷ Для NAM(Ω) в строке

⁶⁶ Gershevitch I. Рец. на кн.: Н. Humbach... — BSOAS, XXVI, p. 195.

⁶⁷ Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972, с. 456.

13 кажется более вероятным заимствование (несмотря на раннюю дату нашей надписи) буддийско-санскритского памо 'хвала, почтение' (ср. NAMΩ в буддийской формуле триратны в курсивной бактрийской надписи Tri), чем собственно бактрийская форма от *nāmah-, авест. nāmah- 'хвала' или от nāman- 'имя' (ср. NAMO- в KI), ибо в этих случаях Ω остается загадочным ⁶⁸. В строке 14 OICΠOΩAN(O) скорее 'всепобеждающий', из *vispa-vāna-, чем 'всех, всем', косв. пад. мн. числа от OICΠO (ср. OICΠAAN(O) в I: 2, OICΠOANO 'всех' в KI) ⁶⁹.

Можно надеяться, что дальнейшие исследования фрагментов дильберджинской надписи позволят определить значения отдельных слов и уточнить выводы о характере этого памятника.

⁶⁸ Чтение NAM(Ω)CI, с суффиксальным -CI, (-čī), не устраняет трудностей, ибо в качестве соответствия согд. nm'c(yw), перс. nāmāz ожидалось бы сокращение **NAMACI/O.

⁶⁹ Ср.: Humbach H. Die Kaniška-Inschrift...; Idem. Baktrische Sprachdenkmäler, T. I. об OICΠOANO в KI как 'всепобеждающий'.

RÉSUMÉ

«LES FRAGMENTS D'UNE INSCRIPTION BACTRIENNE MONUMENTALE PROVENANT DU TEMPLE DE DELBARJIN»

par V. A. Livchits et I. T. Krouglikova

En 1974, pendant les fouilles du temple des Dioscures, on a découvert, dans le local N 1, sur le sol rattachable au troisième état de subsistance du bâtiment, trois débris d'un bloc de marbre, comportant les vestiges d'une inscription. Cette dernière fut incisée sur un de ses côtés lisses, qui existait encore (fig. 2—5; fragments nos 2-4). Le quatrième morceau de bloc (fig. 6; fragment N 1) fut trouvé dans la fosse de pilleurs, qui avait dérangé la maçonnerie d'un autel en pierre au centre du local N 1. Le plus important fragment de cette inscription (fig. 8; fragment N 5) fut mis au jour à la base de l'escalier qui conduisait du local N 4 dans la haute partie d'un couloir intérieur du temple. A cette époque le couloir avait déjà été bouché par une maçonnerie de briques. Les données stratigraphiques donnent lieu à rattacher l'inscription aux débuts de l'époque des Kouchans. Les parties d'inscription découvertes qui semblent faire, au total, à peu près la moitié de son premier texte donnent lieu à conclure que l'inscription est rattachable à la période initiale de l'époque kouchane. Cette supposition est également soutenue par quelques particularités

paléographiques qui distinguent l'écriture de l'inscription monumentale de Delbarjin de celle de la grande inscription de Surkh-Kotal. Les pronoms, adverbes, prépositions et plusieurs autres mots qu'on peut déchiffrer sur ces fragments montrent que son langage est identique à celui de la grande inscription de Surkh-Kotal. Quant à ses particularités orthographiques ce sont les mots se terminant en I (KIΔI et d'autres) qui revêtent de l'importance et pourraient être considérées comme caractéristiques pour les documents bactriens datant des débuts de l'époque des Kouchans. On n'a pas réussi à reconstituer le contexte de l'inscription. Il est fort plausible que la narration y ait été faite de la première personne. Et, probablement, l'inscription ait parlé de quelques événements qui avaient abouti à la destruction de l'ensemble templier et des travaux de reconstruction entrepris après la catastrophe.

Pour interpréter, de façon juste, le contenu de l'inscription il semble le plus important, selon notre avis, de commenter les mots IΘA et MANO signalés dans la grande inscription de Surkh-Kotal.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДВУХ СКУЛЬПТУРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ ДИЛЬБЕРДЖИНА (РАСКОП X)

Голова богини

В 1976 г. на раскопе X Дильберджина в засыпи помещения были обнаружены обломки расписной лёссовой скульптуры. Многие из них удалось соединить в более крупные фрагменты. Помимо найденного почти целиком фрагмента с изображением глаз и переносицы, из мелких осколков собраны правая щека и подбородок, прядь волос с остатками ушной раковины, часть затылка и часть диадемы с локонами. Была также установлена принадлежность к разным частям этой головы и остальных нестыкующихся осколков (рис. 1). На обнаруженных фрагментах после извлечения их из толщи земли, несмотря на меры предосторожности, под воздействием атмосферы и света произошло потемнение ярко-красной краски. Такое явление уже наблюдалось при раскрытии некоторых росписей в Пенджикенте, Шахристане и Афрасиабе¹, отмечены также случаи почернения красных пигментов в росписях Дун-Хуана².

По мере извлечения из завала каждый осколок с тыльной стороны предварительно закрепляли полибутилметакрилатом (ПБМА), а красочный слой — фторлоном Ф-42Л по методике, впервые примененной при полевой обработке росписей Шахристана³.

Одновременно с реставрацией было проведено изучение техники изготовления скульптуры.

При этом исследуемые участки подлинника рассматривались при некотором увеличении (до 20 крат). Было установлено, что основу скульптуры составляла желтоватая, хорошо отмученная глиняная масса без каких-либо заметных примесей песка или органических наполнителей. Затем на этой основе по форме изображения была выполнена обмазка толщиной около 10—12 мм, которая представляет собой смесь глины с большим количеством мелкого, хорошо просеянного песка. Для окончательной моделировки изображения наносили третий слой глины, также смешанный с мелким песком. Толщина этого слоя неравномерна, она колеблется от 4 мм до 1 см и зависит от чисто художественной необходимости повысить или, наоборот, сгладить на том или ином участке рельефность изображения. Позже с помощью рентгенофазового анализа проб глины установлено, что в состав слоев входят кальцит, кварц, мусковит и хлориты⁴. В верхних слоях содержание кварца (песка) больше, чем в нижней глиняной массе, являвшейся основой скульптуры. Очевидно, нанесение на основу двух последующих слоев глины со значительной примесью песка представляет собой определенный технологический прием, основная цель которого — придать скульптурному изображению большую прочность. При этом соотношение песка и лёсса было подобрано настолько удачно, что на всех извлекаемых из завала фрагментах скульптуры два верхних слоя практически не нуждались в глубинном закреплении. Однако сцепление между слоями с течением времени ослабло, что позволило в процессе обработки фрагментов легко отделить нижний слой обмаз-

¹ Абдуразаков А. А., Камбаров М. К. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 6; Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 102.

² Glut P. Meditations on a black sun. Speculations in illusionist tendencies in T'ang painting based on chemical changes in pigments.— In: *Artibus Asiae*, vol. XXXVII, 1/2. Ascona, Switzerland, 1975, p. 53—60.

³ Соколовский В. М., Виноградова В. П. Применение фторлона Ф-42Л для реставрации росписей из Шахристана.— В кн.: *Художественное наследие*, вып. 1/31. М., 1975, с. 52—62.

⁴ Анализ выполнен в физической лаборатории Государственного Эрмитажа физиком Л. Вязьменской.

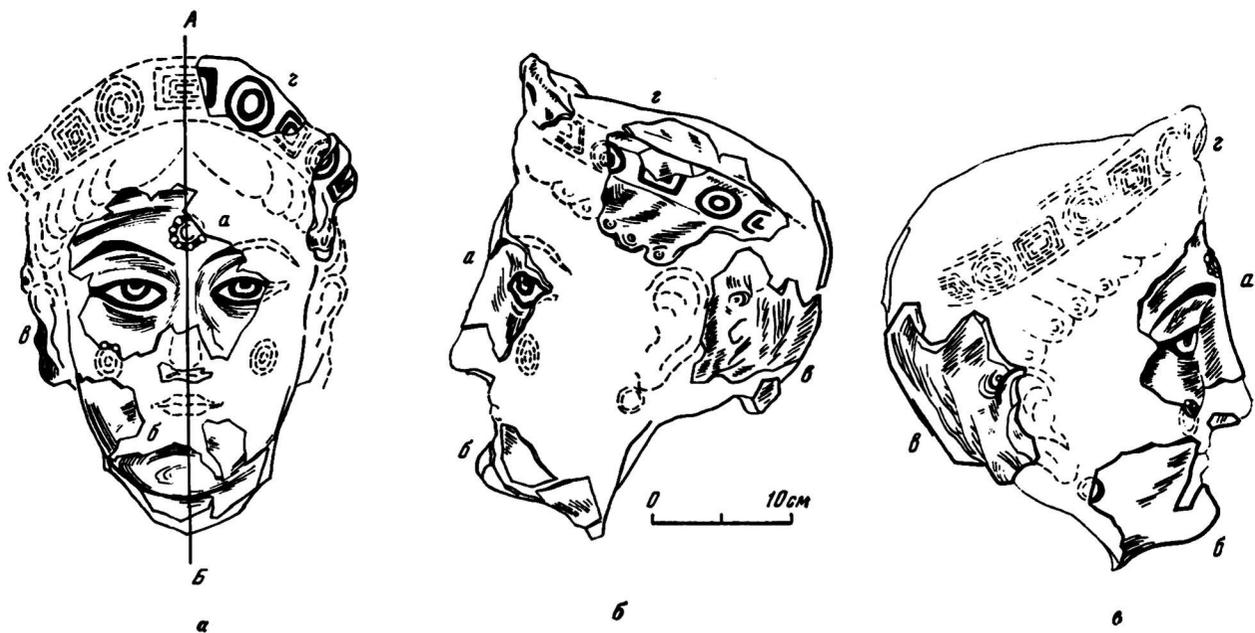

Рис. 1. Реконструкция головы богини (а, б, в)

ки с частично сохранившейся рыхлой глиняной основой от верхнего скульптурного слоя. После значительного сокращения таким образом толщины каждого осколка было проведено окончательное профилактическое закрепление их обратных сторон 15-процентным ксилольным раствором ПБМА, который наносили кистью 5—6 раз. Лицевая часть осколков с красочным слоем оставалась покрытой фторлоном.

Для последующей монтировки фрагментов из полистирольного пенопласта была изготовлена прочная основа округлой формы. Крепление осколков к основе выполняли с помощью ватных тампонов, смачиваемых в 20%-ном ацетоновом растворе ПБМА. Раствор сравнительно быстро затвердевал, придавая тампону достаточную жесткость, и монтируемый осколок фиксировался в заданном положении.

Сначала был установлен фрагмент (а), относящийся к средней части лица (рис. 1), так, чтобы линия носа совпала бы с условной осью симметрии (АВ). Затем снизу были приставлены осколки (б), составляющие часть правой щеки и подбородок, так, чтобы вертикаль АВ прошла через середину подбородка, а плоскость щеки продолжила бы плавный переход в верхний фрагмент. Поскольку эти два фрагмента не стыкуются, расстояние между ними определялось размером окружности точечного орнамента на щеке изображения. Окружность частично со-

хранилась на верхнем фрагменте. Нижний фрагмент был установлен так, чтобы мысленно проведенная окружность орнамента коснулась бы только кромки фрагмента. После установки этих двух фрагментов (а) и (б) в целом выявились размер, характер и пропорции лица.

Следующим этапом реконструкции было определение места осколков (в), относящихся к затылочной части головы. Фиксацию этих фрагментов производили аналогичным образом, как с учетом их пластических особенностей, так и по контрольным точкам. Например, остаток живописного изображения серьги на уже установленном фрагменте (б), послужил основанием для определения положения правой ушной раковины, частично уцелевшей на монтируемом фрагменте (в), а исходя из симметрии было также определено положение левого уха. Установка этих осколков выявила форму затылка и в совокупности с уже зафиксированными фрагментами лицевой части определила общий объем головы. Значительно дополнило представление о характере изображения размещение небольших фрагментов (г), относящихся к диадеме и височной части. Эти фрагменты устанавливали согласно определившемуся объему головы и по рисунку орнамента на диадеме. Исходя из принадлежности к той или иной части изображения было установлено несколько мелких нестыкующихся осколков, в том числе кусочек с остатком нижней части носа. Причем, поскольку на этом небольшом фрагменте сохранилась часть крыла носа с четко выраженной

моделировкой перехода в плоскость щеки, имелась возможность определить местоположение этого фрагмента с максимальной точностью. Промежутки между зафиксированными фрагментами были заполнены лёссовой мастикой согласно форме изображения, но так, чтобы подлинные фрагменты несколько выступали над мастикой. Отсутствующие детали изображения (рот, уши, частично волосы) были слегка намечены невысоким рельефом. Никаких подкрасок на местах утрат подлинника не производилось.

Это позволило с максимально возможной достоверностью объединить собранные осколки в цельное законченное изображение, четко выделив подлинные фрагменты с сохранившейся росписью.

Данная голова по своим размерам в полтора раза превышает натуральную. По-видимому, она является уцелевшей частью разрушенной статуи какого-то божества (смысловая интерпретация скульптуры не входит в задачу данной публикации). В целом пропорции изображения несколько вытянуты. Лепка лица выполнена без какой-либо проработки деталей (рис. 3). В моделировке глаз ощущается некоторая обобщенность, веки слегка намечены. Лоб невысокий, покатый. Сверху его граница четко фиксируется валиком волос, начало которого сохранилось на подлинном фрагменте, снизу чуть выступают надбровные дуги. Нос крупный, прямой. Массивный, выступающий вперед подбородок плавно завершает овал лица. Судя по сохранившейся части правой ушной раковины, уши были выполнены довольно рельефно. Их верхние части несколько отведены в сторону. Волосы трактованы крайне стилизованно. Разделенные на прямой пробор, они расходятся по обе стороны лица, образуя у виска несколько волнистых прядей. Концы прядей округлены, на них хорошо видны небольшие круглые вмятинки от металлических бляшек, некогда украшавших изображение. За ушами волосы спускались на плечи статуи крупными, обобщенно вылепленными локонами. Венчающая голову диадема, несколько расширенная в верхней, центральной части, постепенно сужается с боков, по-видимому, сходя на нет на затылке. Таким образом, несмотря на отсутствие некоторых деталей (ушных раковин, левой щеки и рта), изображение в целом сохранило ряд характерных пластических особенностей.

На всех фрагментах хорошо сохранилась раскраска, что дает возможность изучить технологию росписи и манеру ее исполнения (рис. 2). Скульптура раскрашивалась дважды. Первая раскраска была выполнена по белому ганчевому грунту. Цвет лица был светло-розовый, волосы черные, обводка глаз и брови имели серо-голу-

Рис. 2. Реконструкция головы богини

бой оттенок. К первоначальному периоду относится и декорировка волос круглыми бляшками, имевшими с тыльной стороны острые игольчатые наконечники, с помощью которых они вдавливались в еще не просохшую глину. Бляшки были позолочены или выполнены из тонкого листового золота (при микроскопическом исследовании на местах, где они размещались, в некоторых случаях обнаружены остатки мельчайших частиц этого драгоценного металла). Диадема была окрашена желтой охрой с последующим нанесением темно-коричневой краской орнамента из кругов и слегка вытянутых прямоугольников. Дать исчерпывающую характеристику первоначальной раскраски невозможно, поскольку она просматривается только сквозь утраты верхнего расписного слоя.

Прежде чем заново перекрасить скульптуру, ее снова покрыли белым гипсовым грунтом, а в некоторых случаях тонкой лёссовой обмазкой, толщина которой не превышала 2 мм. Затем подготовленная таким образом поверхность была покрыта светлой краской розового оттенка, что явилось как бы цветной подкладкой, по которой была выполнена окончательная роспись.

Техника живописи в данном случае отличалась большим разнообразием приемов. Лицо было расписано ярко-красной краской. Щеки, подбородок, верхняя линия носа, были высветлены смешиванием краски с белилами. Краска наносилась фактурно, широкими мазками по форме изображения. При работе использовалась упругая щетинная кисть. К сожалению, как было отмечено выше, краска потеряла свою яркость и почернела, но тональные градации сохранились полностью.

Скорее всего можно было предположить, что эта ярко-красная краска — киноварь (сульфид ртути), о слабой светостойкости которой известно с древнейших времен⁵, однако при микроспектральном анализе почерневшей краской краски ртуть не найдена, а обнаружено железо⁶. Железосодержащие пигменты считаются светостойкими⁷ и поэтому объяснить такое изменение цвета пока еще трудно. Возможно, в будущем, когда будут проведены специальные исследования, удастся разгадать природу подобных изменений и разработать способы их предотвращения.

Очень своеобразно написаны глаза (рис. 2). Верхние веки, резко очерченные по рисунку, выделены светлой краской. Затем нанесено густо-красное притемнение, ближе к бровям поверхность снова высветлена. Ярко-красной краской были пропитаны нижние веки. Обводка глаз и зрачков выполнена в два приема. Сначала была нанесена коричневая краска, а затем — черная. Таким же образом расписаны и брови, причем черная краска нанесена чуть более тонкой линией, так, чтобы кромки бровей сверху и снизу оставались коричневыми. Цвет глаз темно-желтый с коричневым оттенком. Ко времени перекраски скульптуры блески на волосах уже отсутствовали. Там, где они находились, обнаружен только последний слой краски, во всех остальных случаях — два. На диадеме после перекраски был повторен тот же орнамент, но окружности и квадраты сделаны более крупными и не совпадали с предыдущими.

На второй слой росписи нанесены очень важные детали — на лбу и щеках появились точечные изображения небольших окружностей. Одна из них почти полностью сохранилась над переносицей, другая — частично на правой щеке. С большой уверенностью можно полагать, что на утраченной левой щеке была изо-

бражена третья. После тщательного исследования расписной поверхности было установлено, что на первоначальном слое живописи таких окружностей или им подобных нет. Кроме того, на правой щеке, внизу почти у самой кромки фрагмента частично сохранилось изображение серьги, выполненное черной краской. На нижнем слое росписи эта деталь также отсутствует.

По стилистическим признакам и технологическим особенностям описанное выше скульптурное изображение отличается от лёссовой скульптуры, обнаруженной ранее на городище Дильберджин и других объектах среднеазиатского региона.

Очень своеобразна технология его изготовления, которая включает ряд обязательных приемов, разработанных безусловно в результате длительного опыта работы скульпторов с лёссом, но никаких сведений о выполнении подобным образом других скульптурных изображений пока не имеется. Можно отметить, что лепка этой головы полностью ручной работы, каждая деталь несет следы индивидуальной проработки, поэтому совершенно отпадает какое-либо сравнение ее с многочисленными и разнообразными находками глиняной буддийской скульптуры, многие детали которой, как правило, выполнялись путем массовой формовки⁸.

В некоторой степени, казалось бы, близка к изображению, найденному в Дильберджине, технология лепки скульптуры Халчаяна⁹, где также наблюдается многослойное наращивание скульптурной поверхности. Однако отсутствие песка и наличие в глине органического наполнителя¹⁰ отличают скульптуру Халчаяна от дильберджинской. Кроме того, отличия от халчаянской скульптуры проявляются в пропорциях лица и характере моделировки.

Большой интерес представляет раскраска изображения, которая по манере также не похожа на все известные примеры окраски лёссовой скульптуры, в том числе и самой ранней. К сожалению, оказалось невозможным выявить какие-либо характерные особенности манеры и техники первоначальной росписи. При второй росписи при том же пластическом решении были внесены существенные изменения. Будучи органически связанной со скульптурой,

⁵ *Gettens R. J., Feller R. Chase W. T. Vermilion and Cinnabar.* — *Studies in Conservation*, vol. 17, N 2, 1972, May, p. 53—55.

⁶ Анализ выполнен в физической лаборатории Государственного Эрмитажа физиком А. Косолаповым.

⁷ *Беленький Е. Ф., Рискин Е. В.* Химия и технология пигментов. Л., 1960, с. 369.

⁸ *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-Тепе. М., 1971, с. 96.

⁹ *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент. 1966.

¹⁰ *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971, с. 20.

которая только намечает характер образа, повторная окраска создает окончательное его решение.

Широкий разлет бровей, устремленный вперед взгляд больших миндалевидных глаз, обведенных черной краской, повышенная цветовая и тональная контрастность лица придают изображению большую художественную выразительность.

Возможно, причиной перекраски скульптуры явилось ее новое теологическое содержание, которое с течением времени изменилось. Ведь именно на повторную роспись нанесены отличительные знаки точечного орнамента, которые отсутствуют в первом варианте окраски скульптуры. Последнее, по-видимому, демонстрирует влияние индийской культуры (наиболее раннее появление подобного орнамента на буддийской скульптуре Индии относится ко II в. до н. э.)¹¹. Однако это влияние совершенно не затрагивает художественные особенности и не проявляется ни в характере лепки изображения, ни в его росписи. В то же время имеется несколько стилистических признаков, позволяющих соотнести данное изображение с эллинистической скульптурой. Трапезка лба, надбровных дуг, прямая, четко выраженная переносица, невысокий рельеф век, характер подбородка — все это в значительной степени соответствует тем нормам прекрасного, которые нашли свое выражение в скульптуре Пальмиры, Хатры и других памятников Ближнего Востока¹².

Возможно, в первоначальном виде данное изображение являлось частью статуи, украшавшей помещение одного из греко-бактрийских храмов. В дальнейшем же с изменением религиозных концепций статуя была перекрашена.

Мужская голова

Кроме головы, уцелевшей от женской статуи, в 1974 г. в том же помещении, но в верхнем культурном слое были найдены фрагменты, относящиеся к скульптурному изображению головы мужчины. На них также сохранились следы окраски. После извлечения из завала эти осколки закрепляли растворами полибутилметакрилата (ПБМА) и дальнейшая их обработ-

Рис. 3. Реконструкция мужской головы

ка выполнялась по методике, основанной на использовании этого полимера¹³.

Самый крупный из осколков представляет собой верхнюю часть лица с остатком головного убора. Хорошо сохранились лоб, переносица, верхние веки, белки глаз. На другом осколке сохранилась большая часть правого уха с остатком щеки. Третий осколок является частью бороды и, наконец, последний относится к нижней части носа (рис. 3).

Все эти фрагменты, как и в предыдущем случае, были смонтированы на пенопластовую основу. Однако в отличие от женского изображения, аргументированная реконструкция которого определялась количеством и характером найденных осколков, эта монтировка основывалась на логическом размещении небольшого числа подлинных нестыкующихся фрагментов относительно друг друга.

Поскольку сохранились осколки только от лицевой части головы, то их монтировка была выполнена в виде высокого рельефа, хотя не исполнено, что скульптура до разрушения была круглой.

¹¹ *Cunningham A.* The stupa of Bharhut: a buddhist monument ornamented with numerous sculptures illustrative of buddhist legend and history in the third century b. c. London, 1879, p. 39—40, pl. 52.

¹² *Schlumberger D.* L'Orient hellénisé. Paris, 1970; *Starcky Y.* Palmyre. Paris, 1952; *Klengel H.* Siria Antigua. Leipzig, 1971; *Seibert O.* Woman in ancient Near East. Leipzig, 1974.

¹³ *Костров П. И.* Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента.— В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, с. 141—182.

Толщина сохранившихся фрагментов не превышала 3—4 см, поэтому в полной мере изучить технику изготовления этой скульптуры не представлялось возможным. При осмотре на осколках была обнаружена верхняя лёссовая обмазка толщиной около 5 мм. Как обмазка, так и остальная сохранившаяся глиняная масса имеют примерно одинаковую плотность и не содержат каких-либо органических добавлений.

Характер лепки в целом может быть определен как декоративный. Широкий покатый лоб трактован обобщенно, без проработки надбровных дуг. Обрамляющие его волосы выполнены плоскостно. Удлиненными каплеобразными углублениями они разделены на стилизованные пряди, нижние части которых округлены. В лепке ушной раковины, отступая от анатомического правдоподобия, скульптор подчеркивал характер рисунка уха не только высоким, но и глубоким рельефом. В то же время вполне реалистично моделированы сохранившиеся верхняя и нижняя части носа, глазные впадины и веки. От головного убора уцелела в основном только выпуклая часть нижней окантовки.

Роспись на фрагментах, к сожалению, сохранилась очень плохо. Красочный слой потерт и разрушен. Однако в результате тщательного микроскопического анализа (объекты исследования рассматривались при 20-кратном увеличении) удалось определить общий характер раскраски, хотя из-за сильного разрушения слоя покраски, результаты исследования в отличие от рассмотренного ранее женского скульптурного изображения менее полны.

Наблюдения показали, что эта скульптура также имеет два слоя росписи. При этом как при первоначальной, так и при последующей перекраске поверхность скульптуры предварительно покрывалась белым алебастровым грунтом. Цвет лица в обоих случаях был розовый, а волос, бороды и бровей — черный. Обводка глаз в первом варианте черная, во втором — черная с лазуритовой пропиской. Возможно, при повторной окраске были оттенены голубым цветом и белки глаз (на их краях при исследовании обнаружены частицы ультрамарина). Головной убор в обоих случаях оставался красно-коричневым, перекрашивалась только окантовка. Сначала она была желтая, затем — синяя. Вообще повторная раскраска скульптуры, по-видимому, была нанесена густым слоем, в несколько приемов. Об этом свидетельствуют остатки красочного слоя на двух-трех удовлетворительно сохранившихся участках. В основном же верхний красочный слой в настоящее время почти полностью утрачен и некоторые детали (брови, зрачок левого глаза и т. п.) сохранились только благодаря диффузии черного пигмента в слой грунта.

Установить по сохранившимся фрагментам принадлежность данного изображения к какой-либо определенной по стилистическим признакам группе памятников пока затруднительно. Возможно, это удастся сделать после реставрации и исследования остатков скульптурной группы из трех сидящих фигур, обнаруженных в помещении 1 объекта X одновременно с этими фрагментами.

RÉSUMÉ

«LA RECONSTITUTION DES DEUX REPRÉSENTATIONS SOULPTURALES PROVENANT DE DELBARJIN»

par V. M. Sokolovsky

1. En 1976, lors des fouilles sur Delbarjin, on a découvert, dans le local N 1, au niveau inférieur du chantier X, les débris d'une sculpture de terre (loeuuss) peinte dont on a réussi à reconstruire l'effigie d'une tête de femme diadémée (fig 1 et 2). La couche de couleurs a été fixée, sur les fragments, par la solution du ftorlon (Ф-42Л). Les recherches ont montré que c'était de l'argile qui servait de matériel de base de la sculpture sans aucunes additions de sable, paille etc. Ensuite une représentation ainsi formée fut revêtue de deux couches d'enduit de loeuuss mélangé au sable. On a constaté que durant sa vie la sculpture fut peinte à deux reprises. Les premières couleurs furent étalées sur une couche de stuc. La chair du visage était alors rose clair, les cheveux noirs, les

contours des yeux et des sourcils avaient les nuances grises bleues. A cet état, la sculpture était décorée de plaquettes d'or, de forme circulaire, dont les traces tenaient toujours sur les boucles de cheveux inférieures. Avant de repeindre la sculpture pour la seconde fois on fit une préparation de sa surface qui, ensuite, fut colorée de vif-rouge; les plaquettes disparurent, les cheveux restèrent noirs. Les sourcils, les contours des yeux et des prunelles furent peints en noir sur une couche de préparation bruner. Dans les deux cas le diadème garda toujours sa couleur jaune et son ornement, sous formes de circonférences et de carrés, ne changea point. Pendant la seconde peinture (ou après) sur le front et les joues de cette représentation plastique on dessina, par points, les ornements

sous forme de petits ronds. Ce qui atteste l'influence de la culture indienne. Cependant les particularités artistiques de la sculpture n'en sont nullement touchées. Les insignes stylistiques de notre trouvaille la rapprochent à la sculpture hellénisée du Proche Orient. Probablement la tête, sous son premier aspect, faisait partie de la statue d'une déesse qui décorait la cella d'un temple gréco-bactrien. Plus tard, une fois les conceptions religieuses modifiées, l'effigie fut repeinte et faisait désormais office d'une divinité du panthéon bouddhique.

2. En 1974, dans la même pièce, mais cette fois dans le niveau supérieur, on a mis au jour, dans les décombres, quatre fragments d'une représentation sculpturale peinte d'un personnage masculin (fig. 3). La sculpture fut exécutée de terre (loeuuss) sans aucune addition organique. Les débris retrouvés ont été postérieurement fixés avec du polybutylmétacrylate (PIBMA) et collés en haut re-

lief, sur la base de mousse plastique. Ce montage a permis de concevoir ces débris dissociés, avec plus d'assurance, en tant que parties d'un ensemble unique. Les recherches ont permis de constater que la sculpture fut peinte deux fois. Premièrement, sur une préparation blanche en albâtre, les couleurs diverses furent étalées: le rose sur la chair du visage, le noir sur les cheveux, la barbe et les sourcils. Les yeux furent aussi contournés de noir. Avant de peindre la sculpture pour la seconde fois elle fut de nouveau revêtue d'une préparation. Les couleurs de la chair du visage, de la barbe, des cheveux et des sourcils restèrent sans changement mais aux contours des yeux on ajouta les traits de lazurite. Dans les deux cas la coiffure était toujours peinte en rouge brun, ce n'était que la couleur de la bordure qui changeait: d'abord elle était jaune, plus tard bleue.

НАСТЕННЫЕ РОСПИСИ В ПОМЕЩЕНИИ 16 СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА ДИЛЬБЕРДЖИНА

В Дильберджине среди всех помещений, стены которых были покрыты росписями, выделяется помещение 16. Оно было крайним северо-западным наиболее позднего культового комплекса, прилегавшего к северной оборонительной стене города (рис. 1). Оно отличается от остальных помещений комплекса своими размерами, планировкой, близостью к храму Диоскуров, обилием живописи, наличием трех слоев росписей различных по композиции, сюжету и технике исполнения. В серии культовых помещений, пристроенных к северной оборонительной стене в последний период существования города, помещения 16, 16а, 16б и 16в составляли, по-видимому, особый комплекс. Но они были возведены не одновременно, к тому же они сохранили следы неоднократных перестроек.

Помещение 16 размером $5,8 \times 8,5$ м пристроено непосредственно к северной оборонительной стене города в том месте, где у северного фаса стены находилась башня. Вход в башню, заложенный при сооружении северо-восточного комплекса построек, оказался на высоте 2,10 м от нижнего пола помещения 16.

Для того чтобы увеличить ширину помещения или из-за плохой сохранности южного панциря оборонительной стены на данном участке, стена была подрублена, и вся ее поверхность внутри помещения сбита на толщину 0,85 м таким образом, что с востока и запада, где к сохранившемуся фасу оборонительной стены пристроены поперечные стены, кладка оборонительной стены выступает к югу. Шов между первоначальным южным фасом оборонительной стены и пристроенными к нему восточной и западной стенами помещения 16 хорошо прослеживается на расстоянии 0,85 м от северной стены помещения 16, сохранившей остатки настенной росписи. Вход в помещение был с юга через узкую ($2,7-2,9$ м) комнату 16а.

Оформленные арками дверные проемы шириной 2,54 м находились на одной оси в южной

и северной стенах узкого прохода 16а. Но после сильного пожара, о котором нам рассказывают сильно обожженная поверхность кирпичей и штукатурки, эти проемы были сужены.

Роспись покрывала все стены помещения 16 и, возможно, южный фас северной стены помещения 16а. Но к моменту раскопок штукатурка с росписью сохранилась здесь только по сторонам дверного проема, а в помещении 16 куски ее уцелели на западной и южной стенах¹. На северной и восточной стенах сохранились лишь фрагменты росписи предпоследнего периода. Они законсервировались лишь там, где они были загорожены поздними кладками суфы и восточной стены. Так, в нижней части северной стены уцелел отрезок настенной росписи длиной 3,2 м, высотой 0,67—2,24 м. На нем фигуры 12 мужчин, стоящих в один ряд (фрагмент 1а — рис. 2; 3; 4). Две восточные фигуры сохранились полностью, с небольшими лакунами красочного слоя, у третьей фигуры утрачены голова, правая рука и плечо; от шести следующих мужчин на стене уцелели лишь нижние части фигур. От трех западных фигур уцелели только небольшие фрагменты. Над двумя восточными фигурами на стене остался кусок второго яруса росписи (фрагмент 1 размером $0,32-0,49 \times 1,27$ м). Здесь на красном фоне видна нижняя часть стоящего прямо человека в белой одежде с закругляющимся передником, отороченным синей тканью с белым узором (рис. 5). Белые шаровары нависают над желтыми высокими сапогами. Слева сохранилась задняя нога коричневой лошади, часть крупа с черным хвостом, завязанным узлом. Внизу уцелела часть маленькой фигурки человека в белой одежде, длинных шароварах, стянутых на лодыжке. Левая рука его согнута у пояса. На лице можно различить только глаза, левое ухо и короткие черные волосы.

¹ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, с. 68—74, табл. 8—12.

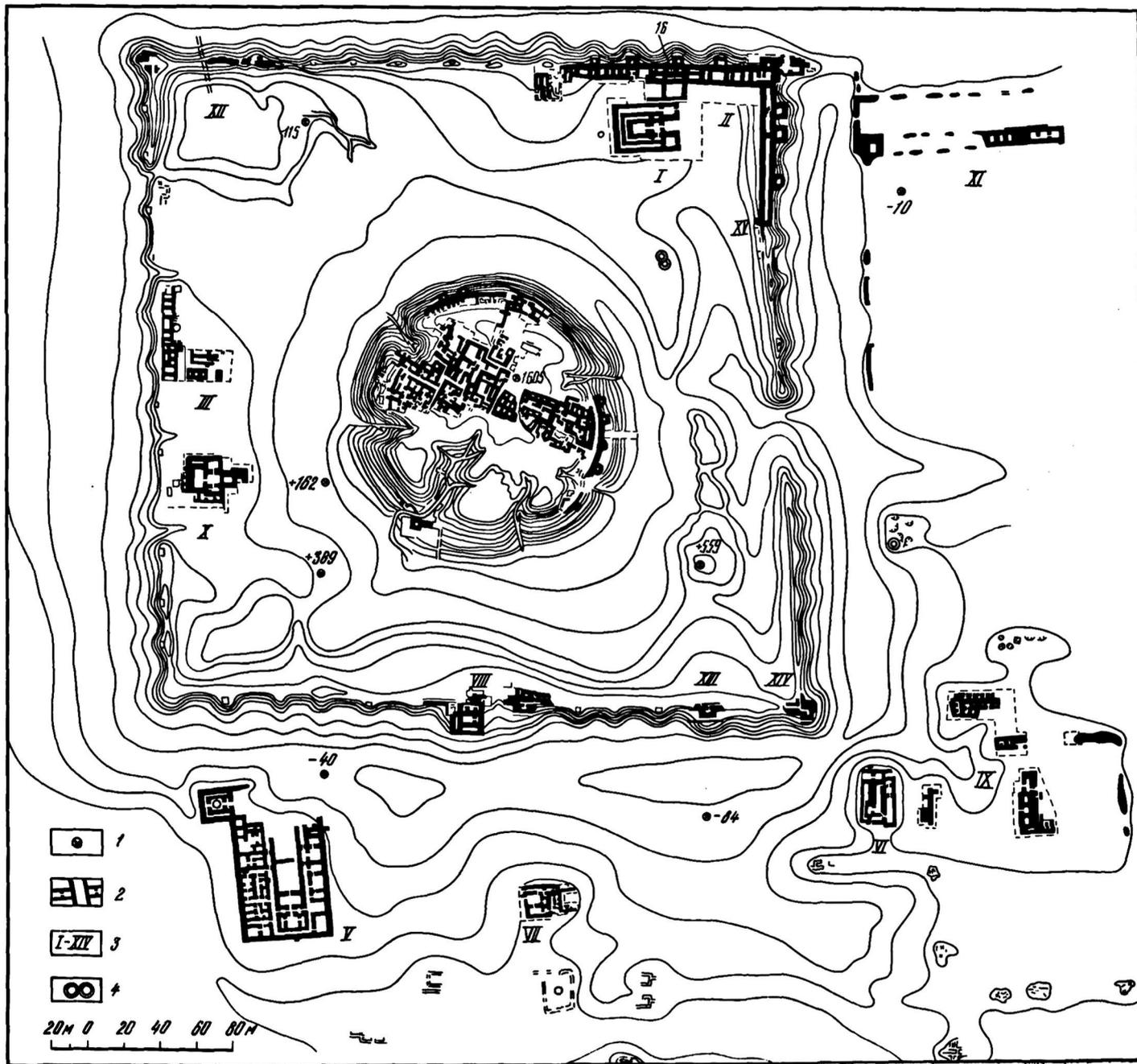

Рис. 1. План Дильберджина (съемка В. Н. Ягодина)

- 1 — репер, высота над та-
кыром;
- 2 — строительные остатки;
- 3 — номера раскопов;
- 4 — гончарные печи

Между двумя ярусами росписи тянется черная полоса шириной 0,29 м, с нарисованными белыми цветами.

На восточной стене после удаления поздней кладки, поставленной на суфу у северо-восточного угла помещения, был обнаружен небольшой кусок штукатурки с росписью. Сохранились нижние части двух стоящих мужских фигур в камзолах, сапогах и шароварах, аналогичных одежде мужчин на северной стене (фрагмент 16). Размеры фрагмента около 0,5 × 0,4 м с большими лакунами (рис. 6). Живопись на обеих стенах однослойная и относится ко второму периоду украшения стен росписями². Живопись, сохранившаяся на западной и южной стенах, тоже однослойная, но со следами обновления, что говорит о длительности ее существования. По-видимому, в первый период роспись занимала лишь часть северной стены. Во второй период нанесли новую роспись на все четыре стены. В третий период роспись северной стены сделали заново, а расписные панно на южной и восточной стенах в этот период лишь подновили. Большая часть фрагментов штукатурки с росписью найдена в завале около северной стены, в северо-восточной части помещения. Отсюда извлечено 45 фрагментов различной величины и сохранности двуслойной и частично трехслойной живописи

² О существовании росписи первого слоя мы можем судить по некоторым фрагментам упавшей штукатурки, где этот ранний слой живописи обнаружен с тыльной стороны после полного удаления лесовой штукатурки.

(фрагменты 2—39). Фрагменты с живописью позднейшего, третьего, периода лежали иногда на верхнем — позднейшем полу А, над верхней суфой, частично на ней. На втором сверху полу Б под верхним полом А, под верхней суфой, загоравшей живопись первого слоя, и под восточной стеной, поставленной на раннюю суфу, найдено еще 30 фрагментов (40—64) штукатурки с остатками однослойной росписи второго периода. Остатки композиции на южной и западной стенах позволяют предположительно восстановить сюжеты настенных панно живописи, нанесенной во второй период и продолжавшей существовать в третий. Фрагментарность росписей северной и восточной стен не дают возможности реконструировать сюжеты изображений для однослойной живописи второго периода. Лишь предположительно можно попытаться восстановить сюжет живописного панно, нанесенного на северную стену в третий период.

Живопись нижнего слоя

От нее сохранились лишь остатки, которые можно проследить либо под потрескавшейся краской последующих периодов, либо с тыльной стороны некоторых фрагментов. Сказать что-либо о сюжете изображения не представляется возможным. Отличительным признаком живописи нижнего слоя является применение зеленой краски и позолоты, отсутствующих в двух последующих слоях. Живопись этого слоя, по-видимому, не закрывала всей поверхности северной стены.

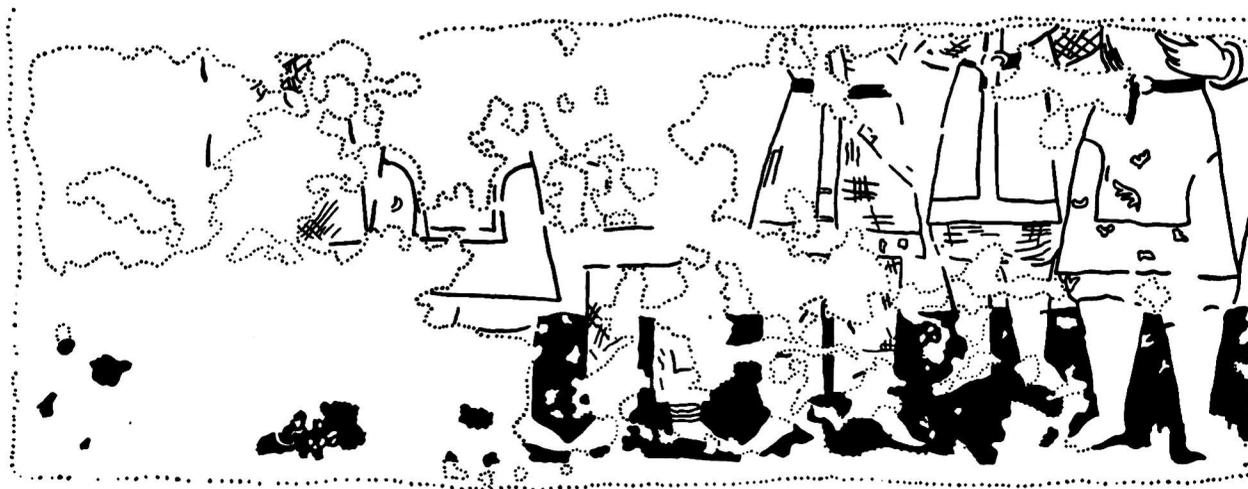

Рис. 2. Прорись росписи северной стены второго слоя

Северная стена. На фрагменте, сохранившемся *in situ* у восточного угла, изображены 12 мужчин, стоящих рядом плечо к плечу (рис. 2—4). Фрагмент сохранился лишь на 3,2 м в длину. Первоначально, может быть, количество фигур было большим. Если предположить, что они занимали все пространство нижнего яруса стены, количество фигур могло достигать 32. Все сохранившиеся персонажи в довольно однотипной одежде. Их камзолы из орнаментированной, иногда гладкой ткани белого, желтого, коричневого цветов спускаются ниже бедер. Подолы камзолов, широкие манжеты, прямые полосы впереди, отвороты ворота и боковые разрезы оторочены широкой каймой из орнаментированной узорчатой ткани ярко-синего, желтого и красного цветов. Талии перетянуты узкими поясами, к которым на левом боку прикреплены кинжалы, а на правом у 3, 4 и 5-й фигур привязаны длинные точила. Семь мужчин в широких штанах типа шаровар, убранных в высокие сапоги, трое в длинных штанах, спускающихся до щиколоток. Цвет камзолов и штанов почти всегда одинаков. Длинные штаны оторочены внизу такой же каймой, как и камзолы. Две восточные фигуры имеют высоту 0,92—0,95 м (от цветов на головном уборе до пяток). Головы и плечи остальных мужчин, оказавшиеся над пристроенной в поздний период суфой, были закрашены третьим слоем настенной росписи. Они остались под орнаментальной полосой из белых ромбов и яблок на черном фоне, которая ограничивала снизу роспись последнего периода. Здесь же

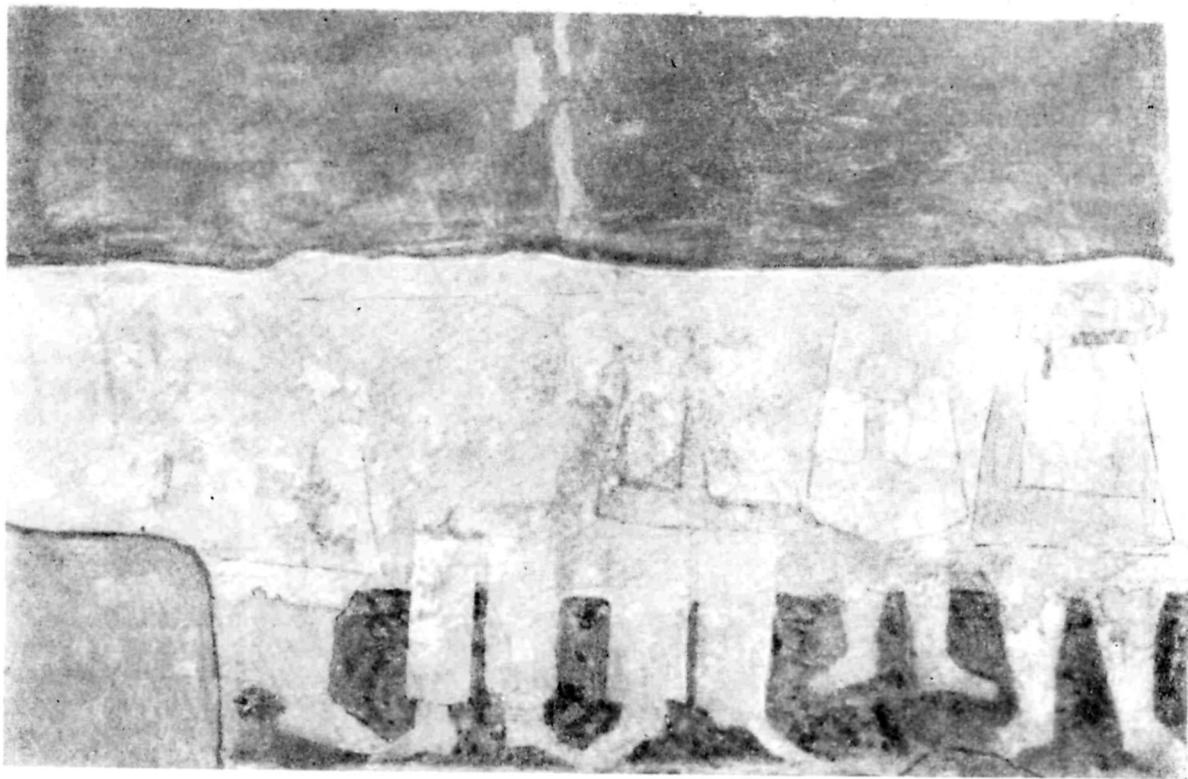
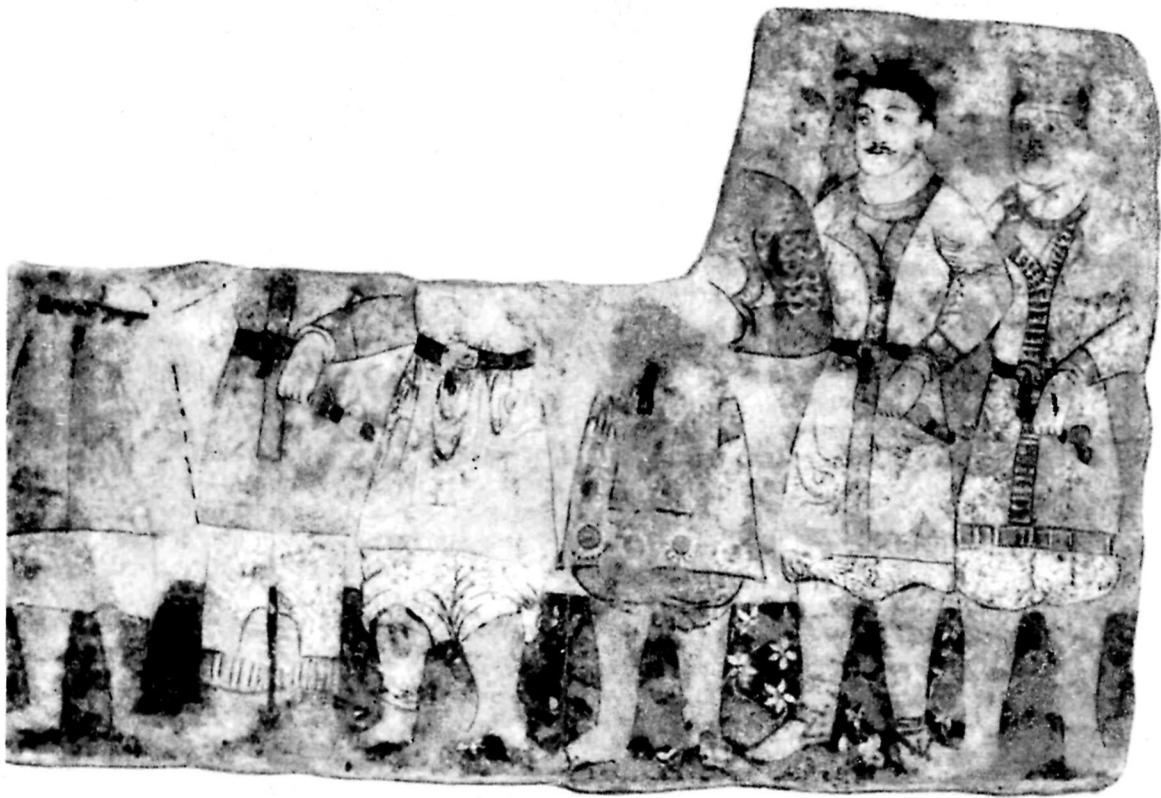

Рис. 3. Дароносцы. Роспись второго слоя (нижний ярус северной стены)

а

Рис. 5. Фрагмент росписи второго слоя северной стены (а)

между головами обнаружены остатки картушей с надписями бактрийским курсивным письмом и брахми³ (рис. 7, 8).

³ Расчистка верхнего слоя живописи и выявление нижней росписи еще не закончены. Из фрагментов с надписями расчищены только два — 33 и 43 (Лив-

Рис. 6. Фрагмент росписи восточной стены (второй слой). Фрагмент № 64

Головы двух восточных фигур, сохранившиеся на стене, украшены цветами лотоса. У восточного мужчины 4 цветка лотоса собраны в виде розетки надо лбом, основаниями к центру и лепестками наружу. Подобные круги мы встречаем и на головах персонажей южной и западной стен, а также в росписях помещений 12 и 13. Но там количество цветков, образующих розетку, так четко не выделяется. Головной убор второго персонажа включал тоже 4 цветка лотоса. Но они здесь обособлены и укреплены вокруг головы типа венка. Оба мужчины имели небольшие заостряющиеся усики, вытянутые как бы одутловатые лица, большие глаза и широкие брови. В ушах у второго персонажа видны серьги в виде шариков, прикрепленных к трем более мелким, нанизанным на одну нитку бусинам. На лице восточной фигуры много утрат, и о наличии серег ничего сказать нельзя. На шее оба персонажа имеют массивные гривны. В правой руке, поднятой выше плеча, восточный мужчина, по-видимому, держит чашу, а второй — нераспустившийся цветок лотоса, напоминающий предмет с чешуйками, который держит в руке стоящий перед Шивой персонаж в храме Диоскуров, а также бутоны лотоса на живописном ковре в центре помещения 13⁴. Левые руки обоих мужчин опираются на рукоятки кинжалов, прикрепленных к их поясам. Оба мужчины одеты в белые, может быть, расшитые золотом камзолы, отороченные широкой каймой. Правые борта камзолов отгибаются, напоминая односторонние отвороты

шиц В. А. Надписи из Дильберджина. — ДБ — 1977, с. 171, рис. 103 (фрагмент 43); Воробьева-Десятовская М. И. Надпись на брахми из Дильберджина. — Там же, с. 171, рис. 104.

⁴ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 46, 64—65, рис. 42, а и табл. 5.

Рис. 7. Фрагмент надписи над головами мужчин (второй слой)

Рис. 8. Надпись на живописи второго слоя

кафтаны, известные по росписям из Балалык-тепе⁵ и Бамиана. Л. И. Альбаум считает этот покрой одежды типичным для населения Северного Тохаристана V—VI вв.⁶ Таков же был покрой кафтанов у 5, 6, 8 и 9-го персонажей. Однако 5, 9 и 10-й мужчины были одеты в длинные штаны типа брюк, отороченные цветной тканью. При этом кайма с внутренней стороны брюк поднималась вверх в виде галунов. Такой тип длинных штанов прямого покроя нестянутых на лодыжках встречается на серебряном блюде с изображением царской охоты IV в.⁷ Широкие прямые штаны есть на танцующих в масках на реликварии из Кучи, датируемой примерно VII в.⁸ Иногда ткань штанов и кафтана неодинакова (у фигуры 5).

Ножны кинжалов, привязанные у левого бедра первой, второй и пятой фигур, имеют два полукруглых выступа, напоминающие ножны кинжалов на росписях Балалык-тепе⁹ и Пенджикента¹⁰. Одежда 3, 4, 7 и 11-го мужчины отличается от одежды остальных тем, что кафтаны не имеют разреза впереди, зато в нижней их части имеются разрезы, по бокам обшитые широкой каймой. Благодаря этому они отдаленно напоминают сасанидскую одежду времен Пероза (459—484 г.), но без заостряющихся и опущенных вниз углов¹¹. Одежда этих персонажей из цветной, а иногда белой орнаментированной ткани. Пояса с пряжками в виде двух кружков, из одного спускается конец пояса. К поясам привешены вытянутые узкие точила в чехлах. Мужчины стоят на земле, покрашенной черной краской с белыми цветами.

⁵ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, рис. 96, 99, 102, 104 и т. д.

⁶ Там же, с. 168—171.

⁷ Ghirshman R. Iran, Parthes et Sassanides. Gallimard, 1962, p. 212, fig. 254.

⁸ Bussagli M. La peinture de l'Asie Centrale. Geneve, 1963, p. 87.

⁹ Ibid., p. 175, fig. 130.

¹⁰ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, табл. 20 (помещение XVI/10).

¹¹ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 167.

Такой же широкой черной полосой с белыми цветами сделана земля на втором ярусе росписи. Она сохранилась над головами двух восточных мужчин. Человеческие фигуры второго яруса неодинаковы по размерам (рис. 4 и 5). Высота нижней фигурки 0,45 м, тогда как сохранившаяся половина верхней достигает 0,55 м. Это позволяет считать, что верхний персонаж имел высоту не менее 0,83 м и по размерам приближался к донаторам нижнего яруса. Одежда верхней фигуры в своей нижней части — белые шаровары и желтые сапоги с выступами, поднимающимися выше колен, а также закругленный в виде передника низ кафтана — близка костюму сасанидского царя Ездигерда II (439—457 гг.)¹² на вазе VI—VII вв. со сценой царского пира из Балтимора¹³. Одежда с закругляющимся подолом в виде передника у Ардашира II на рельефе IV в. из Так- и Бостана¹⁴, у Хосрова I (531—578 г.) на серебряном блюде, хранящемся в Эрмитаже¹⁵.

Центральная часть живописи северной стены не сохранилась. Среди фрагментов с однослойной живописью, упавших со стены, пока удастся прочесть изображение лишь на нескольких наиболее крупных. Среди них фрагмент 44 (рис. 9—10), на котором сохранилось изображение двух голов. Одна из них в стилизованном

Рис. 10. Голова богини. Фрагмент № 44

а — фото, б — прорись

синем шлеме с кисточками и гребнем повернута в профиль. Она очень близка образу богини на росписи из помещения 12. Этот фрагмент сполз со стены и оказался между росписью с мужчинами и поздней суфой. Размеры фрагмента 0,45 × 0,45 м. Он являлся частью композиции верхнего пояса росписи. Фрагмент был сильно закопчен и сохранил подтеки воды, что свидетельствует о том, что роспись какое-то время находилась под открытым небом, по-видимому, в результате разрушения крыши. Фигура богини была очень крупной. Высота головы 0,30 м позволяет предположить, что высота всей фигуры достигала 1,80 м, ширина шлема 0,33 м вместе с кисточками, которые у центрального персонажа росписи помещения 12 размещались по обеим сторонам шлема над плечами, а здесь они расположены впереди и сзади. Такая трактовка шлема говорит о том, что форма античного шлема ко времени исполнения росписи уже была забыта. Глаз богини миндалевидный, длиной 0,06 м; нос прямой, с небольшой горбинкой, на щеке синей краской нанесен спиралевидный знак. У виска закругленный локон, за спиной длинные кудри. Интересна серьга из трех бусинок, под которыми полукружие с тремя длинными подвесками, состоящими из пирамидок, шариков и ромбиков. Некоторые параллели этой серьге можно найти в серьге с четырьмя подвесками у женского изображения на росписи комнаты 43 дворца

¹² Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши.— Труды Гос. Эрмитажа, 1969, с. 69; Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана, с. 209 и 219.

¹³ Ghirshman R. Iran..., p. 219, fig. 259.

¹⁴ Herzfeld E. Iran in Ancien East. NY — London, 1941, Tabl. CXXXVI.

¹⁵ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана, с. 168.

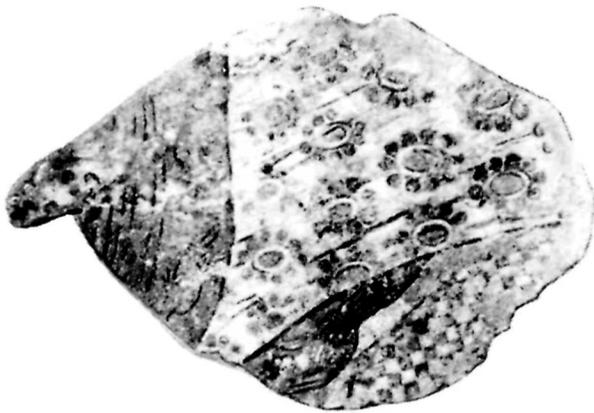

Рис. 11. Фрагмент однослойной росписи с изображением ткани № 48

Рис. 12. Стоящий мужчина. Фрагмент № 70

Топрак калы в Хорезме¹⁶, а также в серьгах на статуе принцессы из Вашфари из Хатры II в. н. э.¹⁷

Вокруг головы богини розовый нимб. Сзади богини в шлеме видна часть лица и прически второго персонажа. Размер его головы, по-видимому, достигал 0,22 м, т. е. по сравнению с богиней в шлеме, вторая фигура была чуть-чуть миниатюрнее. У нее такие же миндалевидные глаза, обведенные синей краской, как у богини в шлеме. Над переносицей синяя точка. На голове диадема из трех рядов белых перлов с круглым желтым щитком в центре и белым бантом сбоку. Над лбом и над бантом возвышаются желтые украшения типа листьев акафа. Этот головной убор — результат влияния индийской иконографии.

Еще два фрагмента (48 и 51) размером 0,48 × 0,4; 0,45 × 0,37 м сохранили изображение узорчатой ткани двух типов: на белом фоне ярко-синие розетки в виде крупного округлого пятна в центре и 9—10 точек вокруг него и с узором в виде белых и синих шашек (рис. 11). На фоне ткани с одной из сторон видны коричневые волнистые линии, изображающие, возможно, ниспадающие волосы или гриву лошади.

Может быть, живописному панно восточной стены принадлежал фрагмент 70, найденный на нижнем полу помещения с изображением на ярко-голубом фоне стоящей фигуры в белом камзоле (рис. 12). Сохранились следы оторочки ворота с односторонним отворотом. В левой руке этот персонаж держал чашу.

Отдельные изображения, относящиеся к первому слою, можно увидеть на фрагментах 13, 26 и 33, где частично утрачен верхний красочный слой. Так, на фрагменте 13 справа от босой ноги богини сохранилась голова лани (рис. 13), а ниже на фрагменте 20 там, где позднее была нарисована лошадь, проглядывает маленькая, по-видимому, женская голова (рис. 14 и 27). О головах 12 стоящих мужчин на фрагменте 33, закрашенных нижней орнаментальной полосой, упомянуто выше.

На тыльной стороне росписи фрагмента 20 сохранились часть изображения крупной фигуры и остатки зеленой, коричневой и золотой красок.

Восточная стена. Кроме фрагмента с остатками двух стоящих фигур уцелевшего *in situ*, от росписи этой стены сохранились фрагменты 62 (размером 1,0 × 0,35—0,40 м) с изображением крупной головы барана, повернутой влево (рис. 15, а, 15, б, 16) и 63 (размером 0,51 ×

¹⁶ Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма. — Труды ХАЭЭ, М., 1952, т. I. с. 129, табл. III, 5.

¹⁷ Ghirshman R. Iran..., p. 93, fig. 104.

Рис. 4. Деталь росписи северной стены (акварель В. П. Бурого)

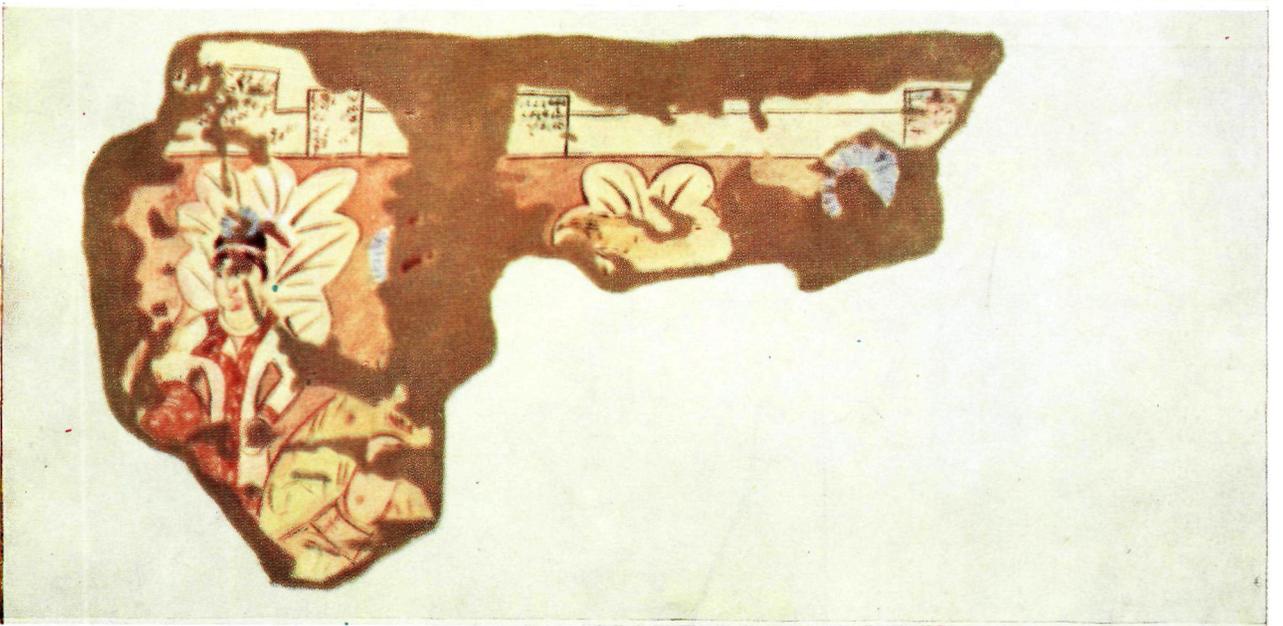
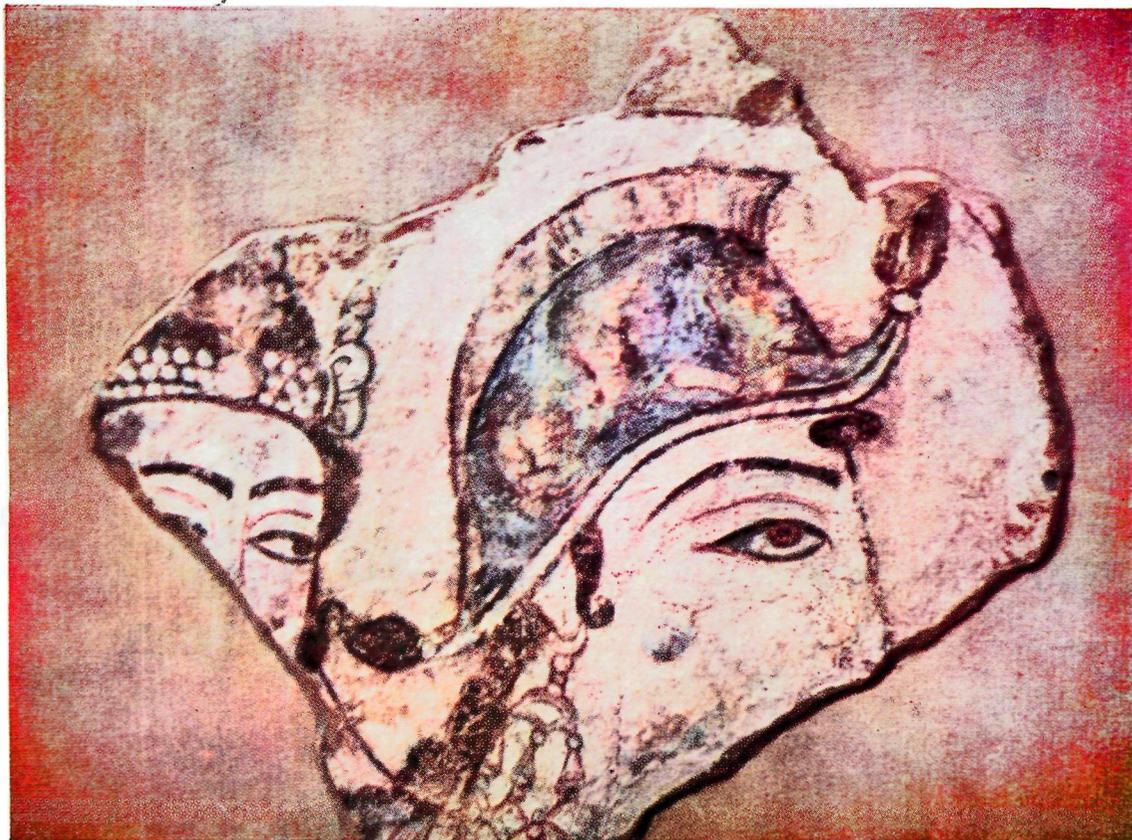

Рис. 23. Деталь росписи западной стены (акварель В. П. Бурого)

Рис. 5. Фрагмент росписи второго слоя северной стены (6)

Рис. 9. Голова богини. Фрагмент № 44

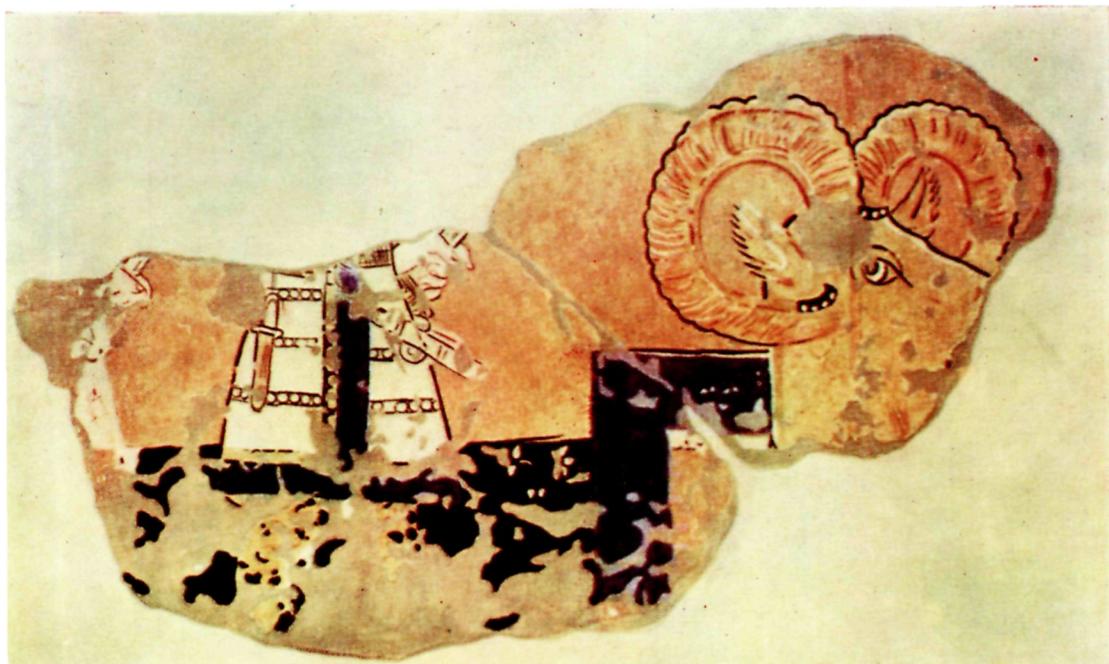

Рис. 16. Фрагмент 62 (акварель В. П. Бурого)

Рис. 18. Головы дароносцев (акварель В. П. Бурого)

Рис. 27. Ноги птицы и головы совершающих возняние, Фрагмент № 20

Рис. 30. Нога центрального персонажа и голова даропосца. Фрагмент № 30—31

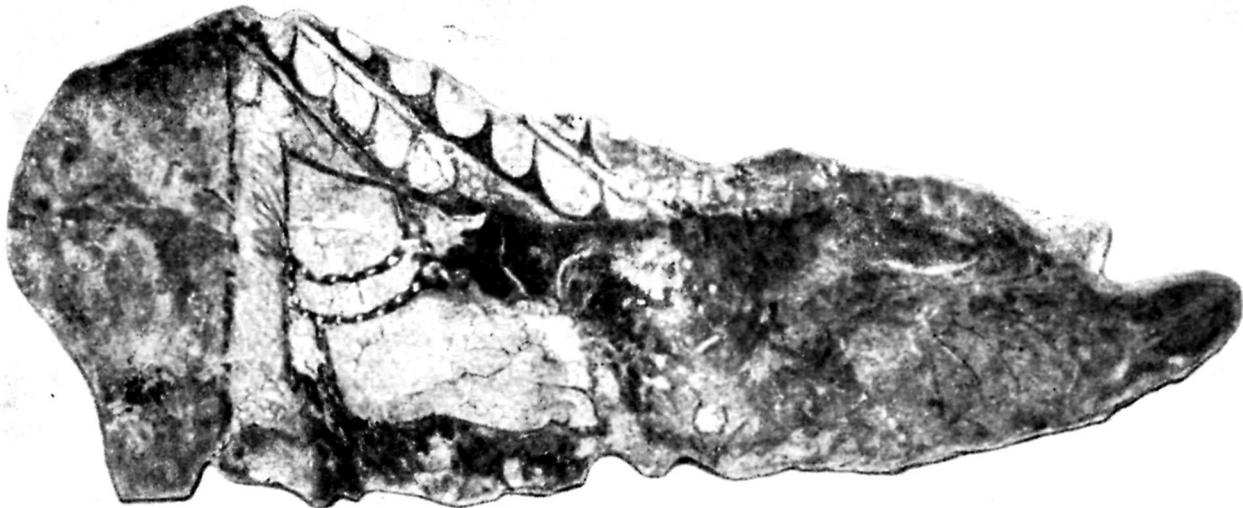

Рис. 13. Нога божества, сидящего на птице. Фрагмент № 13

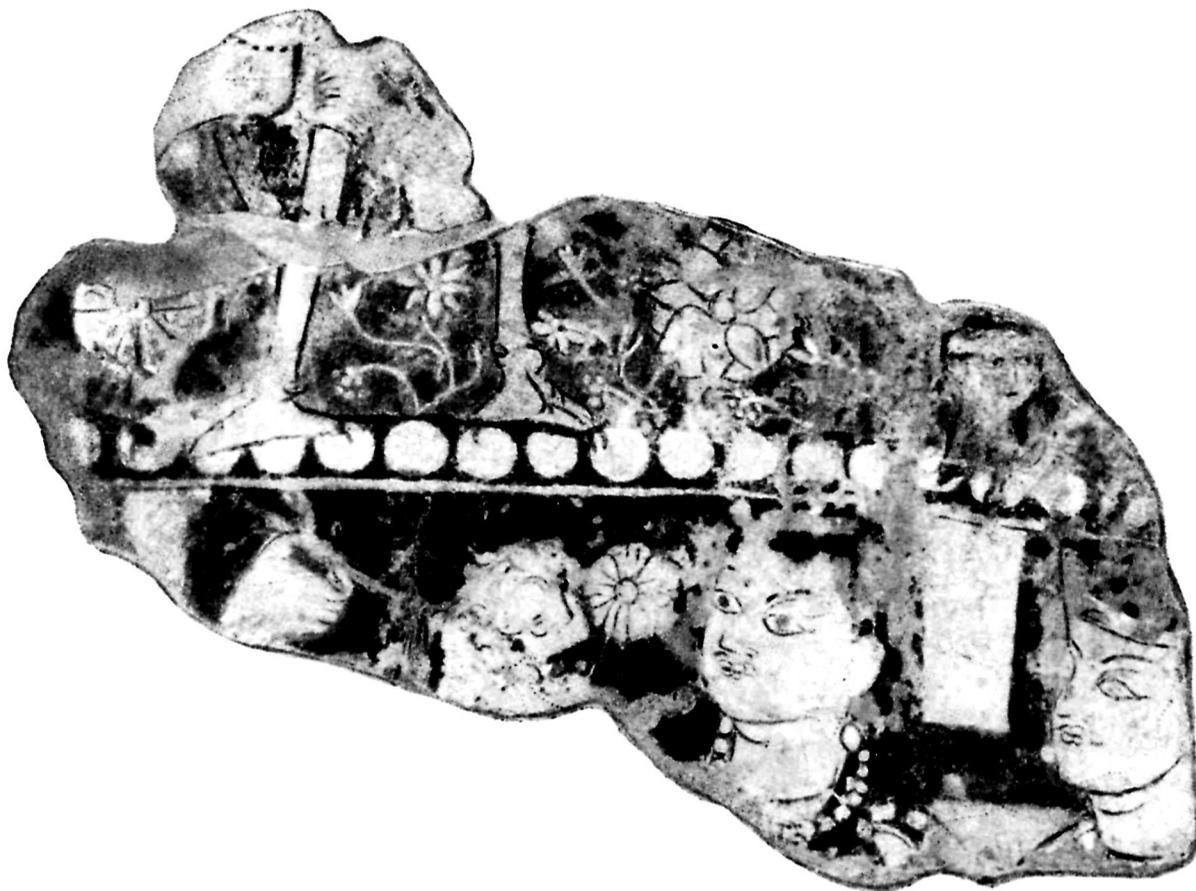

Рис. 14. Роспись верхнего слоя. Справа видна головка второго слоя. Фрагмент № 20

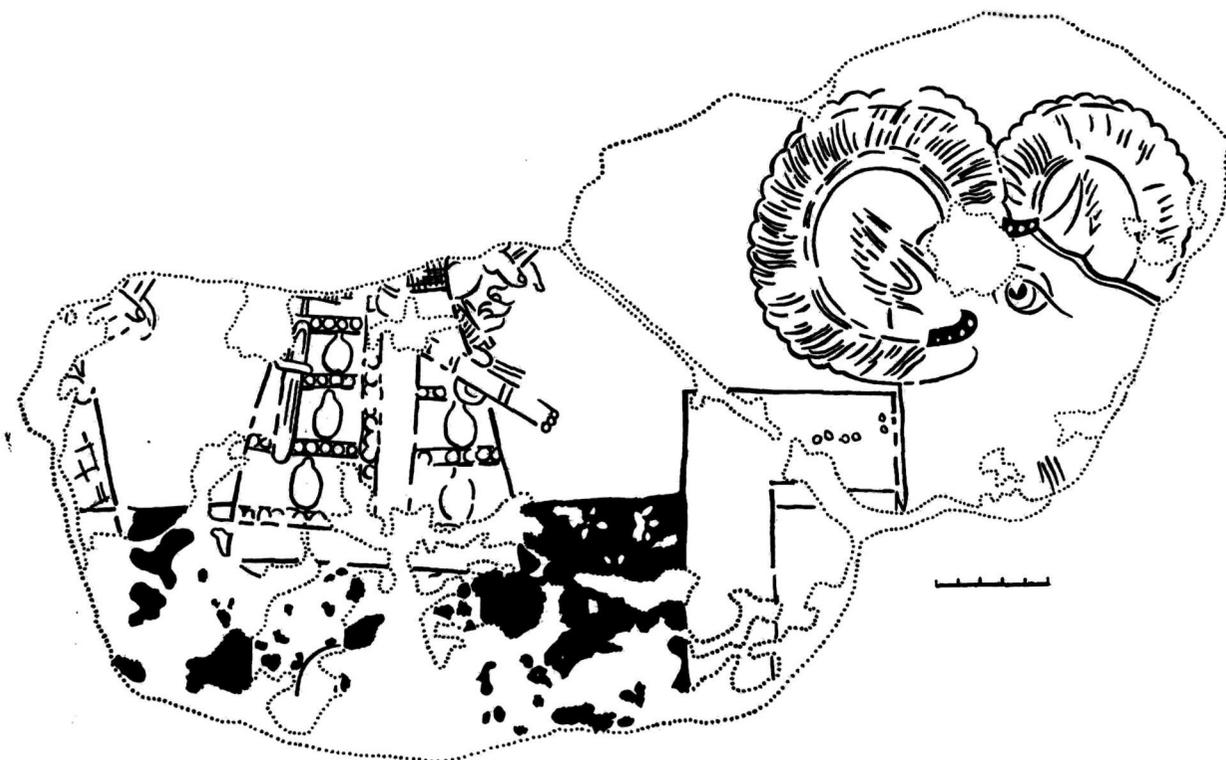
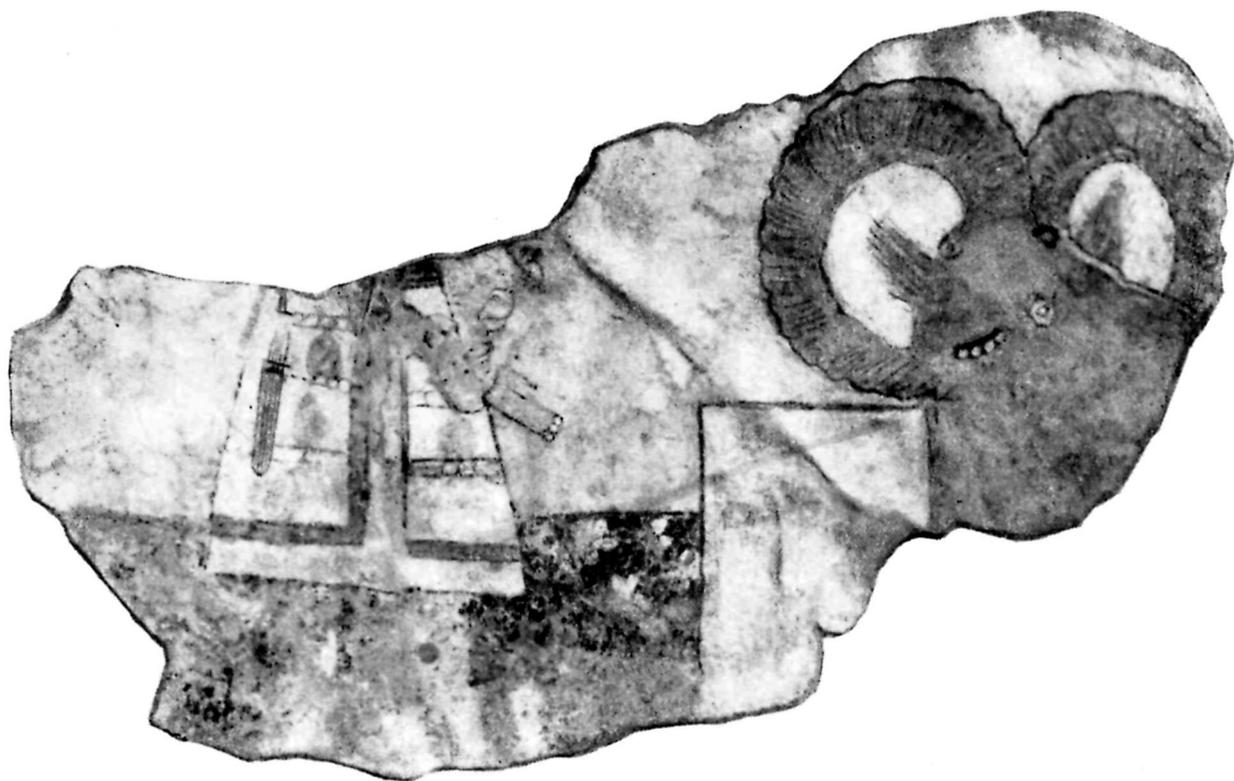

Рис. 15. Голова барана и стоящая фигура. Фрагмент № 62

а — фото, б — прорись

× 0,35 м) с двумя смуглыми округлыми лицами (рис. 17, 18). Одно из лиц — правое, с узкими удлинёнными глазами и свисающими черными усиками — явно свидетельствует о восточном типе изображенного человека. Сильно удлинён и сужен глаз и у левого персонажа. На голове левого персонажа своеобразная «трехрогая» корона с шариками на остриях и по сторонам выступов. Здесь же над головами орнаментальная или разграничительная полоса в виде волны со спиралевидными гребешками. Размер голов 0,18 × 0,12 м. Оба персонажа держали что-то в поднятых правых руках, по-видимому цветы. На шее левого персонажа — сложно переплетенная гривна. Фон изображения розовый. Вверху над полосой с волной следы ярко-голубой краски. Особый интерес вызывает фрагмент 62, склеенный из двух обломков. Всю его правую сторону занимает очень крупная голова барана с загнутыми рогами, торчащим ухом и большим выразительным глазом, длина которого около 0,06 м. Голова коричневая, фон розовый, сбоку голову отделяет толстая синяя полоса, образующая угол (рис. 16). Можно предположить, что это угол зооморфного трона, на котором восседало божество. В пользу этого предположения говорит поворот головы животного. Его тело могло поместиться только справа, так как с левой стороны сразу за вертикальной синей линией начинается черный позем с белыми цветами, на котором стоит мужская фигура в длинном кафтане. Длина кафтана от подола до пояса, который

Рис. 17. Головы дароносцев. Фрагмент № 63 (прорись)

изображен в виде мелких клеточек — 0,23 м. Ткань кафтана белая с горизонтальными орнаментальными полосами, украшенными рядами перлов. Между этими полосами каплевидные пятна. К поясу прикреплены ножны кинжала и футляр с точилом длиной 0,12 м. Сравнивая размеры этого точила с точилами у мужчин на росписи северной стены, где они равны 0,13—0,137 м, можно считать, что персонаж, изображенный рядом с оленем на восточной стене, был, может быть, лишь чуть-чуть меньше донаторов северной стены. Об этом же говорит сравнение ширины подола кафтана — 0,25 м и его длины — 0,23 м с кафтанами донаторов, где длина кафтанов от подола до пояса была 0,26—0,27 м, а ширина — 0,28 м.

Мы имеем здесь третий тип мужской одежды — длинный кафтан с застежкой впереди, из-под которого не видно шаровар. Однако сильная поврежденность красочного слоя в нижней части росписи не позволяет нам с полной уверенностью это утверждать. Рядом виден угол подола кафтана второго стоявшего персонажа. По-видимому, далее к северу продолжался ряд стоящих мужчин, от которых сохранился фрагмент с остатками двух фигур на стене *in situ*, описанный выше (рис. 5). Этот ряд донаторов как бы продолжал изображения стоящих мужчин северной стены. Он прерывался около барана, связанного, судя по его

Рис. 19. Западная часть росписи южной стены (прорись)

очень крупным размерам, с центральным персонажем росписи.

Конечно, можно предположить, что центральным персонажем росписи был сам баран, являвшийся «хвареной» — эмблемой царского могущества, славы, которая сопровождала законных арийских царей¹⁸. Однако в этом случае его голова скорее всего была бы направлена вперед, как мы это видим на рисунке ткани из Антиохии VI—VII вв.¹⁹, а не повернута назад. Наоборот, головы животных, на которых сидят божества, часто были повернуты внутрь, как, например, голова быка на росписи с Шивой и Парвати в помещении 2 храма Диоскуров²⁰

¹⁸ Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 46, 55 сл.; Ghirshman R. Iran..., p. 229.

¹⁹ Ghirshman R. Iran..., p. 228.

²⁰ Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина. — ДБ — 1976, с. 94, рис. 54.

или на рельефах хорезмийских серебряных чаш первой половины VIII в.²¹

На серебряных сасанидских блюдах встречается изображение царских тронов, поддерживаемых животными, головы которых обращены к середине трона, как, например, блюдо Хосрова I (531—578) из Эрмитажа или Хозрова II из Тегерана²². Владетели разных областей Средней Азии имели золотые троны в виде зверей, и в том числе владетель Ферганы имел престол в виде золотого барана²³. К сожалению, незначительные размеры фрагментов рос-

²¹ Даркевич. В. П. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 106, табл. 26, 4, 5.

²² Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана, с. 168, Ghirshman R. Iran..., p. 206, fig. 245, 246.

²³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 274; Беленицкий А. М. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии. — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1962, вып. 1 (28), с. 16.

Рис. 20. Деталь росписи южной стены

писи позволяют лишь высказывать предположения по поводу сюжета живописи восточной стены. Живопись здесь вся однослойная. По палитре красок она может быть объединена с живописью второго слоя.

Южная стена. Сохранились остатки двух ярусов росписи. Но изображения читаются лишь на западном отрезке стены и лучше всего у западного угла. На обоих ярусах воспроизведены ряды сидящих персонажей со своеобразными головными уборами в виде ленты, к которой надо лбом прикреплен крупный раскрытый цветок синего лотоса с белой сердцевинкой, а над ушами — светлые розетки или тоже цветы меньшего размера (рис. 19). Поворот голов в $\frac{3}{4}$ позволяет нам увидеть только одно ухо и соответственно одну из боковых розеток или цветков, но, вероятно, по аналогии с известными по росписям головными уборами, их было три: одна в центре и две по сторонам. Наибольшая высота сохранившейся росписи 1,76 м, ширина около 2 м. Штукатурка с росписью обрывается в 0,25 м от юго-западного угла помещения.

В верхнем ярусе после расчистки хорошо различаются на красном фоне четыре сидящих персонажа. Кроме того, у восточного конца росписи видна поднятая вверх правая рука еще одного персонажа (рис. 20). Голова второй из фигур в западном конце второго яруса сохранилась лучше других: Размер головы 0,21 × 0,14 м. У нее надо лбом цветок лотоса в виде голубого круга диаметром 0,09—0,1 м с белой сердцевинкой, на которой расходятся радиально синие полосы (рис. 19). Высота головы вместе с розеткой 0,24—0,25 м. Волосы черные, на них белая лента-повязка с белой же маленькой

розеткой над левым ухом. На белой повязке кое-где синие штрихи и тонкие красные линии. Может быть, это несохранившийся рисунок ее ткани? Лицо покрыто розовой краской, которая нанесена на белую грунтовку. Черные линии глаз и век везде дополнены красными тонкими линиями. Глаза удлинненной формы индийского типа, взгляд обращен влево, лицо дано в $\frac{3}{4}$ поворота. Цвет одежды сливается с фоном, но плечи и ворот оконтурены черными линиями.

На шее более плотной полосой очерчен край красной одежды и двумя черными контурными линиями, художник, может быть, хотел изобразить гривну. В левом ухе серьга-подвеска из двух маленьких и одного крупного шарика, в левой руке чаша, правая согнута и опирается на бедро. По обеим сторонам этой сидящей фигуры, а также между всеми следующими возлежащими персонажами нарисованы белой краской стилизованные деревья. На белой краске листья черные линии подчеркивают ветви, прожилки и оттеняют черный ствол. Белая краска кроны деревьев дана без черной линии контуров. Размеры деревьев почти одинаковые, высота кроны, сделанной белой краской, — 0,25 м, а черный ствол сохранился еще на 0,17 м (рис. 20). Из-за повреждения нижней части росписи не совсем ясна поза этого и других персонажей. Повидимому, все они возлежали на левом бедре с согнутыми коленями и отброшенными назад ногами. Третий персонаж полностью повторял позу предшествовавшего. Лицо четвертого персонажа верхнего яруса было обращено влево.

Его правая рука была поднята вверх. Лицо сохранилось плохо, но можно рассмотреть часть глаза и рта. Последний (восточный) из сидящих персонажей повторяет позу второго и третьего. От третьей фигуры сохранились лишь контуры, сделанные черной краской, и следы синего головного убора с розеткой-диском надо лбом. На розовой обмозке лица видны части глаз и носа, сделанные красными тонкими контурами. У соседнего (четвертого) персонажа хуже сохранилось лицо, но более четко видны детали орнамента ткани на его камзоле. Одежда у него белая, отороченная красной каймой с белыми узорами, отличающимися по рисунку от узора на синей кайме камзола третьего персонажа. Толщина каймы 0,05 и 0,04 м. Белая ткань одежды была не гладкая. Она была покрыта орнаментом, вероятно, расшита узором в виде тройных синих лепестков, полосочек и уголков или стрелок, обращенных вниз, а около каймы подола — в виде плетенки. Ткань каймы, в свою очередь, была орнаментированной. Талия перевязана пояском. Сверху на груди видны какие-то параллельные красные полосы. Правая рука этого персонажа поднята, а в левой, опирающейся локтем на какое-то возвышение, была чаша. От головы уцелела только нижняя часть лица с толстыми губами. Овал лица сделан тонкой красной линией. Так же обведены губы. По розовому слою лица над губами чуть заметные тонкие черные линии, также оттененные красной линией. Возможно, это остатки усов. Выше лицо не сохранилось. Видна шаровидная серьга, выступающая за левую щеку. Контур плеч обведены тонкой черной линией.

Далее к востоку рядом с этой фигурой сохранились следы еще одной, также одетой в белый костюм с красной каймой. По позе, одежде и размерам эта фигура не отличалась от описанных выше, но у нее в отличие от других можно различить на левом бедре ножны кивжала, форма которых аналогична ножнам донаторов северной стены.

Роспись уцелела в ширину на 2 м. Далее шел дверной проем, над которым, так же как и с противоположной стороны проема, роспись не сохранилось.

Широкая белая полоса толщиной 6—7 см, ограничивавшая роспись сверху, очень сильно повреждена. Уцелели намечавшие ее черные линии, которые были нанесены художником как эскиз до побелки. Только над головами первого и третьего персонажей сохранились остатки надписей в прямоугольных рамках-картушах. Буквы нанесены на слой побелки кисточкой с черной краской. Надпись сильно фрагментирована из-за того, что побелка плохо держится на глине, да и штукатурка частич-

но отпала. Написана она на позднебактрийском языке ²⁴.

Под пирующими персонажами верхнего яруса полусидящими или полувозлежащими, опирающимися левым локтем на какое-то возвышение, находился второй ярус росписи с аналогичными фигурами. Самых западных фигур не сохранилось. Но можно различить остатки еще четырех. Граница между верхним и нижним поясами отмечена разделительной полосой, обрамленной двумя параллельными линиями: красновато-коричневой (верхней) и белой. На разделительной полосе кое-где видны черные орнаментальные треугольники. Толщина разделительной полосы 4—5 см. Верхний пояс росписи имеет высоту 0,93—1,09 м вместе с верхней обрамляющей линией. Высота сохранившейся части нижнего пояса от 0,54 до 1,51 м. Как и в верхнем поясе, все четыре персонажа нижнего яруса имели надо лбом синие розетки. Иногда в них можно выделить по пять собранных вместе цветов синего лотоса. Между персонажами видны стилизованные деревья с белой кроной и черными прожилками (рис. 19).

Западная стена. Штукатурка на стене сильно разрушена. Роспись сохранилась только на пяти участках (рис. 21). Фон росписи розовато-оранжевый, такой же, как на южной стене, а также на фрагментах с 2 богинями и 12 мужчинами на росписи северной стены. Самый южный небольшой кусок росписи (шириной 0,3 м, высотой 0,33 м) сохранил только часть руки в коричневой одежде с красной полосой по краю рукава. На красной кайме белый узор. Этот персонаж, по-видимому, опирался правой рукой о бедро, а рядом с рукой находилась еще одна фигура, от которой сохранилось лишь изображение богато орнаментированной ткани одежды (рис. 21, а).

На расстоянии 0,31 м от этого куска росписи или на расстоянии 1,85 м к северу от юго-западного угла помещения сохранилась часть еще одного куска композиции. На отрезке шириной около 0,7 м и высотой от 0,31 до 0,48 м видны части трех фигур. Сохранилась часть лица большой фигуры, по размерам аналогичной персонажам, изображенным на южной стене и первом куске росписи на этой же западной стене. На голове у этой фигуры был синий лотос в виде розетки. Уцелели только половина рта, губы, сделанные красной краской и обведенные черной линией, левый глаз миндалевидной формы, сильно скошенный влево, часть шеи и правого плеча в одежде из богато орнаментированной ткани. Видна также круглая серьга с левой стороны. Контур лица обведен черной и крас-

²⁴ *Лившиц В. А.* Надписи из Дильберджина, с. 168, рис. 101, 4.

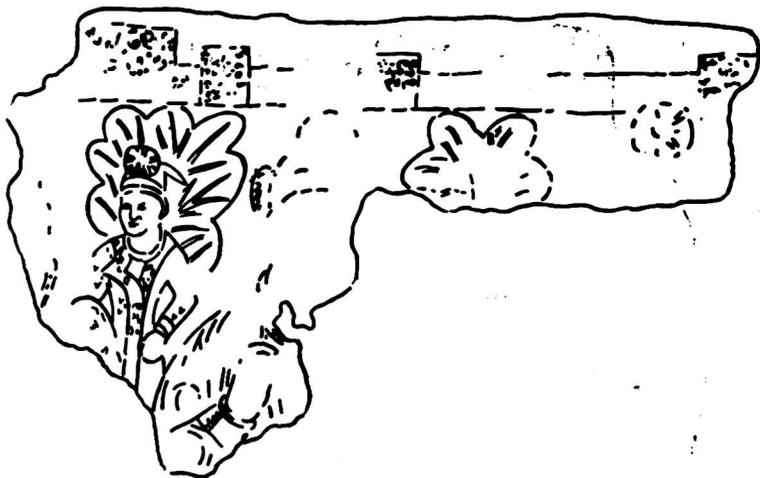

Рис. 21. Роспись западной стены (прорись) (а, б)

ной линиями. Глазное яблоко белое, контур глаза черный, черной линией сделана бровь, ткань одежды желтая с узором в виде пальметок. Слева от этой большой фигуры стояла маленькая фигурка (рис. 21, а). Ее правый локоть находится на уровне подбородка первой фигуры, а верхняя часть синего цветка, прикрепленного надо лбом, совпадает с верхом розетки большой головы. Раскрытый цветок лотоса надо лбом маленькой фигурки написан в виде голубой розетки с белой сердцевинкой, от которой радиально расходятся синие полосы. Розетка прикреплена, по-видимому, к белой ленте, как у фигур на южной стене и, может быть, так же, как и там, у ленты сбоку над ухом была еще одна белая розетка (рис. 23).

Волосы и брови черные, на шее нечто вроде гривны. Белая ткань камзола имеет синий орнамент в виде уголков и полосочек. За левым плечом фигурки — стилизованное дерево. Затем видно плечо еще одной крупной полулежащей фигуры, голова и вся левая часть тела которой утрачены. По-видимому, это мужчина, в красном камзоле, отороченном черной полосой по подолу, вдоль передней полы и внизу рукавов. Видна часть ноги в коричневом сапоге. По красному фону камзола белый, синий и черный узоры в виде линий и уголков. На черной кайме — белые параллельные линии с зубчиками. Правая рука лежит на бедре, под ней какой-то белый круг. Левее этой фигуры довольно большой кусок штукатурки разрушен, и лакуна в росписи достигает 0,16—0,27 м. Далее сохранились еще два довольно больших куска росписи, разделенных небольшим промежутком. Лучшее всего сохранилась

небольшая фигурка в белом камзоле с красными узорами в виде уголков и с красной каймой, украшенной белым рисунком (рис. 21, б, 22). Высота ее 0,36 м. Камзол имеет односторонний правый отворот, так же как и костюм у маленькой фигурки на соседнем фрагменте росписи. Но позы у этих фигурок разные. У первой руки соединены на животе, у второй правая рука поднята до уровня плеча, а левая чуть согнута с ладонью около бедра. Если глаза первой фигуры обращены влево, то у второй они смотрят вправо. Видимо, обе обращены к несохранившейся большой фигуре. Вторая фигурка с поднятой рукой имеет очень любопытный головной убор — высокая черная шапка с кисточкой. На ней надо лбом была нарисована белая лента с голубым лотосом или розеткой (рис. 23). Лицо этой фигурки от подбородка до головного убора имеет высоту 7 см. Контур глаза сделаны черной краской, слезницы, кончик носа, губы — красной, подбородок отгнен розовой. Сзади этой фигурки изображено белое дерево с буровато-черными линиями. Над головой маленькой фигурки — два прямоугольных выступа с надписями. Слева большая надпись, не отделенная от ограничительной полосы вертикальной линией. Общая высота ее 0,105 м, ширина неизвестна, тогда как меньший прямоугольник с росписью высотой 0,083 м и шириной 0,065 м выделен черными полосами²⁵. Оба прямоугольника с надписями выступают выше белой полосы, которая сверху обрамляет пояс с росписью. Эта белая полоса находится на том же уровне, что и полоса на

²⁵ Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина, с. 168, рис. 101, 1—3.

Рис. 22. Деталь росписи западной стены

южной стене. Ширина этой полосы 0,05 м. Правее маленькой фигурки видно плечо третьей крупной фигуры. От ее головы сохранилась лишь часть правой боковой розетки и немножко черной краски волос. Эта фигура была в красноватой одежде, ее правая рука поднята к груди.

Правее небольшого участка, где роспись утрачена, видна верхняя часть белого стилизованного дерева, на фоне которого сохранились следы желтой и черной краски, а еще правее на верхнюю ограничительную линию заходит большая голубая розетка. Это все, что осталось от крайней фигуры. Над ней, так же как и над средней фигурой, были еще два прямоугольника с надписями.

По небольшому количеству фрагментов росписи второго периода, сохранившихся в помещении 16, очень трудно восстановить ее сюжет. Нет никакого сомнения, что главные панно с сюжетными изображениями находились на северной и восточной стенах, на остальных стенах, скорее всего, были изображены представители знатных родов — члены одной религиозной общины, поклоняющейся какому-то божеству, культ которого имел индийское происхождение. Об этом говорят цветы синего лотоса на головах всех изображенных персонажей, надписи на брахми в картушах, фигура танцующего Шивы и, может быть, Шивы на черепках по обеим сторонам входа в помещение 16.

Фриз из стоящих мужчин-донаторов в нижнем ярусе росписи северной и восточной стен близко напоминает роспись буддийских пещер Кзивила, Кумтуры и других в Восточном Туркестане.

Живопись третьего (верхнего) слоя

Роспись с двуслойной и трехслойной живописью сохранилась только на фрагментах, найденных в завале в северо-восточной части помещения, около северной стены. Некоторые из них объединяются в единую композицию, что позволяет частично реконструировать сюжет изображения восточной части панно северной стены позднейшего периода. Особенности разрушения перекрытий помещения 16 способствовали сохранению фрагментов с росписью в северо-восточной части и, наоборот, помогли, по-видимому, полному их размытию в северо-западной части помещения. Сохранившиеся фрагменты должны были занимать площадь стены длиной около 4 м от восточной стены к западу и высотой около 1,75 м (рис. 24). Таким образом, у нас есть возможность сделать попытку восстановления сюжета росписи примерно половины живописного панно, находившегося на стене против главного входа в помещение. Живопись как бы делила плоскость стены на четыре части, представляя четыре сюжета. В левом верхнем углу сохранились нога и часть

трона сидящей крупной фигуры (рис. 25, 30; фрагменты 2, 30, 28, 36). Разделительная полоса, черная с белыми яблоками, отделяет этот сюжет от нижнего яруса, где на красном фоне изображен алтарь с горящим огнем, по обоим сторонам которого стоят по два дароносца в различных костюмах с чашами и другими предметами в руках (рис. 24, 26). Высота нижнего яруса с четырьмя стоящими фигурами около 0,55 м. Справа от стены с четырьмя дароносцами тоже в нижнем ярусе, но более широком (высотой около 0,75 м) изображено пять мужчин, сидящих на коленях. Они повернуты в сторону алтаря, над которым двое из них совершают, по-видимому, культовое возлияние (рис. 27). Алтарь не сохранился, утрачены туловища двух центральных фигур и голова одного из совершающих возлияние. Фон этого яруса трехцветный: внизу красный с белыми цветами, в средней части розовый, аналогичный фону, на котором изображен трон, а сверху черный. На черном фоне около голов мужчин были белые прямоугольники-картуши, предназначенные для текста (рис. 28).

Однако никаких следов букв не обнаружено. Может быть, текст полностью стерт, но скорее всего, его просто не успели написать. Как и в левой части, нижний ярус отделен от верхнего черной разграничительной полосой с белыми яблоками. Толщина полосы 4,5 см. В верхнем ярусе на этой стороне панно на красном фоне с белыми цветами и стебельками находилось изображение божества, сидящего верхом на длинноногой птице. Сохранились ноги птицы (фрагмент 20) и босые ноги божества с парными браслетами на щиколотках (фрагменты 13 и 4; рис. 13, 24).

Над левой ногой божества видна часть большого раскрытого крыла птицы, перья которого, раскрашенные белой, желтой и красной красками, имеют овальные очертания (рис. 13). По обе стороны птичьих ног — два крупных белых раскрытых цветка: левый — с округлыми лепестками, правый — с заостренными. За ними в геральдической позе стояли два серых животных, похожих на лошадок небольших размеров. От правой уцелели только три ноги, у левой утрачены одна нога и голова. Над изображением левой лошади — остаток рисунка богато орнаментированной ткани или часть оперенья птицы. От правой части изображения этого яруса сохранилась только часть крупного белого цветка с округлыми лепестками на красном фоне. Под цветком черной краской изображен какой-то черный массив неправильных очертаний и поднимающаяся вверх черная полоса. Может быть, здесь художник пытался воспроизвести неровный рельеф почвы и ствол дерева (?). Под всей этой композицией

тянулась орнаментальная полоса шириной 32,5 см. В центре ее на черном фоне была гармошка из белых и черных ромбов, а сверху и снизу тянулись две параллельные черные линии с белыми яблоками, аналогичные разделительным линиям между нижним и верхним ярусами живописи (рис. 29).

Центром композиции, по-видимому, была крупная фигура царя или главного божества, сидящего в позе сасанидского правителя с расставленными коленями на желтом троне. От центральной фигуры уцелела левая нога в длинных серых широких штанах, стянутых у щиколотки в мягкой обуви желтого цвета с заостренным и слегка поднятым вверх носком (рис. 25, 30). Длина ступни 0,155 м, длина ноги от пятки до колена около 0,45 м. От щиколотки к колену на серой ткани шаровар тянется желтая полоса, обрамленная с обеих сторон черной линией с белыми точками. Ступня перехвачена перевязью, стянутой над подъемом. На уровне колена поперечная изогнутая полоса красного цвета, вероятно оторочка камзола, сделанного из богато орнаментированной ткани. Внизу за ногой виден угол белой ткани с красными пятнами, а за ней ниспадает черная ткань с белыми пятнами. Между ногами, возможно, спускался меч в ножнах, закругленный конец которых виден около пятки.

Широкие и длинные шаровары, стянутые у лодыжки и имеющие орнаментированные галуны, напоминают одежду парфян. Мы ее находим на росписях и скульптуре из Ашура (I—II вв.), Дура-Европос (I в.), Хатры (II в.), Суз (III в.)²⁶ и др. Эта одежда отличается от костюмов персонажей — участников сцен жертвоприношений. Она относится к более ранней эпохе, и художник здесь сознательно проявил консерватизм, изобразив в ней божество или обожествленного правителя.

Судя по пропорциям ноги и размаху колен, сидящая на троне фигура была самой крупной в сохранившейся части композиции. Даже учитывая погрешности художника в пропорциях тела изображаемого персонажа, сидящая фигура должна была занимать до 1,5 м в высоту, а ширина трона не могла быть менее 1 м. Размеры фигур дароносцев, направляющихся к алтарю в нижнем ярусе слева, не превышают 0,5 м, фигуры сидящих мужчин перед вторым алтарем также немногим более 0,55 м.

Таким образом, размеры фигуры сидящего на троне персонажа заставляют видеть в нем смысловой центр композиции. Вторым таким центром являлась фигура, сидящая верхом на

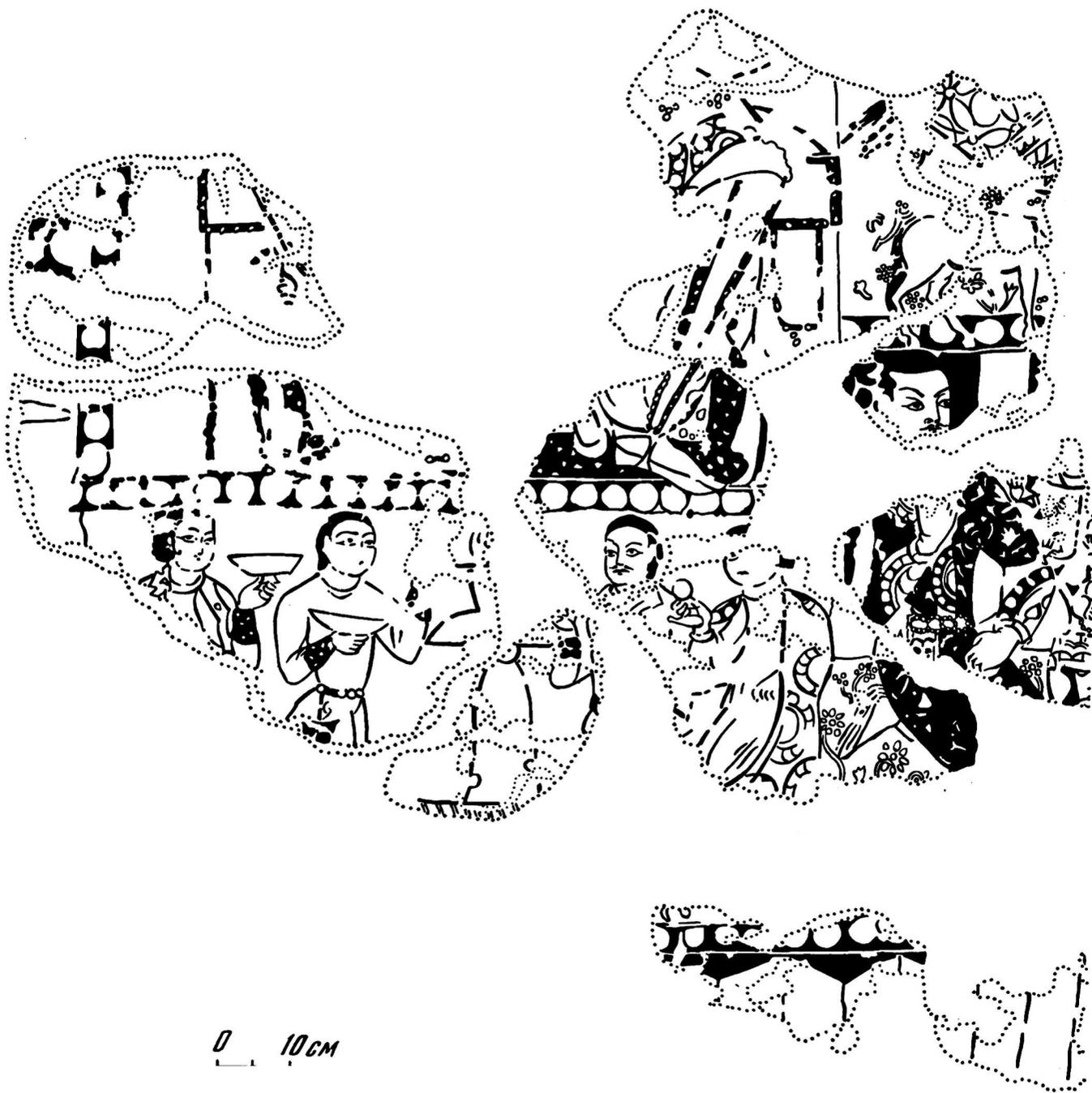
²⁶ Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 183, 195; Ghirshman R. Iran..., p. 56, fig. 70; p. 87, fig. 98; Paul-David M., Hallade M., Hamblis L. Toumchouq. Paris, 1964, p. 183, E15.

длинноногой птице. Она, так же как и восседающий на троне царь, находилась во втором ярусе, но несколько выше царя.

Трудно сказать, какое божество сидящим на птице хотел изобразить художник. Среди божеств индуистского пантеона мы встречаем птицу Гаруду, атрибутируемую богу Вишну, почитаемую иногда как его воплощение. Брахму иногда изображали сидящим на птице

типа гуся или лебедя. Павлина связывали со Скандой — богом войны, сыном Шивы. Могло это быть и какое-то местное божество.

Художник, желая, по-видимому, показать связь с этим изображением находящейся под ним сцены совершения культового возлияния, дал им одинаковый красный фон, усыпанный белыми цветками и стебельками. Пять мужчин как бы сидят на красном поле с белыми цветами,

а сверху, около головы одного из них, помещена белая розетка в виде распустившегося цветка типа изображенных в верхнем ярусе. Мужчины, совершающие возлияние, сидят на

коленях, на них богатые одежды (рис. 31), оружие, серьги, ожерелье. Это явно представители знати. Возлияние они осуществляют с помощью двух ложек, возможно, над пламенем

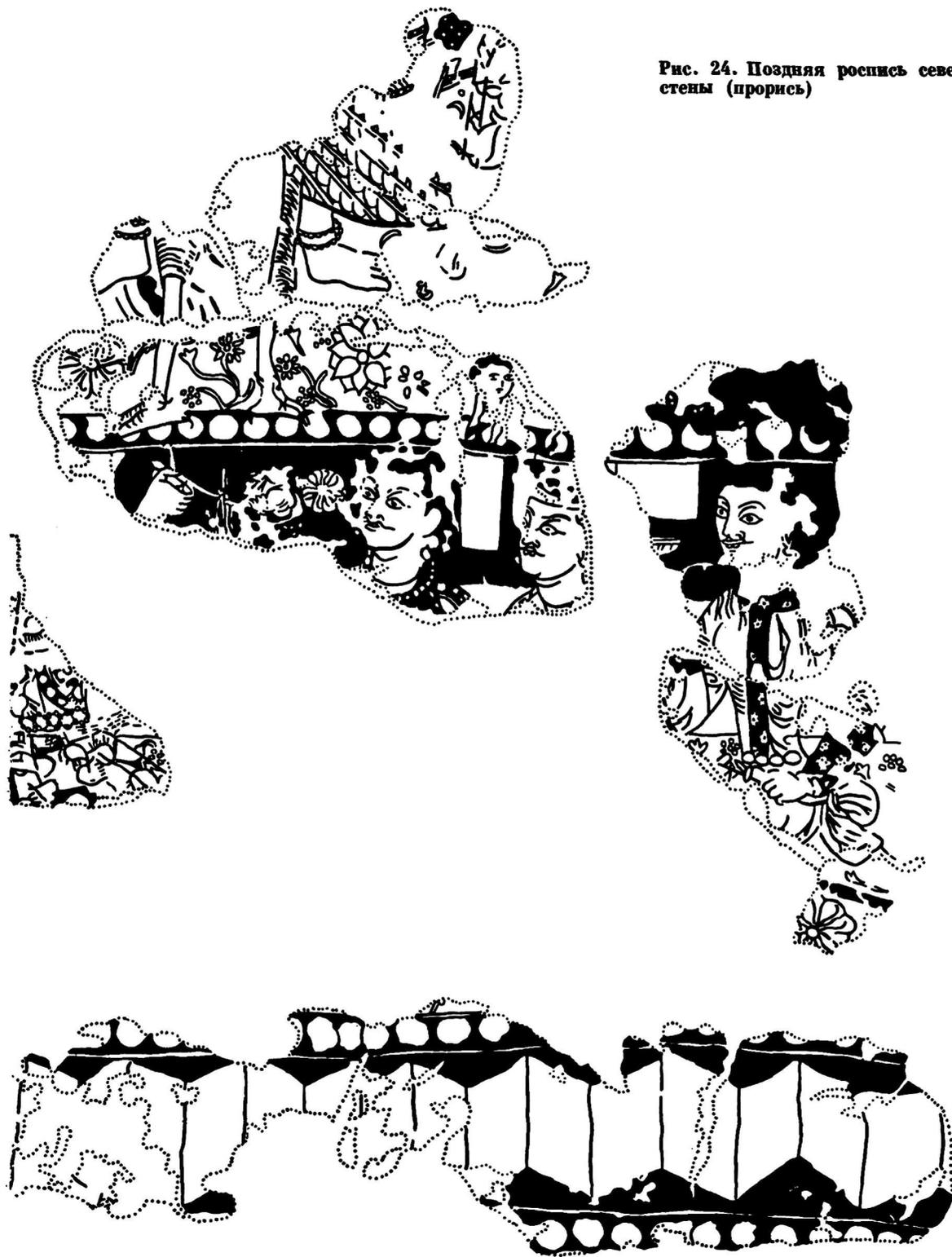

Рис. 24. Поздняя роспись северной стены (прорись)

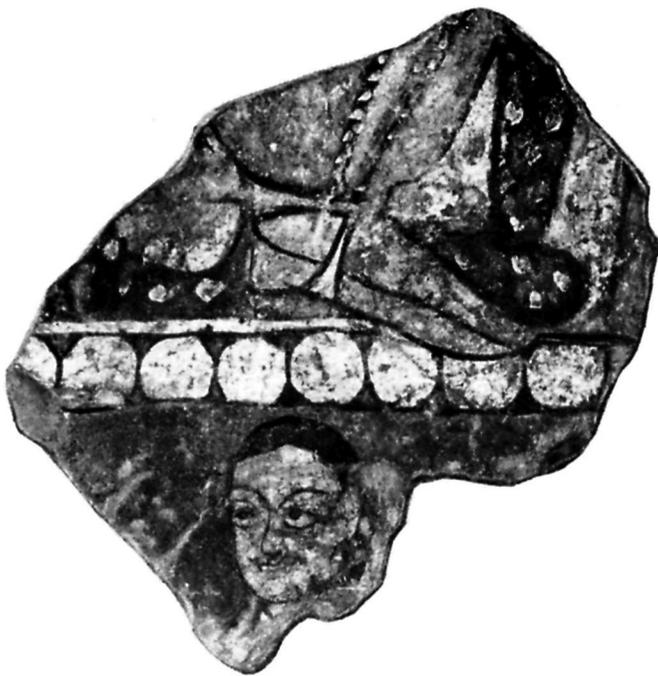

Рис. 25. Нога центрального персонажа. Фрагменты № 30 и 31 Рис. 28. Детали росписи верхнего слоя. Фрагмент № 17

Рис. 26. Дароносцы. Фрагмент № 28

горящем на алтаре (рис. 24, 27). В руке правого из них, одетого в желтый камзол, отороченный черной каймой, — золотая чаша (рис. 24, 32). Может быть, чаши были и в руках других. К сожалению, очень велики утраты в этой части росписи.

Данная роспись отличается от живописи предшествующего периода стилем, техникой, бедной красочной палитры. Полностью отсутствует синяя краска, богато представленная в росписях нижнего слоя. Утраты верхнего красочного слоя позволяют на многих фрагмен-

тах увидеть синюю, коричневую, зеленую, а на некоторых и золотую краску, которые были на панно предшествующих периодов, тогда как на этой поздней росписи художник применял только черную, красную, белую, серую и желтую краски. Он не стремится сделать изображение объемным, не применяет светотени. Это совсем иная школа живописи. Она допускает плоскостность изображения, некоторую стилизацию, иногда заметна небрежность в исполнении деталей лица. Характерны подчеркнутая вытянутость фигур и утонченность талий, перетянутых поясами (фрагменты 28, 32), округлость лиц. Последнее особенно бросается в глаза при сравнении с несколько одутловатыми, как бы расширяющимися к низу лицами росписей южной и западной стен, а также с лицом крупной фигуры, стоящей перед Шивой и Парвати на росписи помещения храма 2, с лицами адорантов — в помещении 12 и женщин-дароносцев — в помещении 13²⁷.

Обращает на себя внимание факт отсутствия цветов лотоса на головах дароносцев расписного панно третьего слоя, тогда как синий лотос сохранился на головах персонажей южной и западной стен этого же помещения, синие цветы есть на головах некоторых из 12 стоящих мужчин. Все это подтверждает предположение о одновременности росписей северной стены помещения 16 и росписей других

²⁷ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 71, рис. 476, табл. 4, 12, 16 и 18.

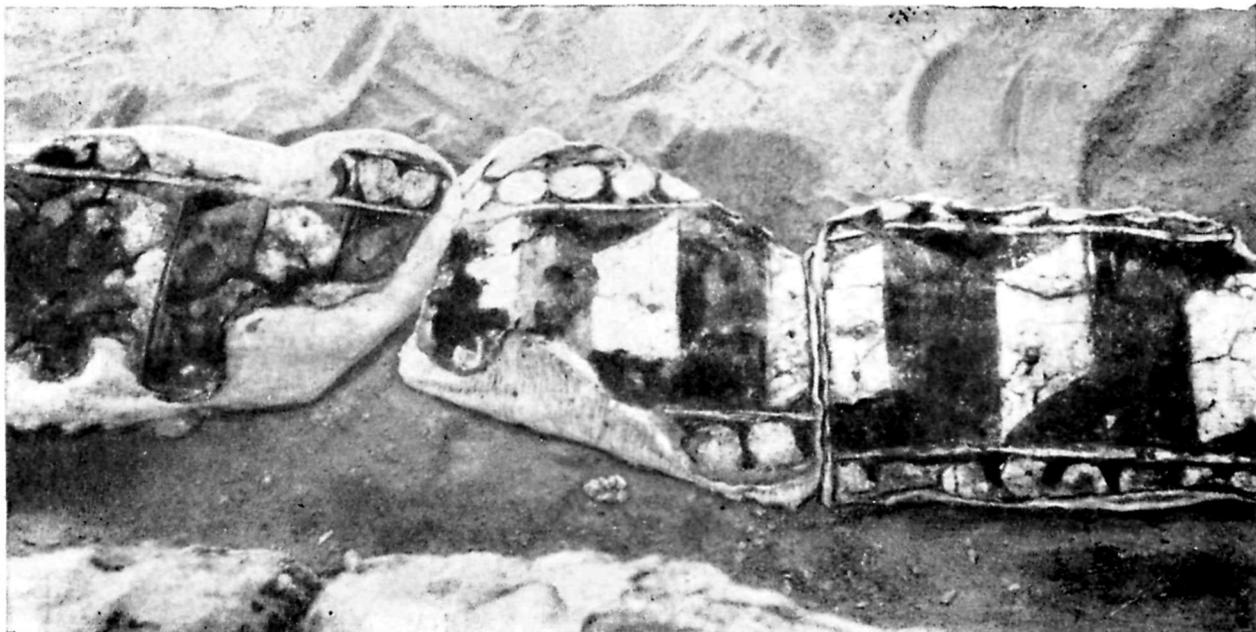

Рис. 29. Фрагмент нижней орнаментальной полосы

стен этого же помещения, а также живописных панно, открытых в других помещениях северо-восточного комплекса.

Вопросы датировки. Для определения времени, к которому относятся росписи каждого из трех красочных слоев, большое значение имеет стратиграфия раскопок.

Раскопки 1976 и 1977 гг. позволили выявить стратиграфию данного участка Дильберджина и установить последовательность сооружения храма Диоскуров, городских оборонительных стен и помещений северо-восточного культового пристенного комплекса.

Первый период. Древнейший храм, на фасадной стене которого находилась настенная роспись с фигурами Диоскуров, был значительно меньших размеров, чем храм кушанского времени²⁸. Его стены стоят на такыре и до постройки храма на данном участке, по-видимому, был пустырь. Непосредственно за западной стеной храма находились жилища и керамические обжигательные печи. Судя по керамике и форме очагов, аналогичных найденным в Ай-Ханум, ремесленники поселились здесь в греко-бактрийский период, может быть, в самом конце его, когда был возведен и храм Диоскуров. К этому времени относится и сооружение древнейшей оборонительной стены, остатки которой обнаружены под нижними полами помещений северо-восточного культового

комплекса. Уровень нижнего пола храма Диоскуров соответствует уровню поверхности почвы времени сооружения древнейшей оборонительной стены. Эта стена в своей нижней части была сложена из пахсы. Направление ее северного отрезка, куски которого обнаружены под полами помещений 8а, 9, 11, 13, 14, 15, 16, не совпадает с направлением северной городской стены кушанского времени, сложенной из кирпичей.

Второй период. Во второй строительный период большая часть западной стены храма Диоскуров была скрыта и храм был расширен к западу за счет сооружения новой целлы над прежними жилищами и гончарной печью. По-видимому, в это же время разрушена древняя оборонительная стена и была возведена новая северная оборонительная стена из сырцовых кирпичей. Возможно, это связано со строительной деятельностью Куджулы Кадфиза. Монеты безымянного царя Сотера Мегаса, которые многие исследователи связывают с Куджулой Кадфизом²⁹, найдены в слое второго строительного горизонта в западной части города (раскоп III), а также в шве между наружным фасом древнейшей северо-восточной башни и окружающей его кирпичной обкладкой. Помещения 16 в это время еще не существовало. На его месте

²⁸ Krouglikova I. Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Diliberdjin en Bactriane (Afghanistan). Académie des inscriptions et belles-lettres, Comptes rendus 1977 (avril—juin). Paris, 1977, p. 409, fig. 2.

²⁹ Зограф А. Н. Монеты Герая. Ташкент, 1937, с. 28 сл.; Массон М. Е. К вопросу о чеканке Юэчжийской Бактрии. — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1957, вып. 14, с. 109.

Рис. 31. Части фигур сидящих мужчин

Рис. 32. Часть фигуры сидящего мужчины в желтом камзоле. Фрагмент № 37

должен был находиться деревянный помост или галерея, позволявшая стрелкам подбегать к бойницам и проникать внутрь башни, вход в которую позднее окажется над помещением 16.

Период между возведением кирпичной оборонительной стены и постройкой помещения 16 был, по-видимому, довольно длительным. Ос-

нование оборонительной стены было уже частично подмыто. Это хорошо прослеживается в помещении 15, где при возведении поперечных стен, пристроенных к оборонительной городской стене, этот подмыв у основания стены был небрежно забит глиной и затем прикрыт штукатуркой.

Третий период. Третий строительный период связан с завершением коренной перестройки храма Диоскуров. План храма получил форму прямоугольника, в центре целлы был возведен алтарь с двумя глинобитными крыльями. Пол во всех помещениях храма был засыпан мелким желто-зеленым песком. В 0,30 м ниже уровня пола в шве заложеного кирпичами дверного проема между помещениями 2 и 5 храма найдены 10 монет Куджулы Кадфиза и Канишки. Уровень пола, посыпанного песком, выше нижнего пола помещения 16. Он связан со вторым слоем штукатурки, которая подновляла после пожара южную стену помещений 16 и 16а. Таким образом, время сооружения помещения 16 должно падать на период между правлением Куджулы Кадфиза и Канишки, это может быть даже ранний период правления Канишки. В этот период северная оборонительная стена была срублена на всю длину помещения 16 сверху до низу на 0,85 м, а к сохранившейся поверхности ее южного фаса были пристроены две поперечные стены, образовав-

шие восточную и западную стены помещения 16. Бойницы и вход в башню были заложены.

В этот первый период существования помещения 16 или в третий крупный строительный период реконструкции города, срубленная поверхность северной стены была оштукатурена. Следы штукатурки сохранились в основании стены за суфой, которая была пристроена к северной стене позднее. В этот первый период, когда построили помещение 16, суфа имелась только у восточной стены и представляла собой пахсовую платформу шириной 0,75 м, высотой 0,50 м, длиной 3,62 м. Она отстояла от северной стены на 0,65 м и тянулась до северного проема, соединявшего помещение 16 с соседним — восточным помещением 16б. Возможно, в этот период сделали первую настенную роспись, от которой сохранились фрагменты с зеленой, красной краской и позолотой.

Четвертый период. По-видимому, вскоре после появления пристенного помещения 16, может быть при Васудеве, к оштукатуренной поверхности северной стены была пристроена кирпичная суфа шириной 0,5 м, высотой 0,65 м. Нижние кирпичи ее кладки были положены на тонкий слой песка, подходивший к северной стене, но отсутствующий под ее основанием. Глинобитный пол, покрывавший слой песка, соединялся с глиняной штукатуркой суфы. Щель, образовавшаяся между пахсовой суфой, находившейся у восточной стены, и кирпичами северной суфы была залита глиной.

Пятый период. С тем же самым уровнем пола связана следующая переделка северной суфы помещения 16. Суфу обложили кусками кирпичей, увеличив ее ширину до 0,8 м и высоту до 0,9 м, а стену над суфой покрыли росписью. Этот второй слой настенной живописи сохранился на северной и восточной стенках лишь на участках, позднее (в шестом периоде) загороженных суфой и восточной стеной, а на южной и западной стенах живопись уцелела лучше, но со следами подновления.

Роспись южной стены была наложена на штукатурку, покрывавшую заклад, сузивший арочный вход в помещение, первоначальная ширина которого достигала 2,5 м. Сохранение прежнего уровня пола в святилище не мешает, однако, предположить, что между четвертым и пятым строительными периодами прошел довольно большой промежуток времени. Не исключено, что пятый период строительства на участке северо-восточного комплекса мы можем уже связать с кушано-сасанидским периодом.

Шестой период. Уровень полов помещений 16 и 16а повышен до уровня поверхности северной суфы. Над ней построена новая суфа, закрывшая всю нижнюю часть настенной росписи с фигурами 12 стоящих мужчин: над восточ-

ной суфой возведена стена, загородившая роспись северо-восточного угла помещения. Порог дверного проема между помещениями 16 и 16а поднят и со стороны помещения 16а оформлен деревянными пилястрами, следы которых хорошо видны. Дверной проем между помещениями 16 и 16б заложен.

К этому периоду относятся третий слой настенных росписей на северной стене и подновление росписей южной и западной стен. Это последний период расцвета города, после чего начинается его упадок и запустение.

Седьмой период. Этот период позднейшего обживания. Ему предшествуют запустение, разрушение стен, намывы и надувы, благодаря чему поверхности полов сильно повысились. Пришлось пробивать новые дверные проемы в южной стене помещений 16 и 16а, что сделано очень небрежно. Восточная часть помещения 16а превращена в хозяйственное помещение с печкой и большим количеством сосудов. Уцелевшие настенные росписи сильно закопчены, что говорит, вероятно, о разведении костров в заброшенных помещениях.

Многолетние раскопки города не дали пока монет, позволяющих допустить, что жизнь в городе продолжалась после V в. н. э. Однако стиль росписи последнего периода, близость его росписям Балалык-тепе и Пенджикенту заставляют осторожно подойти к вопросу о датировке последнего периода жизни северо-восточного культового комплекса. Может быть, появление этой росписи следует связать с новым расцветом кушанского государства при Кадиритах? Отсутствие материалов для определения времени создания настенной живописи второго слоя, связанной с пятым, строительным периодом, заставляет нас принять ретроспективный метод датировок и воспользовавшись данными статиграфии предположительно отнести ее к IV—V вв. н. э. Этому не противоречит изображение одежды персонажей росписи, связанной с сасанидами. По-видимому, пятый период — это временный расцвет данного района при кушано-сасанидских правителях.

Четвертый период предположительно можно связать с правлением Васудевы, монеты которого в большом количестве находят в поздних слоях города.

Третий период стратиграфически связывается с эпохой Канишки. Второй — с правлением Куджулы Кадфиза, а первый строительный горизонт должен быть связан с греко-бактрийской эпохой.

Временем существования помещения 16, являвшегося главным культовым помещением северо-восточного комплекса, мы можем таким образом считать период между правлением Канишки и эфталитами.

RÉSUMÉ

«PEINTURES MURALES DU LOCAL N 16 DE L'ENSEMBLE CULTUREL NORD-EST DE DELBARJIN»

par Mme I. T. Krouglikova

Le local N 16 fut adossé au rempart septentrional de la ville à l'époque située entre le règne de Kudjula Kadphisès et celui de Kanishka. La peinture de la première période de construction comportant les vestiges des couleurs verte, brune et dorée ne figure plus que sur quelques fragments cachés sous les couches de peinture plus récentes. On n'a pas réussi à identifier son sujet. La seconde couche de la peinture est rattachable à la période tardive des Kouchans ou à celle kouchanosassanide. La couche est partiellement conservée sur les murs, partiellement sur les débris de plâtre isolés tombés des murs et ensevelis au-dessous du dernier sol et du soufa de la période de construction finale.

Sur le mur septentrional la peinture de la seconde couche est conservée derrière le soufa qui y fut adjoint et derrière le mur oriental construit plus tard au-dessus du soufa de l'époque antérieure. Sur cette peinture sont représentés douze personnages masculins se tenant debout — les donateurs (fig. 2, 3, 4) Au coin nord-est existe toujours un fragment du panneau du second niveau où l'on distingue deux hommes debout et une partie de la croupe d'un cheval (fig. 5). Sur le mur oriental est conservée la partie inférieure du corps d'un homme debout, probablement le donateur (fig. 6). Sur le mur occidental se tiennent les fragments d'une composition comportant des personnages assis, de haute taille, des arbres et de petits hommes debout, vêtus de cafetans blancs à revers unique (fig. 21—23). Sur la peinture du mur méridional, à deux niveaux, furent représentées des rangées de personnages humains demi-couchés, tenant des coupes à la main, qui alternaient aux images des arbres stylisés (fig. 19, 20). Presque tous les personnages de la peinture de la seconde couche avaient, au-dessus du front, les représentations des fleurs de lotus sous forme de rosette ou fleur isolée. A la peinture de la seconde couche se rapportent: le fragment où sont peintes deux déesses dont l'une est coiffée de casque (fig. 9, 10), le fragment avec la tête de mouton et avec un personnage debout (fig. 15a, 6; 16). Peut être, il s'agit d'une partie d'un trône zoomorphe près duquel se tenait debout un donateur.

Sur d'autres fragments de peinture on voit une étoffe décorée d'ornement (fig. 11) et un personnage debout, vêtu d'un cafetan à revers unique (fig. 12). La peinture de la seconde couche se révèle, par endroits, au-dessous de la peinture de la troisième couche, qui la couvrait. Notamment, à droite du pied nu d'une divinité assise sur un oiseau, à travers la couleur rouge du fond du tableau on distingue la tête d'un daim faisant partie à la peinture de la seconde couche Au-dessous se fait voir une petite tête appartenant probablement à une femme (fig. 14). La peinture du second état de subsistance se caractérise par une riche gamme de couleurs où l'on employait abondamment le bleu vif; on signale aussi, comme un trait particulier, la présence des inscriptions faites avec la couleur noire en écriture cursive bactrienne et en langue brahmi. Les inscriptions figuraient au-dessus des têtes des personnages (fig. 7, 8).

La peinture de la troisième et dernière phase de l'ensemble religieux n'est conservée que sur des fragments mis au jour dans les ruines encombrant la partie nord-est du local. A cette époque les panneaux picturaux qui décoraient les murs méridional et occidental avaient été

rénovés et leurs compositions primitives ne furent pas modifiées. Quant au mur septentrional, là on mit une nouvelle peinture qui se différait de celle précédente par la technique d'exécution et par la gamme coloristique. La couleur bleue n'y figure plus. C'étaient le rouge, le blanc, le noir et le jaune qui étaient utilisés. On a réussi à réunir plusieurs débris de peinture et on a fait les tentatives d'en reconstituer une composition unique (fig. 24). Sont conservées les parties des quatre scènes représentées sur le panneau occupant le mur septentrional.

Au coin gauche supérieur on voit toujours la jambe d'un personnage assis, de dimensions élevées, et une partie du trône (fig. 25). Ce sujet du niveau supérieur est séparé, par une bande noire à pommes blanches, du niveau inférieur où, sur un fond rouge, est représenté un autel à feu brûlant, flanqué, de chaque côté, par deux personnages masculins présentant des offrandes. Ces derniers sont en vêtements variés et tiennent, dans les mains, des coupes et d'autres objets. A droite de cette scène à quatre personnages présentant les offrandes, également au niveau inférieur du tableau, mais là où il était de largeur plus grande (haut de 0,75 m) étaient peints cinq hommes assis à genou. Ils sont tournés vers l'autel sur lequel deux personnages semblent faire des libations en l'honneur du dieu. Le fond de ce niveau est tricolore: en bas il est rouge à fleurs blanches, dans la partie médiane il est rose, analogue au fond sur lequel le trône est représenté, et noir en haut. Sur le fond noir, au voisinage des têtes des hommes, il y avait des rectangles blancs dits cartouches, destinés à des textes qui n'existent plus. Le niveau inférieur est séparé de celui supérieur par une bande noire à pommes blanches. Dans le niveau supérieur, de ce côté du panneau, sur un fond rouge à tiges et fleurs blanches était peinte une divinité assise à cheval sur un oiseau à longues pattes. Il existe, de nos jours, l'image des pattes de l'oiseau et les pieds nus de la divinité dont les chevilles sont ornées des bracelets pairs (fig. 13). Au-dessus du pied gauche de la divinité on voit une partie d'une grande aile déployée de l'oiseau dont les plumes, de forme ovale, sont colorées du blanc, jaune et rouge. Des deux côtés des pattes de l'oiseau sont représentées deux fleurs écloses, de dimensions élevées. La fleur gauche a des pétales arrondies, celles de la fleur droite sont pointues. Derrière cette image se trouvent, en pose héraldique, deux animaux rassemblant à des chevaux, peints en gris, de dimensions réduites. De l'animal droite il n'est resté que trois pieds, la bête gauche perdit un pied et la tête. Au-dessus du cheval gauche est restée la représentation d'une étoffe richement ornementée ou une partie du plumage de l'oiseau. De la partie droite de l'image de ce niveau pictural il ne figure plus qu'une partie d'une grande fleur blanche à pétales arrondies représentées sur un fond rouge. Au-dessous de toute cette composition s'étale une bande d'ornementation, large de 0,325 m. Au centre de la bande, sur un fond noir, furent peints des losanges noirs et blancs formant une sorte d'ornement en dents de scie. En haut et en bas de cette rangée de losanges furent dessinées deux bandes noires parallèles à pommes blanches, analogues à celles qui séparaient les niveaux supérieur et inférieur de la peinture.

Il semble qu'au centre de la composition ait été représenté un roi ou une divinité, de dimensions élevées, assis

en pose de souverain sassanide, à genoux écartés, sur un trône jaune. De ce personnage central il n'est conservé qu'une jambe gauche en pantalon gris, long et large, serré à cheville, en chaussure molle, de couleur jaune, au bout pointu légèrement levé (fig. 25). Le pied est long de 0,155 m, la longueur de la jambe (du talon au genou) est égale à 0,45 m près. Sur le tissu gris du pantalon on distingue une bande jaune qui s'étale de la cheville jusqu'au genou. La bande est bordée, des deux côtés, d'une ligne noire à points blancs. La plante du pied est serrée d'une ficelle nouée sur le cou-de-pied. Au niveau du genou se fait voir une bande transversale courbée, de couleur rouge. Il paraît que ce soit la bordure du kamzol, faite d'une étoffe richement ornementée. En bas, derrière la jambe, on voit un morceau en coin d'un tissu blanc à taches rouges; derrière descend une étoffe noire tachée de blanc. Entre les jambes pendait, paraît-il, un glaive en gaine dont on voyait le bout arrondi près du talon du pied.

Le pantalon large et long, serré à chevilles, et comportant des galons ornementés est semblable à des vêtements des Parthes et se distingue de ceux que portent les personnages figurant dans les représentations des sacrifices.

A en juger d'après les dimensions de la jambe et l'envergure des genoux le personnage assis sur le trône était le plus grand de la partie de la composition qui était encore conservée. Il semble avoir à peu près 1,50 m en hauteur; la largeur du trône ne pourrait pas être moindre de 1 m. Les dimensions des personnages présentant les offrandes, qui se dirigeaient vers l'autel dans le niveau inférieur à gauche ne dépassaient pas 0,50 m. Les hommes assis devant le second autel étaient aussi un peu plus grand de 0,55 m.

Donc, les dimensions du personnage assis sur le trône nous suggèrent l'idée que c'est justement là qu'est le centre de sens de toute la composition. Un autre centre pareil est incarné dans le personnage assis à cheval sur un oiseau à longues pattes. Ce personnage ainsi que le roi trônant fut peint au niveau inférieur du panneau mais un peu plus haut que le roi.

Le peintre qui semble avoir voulu mettre en relief les rapports de cette image avec la scène des libations culturelles, représentée au-dessous, les peignit sur le même fond rouge semé de petites tiges et fleurettes blanches.

La peinture de la troisième couche est rattachable au sixième état de subsistance de l'ensemble qui était l'avant-dernier dans l'histoire de la ville.

ТЕХНИКА РОСПИСЕЙ ПОМЕЩЕНИЯ 16

Росписи южной и западной стен

Живопись выполнена поверх слоя зеленовато-золотистой лёссовой подгрунтовки 0,8—1 мм толщиной. Поверхность ее грубозерниста, местами с выразительными следами от ворса кисти. Материал подгрунтовки почти не отличается по структуре от материала штукатурного слоя, — вероятно, он или совсем не очищался от грубозернистых включений или очищался незначительно.

Все красочные слои живописи лежат на тонком (0,2—0,3 мм) ганчевом грунте. Материал грунта комковат, в тонком слое повторяет фактуру поверхности подгрунтовки, в более плотном имеет свои следы от ворса кисти.

В некоторых местах росписей поверх обнажившейся лёссовой подгрунтовки видны пятна и контурные линии красного и черного цветов. Они, как правило, точно совпадают по цвету и положению с пятнами и линиями сохранившихся красочных слоев. Скорее всего, это результат полного растворения и вымывания ганча, который был здесь в качестве грунта, краски или компонента красочной смеси (например, розовой).

Открытые части тела — лицо, кисти рук — написаны очень плотным (0,8—1 мм) слоем белой краски. Хорошо заметно, что писали вязкой краской, причем направление движения кисти шло по форме — по овалу лица, параллельно бровям на лбу, вдоль по форме носа и т. д. Из-за больших поверхностных загрязнений пока трудно определить, был ли употреблен чистый белый цвет или в белое незначительно подмешана какая-то краска, придающая ему слегка тепловатый, телесный оттенок. Во всяком случае там, где кисть руки написана на фоне чистой белой одежды, заметно, что цвет руки теплее, золотисто-розовее, чем белая краска одежды. Причем этот телесный оттенок как будто интенсивней по краю формы и сделан, возможно, не лессировкой, а смесью белой и теплой красок. Рисунок лиц и рук по живописному слою выполнен вначале красной крас-

кой. Завершающий рисунок сделан черным контуром, который нигде не перекрывает полностью красный, а положен рядом с ним, иногда чуть заходя на него. Кое-где (на губах, верх крыльев носа) имеются только красные линии. Начало подбородка под нижней губой обозначалось очень отчетливо красной и черной черточками.

На хорошо сохранившемся лице первой фигуры справа (южная стена) видно, что радужная оболочка и зрачок глаза обозначались сплошным пятнышком вначале красной, а затем черной красками. Они приподняты под нижним веком примерно на 2,5 мм. Линии глазных впадин — тонкие (около 1 мм) красные черточки. Верхнее и нижнее веки также обрисованы красной и черной линиями, причем на нижнем черная линия много толще (0,8—1 мм), чем в верхнем. Слева вертикальная линия носа очерчивалась после красного черным контуром, справа — только красным (в лице рядом сидящей фигуры обе вертикальные линии носа только красные). Ушная раковина внутри рисовалась лишь тонкой (0,8—1 мм) красной линией.

Белые ленты на головах и продолговатые овалы сбоку написаны вначале плотным слоем белой краски, затем тонкими округлыми черточками красной и синей красок обозначены элементы узора, причем они одинаковы и на белой ленте, и на овале. Внешний контур розетки очерчен красным, круг внутри нее заполнен плотной белой краской, остальная часть — разбеленным голубым и уже сверху линиями нарисованы ярко-голубые лепестки розетки. Интересно отметить, что там, где часть красочного слоя розетки на голове маленькой фигуры справа утрачена (западная стена), видны остатки золотисто-красной краски, лежащей на белом грунте. Вероятно, это подложка для черной краски волос.

Одежды написаны по тонкому белому грунту локальным цветом — нигде нет следов светотеневой моделировки. Основной колер прокладывался сплошь в границах пятна одежды, направление движения кисти идет также по форме.

Там, где белая краска является цветом одежды, она положена очень пастообразным слоем, толщиной местами более 1 мм. Поверх основного цвета затем писали декоративное убранство одежды. Элементы узора, сделанные белой краской по синей или красной, выполнены пастообразно, и, видимо, поэтому рисунок грубый — это скорее обозначение узора реального, чем его повторение. Но там, где рисуются декоративные элементы черной краской, рисунок сделан точно и твердо. На фрагментах одежд фигур на западной стене видны тонкие округлые черные линии, изображающие складки одежд. Сделано это чисто графически, только черной линией независимо от основного цвета одежды. Между двумя маленькими фигурами сохранилась часть одежды большой фигуры. Здесь сопоставлены два самых ярких и противоположных цвета, которые имелись в распоряжении исполнителей, — темно-оранжевый и синий, причем синий употреблен наиболее чистый, слегка фиолетового оттенка, глубокий и интенсивный. Этот цветовой аккорд по своему звучанию наиболее сильный в живописи этих росписей. Завершающий рисунок одежд выполнен черной линией (около 2,5—3 мм шириной). Очерчены были не только внешние контуры, но и границы больших орнаментальных пятен: манжеты рукавов, оторочки.

Деревья написаны плотной белой краской, внешний контур их на границе с фоном сохранил только красные линии. Рисунок ветвей сделан вначале по белой краской, затем перекрыт черной, и по обе стороны от черной линии были опять проведены очень тонкие (1—1,5 мм) красные линии. Сходясь внизу, черные линии сливались и переходили в ствол дерева, сплошь заполненный черной краской.

Фон написан по тонкому белому грунту неяркой золотисто-розовой краской. Она положена легким слоем и на границе с белой краской деревьев слегка подходит под нее, — вероятно, фон был написан раньше.

Нижний ряд фигур южной стены сохранился очень плохо. Многочисленные утраты обнажили красочные поверхности различных слоев живописи, и, таким образом, возникла возможность составить довольно полное представление о технологической последовательности создания этих росписей. Поэтому будет целесообразным привести подробное описание остатков красочных слоев.

Внутри пятна лица первой фигуры справа поверх лёссовой подгрунтовки видны обрывки красных линий. Здесь же на лёссе сохранились остатки двух последовательно нанесенных слоев белой краски. На нижнем, первом слое везде видны следы линейного рисунка внешнего контура головы и черт лица, сделанного интенсив-

ной малиново-красной краской. Прорисованы также контуры волос, ленты, розетки.

Верхний слой белой краски очень плотный (0,6—0,8 мм), имеет выразительные отпечатки от ворса кисти и, вероятно, перекрывал нижний полностью. И на его поверхности сохранились остатки от завершающего линейного рисунка вначале красной, а затем черной красками. Пигмент красной краски имеет яркий чистый цвет. Контур овала лица описан деликатно и красной и черной линией. На границе с фоном заметно, что красочный слой лица толще фонового, а черная линия, описывая контур лица, местами слегка заходит на фон. Плохая сохранность и сильная загрязненность красочного слоя не позволяют сказать что-либо определенное о наличии или отсутствии цветовых градаций внутри живописи лица. Местами по внешнему контуру видны розоватые участки, но это, возможно, от размыва красного контура.

В верхней части головы черная краска волос нанесена как будто поверх слоя золотисто-розовой краски (аналогичной фоновой), лежащей на белом грунте. Это же заметно и на пятнышке волос у правого глаза. Вероятно, белый грунт здесь был нанесен сплошь и под черное была сознательно использована цветная подгрунтовка. Возле левого уха под лёссовой подгрунтовкой виден еще один белый слой, по видимому остатки от побелки, которая была на стене до живописи. Поверх белого грунта маленький круг внутри розетки был выкрит очень плотным слоем белой краски. Рисунок розетки в виде нераспустившихся бутонов лотоса сделан синей краской. Синие линии выходят за пределы внешнего белого круга на фон.

На сохранившихся частях живописи одежды видно, что красочный слой состоит из двух слоев. Нижний — тонкий белый грунт со следами малиново-красных линий и верхний — толстый (около 1 мм) слой очень светлой тепло-розовой красочной смеси с остатками черного контура. Орнаментальная полоска в верхней части одежды по белому грунту была очерчена красным контуром и укрыта затем желтой краской. У правой руки поверх красочного слоя одежды видны участки с красными пятнами, возможно остатки от декора. Здесь же сохранились складки одежды, сделанные черными линиями. Синяя краска обшлага рукава лежит на белом грунте, на границе с другими красочными пятнами лежит выше их (вероятно, была положена в последнюю очередь). Полоска выше синей написана желтой краской поверх белого грунта. Еще выше сохранились красочные слои от изображения руки. Они также состоят из двух белых слоев, причем поверх обоих видны следы красного контура. Остатки от черного — только на последнем.

Изображение дерева у этой фигуры отличается от остальных. Возможно, на дерево здесь наслои́лся рисунок какого-то другого предмета, конструктивный смысл которого пока непонятен. Снизу посредине дерева идет желтая полоса. Вверху она как бы раздваивается и, загибаясь, обрывается. Она написана светло-желтой краской поверх белого грунта и по контуру обведена черной линией. В верхней части поперек полос проведено несколько черных штрихов. Рядом, с двух сторон этого изображения, на желтом сделаны очень плотные белые пятнышки и перекрыты затем синей краской. В местах утрат хорошо заметен черный контур поверх лёссовой подгрунтовки, примерно совпадающий с черным контуром завершающего рисунка. Нижняя часть этой полосы также утрачена. На лёссе видна черная линия, которая также совпадает с контуром верхнего слоя. Белое пятно дерева было покрыто поверх ганчeveго грунта очень толстым слоем белой краски. По нему красной краской был сделан рисунок ветвей, затем черной — завершающий рисунок. Кое-где черная линия не имеет предварительной прокладки красной. Желтая полоса везде подходит под второй слой белого. Под черным контуром местами видны розовые разводы, — вероятно, вначале поверх белого грунта был сделан рисунок красным, затем предложена желтая краска, дерево укрыто вторым слоем белой краски и сделан окончательный рисунок черным контуром. В нижней части изображения (у руки) поверх желтой краски сохранились чешуйки темно-коричневой.

Черты лица второй фигуры не читаются, но красочные слои те же, что и на лице предыдущей фигуры. Рисунок и живопись головы третьей фигуры слева также почти не сохранились. Внутри пятна лица на лёссовой подгрунтовке встречаются следы красной и черной краски. В верхней части головы черная краска волос в одном месте лежит поверх золотисторозовой подложки, в другом — поверх лёсса. Сравнительно хорошо сохранилась правая рука. Верхний белый красочный слой очень плотный и имеет комковатую поверхность. Поверх него виден внешний контур (красный и черный) кисти руки. Возможно, по краям кисти руки была слегка оттенена. Во многих местах из-под верхнего белого красочного слоя выглядывают малиново-красные линии подготовительного рисунка на белом грунте.

Одежда этой фигуры была написана очень толстым слоем белой краски поверх белого же грунта. На рукаве, где верхний красочный слой утрачен, хорошо видно, что золотисторозовая краска фона подходит под него, — следовательно, была нанесена раньше. Внешний контур рукава на грунте отделяет серая линия,

вероятно остатки от черной линии, проведенной при подготовительном наброске. Она сильно не совпадает по положению с контуром завершающего рисунка. Кое-где из-под верхнего белого слоя светятся малиново-красные линии. На белом красочном слое одежды видны следы желтой краски от декоративного убранства и округлые черные линии складок. Внешние контуры одежды также выполнены черной линией. Обшлаг рукава и нижняя оторочка были написаны розовой краской, затем белой и синей сделан рисунок орнамента.

Слева от правой руки этой фигуры идет желтая полоса с черным контуром. Выше, там, где белый грунт утрачен, на лёссе видны черные контурные линии. Они как бы продолжают контурные линии желтой полосы и, расходясь вверху, видимо, должны были очерчивать границы белого пятна дерева. Почти на уровне кисти руки находится горизонтальная желтая полоса, очерченная с двух сторон черным контуром. Внутри нее какой-то белесоватой красочной смесью сделана наискосок штриховка (аналогия с помещением 15).

Остатки изображения других фигур почти не сохранили рисунка лица, шеи и рук. В принципе здесь те же красочные слои и приемы изображения. Под лёссовой подгрунтовкой везде видны большие и малые белые чешуйки.

По верхней границе этого ряда фигур была проведена орнаментальная полоса. Нижний и верхний контур ее был вначале поверх белой краски очерчен красной, а затем черной линиями. Элементы орнамента сделаны только черной краской. Верхний белый слой очень плотный и идет, не прерываясь, от белого пятна дерева. Под лёссовой подгрунтовкой в одном месте виден еще один белый слой, вероятно остатки от предыдущей побелки.

Последовательность выполнений росписей, вероятно, была следующей. Поверх лёссово-саманной штукатурки с остатками побелки (возможно, побелка на участках стены, предназначенных для живописи, была зачищена) нанесли слой лёссовой подгрунтовки, а затем белого ганчeveго грунта. По грунту малиново-красной и, возможно, только кое-где черной краской выполнялся линейный рисунок всех элементов изображения. После этого золотисторозовой краской выкрывалась вся фоновая часть. Затем различными красками (включая и белую) заполнялись все цветные пятна росписей, писались элементы декоративного убранства одежд. Вновь производился красной краской подробный линейный рисунок лиц и рук. Завершалась живопись черным контурным рисунком. Для этих росписей характерно: а) живопись выполнена поверх белого грунта примерно в три этапа: линейный набросок, заполнение

красочных пятен, завершающий рисунок: б) поверхность плотного слоя белой краски имеет грубую комковатую структуру с отпечатком ворса кисти; в) лицо, шея и руки написаны белой краской, по краям формы, возможно, были оттенки, сделанные светлой золотисторозовой краской; г) завершающий рисунок лица, шеи и рук выполнен вначале красной линией, а затем черной, дублирующей красную; одежды рисовались только черной линией; д) белые элементы изображения прописывались вторично белой краской поверх белого же грунта; е) росписи не имеют следов поновления. Вопрос о цветовых модуляциях в живописи лиц и рук остается пока не совсем ясным.

Среди особенностей этих росписей следует также отметить тщательность исполнения как основных, так и второстепенных изобразительных деталей. Ширина контурных линий варьируется от 0,8—1 до 4—5 мм в зависимости от пластического и декоративного значения изображения. Нигде нет следов небрежности или торопливости, отсутствуют нарушения принятой технологии исполнения. Очень системная живопись и спокойный, твердый и аккуратный рисунок.

Росписи северной стены

Фрагмент содержит остатки живописи двух ярусов росписи этой стены, причем разделяет их полоса чистого белого грунта.

Верхний ярус

Поверх сырцового кладки нанесена лёссово-саманная штукатурка толщиной 2,5—3,5 см. В ее верхнем слое много плотных белых комков разной величины и формы толщиной от 1 до 1,5 мм. Возможно, это остатки утраченной побелки. Затем был положен очень тонкий слой лёссового грунта. Его поверхность ровная и гладкая, следов ворса кисти незаметно.

Изображение большой фигуры лежит поверх плотного слоя красной краски, которая была нанесена на лёссовый грунт. Подготовительный рисунок сделан широкой (10—12 мм) черной линией. Рисунок выполнен очень набросочно и отмечает только положение основных элементов изображения. Вся нижняя часть торса и одежды намечена сплошной овальной линией. Плечо, предплечье и кисть руки также описаны по контуру непрерывающейся линией. Верхние красочные слои местами сильно не совпадают с границами этого рисунка, исправляя и уточняя его.

Все пятно верхней одежды было затем открыто тонким слоем белой краски, и сделан подробный рисунок черной. Поверхность бело-

го слоя ровная и почти не имеет следов от ворса кисти и грубозернистых включений. Складки одежды сделаны наотмашь быстрой и уверенной рукой. Черная линия переменной ширины — 1,5—5 мм, линия внешнего контура — 3—5 мм. Следов светотеневой моделировки складок одежд нет. Орнаментальная оторочка в нижней части одежды при предварительном наброске была помечена широкой черной линией. После того как по обе стороны от нее была проложена белая краска, границы ее были обведены черным контуром, но так, что по краям часть белого заходила в полосу оторочки. Затем белой краской сделан рисунок элементов орнамента, и уже поверх белой, через один, эти элементы покрыты синей краской. Те же красочные слои видны и на изображении обшлага рукава.

Штаны написаны такой же белой краской и прорисованы затем черными линиями. Вначале рисовались складки ткани, а затем уже проводился внешний контур. Сапоги укрыты ровным слоем светло-желтой краски, положенной поверх нижнего слоя красной. Округлые линии складок проведены быстро, наотмашь. Внешние контуры сапог были также очерчены уже затем, после складок, черной линией 2,5—4 мм шириной. Кое-где из-под желтой краски сапог просвечивают широкие черные линии предварительного рисунка, создавая впечатление более темной красочной смеси, положенной по краям.

Кисть и пальцы руки большой фигуры после предварительного наброска были укрыты заодно с одеждой слоем белой краски. После этого, вероятно, был сделан рисунок красным контуром, и рука вновь была перекрыта плотным слоем белой краски. На ее поверхности видны следы от ворса и направление мазков кисти. В верхней части руки и по краям пальцев заметно, что красочная смесь здесь более теплая. Вероятно, рука имеет светотеневое моделирование, причем сделано это было, возможно, не при помощи лессировки, а смешением белой краски с небольшим количеством красной и, может быть, желтой красок. Затем был опять выполнен линейный рисунок красной краской. Красные линии рисуют пальцы довольно набросочно, уточняя положение их иногда несколькими штрихами. Ширина их разная — от 1,5 до 2,5 мм. Завершающий рисунок сделан черным контуром, который, как правило, не перекрывает красный.

Предварительный рисунок маленькой фигуры был также сделан черной линией поверх красной краски, лежащей сплошным ровным слоем под всем изображением. Живопись лица имеет два красочных слоя. Первый, чисто белый, вероятно, был проложен одновременно

с белой краской одежды. В местах утрат верхнего слоя на нем заметны обрывки линейного рисунка, сделанного, возможно, двумя красками: красной и черной. Нанесенный затем верхний красочный слой имеет явные следы цветowych градаций. Вероятно, в этом слое лицо писалось сложной смесью белой, красной и, может быть, желтой красок в различных комбинациях. Есть какие-то неуловимые градации этих смесей, но строгой графической системы здесь не заметно. Моделирование выполнялось, вероятно, намеренно и сознательно. Поверх этого слоя затем красной краской был сделан рисунок внешних контуров и черт лица. Рисунок очень подробный, помечено даже боковое основание носа. Линии проведены свободно и быстро, ширина их от 1 до 2 мм. Завершающий контурный рисунок выполнен черной краской. Линия бровей перекрывает красную полностью. Линии верхних век шириной 2—3 мм также перекрывают красные, линии нижних век, проведенные поверх красных черной, уже — 1,5—2 мм. Зрачки довольно небрежно помечены черными пятнышками поверх красных. Надглазная линия оставлена красной. Вертикальная часть носа обозначена двумя только красными линиями. Крыло носа нарисовано и красной и черной линиями, обе шириной примерно 1 мм. Верхняя линия рта проведена вначале широкой красной линией (2,5—3 мм), уголок ее выразительно загнут вверх. Видимо, эта линия изображает всю верхнюю губу. Черная линия идет по нижнему краю верхней губы и также отчетливо заходит вверх в уголке рта. Нижняя губа обозначена только тонкой (1 мм) красной линией. Начало подбородка не помечено. Рисунок ушной раковины сделан только красной линией, очень умело и подробно. Ниже идет рисунок подвешанной к уху серьги, сделанный красной и черной линиями. Черная местами сильно не совпадает с красной, но на изображении самой серьги ее внешний черный контур аккуратно оставляет красную линию внутри. Внешний контур лица также очерчен вначале красной, а затем черной линиями. Овал лица описан не сплошь, очерчивая подбородок, линия постепенно сужается и обрывается. Черный контур лежит с наружной стороны от красного. Волосы написаны сплошным слоем черной краски поверх красной.

Пятно верхней одежды после предварительного наброска черным контуром укрыто ровным слоем белой краски. Поверхность красочного слоя гладкая и почти не имеет комков. Затем коричневой и черной красками был сделан рисунок складок одежды. Полосы на одежде вначале проведены разбеленной желтой красочной смесью, затем внешние края очерчены

коричневым контуром. Внутри желтых полос красочная смесь смотрится светлее, чем по краям, почти белой. Возможно, здесь они были еще дополнительно прокрыты белой краской. Манжет рукава укрыт также разбеленной желтой краской и очерчен затем коричневой линией. Внешний контур одежды проведен после рисунка складок и только черной краской. Изображение обуви в средней части стопы утрачено. На пятке и носке красочный слой чисто белый. В верхней части стопы как будто поверх белого слоя был затем нанесен серый (во всяком случае, это место смотрится темнее). Вверху и, возможно, сбоку это пятно было ограничено черной линией.

Сохранившаяся часть изображения лошади также целиком написана поверх слоя красной краски. После подготовительного рисунка черным контуром изображение было укрыто желтой краской. Хвост лошади написан тоже желтой краской поверх слоя красной (белая одежда большой фигуры не закрывала пятно хвоста) и затем прорисован черными линиями. Кое-где черный подготовительный рисунок хвоста не перекрывался желтой краской. Белая краска одежд не имеет четкой границы с пятном хвоста. Лишь кое-где ею здесь выкрывались промежутки между прядями волос, причем делалось это свободно, не всегда по подготовительному рисунку. Желтый красочный слой и черные линии завершающего рисунка также местами заходят на белую краску одежд. Все это создает иллюзию очень богатой полихромной живописи. На ноге лошади желтый красочный слой местами опал и обнажил нижний красный слой. В верхней части изображения белое пятно с синими полосами было вначале шире. Затем желтой краской оно было уменьшено, так что вокруг этого пятна желтое оказалось лежащим на белом. Эти красочные слои также создают впечатление полихромной живописи, и пока невозможно достаточно категорически заключить, имеет ли изображение лошади какие-либо остатки светотеневого моделирования. Поверх желтой краски в нижней части ноги сделан черными линиями рисунок шерсти. Немного выше красной краской вдоль ноги проведена линия. Копыто написано белой краской и затем черными слегка округлыми линиями сделан рисунок внутри него. Внешний контур всего изображения обведен черной линией.

Фоновая часть этого фрагмента росписей поверх лёссового грунта также сплошь укрыта красной краской. Поверх нее местами полностью, местами в виде отлипа сохранился слой розовой. Он укрывал ровным слоем всю фоновую часть изображения. На границе с другими цветowymi пятнами он лежит ниже

их, — следовательно, нанесен сразу же после подготовительного рисунка. В нижней части большой фигуры хорошо заметно, что розовая краска перекрывает широкие черные линии подготовительного наброска, которые оказались за пределами изображения.

По правому краю фрагмента поверх розовой краски видны кое-где чешуйки очень плотной комковатой белой краски. На ней местами видны остатки синей. В верхней части фрагмента поверх белой чешуйки сохранился обрывок черного контура. Все эти чешуйки образуют как бы прямую линию вдоль всего углового края фрагмента и, может быть, являются остатками от несохранившейся живописи восточной стены этого помещения.

Черный красочный слой позема местами лежит как будто поверх тонкого слоя красной краски, а местами — поверх лёссового грунта. Возможно, красная краска неровно заходила на этот участок. При укрытии фоновой части розовой краской верхняя граница позема была выровнена. Розовое местами сильно заходит на черное (до 3 см). На границе с нижней частью росписей черная краска лежит поверх белого грунта. Поверх черного позема сохранились чешуйки белой краски. Вероятно, это остатки от рисунка белых цветочков. Кое-где их рисунок прослеживается довольно отчетливо.

Последовательность выполнения росписи, возможно, была следующей. Поверх лёссового грунта и сплошного слоя красной краски был сделан подготовительный рисунок черной краской. Затем розовой краской выкрывалась вся фоновая часть изображения. Далее писались большие пятна белого, желтого и т. д. Выполнялись рисунок складок и внешних контуров одежды, декоративного убранства, подготовительный рисунок лица, рук. После этого различными красочными смесями начинали писать лицо, руки и шею. Делали первый подробный рисунок красной краской внешних контуров и черт лица, рук, шеи. Завершали рисунок черными контурными линиями.

Для этой части фрагмента росписей характерно: а) живопись выполнена поверх сплошного слоя красной краски, лежащей на лёссовом грунте, примерно в три этапа: линейный набросок, заполнение красочных пятен, завершающий рисунок; б) лицо, шея и руки поверх белой подгрунтовки были написаны плотным слоем белой краски, по краям формы, возможно, были оттенения светлой золотисто-розовой краской; в) завершающий рисунок лица, шеи и рук выполнен вначале красной линией, а затем черной, дублирующей красную.

В отличие от рассмотренного верхнего фрагмента эта часть росписей выполнена поверх золотисто-зеленоватой лёссовой подгрунтовки (с выразительными бороздками от ворса кисти) и сплошного белого грунта. Белый грунт довольно тонок (0,5—0,6 мм), повторяет фактуру лёссовой подгрунтовки. В более плотных слоях имеет ровную поверхность, содержит небольшое количество белых комочков. Во многих местах грунт имеет бугристую поверхность — результат вспучивания и разрывов ганча при прохождении через него влаги. Там, где белая краска сохранила свое оригинальное состояние, заметно, что на поверхности она имеет серо-холодный налет копоти. Живопись содержит остатки изображений 12 мужских фигур разной степени сохранности.

Фигура 1 (восточная). Рисунок лица почти не сохранился. На голове видны следы синей краски от контурного рисунка круглой розетки из цветов лотоса. Кисть левой руки написана белой краской, завершающий рисунок только красный — нигде нет следов черного контура. Из-под верхнего слоя белой краски кое-где светятся красные линии предварительного наброска по белому грунту.

Одежда также после предварительного наброска была укрыта белой краской, причем по краям она лежит поверх розового фона. Внешний контур, складки, границы оторочек выполнены малиново-краской краской. Лишь по правому краю кафтана в завершающем рисунке была проведена черная линия. Оторочка кафтана вначале была прописана малиново-розовой краской (возможно, в смесь входило небольшое количество белой), затем белой, а поверх нее местами синей сделан орнамент. Рисунок золотого шитья на белом кафтане и штанах выполнен желтой краской. Пересекающиеся линии проведены то прямыми, то волнообразными. Образовавшиеся от пересечения этих линий прямоугольники кое-где сплошь залиты желтой краской.

Сапоги по белому грунту были помечены широкой красной линией, затем укрыты светло-желтой краской (возможно, слегка разбеленная желтая).

Фигура 2. Лица, шея и руки были написаны белой краской. В тех местах, где она хорошо сохранилась, видно, что ее поверхность довольно гладкая, с небольшим количеством комков и сильно закопчена. Красная краска рисунка лица по цвету другая, нежели краска предварительного наброска, — она более алая. Вертикальная линия носа проведена только красной краской, в рисунке рта черной краской подчеркнута только средняя линия губ. Начало под-

бородка помечено красной и черной линиями. Брови, нижние и верхние веки глаз также нарисованы обеими красками. зрачки глаз — черные пятнышки поверх красных. Рисунок внутренней раковины сделан только красной краской. Волосы написаны на белом грунте. Линия овала лица проведена и красной и черной красками почти до височной приди волос. В верхней части лба и на шее есть участки на белой краске, которые смотрятся теплее, несколько золотистее ее.

Кисть руки написана белой краской, следов светотеневого моделирования незаметно.

Завершающий рисунок сделан в основном красным контуром, черным была обведена только верхняя граница кисти.

Так же как и в предыдущей фигуре, собственный цвет кафтана и штанов белый. Но рисунок золотого шитья здесь не имеет участков сплошного заполнения желтой краской. Завершающий рисунок внешнего контура одежды, линий складок, границ орнаментальной оторочки и манжет выполнен только красно-малиново-красной линией. Цвет пояса здесь (как и во всех остальных фигурах) черный, пряжка желтая. Оторочка кафтана и манжет поверх синего красочного слоя имеет рисунок белой краской (очень толстый рельефный слой), а поверх нее кое-где сохранились крупницы светло-желтой. Сапоги написаны светло-желтой краской и обведены красной. Волнистые полосы у стопы были проведены черной краской.

Фигура 3. Кафтан и штаны укрыты плотным слоем темно-розовой краски. Скорее всего, это смесь малиново-красной и небольшого количества белой красок. Контурный рисунок и складки одежды — черные линии 1,5—4 мм шириной. Элементы орнамента на темно-розовой одежде сделаны белой краской. Оторочка кафтана поверх белого грунта была заполнена светло-желтой краской, а поверх нее белой затем был сделан рисунок декоративного убранства. Кое-где на белом видны остатки синей краски, — возможно, первоначально она покрывала элементы узора через один.

Завершающий рисунок кисти руки выполнен красной и черной линиями по белому красочному слою. Цвето-тональных градаций на белом не видно. Кое-где из-под верхнего слоя белой краски просвечивают красные линии предварительного рисунка на белом грунте. В руке персонаж что-то держит. От этого предмета сохранились обрывки белого красочного слоя с желтыми и красными линиями поверх.

Фигура 4. Белый кафтан и штаны в завершающем рисунке очерчены только малиново-красными линиями. Многочисленные складки одежды проведены уверенной рукой наотмашь. Их округлая форма вместе с легким овалом поя-

са красиво и умело строит объемную форму торса. Также и на штанах линии складок старательно закруглены и подчеркивают объемность описываемой формы.

Рисунок золотого шитья сделан желтыми линиями, местами сохранились прямоугольные пятнышки, заполненные этой же краской. Золотистое шитье и малиново-красные линии складок образуют красивое сочетание дополнительных цветов на белом фоне одежды и во многом определяют колористический строй росписи. Черная краска здесь использована только для рисунка пояса и подвесок точила и ножен, т. е. роль ее сведена лишь к цветовой (а не пластической) характеристике изображаемого.

Поверх синей краски на оторочке кафтана сохранились чешуйки белой — остатки от декоративного убранства. Сапоги укрыты плотным слоем светло-желтой краски, по боковым краям из-под нее светятся широкие красные линии подготовительного рисунка. Верхний край сапог очерчен и красной и черной линиями. Кисть руки в завершающем рисунке была обведена как будто только красной (алой) линией поверх белой краски. Манжет рукава имеет те же красочные слои, что и оторочка кафтана.

Фигура 5. Кафтан написан по белому грунту золотисто-розовой красочной смесью. Рядом с фоном она смотрится теплее его, хотя по тону они примерно совпадают. Весь контурный рисунок кафтана выполнен красной краской. Оторочка — плотный слой желтой краски, на ней белой сделан рисунок орнамента. Кое-где поверх белой сохранилась синяя краска. Аналогичные красочные слои имеет и манжет рукава. Браслет и пряжка пояса написаны желтой краской. Кисть руки обрисована только красными линиями.

На штанах хорошо сохранился рисунок золотого шитья, следов линий складок не обнаружено. Нижняя оторочка штанов окрашена той же красочной смесью, что и кафтан. Верхняя и нижняя границы оторочки очерчены черной линией.

Фигура 6. Кисть руки сохранилась плохо, видны красные линии завершающего рисунка, следов черных не обнаружено. Кафтан укрыт плотным слоем желтой краски, оторочки и манжет темно-розовые. Штаны по наружному краю окрашены также в темно-розовый цвет. В средней же части они были укрыты желтой краской поверх белой подложки. Линии контурного рисунка и складок одежды черные.

Фигура 7. Кисть руки, вероятно, была окрашена белесовато-желтой красочной смесью — во многих местах сохранились следы этой краски. Завершающий рисунок сделан и красной и черной линиями. Кафтан темно-розовый,

оторочка и манжет желтые. Поверх них видны остатки рисунка орнамента вначале белой, а затем сильней красками. Контурные линии и складки одежды черные.

Фигура 8. Кафтан и штаны белые со следами рисунка золотого шитья. Оторочка золотисто-розовая, по цвету она несколько теплее розовой краски фона. На рукаве сохранились обрывки внешнего контура, а на штанах — линии складок, сделанные черной краской.

Фигура 9. Кафтан и штаны белые со следами рисунка золотого шитья. Оторочки кафтана и штанов синие с чешуйками белой краски поверх. Хорошо видны красные линии подготовительного наброска на белом грунте. На верхней границе синей оторочки кафтана сохранилась красная контурная линия. Обрывки красных линий заметны по всей одежде. Справа по наружному краю кафтана видны следы черной линии. Возможно, черной краской внешний контур одежды был подчеркнут лишь кое-где (подобно фигуре 1). Обувь окрашена светло-желтой красочной смесью, поверх нее есть следы красных линий, вероятно остатки рисунка складок.

Фигура 10. Кафтан и штаны белые со следами рисунка золотого шитья. Оторочка золотисто-розовая. Сохранились следы красно-малинового линейного рисунка. Черных контурных линий не обнаружено. Выше стопы на обуви видны волнистые линии, сделанные черной краской.

Фигура 11. Кафтан и штаны белые со следами рисунка золотого шитья. Оторочка кафтана синяя. Выше синей идет еще и светло-желтая кайма. Рисунок внешних контуров и складок одежды сделан черной краской. Видны также красные линии подготовительного наброска по белому грунту.

От фигуры 12 сохранился лишь уголок белого кафтана со следами золотого шитья. Видны также обрывки черных и красных линий.

Фоновая часть росписи укрыта светло-розовой краской по белому грунту. Цвет ее более холодный, чем в живописи южной и западной стен, и несколько колеблется в оттенках. Возможно, красочная смесь для фона была недостаточно хорошо перемешана. Нижняя черная плоскость (позем) написана также по белому грунту ровным слоем черной краски. Сверху белой краской затем был сделан рисунок цветов.

Последовательность выполнения этого пояса росписи северной стены, вероятно, была следующей. Поверх золотисто-зеленоватой лёссовой подгрунтовки нанесли сплошной слой белого грунта. Затем красной краской сделали подробный подготовительный рисунок композиции, а розовой покрыли фоновую часть росписи. Различными колерами заполнили все красочные пятна, при-

чем лица, руки, белые одежды поверх белого грунта вновь прописывались белой краской. После этого малиново-красной и черной красками выполняли рисунок контуров и складок одежд. Для лица и кистей рук применялась красная краска более теплого, золотистого оттенка. Завершалась живопись заполнением черных красочных пятен и рисунком декоративных элементов одежд. Границы красочных пятен не совпадают с линиями подготовительного наброска, как правило, расширяя рисунок, — вероятно, исполнители не пользовались картоном росписи в натуральную величину.

К этому следует добавить, что при пробных расчистках некоторых фрагментов живописи из завала у этой стены (живопись последнего периода, нижний орнаментальный пояс) было обнаружено, что под верхним красочным слоем находятся лица персонажей рассматриваемой росписи. При этом некоторые из них были окрашены светло-желтой краской поверх белой, а завершающий рисунок контуров и черт лица выполнялся по желтой краске красной и черной линиями.

Для этого пояса росписей характерно: а) живопись выполнена поверх сплошного белого грунта; б) лица и кисти рук большинства персонажей написаны белой краской, явных следов светотеневого моделирования не обнаружено; в) лица и кисти рук некоторых персонажей окрашены желтой красочной смесью; г) завершающий рисунок лиц и кистей рук выполнялся вначале красной линией, а затем черной, дублирующей красную, в некоторых случаях (кисти рук) этот прием последовательно не выдерживался; д) красно-малиновая или черная краски употреблялись для завершающего линейного рисунка одежд в зависимости от колористических задач; е) белые элементы изображения прописывались вторично белой краской поверх белого же грунта; ж) росписи не имеют следов поновления.

Таким образом, сравнение технико-технологических особенностей верхнего и нижнего поясов росписей обнаруживает существенное различие в подготовке стены под живопись на этих участках. Лёссовый грунт фрагмента верхнего пояса отличается по цвету и способу нанесения от лёссовой подгрунтовки нижнего: он тонкий и гладкий, почти не имеет следов от ворса кисти и цветом сходен с материалом штукатурки.

Золотисто-зеленоватая же подгрунтовка нижнего пояса живописи по составу и способу нанесения полностью соответствует подгрунтовке фрагментов росписей восточной, южной и западной стен. Затем, отсутствие белого грунта в верхнем участке росписи и наличие сплошного слоя красной краски вместо него также наводит

на мысль, что подготовка стены под живопись на этих двух ярусах производилась в разное время, причем верхний пояс готовился раньше. Вероятно, этим и можно объяснить наличие красной подложки на верхнем участке живописи — она сохранилась от предыдущего, первого живописного периода. Как будет показано дальше, остатки живописи этого периода обнаружены на многих фрагментах росписей из завала у этой стены.

Следует отметить также, что грунт и красочные слои нижнего пояса этих росписей переходят не прерываясь на восточную стену помещения и, следовательно, были исполнены в одно время. Остатки же красочных слоев несохранившегося верхнего участка росписей восточной стены вдоль линии угла как бы наслаиваются на фон фрагмента верхнего пояса рассматриваемой росписи.

Фрагменты росписей завала у северной стены

Завал содержал фрагменты, имеющие живопись трех периодов, причем в верхней части завала находились фрагменты, где под живописью последнего периода есть красочные слои двух предыдущих, а в нижней — только фрагменты с живописью второго периода.

Живопись последнего периода

Роспись состояла из двух частей, которые отличаются не только композиционно, но и технологически. Приведем описание основных фрагментов.

Фрагмент 17. Весь нижележащий живописный слой перекрыт сплошным белым грунтом. Поверхность грунта ровная, почти без комков, толщина 0,4—0,5 мм. Рисунок внешнего контура и черт лица сделан вначале красной, а затем черной линиями. Брови, зрачки, глаз и усы красным не помечались. Черный контур овала лица на лбу проведен снаружи от красной линии, но затем к низу пересекает ее и заходит внутрь лица, уточняя рисунок. Зрачки глаз сделаны, вероятно, одним мазком плоской кисти, так что черные пятнышки имеют очертания ромбов, причем их острые углы затем были слегка скруглены белой краской. Нижнее веко черной краской не обводилось. Губы вначале подробно нарисованы красной линией, затем черной была подчеркнута только средняя линия. Ухо внутри не рисовалось, красной и черной линией помечен был только его внешний контур. Пятно волос укрыто черной краской по белому грунту. В процессе консервации при достаточно большом количестве полимерного клея в красочном слое стали заметны исправления в рисунке лица. Глаза вначале были нарисованы

красным контуром ниже, но затем перекрыты белой краской и сдвинуты выше. По правому краю лба из-под белого светится черная полоска, которая, возможно, является частью от первого подготовительного наброска изображения.

Фон справа от головы укрыт толстым ровным слоем черной краски по белому грунту. Кое-где поверх черной видны крохи синей краски, но, вероятно, они попали сюда с нижнего слоя живописи. Белый прямоугольник не имеет на себе никаких следов изображения.

Нижняя белая линия орнаментальной полосы смотрится слегка желтой. Возможно, это предварительная разметка нижней границы орнамента. Заходящие на орнамент ноги лошади вначале как будто были покрыты очень жидкой черной краской, так что цвет их стал серым, затем черной краской сделан контурный рисунок. Красное поле сверху фрагмента по белому грунту заполнено ровным слоем красной краски и по нему белой сделан рисунок цветов.

Фрагмент 12. Изображены два торса в богато орнаментированных одеждах. Левый, вероятно, является продолжением фигуры фрагмента 17. Завершающий рисунок кистей рук здесь выполнен красной и черной линиями. Следов светотеневого моделирования не обнаружено. Внешний контур кисти правой руки только красный, черной краской подчеркнуты лишь отдельные места. Сделано это, вероятно, сознательно, так как черный контур уменьшил бы выразительность рисунка руки на черном же (с белым орнаментом) фоне одежды. Кисть правой руки по внешнему контуру обрисована и красной и черной линиями. Черная линия то перекрывает красную, то идет рядом с ней либо с наружной, либо с внутренней стороны. Пальцы этой руки нарисованы только красной краской. Любопытно отметить прием изображения согнутых пальцев руки, характерный для этой композиции: они сделаны перекрещивающимися линиями — скупой, но в сущности верный рисунок пространственно сложной формы.

На поясах обеих фигур также виден рисунок красной краской (на одеждах его больше нигде нет). Завершающий рисунок сделан черной, внутри колец лежит желтая краска. Отдельные элементы орнамента на одежде правой фигуры прокрыты тускло-желтой красочной смесью.

Фрагмент 19. Нижний слой живописи был вначале перекрыт слоем лёссовой подгрунтовки толщиной 1—5 мм. Затем нанесен сплошной белый грунт. Внешний овал лица обведен только черным контуром. Глаза также не имеют предварительного рисунка красной краской. Зрачки проставлены одним мазком плоской кисти, так что в левом глазе пятнышко получилось в виде ромба, а в правом — в виде неправильной

формы круга. Пятно зрачка отступает от линии верхнего и нижнего века на 1—2 мм. Нос нарисован только красной линией несколькими скупыми движениями кисти, черного контура не было. Рисунок губ сделан вначале красной краской хорошо заученным приемом, быстро и уверенно, черной затем была подчеркнута только средняя линия рта. Округлой краской точечкой помечен низ верхней губы. От левого края нижней губы до начала подбородка идет овальная линия, проведенная красной и затем черной красками.

Нижняя часть лица (кроме подбородка) укрыта тонким слоем очень жидкой черной краски, так что цвет ее стал светло-серым. При консервации фрагмента стало заметно, что по левому краю лица белая краска лежит на черной. Возможно, что положение пятна лица поверх белого грунта было вначале помечено черной краской, затем вновь укрыто белой краской и сделан окончательный рисунок.

Ухо очерчено только черным контуром, внутри него рисунка нет. Серьга нарисована тоже только черной краской. Пятно волос поверх белого грунта сначала было укрыто тонким слоем красной краски, а затем толстым, рыхлым слоем черной.

Подготовительный рисунок контуров одежды, кажется, был сделан очень жидкой черной краской по белому грунту. Затем все пятно одежды, кроме оторочки, было ровно покрыто неяркой золотисто-желтой краской. Завершающий рисунок сделан черной краской. Линии внешнего контура 2,5—3 мм шириной. Линии складок одежды разной ширины, проведены округло. Справа они как бы выходят из-за плеча, огибают его и сходят на нет. Полоса оторочки одежды укрыта вначале плотным слоем черной краски, затем белой сделан на ней рисунок орнамента и после этого края оторочки обведены черным контуром. Чаша поверх белого грунта выкрыта золотисто-желтой краской, затем красными линиями внутри сделан рисунок орнамента и проведены черные контурные линии. Верхний край чаши утрачен и здесь хорошо заметно, что слой белого лежит поверх черного. Вероятно, здесь, как и в лице, после подготовительного рисунка черной краской, чаша вновь укрывалась (или подправлялась) белой краской.

На черном фоне вокруг головы видны крупцы голубой краски, возможно, они также попали туда с нижнего слоя живописи. Рисунок орнамента сначала на белом грунте был сделан черным контуром, затем промежутки между белыми кругами залиты черной краской. Линии кругов проведены очень небрежно и неровно.

Фрагмент 37. Изображена нижняя часть фигуры фрагмента 19. Здесь хорошо заметно, что рисунок правой руки на завершающем эта-

пе был расширен: из-под желтой краски светится серый контур подготовительного наброска. Следует также отметить две особенности в этом изображении. Кисть левой руки по белой краске нарисована только черными линиями. Затем, предмет, который держит рука, написан серовато-зеленой краской. По своей структуре и цвету эта краска очень похожа на глину.

Фрагмент 20. Нижняя живопись перекрыта сначала тонкой лёссовой подгрунтовкой, а затем сплошным белым грунтом. Его толщина примерно 0,3—0,4 мм, поверхность ровная и почти не имеет комочков и отпечатка от ворса кисти.

На мужском лице хорошо видно, что по левому краю его белая краска заходит на черную, расширяя пятно лица, — вероятно, лицо после подготовительного наброска поверх белого грунта прокрывалось еще раз белой краской. Рисунок черт лица сначала сделан красным, а затем черным контурами. Нижние и верхние веки глаз нарисованы и красной и черной линиями, брови — только черными. Зрачки изображены просто мазками плоской кисти на расстоянии 1—2 мм от нижнего и верхнего века. Нос нарисован также двумя красками, верхняя линия крыла носа черного контура не имела.

В рисунке рта черной краской была проведена лишь средняя линия губ. Усы изображены только черной линией. Нижняя часть лица, кроме подбородка, была прокрыта тончайшим лессировочным слоем черной краски, — вероятно изображение бритой поверхности мужского лица. Внутри ушных раковин рисунка не было. Внешний овал лица и шея нарисованы также двумя красками, черная линия идет то с внутренней, то с внешней стороны от красной или закрывает ее полностью. Волосы написаны черной краской поверх белого грунта.

Одежда по грунту вначале была нарисована черным контуром. Затем большие белые пятна орнамента были вновь прокрыты белой же краской, а некоторые элементы — желтой. После этого черной краской были заполнены большие пятна и нарисованы детали декора на белых участках. Мелкие элементы белого орнамента написаны белой краской уже поверх черной.

Изображение женского лица аналогично мужскому, но в рисунке глаз здесь есть существенное отличие: уголок левого глаза заполнен холодно-серой красочной смесью. Внутри ушной раковины как будто есть следы желтой краски.

Две поднятые кверху руки в левой части фрагмента нарисованы только красными линиями. Белая краска по всему периметру их изображения лежит поверх черной, причем черная заходит под белую примерно на 6—8 мм. Возможно, черный фон выкрывался сразу же

после подготовительного наброска черной краской по белому грунту, после этого наносился белый красочный слой и выполнялся линейный рисунок. Белое пятно, оказавшееся за пределами красного контура, затем кое-где перекрывалось черным, но значительные участки белой краски все же остались вне изображения. Продолговатые предметы в пальцах рук написаны желтой краской и обведены также красным контуром. Плохо сохранившееся пятно между рук сначала поверх белого грунта было укрыто желтой краской, а затем проведены расходящиеся книзу черные полосы.

На изображении ног птицы видны линии от первоначального наброска очень жидкой черной краской. Они местами не совпадают с окончательным рисунком, но строят изображение также подробно. Черный контур завершающего рисунка был сделан уже после заполнения фона красной краской. Любопытно, что левая нога поверх белого грунта выкрыта еще и тонким слоем какой-то тусклой зеленовато-охристой красочной смеси. Пигмент примерно такого же цвета обнаружен и на фрагментах 37 и 39. По своей грубозернистой структуре и невыразительному землистому цвету он очень похож на слои лёссовых подгрунтовок в некоторых помещениях северо-восточного комплекса и, скорее всего, является родом местных окрашенных глин.

Белый прямоугольник на черном фоне никакого изображения внутри не имел. Он так же, как и орнаментальная полоса и цветы поверх белого грунта, имеет еще один слой белой краски. Лошадь написана серой краской и обведена черным контуром.

Фрагмент 2. Сильно закопченная и загрязненная красочная поверхность предыдущей живописи была перекрыта сплошным белым грунтом. Примерно посредине фрагмента проходит граница между двумя композициями. Следов какой-либо ограничительной линии не видно, скорее всего, ее и не было.

Подготовительный линейный рисунок левой половины фрагмента (кафтан, голень, трон) был сделан коричневой краской — обрывки линий видны здесь повсеместно. Сохранившаяся часть кафтана вверху окрашена золотисто-оранжевой краской, — вероятно, это его собственный цвет. В других фрагментах обеих композиций подобная краска не встречалась. Слой ее довольно тонкий, но перекрывает белый грунт полностью. Поверх сохранились остатки декора — белые кружочки. Орнаментальная полоса написана черной краской по белому грунту, границы ее очерчены широкой (5—7 мм) черной линией. По самому низу кафтана идет красная оторочка.

По бокам желтой полосы на штанах прове-

дены черные полосы, затем на них круглой кистью (судя по форме мазка) проставлены белые пятнышки. Пятно штанов укрыто серой краской, на ней видны обрывки черных линий. Трон написан желтой краской и обведен широкой черной линией, на ней затем проставлены белые пятнышки. Фоновой участок вокруг трона укрыт розовой краской.

Красное поле правой половины фрагмента имеет неровную границу с розовым фоном, причем между ними остается незаполненный красками участок. Лишь в нижней части розовый фон соприкасается с орнаментальной полосой правой половины фрагмента.

Элементы орнамента в правом верхнем углу фрагмента нарисованы по белому грунту черными линиями. Их желтые участки покрыты не чистым пигментом, а какой-то мутной белесовато-желтой красочной смесью. В некоторых местах заметно, что лепестки цветов поверх белой краски как будто были покрыты еще и очень жидкой черной краской так, что оттенок их стал слегка холодно-серым. Лошадь написана серой краской и обведена черным контуром. Следов подготовительного наброска поверх белого грунта в правой части фрагмента установить не удалось.

Фрагмент 14 также включает в себя фрагменты живописи обеих композиций. От правой — нижняя часть фигуры с поджатými ногами. От левой — персонаж, держащий в руке шарообразный предмет. Граница между обеими композициями не очерчивалась. Красный позем с белыми цветами справа, продолжается до белого плаща персонажа, принадлежащего к левой композиции. Выше розовый фон также обрывается возле плеча этого персонажа, дальше начинается уже красный фон левой композиции. Розовая краска фона блеклая с золотистым оттенком. Вероятно, это какая-то сложная многокомпонентная смесь. Следует отметить, что розовая краска фона вокруг трона (фрагменты 2, 28, 36) резко отличается от этой смеси по цвету — первая намного ярче и чище.

На плаще фигуры слева везде видны коричневые линии подготовительного наброска. Кисть руки также была нарисована вначале коричневой краской. В завершающем рисунке руки была использована только черная краска. Черные линии очень сильно не совпадают с коричневыми (местами расхождение до 6—8 мм), но строят изображение так же. В обоих случаях рисунок поражает артистизмом и анатомической безукоризненностью исполнения. Лицо написано белой краской, завершающий рисунок — только черной.

Фрагмент 28. Во время консервации при достаточно большом количестве полимерного клея в красочном слое на изображении фигур

и на желтом предмете в правом краю фрагмента стал виден подробный линейный рисунок коричнево-краской. Вероятно, после подготовительного наброска поверх сплошного белого грунта и заполнения фона красной краской лица, руки и одежды были покрыты вновь белой краской. Местами она закрывала коричневые линии полностью, местами они были едва видны и лишь кое-где коричневые линии остались незаписанными. Следует отметить, что там, где белая краска перекрывала линии наброска полностью (например, руки), черный контур завершающего рисунка сильно не совпадал с ними, хотя и строил изображение совершенно так же.

На лице левой фигуры поверх белой краски в верхней части лба и по краю щеки видны следы широкой линии (около 8 мм), проведенной, вероятно, очень жидкой коричневой краской. Возможно, это остатки от первой наметки контуров лица уже в верхнем слое. Это тем более похоже на правду, что рисунок черт лица, шеи и рук на этом фрагменте выполнен только черной краской. К особенностям в изображении лиц на этом фрагменте следует отнести также и то, что линии верхних век заходили далеко на виски (в женском лице почти до волос), а линии глазных впадин не рисовались.

Фрагмент 30, 31. В верхней части хорошо заметны коричневые линии подготовительного рисунка. Красочные слои лежат поверх сплошного белого грунта. Вначале, вероятно, была положена желтая краска, затем серая. После этого черной краской сделан завершающий контурный рисунок, заполнены различные пятна и быстрыми мазками мягкой круглой кистью небрежно проставлены белые пятнышки поверх черных. На орнаментальной полосе круги нарисованы коряво и торопливо, черная краска во многих местах неряшливо выходит на красный фон. В то же время контурный рисунок стопы ноги сделан твердо и аккуратно.

Подготовительный рисунок лица на белом грунте выполнен, вероятно, также коричневым контуром, перекрытым затем белой краской. На ней хорошо видны широкие (6—10 мм) золотисто-темные линии нового наброска. Они сделаны, по-видимому, очень жидкой коричневой краской, вернее, слегка подкрашенной ею водой и должны были только примерно наметить контуры и черты лица. Завершающий рисунок выполнен черной линией, красных — не было. Зрачки глаз подведены под верхнее веко, уши внутри не рисовались, линии глазных впадин не помечались.

Рассмотренные фрагменты достаточно полно выявляют технико-технологический облик этой росписи. Обнаружились довольно существенные различия в технике исполнения между правой и левой композициями. Наиболее характерными

особенностями первой являются: а) живопись выполнена на сплошном белом грунте, местами поверх предыдущей живописи была нанесена лёссовая (выравнивающая) подгрунтовка; б) предварительный линейный набросок сделан жидкой черной краской; в) лица и кисти рук написаны белой краской поверх белого же грунта, нигде нет следов объемного моделирования; г) завершающий рисунок лиц и кистей рук выполнен вначале красной линией, а затем черной, дублирующей красную (местами этот прием последовательно не выдерживался); д) в живописи отсутствуют синие пигменты и широко применена серая красочная смесь.

Для левой композиции может быть характерным: а) живопись выполнена на сплошном белом грунте без лёссовой подгрунтовки; б) подготовительный линейный набросок сделан коричневой краской; в) лица и кисти рук написаны белой краской поверх белого же грунта; г) предварительный рисунок лиц на завершающем этапе помечен очень жидкой коричневой краской, широкие линии этого рисунка создают впечатление цвето-тональных модуляций в живописи лиц; д) завершающий рисунок лиц и кистей рук сделан только черной краской; е) в росписи отсутствуют синие пигменты и широко использована серая красочная смесь.

Наиболее приемлемым объяснением разницы в технике исполнения двух частей одной росписи является, на наш взгляд, предположение, что они были написаны разными исполнителями, но примерно в одно время. В самом деле между двумя композициями нигде нет стыковочного шва или наслоения одного красочного слоя на другой. Затем колористический строй, качество и оттенки основных пигментов (красного, черного, белого, серого) заставляют думать о сходной живописной манере (мышлении) и технологических представлениях авторов.

Однако столь последовательно выдерживаемый прием в других росписях этого комплекса, как двойной завершающий рисунок лиц и рук красной и черной красками, в левой композиции отсутствует. Подобный факт можно было бы попытаться объяснить как пример одновременного существования двух различных живописных (и пластических) подходов к изображению лиц (принципиальной разницы в изображении одежд нет). Причем самое интересное, что в левой композиции использована манера изображения, присущая более раннему изобразительному этапу (например, живопись с изображением Шивы и Парваты в центральном храме). Также и коричневый линейный набросок в этой же композиции может свидетельствовать о технико-технологическом подобии этой живописи более ранней (росписи помещения 2, 3 центрального храма, первый период росписей рассматри-

ваемого помещения, росписи Буддийского храма и т. д.).

Тем не менее более справедливым, как нам кажется, является предположение, что отсутствие красного контура в изображении лиц и рук в левой композиции вызвано чисто техническими соображениями: красный контур ослабил бы выразительность завершающего черного рисунка на красном же фоне, как бы растворил его в нем. Поэтому-то, вероятно, и намечено предварительное изображение лиц уже поверх белой краски лессировочным слоем коричневой. Роль ее, по-видимому, только вспомогательная, и она не может быть квалифицирована как полноценный элемент объемного моделирования, хотя и создает впечатление тональных градаций в изображении лиц. Возможно, по этим же техническим соображениям кисти и пальцы рук, изображенные на черном фоне или на фоне черно-белого орнамента одежд в правой части росписей, также почти везде не имеют черного контура или имеют его лишь местами. В отдельных же случаях некоторая непоследовательность в применении двойного завершающего рисунка (только черный контур кисти руки в фрагменте 37), вероятно, вызвана всего лишь забывчивостью или торопливостью исполнителя.

При всей живости и большом мастерстве в исполнении этих росписей следует отметить также некоторую пренебрежительность к тщательности выполнения второстепенных элементов изображения: мазки черной краски беспорядочно заходят с орнамента на красный фон, кружочки орнамента проведены торопливо и угловато, на белых участках много неубранных подтеков красной краски и т. д.

Живопись первого и второго периодов

Утраченные участки верхней живописи обнажили красочную поверхность нижнего слоя. Поскольку площади утрат верхнего слоя незначительны, рассмотрим несколько вариантов состава живописных слоев в разных местах фрагментов.

Фрагмент 17: а) на лёссовом грунте (местами под ним сохранились остатки от ганчевой побелки) лежит плотный слой красной краски, на ней виден слой розовой, на поверхности которой хорошо заметна серая патина;

б) в верхней части фрагмента на лёссовом грунте лежит в одном месте белая, а в другом красная краски, затем поверх красной положена белая, затем яркая сине-голубая поверх белой;

в) по левому краю фрагмента на лёссовом грунте лежит светлая (вероятно, разбеленная) желтая краска.

Фрагмент 19: а) на лёссовом грунте лежит плотный слой красной краски и неяркой розо-

вой поверх нее, на розовой видны обрывки коричневых и черных линий;

б) на лёссовом грунте лежит красная краска, возможно, черная линия поверх нее и затем сверху слой белой краски, на которой лежит голубая;

в) на лёссовом грунте нанесен слой белой краски, на ней видны крупинки черной, затем опять слой белой краски и на нем коричневые пятна правильной формы;

г) поверх лёссового грунта видны обрывки четких коричневых линий, затем лежит слой красной краски и белой поверх нее с ровной гладкой поверхностью, на белой видны черные линии;

д) на лёссовом грунте лежит красная краска, на ней виден слой грязно-коричневой патины, затем розовая краска и белая на розовой;

е) поверх лёссового грунта видна широкая коричневая линия (или пятно), затем лежит слой красной и рядом розовой красок, на красной — остатки тонкого слоя белой краски.

Фрагмент 20. С обратной стороны фрагмента в процессе консервации были сняты штукатурный слой и лёссовый грунт. Открывшаяся живопись позволила составить довольно полное представление о составе красочных слоев.

а) По левому краю фрагмента на очень тонком лёссовом грунте (местами отпечатки самана выходят на красочный слой) видны обрывки коричневого (темно-красного) контура и сплошное пятно зеленой краски. Возможно, участок лёсса под зеленую краску был предварительно покрыт лессировочным слоем черной краски (под зеленой видна темная серая пленка). По краю зеленого пятна проведена широкая синяя полоса (около 15 мм). Следы синей краски различных оттенков (вероятно, ее смеси с черной и белой красками) встречаются также и внутри пятна. Окончательный рисунок был сделан, по-видимому, черной краской — повсюду видны обрывки черных линий. На поверхности зеленой краски есть грязно-серый налет, возможно слой копоти и пыли. Затем все это пятно было перекрыто белым грунтом, и поверх него строго в пределах зеленого пятна нанесен плотный слой ярко-синей краски.

Кое-где здесь было положено и листовое золото, причем оно нанесено либо поверх черной краски, лежащей на зеленой, либо поверх белой, положенной на черную. Следует отметить, что слой ярко-синей краски нигде не перекрывает золото, — следовательно, или оно было положено одновременно с этой синей краской, или его сохранили от предыдущего этапа (или периода).

б) Справа от зеленого пятна поверх лёсса также видны обрывки коричневых (темно-красных) линий и толстый слой нежно-розовой кра-

сочной смеси, на которой сохранились черные линии. Рядом расположены и красные пятна, лежащие также на лёссе. Поверх этих красок лежат лёссовая пленка (очевидно, пыль) и грязно-серая копоть на ней. Затем все было перекрыто белым слоем, но предварительно по лёссовой пленке был сделан, вероятно, рисунок черными и коричневыми линиями (возможно, изображение уже плохо читалось из-за загрязнений). После этого там, где была нежно-розовая краска, вновь нанесли розовую, но более темную. Здесь также встречается листовое золото поверх белой краски.

в) Посредине фрагмента на лёссовом грунте лежит большое пятно красной краски. Внутри него вначале коричневыми линиями, а затем белой краской поверх лёссового грунта изображено что-то похожее на ткань. На ее поверхности несколькими оттенками синей краски (серовато-синей, ярко-голубой) сделан рисунок, возможно, складок ткани. На этом красочном слое также видна пленка лёссовой пыли, а на ней белая краска, на которой лежит слой яркой сине-голубой.

Поверх красной краски также местами прослеживаются лёссовая пыль и копоть, которые затем были перекрыты рыхлым слоем белой краски с грязно-серой патиной на поверхности.

г) В правой верхней части фрагмента в процессе укрепления лицевой стороны живописи стали заметны следы от изображения маленькой фигуры человека. Верхние красочные слои здесь утрачены, и все изображение читается, вероятно, только в подготовительном наброске.

Рисунок левого глаза на лёссовом грунте сделан черной краской. Под черным пятнышком зрачка и линиями век как будто есть красная краска. На нижнем веке видна чешуйка белой с красной линией поверх. Изображение правого глаза сохранилось в верхнем слое. На поверхности белой краски сделан рисунок красным контуром, затем зрачок и верхнее веко обведены черной краской. В области рта также видны обрывки красных и черных линий на белой краске. Внутри пятна лица — слой белого, тонкий и ровный. Ниже левого глаза на белом заметен золотисто-розовый участок, ограниченный слева тонкой красной линией, — возможно, ею было помечено боковое основание носа. Под слоем белой местами видна розовая краска с грязно-серой поверхностью. Черное пятно волос написано как будто на красной подложке, лежащей на лёссовом грунте.

Рисунок одежды прослеживается только в черных контурных линиях на лёссовом грунте. Изображение очень подробное, линии шириной 2—4 мм проведены аккуратно. Оторочка кафтана вокруг шеи заполнена красной краской, кайма обшлага рукава тоже. По обе сторо-

ны от фигуры на лёссовом грунте лежит красная краска, а поверх нее розовая.

Фрагмент 28: а) лёссовый грунт, большое черное пятно;

б) коричневый (темно-красный) контур на лёссовом грунте, затем большое красное пятно с грязной патиной поверх;

в) лёссовый грунт, черная краска, белый слой, синяя краска;

г) лёссовый грунт, белая и поверх нее желтая краски;

д) по правому краю фрагмента на лёссовом грунте нарисованы черным контуром треугольники, в центре — белый квадрат, ниже — часть какого-то изображения черными линиями; выше — желтая полоса и на ней косая штриховка белесоватой красочной смесью; слева этот участок ограничен черной линией и за ней — красное пятно. Этот участок утратил все верхние живописные слои, кроме первоначального наброска.

Фрагмент 37. При зачистке тыльной стороны обнаружено, что по правому нижнему краю фрагмента лежит пятно черной краски с белыми цветочками. Выше и левее на лёссовом грунте нанесена красная краска (с золотисто-оранжевым оттенком) и розовая поверх нее. Оба эти пятна сверху вниз пересекает полоса, которая имеет следующие красочные слои: поверх лёссового грунта красная, затем черная, белая и синяя краски. Синяя полоса была очерчена черным контуром. Поверх розовой краски также видны черные линии. В одном месте на поверхности белой заметны коричневые линии.

При изучении красочных слоев нижней живописи этого фрагмента под бинокулярным микроскопом было обнаружено, что под разовой краской на поверхности красной есть отчетливый грязно-серый слой, — очевидно, поверхность красной краски долгое время была незаписанной и покрылась пылью и копотью. Кроме того, в тех фрагментах, где обнаружена зеленая краска, на ее поверхности в местах свежих расслоений также видна грязно-коричневая патина, — следовательно, и зеленая краска, возможно, долгое время была открытой. В свою очередь и розовая краска, лежащая на красной, имеет поверхность, покрытую пылью и копотью.

Следует отметить, что листовое золото на разных фрагментах встречается либо на зеленом пятне, либо рядом с ним, а на фрагменте 20 его видимые участки образуют на зеленом и розовых пятнах четкие геометрические формы, т. е. золотом, вероятно, были покрыты элементы декоративного убранства центрального места росписей. На одном из фрагментов было обнаружено, что позолоченный участок под белым грунтом имел еще один слой золота, причем

была заметна разница в их толщине — верхний был тоньше. Однако не все золоченые участки имеют два слоя. Другие красочные слои также кое-где имеют лишь один слой.

Таким образом, рассматривая красочные слои нижней живописи, можно заметить, что их состав достаточно сложен и противоречив. Наиболее правдоподобным нам кажется предположить, что нижняя живопись имеет два периода своего существования, причем в последний росписи подновили в основном в границах прежней композиции. Для живописи первого периода характерно: а) тонкий лёссовый грунт имеет гладкую поверхность, отпечатки самана кое-где выходят на красочный слой; б) подготовительный линейный набросок поверх лёссового грунта сделан местами черной, а местами коричневой (темно-красной) красками; в) большинство красок положено непосредственно на лёссовый грунт; г) для живописи центрального места композиции использованы зеленая и синяя краски и листовое золото; д) фон росписей, вероятно, был красный; е) для завершающего рисунка использованы черная, красная и коричневая краски; ж) в некоторых местах живопись, возможно, имела цветовые модуляции, з) поверхность росписей была покрыта пылью и копотью. Вопрос о том, какая краска (розовая или белая) была использована для живописи лиц и рук, остается неясным.

Характерным для живописи второго периода может быть следующее: а) поверх предыдущего красочного слоя при подготовительном линейном наброске черной краской некоторые элементы композиции были уточнены, а некоторые добавлены; б) для живописи центрального места росписей использованы яркая сине-голубая краска и листовое золото, положенные на белый грунт; в) лица и руки написаны белой краской, местами, возможно, были оттенения, сделанные золотисто-розовой смесью; г) завершающий рисунок лиц и рук сделан красной краской, а затем черной, дублирующей красную; д) фоновая часть росписей была написана розовой красочной смесью; е) на поверхности красочного слоя много копоти.

Фрагменты нижнего слоя завала (второй период)

Фрагмент 44. Поверх лёссово-саманного штукатурного слоя лежит лёссовая подгрунтовка. Материал ее по цвету отличается от штукатурки, он слегка зеленее его, содержит много песка. На поверхности видны выразительные борозды от вorsa кисти.

Живопись выполнена поверх тонкого белого грунта. На красочном слое — следы от потоков воды и глины. Поверхность белой краски на лице

слева довольно грубая, много комочков, — видимо, писали густой и вязкой краской. Красный контурный рисунок очень подробный. Черный дублировал красный, но не везде: вертикальная линия носа проведена только красной. Брови проведены так, что по краям черной линии с обеих сторон осталась видна красная. Черная линия нижнего века тоньше линии верхнего и проведена выше красной. Зрачок — сплошное черное пятно поверх красного, отходит от нижнего века примерно на 1,5 мм и как бы заходит под верхнее. Синее пятнышко на лбу сделано, вероятно, одним мазком кисти. Черная линия овала лица или закрывает красную, или оставляет ее внутри овала. Поверхность белой краски имеет грязно-серый налет, вероятно, от пыли и копоти. Следов светотеневого моделирования не обнаружено. Копоть в зависимости от фактуры поверхности по-разному въелась в краску и создает впечатление различных градаций серого.

Волосы написаны черной краской поверх красной подложки. Рисунок головного убора сначала по белому грунту сделан красной краской, затем серой прокрыта нижняя полоса, а желтой — остальная часть убора. После этого черной краской сделан рисунок, залиты сплошные пятна, а белой проставлены кружочки на серой полосе, причем белая краска была взята очень вязкой и густой — кружочки представляют собой конусовидные бугорки высотой в центре 1,5—2,5 мм.

Белая краска правого лица на границе с фоном лежит выше, перекрывая его, — вероятно, по белому грунту после подготовительного рисунка и заполнения фона пятно лица вновь прокрывалось плотным слоем белой краски. Ее поверхность также местами очень комковата. Красные линии верхнего рисунка изображают все очень подробно — нарисовано все, кроме голубой спирали на щеке. Верхнее веко, бровь, надглазная линия проведены несколько раз. На концах, утоньшаясь и сходя на нет, они расходились. Черная линия бровей также, утоньшаясь на конце, делится на четыре тонких. Вероятно, работали очень тонкими круглыми кисточками.

Уголки и низ белка глаза описаны синей краской. Черная линия нижнего века проведена выше красной. Радужная оболочка сначала была намечена сплошным красным пятном, затем черной краской нарисован зрачок глаза и обведено все пятно радужно-й оболочки так, что между ними остался красный промежуток. Черная линия профиля лица проведена во внутреннюю сторону от красной. Ушная раковина внутри рисовалась только красной краской. Волосы написаны черной краской по фону без предварительного рисунка. Серьга

нарисована очень тонкими красными и черными линиями, белые кружочки затем внутри еще раз выкрыли вязкой белой краской.

Фон вокруг головы (нимб) написан холодной розовой красочной смесью и затем оконтурил черной линией. Розовая краска не везде одинакового оттенка — слева она слегка золотистее. Вверху за контурной линией лежит слой желтой краски.

Фрагмент 48. Лёссовая подгрунтовка имеет золотисто-зеленый оттенок, на ней виден отчетливый отпечаток от ворса кисти. Подготовительный набросок поверх сплошного белого грунта сделан красной краской. Здесь очень хорошо видно, что белые пятна затем вновь укрывались поверх грунта белой краской. Слой ее очень толстый (до 1,2 мм), поверхность с большим количеством комков.

Рисунок синих цветов сделан, вероятно, сначала тонкой кисточкой, затем сплошные пятна залиты голубой краской. Волнистые линии поверх красно-коричневой красочной смеси сделаны черной краской. На белом поле под синими цветочками много красных линий (возможно, складки ткани). Завершающий контурный рисунок выполнен черной краской. Следует отметить большую тщательность и аккуратность в исполнении всех элементов изображения.

Для этих росписей характерно: а) живопись выполнена поверх сплошного белого грунта примерно в три этапа: линейный набросок, заполнение красочных пятен, завершающий рисунок; б) поверхность плотного слоя белой краски имеет грубую комковатую структуру с отпечатком ворса кисти; в) лицо, шея и руки написаны белой краской, следов светотеневого моделирования не обнаружено; г) завершающий рисунок лица, шеи и рук выполнен сначала красной линией, а затем черной, дублирующей красную; д) белые элементы изображения прописывались вторично белой краской поверх белого же грунта; е) росписи не имеют следов подновления.

Фрагменты росписей завала у восточной стены

Фрагмент 62 обнаружен лежащим левой стороной вниз на суфе. Затем был перекрыт закладкой восточной стены. Красочная поверхность сильно загрязнена, на ней видны следы от потоков воды и лёсса.

Золотисто-зеленоватая лёссовая подгрунтовка имеет выразительные следы от ворса кисти. Первоначальный набросок поверх сплошного белого грунта сделан красной краской. На рогах барана видно, что линии наброска строит изображение очень подробно. Прорисовано все, даже границы последующей белой

отбивки по краям рогов. После заполнения фона золотисто-розовой красочной смесью рога, морда и тело барана были ровно укрыты желтой краской. Затем белой краской примерно в границах красного наброска проведены полоски по верхним краям рогов шириной 10—15 мм и по нижним — 3—6 мм, причем нижние полоски сдвинуты от краев внутрь. Белые поперечные линии нарисованы так, что те из них, которые помечают выступы рогов, вверху сильно скруглены, а те, которые отмечают впадины, более выпрямлены. Внешний контур рогов вверху обведен волнистой черной линией, внизу черного контура не было, на границе с розовым фоном видна только красная линия.

Правое ухо барана поверх желтой краски также вначале нарисовано белыми линиями, затем черными мазками по левому контуру изображена шерсть животного. Левое ухо нарисовано только черной краской. Поверхнему контуру морды барана также лежит полоска белой краски, которая была положена на желтую, и затем оконтурилена снаружи черной. Глаз нарисован только черным контуром. Зрачок — сплошное черное пятно, белок — пятно незакрашенного белого грунта. Поверх черных полосок на морде барана очень густой белой краской проставлены круглые пятнышки.

Границы синего прямоугольника сильно не совпадают с красными линиями наброска. На поверхности синей краски кое-где видны чешуйки белой, вероятно остатки декора. Справа между черным контуром шеи барана и желтой краской видна полоска белой. В нижней части морды барана сохранились следы коричневых линий.

Белая краска одежды на сохранившейся части фигуры человека имеет комковатую поверхность со следами от ворса кисти. Пояс, вертикальная и горизонтальная кайма были вначале помечены красными линиями, затем окончательно обведены черными. Орнаментальные полоски (с кружочками) рядом с синей каймой прокрыты желтой краской, в середине одежды, вероятно, только белые. Пояс вначале написан желтой краской, затем проведены горизонтальные и вертикальные черные линии, а в образовавшихся квадратиках проставлены черные точки. На желтых штанах черные пятнышки написаны просто мазками кисти.

Кисть руки этой фигуры написана белой краской поверх белого грунта — по направлению движения мазков видно, что пятно выкрывалось в пределах контуров руки. Рисунок сделан вначале красной, а затем черной линиями. На белой краске местами заметны пятна желтой. Ногти пальцев обведены и красной и черной линиями. Сохранившееся изображение кисти руки в левом краю фрагмента имеет только крас-

ный контурный рисунок, черных линий, возможно, и не было.

Фрагмент 63 был найден лежащим внизу лицом на суфе рядом с фрагментом 62. Лёссовая подгрунтовка, белый грунт и золотисто-розовый фон аналогичны этому фрагменту. Здесь хорошо заметно, что оттенок красной краски подготовительного наброска по белому грунту другой (более малиновый), чем у красных линий, предваряющих завершающий рисунок. Черная линия овала левого лица аккуратно оставляет красную с внутренней стороны. Прядь волос обведена со всех сторон красной линией. Пятно лица и шеи покрыто белой краской и красных линий было затем перекрыто лессировочным слоем тускло-желтой краски, так что из-под нее, вероятно, был виден красный рисунок. По верхней линии лба и вдоль пряди волос идет какая-то белесоватая полоса. Она, кажется, была проведена уже поверх желтой краски и затем, возможно, вновь укрыта ею (пленка лёссовой грязи искажает оригинальную живопись, и полоса выявляется только за счет фактурной разницы). Надглазная линия по желтому слою была также проведена белой краской (впрочем, сейчас она смотрится скорее белесовато-розовой).

Вертикальная линия носа обозначена только красной краской. В рисунке рта черной краской подчеркнута лишь средняя линия губ. Рука левой фигуры видна только в рисунке красной краской, верхний слой желтой местами утрачен. На одежде заметны участки с золотисто-розовой краской, на которых есть чешуйки белой с синей поверх, и участки, где поверх белой краски была частично или полностью положена желтая.

Правое лицо по белой краске было также укрыто лессировочным слоем желтой. Черные волосы лежат на белом грунте и по всему контуру обведены красной краской. Рука этой фигуры написана белой краской целиком поверх фона. Рисунок ее виден только в красных линиях, следов желтой краски и черных линий не заметно.

Росписи, вероятно, выполнялись в следующем порядке. На белом грунте малиново-красной краской сделан линейный набросок, затем золотисто-розовой укрыта фоновая часть. После этого белой, желтой, розовой и синей красками заполнялись различные элементы изображения, красной краской рисовались лица и

руки. Завершалась живопись черным контурным рисунком.

Изобразительные и технологические особенности этих росписей полностью совпадают с признаками живописи южной, западной и северной (фрагмент в восточном углу) стен этого помещения. Наиболее интересной особенностью, на наш взгляд, является наличие выбелений по краям формы в изображении барана, которые могут рассматриваться, вероятно, как элемент объемного моделирования.

Таким образом, росписи рассматриваемого помещения имеют, по-видимому, три периода. К первому мы должны отнести самый нижний красочный слой живописи фрагментов завала у северной стены. В этот период, вероятно, была расписана только северная стена помещения. По ряду признаков (широкое применение зеленой краски и листового золота) эта живопись выделяется среди росписей Дильберджина, но по остальным (отсутствие белого грунта, красный фон и т. д.) она хорошо согласуется с живописью помещения 2 центрального храма, раскопов 6 и 8 и должна, скорее всего, хронологически более или менее соответствовать им.

Затем, во второй период, эти росписи были подновлены, на некоторых участках этой же стены добавлены новые изображения, а на восточной, южной и западной стенах выполнены вновь. Есть достаточно много изобразительных и технологических (например, золотисто-зеленоватая лёссовая подгрунтовка) признаков, которые объединяют различные фрагменты живописи этого периода.

Росписи последнего периода были исполнены, когда предыдущая живопись уже или обветшала, или обвалилась со стен. В завале у северной стены все фрагменты этого периода имеют ранние слои живописи, причем некоторые из них, вероятно располагавшиеся в нижней части композиции, имеют только живопись второго периода (без всяких следов подновлений). Композиционная схема последних росписей была полностью изменена, загрязненная и закопченная красочная поверхность предыдущей живописи перекрыта лёссовой подгрунтовкой (в правой части) и сплошным белым грунтом. Колористические и технико-технологические особенности этих росписей достаточно выразительны, чтобы выделить их в особую, вероятно самую позднюю на Дильберджине, группу стеной живописи.

RÉSUMÉ

«TECHNIQUE DE LA PEINTURE»

par V. P. Boury

Peintures provenant du local N 16

1. Peintures des murs méridional et occidental.

Il est plausible que les peintures aient été exécutées par étapes suivantes. Sur un parement de torchis et de loess comportant les restes de blanchiment (probablement ce parement fut enlevé là où l'on se proposait à mettre de la peinture) on faisait d'abord une préparation de loess, ensuite celle de stuc blanc. Sur cette préparation on jetait une esquisse de tous les éléments de la représentation, faite par traits de couleur rouge cramoisie par prédominance ou parfois noire. Ensuite tout le fond du tableau fut coloré avec la peinture rose à nuances dorées. Après on étalait les couleurs diverses (y compris celle blanche) sur les parcelles appropriées du panneau en vue d'y créer les taches coloristiques, on représentait aussi les éléments de décor des vêtements. On dessinait de nouveau en détails les visages et les mains des personnages par traits, avec la couleur rouge. En conclusion on contournaient de noir les détails de la peinture. Ces peintures avaient les particularités suivantes: a) la peinture semble avoir été exécutée, sur une préparation blanche, par trois étapes; une esquisse faite par traits, la création des taches coloristiques, le dessin définitif; b) la surface d'une couche épaisse de la couleur blanche a une structure grossière, avec des grains de couleur. On y voit les traces de coups de pinceau; c) le visage, le cou et les mains sont dessinés avec la couleur blanche, leurs parties marginales avaient probablement des rehauts faits avec une couleur rose dorée très claire; d) le dessin définitif du visage, du cou et des mains fut d'abord fait par traits rouges, ensuite par ceux noirs qui doubleraient les premiers; e) pour faire ressortir les éléments blancs de la peinture on les avait redoublés de la couleur blanche sur une préparation aussi blanche; f) les peintures ne comportent pas de traces de rénovation.

2. Le fragment de la peinture trouvé dans le coin oriental du mur septentrional. Sur le fragment on distingue les restes des deux niveaux inférieurs des panneaux décorant ce mur. Il est à noter que ces deux niveaux sont divisés par une bande de préparation blanche ne comportant aucunes traces de couleurs ni dessins. Les couches picturales du niveau supérieur sont étalées sur une mince préparation de loess. La teinte de la préparation est à peu près semblable à celle du loess utilisé pour l'enduit. La surface de la préparation est lisse et unie, on n'y observe pas de traces des coups de pinceau.

Il se peut que la peinture ait été exécutée par étapes suivantes. D'abord sur une préparation de loess, au-dessus d'une couche continue de couleur rouge on faisait un dessin préparatoire en noir. Ensuite tout le fond du tableau fut revêtu de peinture rose. Après on réalisait des taches étendues blanches, jaunes etc. On dessinait le drapé des vêtements et leurs contours extérieurs, les ornements, on faisait un dessin préparatoire du visage et des mains. Enfin on commençait à peindre en couleurs diverses mélangées le visage, les mains et le cou. On exécutait le premier dessin détaillé des contours extérieurs et des traits du visage, des mains et du cou avec la couleur rouge. Le dessin fut achevé par les lignes de contour noirs.

Cette partie du fragment se caractérise par les traits suivants: a) on peignait le panneau sur une couche continue de couleur rouge étalée sur une préparation de loess. Le procédé comprenait trois étapes: d'abord on jetait une esquisse composée de traits, ensuite on peignait des taches coloristiques et enfin on créait le dessin final;

b) le visage, le cou et les mains furent représentés sur une préparation blanche avec la couleur également blanche étalée en une couche épaisse; à ce qu'il paraît, les parties marginales des images avaient des rehauts roses très clairs à reflets dorés; b) le dessin définitif du visage, du cou et des mains fut d'abord exécuté par ligne rouge, ensuite par celle noire qui doublait la première; c) le fragment de la peinture ne comporte pas de traces de rénovations.

Différemment de la peinture du niveau supérieur celle du niveau inférieur fut posée sur une préparation de loess d'un ton vert doré où l'on distinguait les stries très expressives dues à des coups de pinceau et sur une autre préparation continue blanche posée sur la première.

L'esquisse initiale jetée sur la préparation fut composée de traits de couleur rouge cramoisie. Ensuite on étalait, semble-t-il, du mélange de couleurs rose et dorée sur le fond du tableau et on peignait tous ses éléments en couleurs variées. Les visages, les cous et les mains des figures se tenant à l'extrême droite de la fresque furent peints en blanc. Là où cette couche picturale en bon état de conservation on voit que sa surface est assez lisse, avec les mottes de peintures peu nombreuses, mais sensiblement couverte de suie. Le rouge du dessin du visage se diffère de celui de l'esquisse préparatoire notamment la nuance vermeille de ce premier est plus prononcée. La ligne verticale du nez n'est faite qu'avec la couleur rouge, dans le dessin de la bouche on soulignait du noir seulement la ligne médiane des lèvres. La partie supérieure du menton fut esquissée par traits rouges et noirs. Les sourcils, les paupières supérieures et inférieures des yeux furent également dessinés en deux couleurs ci-dites, les prunelles des yeux n'étaient autres que de menues taches noires mises sur celles rouges. L'intérieur de l'auricule fut peint exclusivement en rouge. Les cheveux furent représentés sur une préparation blanche. L'oval du visage fut contourné du rouge et du noir à peu près jusqu'à la mèche de cheveux près de la tempe. Dans les parties supérieures du front et du cou se dégagent les portions sous lesquelles il y a une couche de couleur blanche, qui fut semblant d'être un peu plus dorées et produisent l'impression des tons plus chauds.

On voit que dans la partie médiane du niveau inférieur du panneau en peignant les mains chez certaines figures l'artiste les revêtit de la couleur rouge mise au-dessus de celle blanche. Quand on a procédé à enlever, à titre d'essai, les couches de couleurs supérieures des fragments retrouvés dans les décombres près de ce mur (il s'agit de la peinture du niveau inférieur d'ornementation rattachable à la troisième période) on a constaté qu'au-dessus de ces couches sont figurés les visages des personnages de l'oeuvre picturale étudiée. Il est à noter que certaines de ces faces furent aussi colorées du jaune mis sur la peinture blanche. Le dessin terminal fut composé des lignes rouges et noires qu'on traçait sur un fond jaune.

Les contours et le drapé des vêtements des personnages se tenant à l'extrême droite du tableau sont peints en rouge cramoisie. Là les contours noirs font défaut tandis que le vêtement rose foncé de la figure voisine est contourné du noir avec netteté. Il est à noter que quant aux vêtements des personnages faisant partie de ce registre de figures ce ne sont que ceux dont la couleur est proche aux teintes du fond du tableau qui sont entièrement contournés du noir. Les revers bleus et roses de leurs cafetans blancs et leurs bordures ne sont également contournés que de la couleur rouge. La manière ?

représenter et la technologie de la peinture de cette rangée de figures revêtent le plus d'affinité avec celles des murs méridional et occidental du local qui auraient pu appartenir à l'oeuvre des autres artistes.

On remarque qu'il n'y a pas d'interruption entre la préparation et les couches de couleurs du niveau inférieur de la peinture appartenant au mur septentrional et celles décorant le mur oriental du local N 16. Donc ces peintures sont synchrones. Quant aux restes des couches de couleurs du niveau supérieur (qui n'est pas conservé) de la peinture du mur oriental ils semblent se superposer, le long de la ligne de l'angle du local, sur le fond du fragment appartenant au mur septentrional.

3. *Les fragments des peintures provenant des amas de décombres* près du mur septentrional.

Dans cet amoncellement sont dégagés les fragments de la peinture attribuables aux trois périodes chronologiques. En haut se trouvent ceux où au-dessous de la peinture de la période récente sont signalées les couches picturales des deux périodes antérieures, en bas du tas de ruines il n'y a que les fragments de la peinture rattachable à la deuxième période.

a) *La peinture de la période récente.* Le panneau se composait des deux parties qui se différaient l'une de l'autre non seulement du point de vue de la composition mais aussi technologiquement. Il est à noter que ces parties n'étaient pas séparées. A ce qu'il paraît, attribuables à peu près à la même époque elles n'appartenaient néanmoins à un seul artiste.

Il se peut que la peinture fut réalisée par étapes suivantes. Ses couches inférieures furent revêtues, par endroits, par une préparation de loess et ensuite par une autre préparation blanche continue. Après on jetait une esquisse initiale de la représentation composée de traits bruns dans la partie gauche du tableau et de traits noirs dans celle droite. Sur le fond on déployait les couleurs rouge, rose et noire. Ensuite on peignait les visages, bras, vêtements, fleurs etc en blanc qu'on posait sur une préparation aussi blanche. Quant aux autres éléments de la composition (autel, vêtements, ornements, chevaux etc) ils furent recouverts des peintures jaune et grise. Là les limites des taches coloristiques ne coïncidaient pas fréquemment à celles de l'esquisse initiale. Généralement les premières dépassaient les secondes. Après, dans la partie gauche de la composition on esquissait, avec une couleur brune très diluée, des visages, dans celle droite les visages et les mains furent dessinés du rouge en détail. Pour achever la peinture on contournaît du noir et on colorait du jaune, du noir et du blanc le décor des vêtements et d'autres menus éléments de sa composition.

Au total à ces peintures sont propres les particularités suivantes: a) la peinture fut réalisée sur une préparation blanche continue à peu près en trois étapes: on jeta une esquisse faite de traits, on étala les couleurs en vue de créer des taches coloristiques et enfin on fit un dessin définitif; b) dans la partie gauche du panneau l'esquisse initiale fut composée de traits bruns, dans celle droite de lignes noires; c) le visage, la cou et les mains furent peints en blanc sur une préparation aussi blanche. On ne recourut nul part au clair-obscur pour rendre le volume des formes; d) le dessin définitif des visages et des mains représentés sur un fond noir fut d'abord exécuté de traits rouges doublés ensuite de ceux noirs; par endroits ce mode opératoire n'était pas effectué strictement; e) le dessin définitif des visages et des mains figurant sur un fond rouge ne fut fait que de la couleur noire; f) dans ces peintures les pigments bleus font défaut, mais un mélange des teintes grises est utilisé fréquemment.

On est d'avis que l'absence d'un contour rouge autour des visages et des mains dans la partie gauche de la composition est probablement due à des raisons pure-

ment techniques; le contour rouge aurait pu diminuer la valeur expressive d'un dessin définitif noir sur un fond rouge, qui y aurait paru comme dissous. Ce fut justement pour éviter cet indésirable effet, semble-t-il, qu'on esquissa les représentations préparatoires des visages en couleur brune translucide. Mais le rôle de cette dernière est, paraît-il, auxiliaire et on ne peut pas qualifier son emploi comme élément du modelage de volumes quoique cela donne l'impression des variations des tons dans la représentation des visages. Il se peut aussi que pour ces raisons techniques les doigts des mains figurés sur un fond noir ou sur le fond d'un ornement blanc-noir des vêtements dans la partie droite de la composition n'étaient pas contournés du noir ou bien ne l'étaient que de place en place.

Ces peintures dont les personnages en mouvements vifs sont représentés avec une haute maîtrise se caractérisent néanmoins par une certaine négligence des éléments secondaires. La couleur noire des ornements débordent souvent sur le fond rouge, les cercles d'ornement dessinés avec hâte sont plutôt de tracé angulaire, sur les portions des panneaux revêtues de couleur blanche on voit de nombreuses traînées rouges laissées comme ça et ainsi de suite. b) *Les couches inférieures de la peinture, revêtues des couleurs et provenant des décombres.*

La composition de ces couches est complexe et contradictoire. A notre avis, il serait le plus vraisemblable de supposer qu'il y ait eu deux états de subsistance de la peinture inférieure. L'état récent est marqué par une rénovation du panneau quand les limites de l'ancienne composition n'étaient pas généralement dépassées.

Au premier état de la peinture, sont propres les particularités suivantes: a) la préparation de loess peu épaisse a nue surface lisse. Le torchis sous-jacent ne se fait paraître sur la surface couverte des couleurs que par endroits; b) une esquisse préalable jetée sur une préparation de loess est composée de traits noirs parfois bruns (rouges foncés); c) par prédominance les peintures sont étendues immédiatement sur une préparation de loess; d) pour la peinture au centre de la composition sont utilisées les couleurs vertes et bleues et de l'or battu; e) le fond du panneau était, semble-t-il, rouge; f) pour le dessin final furent employées les couleurs noires, rouges et brunes; g) par endroits la peinture semble avoir comporté les modulations des teintes; h) la surface des panneaux est couverte de poussières et de saies. Il ne nous a pas été possible de mettre en évidence en quelle couleur (rose ou blanche) furent peints les visages et les mains des personnages du tableau.

En voici les particularités de la peinture du second état: en jetant une esquisse préalable composée de traits noirs sur l'ancienne couche de couleurs on rectifia certains éléments de la composition et on en ajouta quelques-uns récents; b) pour la partie centrale de la peinture on employa une couleur bleue — bleue ciel vive et de l'or battu qu'on étalait sur une préparation blanche; c) les visages et les mains des personnages furent colorés du blanc, et probablement nuancés par endroits d'un rose doré; d) définitivement les visages et les mains furent dessinés des traits rouges et après des lignes noires qui doubleraient les premiers; e) le fond de la peinture fut revêtu d'un mélange de teintes roses; f) la surface de la couche de couleurs est abondamment couverte de saie. c) *Les fragments de la peinture retrouvés dans la partie basse d'un tas de décombres près du mur septentrional.*

Ces panneaux sont marqués par les traits ci-mentionnés: a) la peinture semble avoir été exécutée sur une préparation blanche continue en trois étapes: d'abord on jetait une esquisse composée de traits, ensuite on peignait des «taches coloristiques», enfin le dessin définitif fut créé. La surface de la couche épaisse de peinture blanche a une structure grossière comportant des mottes de substance colorante, là les traces de coups de pinceau

se révèlent; c) les visages, les cous et les mains sont peints en blanc. L'usage du clair-obscur n'est point signalé; d) définitivement les visages, les cous et les mains furent d'abord tracés des lignes rouges ensuite noires doublant ces premières; e) les éléments blancs de la composition furent peints en couleur blanche étalée sur une préparation également blanche; f) à ce qu'il paraît, les peintures ne furent point rénovées. Il est à noter que tous les éléments des images furent représentés méticuleusement, avec beaucoup de soins.

4. *Les fragments de peintures décelés dans les décombres, près du mur oriental.* On suppose que ces œuvres picturales fussent créées par étapes succédant l'un à l'autre. Sur une préparation blanche on jeta une esquisse composée de lignes de couleur rouge cramoisie. Ensuite le fond du tableau fut revêtu d'un rose doré. Après on peignit, en couleurs blanche, jaune, rose et bleue, divers éléments du panneau. Pour représenter les visages et les mains des personnages on employait le rouge. En achevant la peinture on contourna ses éléments du noir.

Les propriétés représentatives et technologiques de ces peintures sont tout à fait semblables à celles des panneaux décorant les murs méridional, occidental et septentrional (voir les fragments provenant du coin oriental) du local N 16. A notre avis, son trait particulier le plus intéressant réside en ce que les parties marginales de la représentation du mouton sont bordées de blanc. Ce qui pourrait être considéré comme une tentative de rendre la volume des formes peintes.

Donc, dans la subsistance des peintures du local on peut, semble-t-il, distinguer trois périodes. A la première se rapporte la couche inférieure du panneau dont les fragments sont retrouvés dans les décombres s'entassant près du mur septentrional. Il paraît qu'à cette époque ce ne fût que le mur septentrional du local qui

fût décoré de la peinture. Certains traits particuliers, notamment un large emploi de la couleur verte et de l'or battu font distinguer cette peinture parmi toutes celles découvertes sur Delbarjin. Selon d'autres particularités (l'absence de la préparation blanche, le fond rouge etc) elle revêt des analogies étroites avec la peinture provenant du local N 2 du temple central, des chantiers de fouilles nos 6 et 8 et pourrait y être plus au moins rattachable du point de vue chronologique.

Ensuite la seconde période était venue et ces peintures furent rénovées. Sur ce mur, par ci par là l'ancienne représentation fut complétée par des images récentes. Quant aux murs oriental, méridional et occidental là la peinture fut exécutée de nouveau. Il y a plusieurs particularités représentatives et technologiques qui donnent lieu à réunir divers fragments de la peinture de cette période en un seul groupe «stylistique».

Les peintures de la dernière période furent créées quand celles de la période antérieure étaient devenues caduques ou tombées des murs. Tous les fragments attribuables à cette période qu'on a mis au jour dans les décombres près du mur septentrional comportent les couches anciennes de la peinture. Certains d'eux qui semblent avoir été disposés dans la partie basse de la composition picturale ne comportent que la peinture de la deuxième période. Le schéma de composition des peintures récentes fut entièrement modifié. La surface des panneaux antérieurs couverte de salissures et de suie reçut d'abord une préparation de loess, ensuite une autre préparation continue, de couleur blanche.

Les particularités coloristiques et technico-technologiques de ces tableaux sont suffisamment caractéristiques pour qu'on les réunisse en un groupe de peintures murales, qui semble être le plus récent de celles retrouvées sur Delbarjin.

З. М. Желнинская, Т. И. Берлин, Л. Г. Дружинина,
В. П. Бурый

АНАЛИЗЫ КРАСОК НАСТЕННЫХ РОСПИСЕЙ ДИЛЬБЕРДЖИНА

В 1975 г. во Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей было начато химико-аналитическое изучение материалов настенных росписей Дильберджина. Испытанию были подвергнуты образцы живописи, отобранные во время полевых реставрационных работ 1972—1975 гг. Приводятся данные по пигментам и грунтам, полученные на первом этапе исследования. При этом мы руководствовались следующим принципом — заключение о применяемых материалах можно делать лишь на основании массового анализа, а не единичных результатов. Поэтому в ходе работы отбиралось и анализировалось максимальное количество проб для каждого цвета. Ниже приводятся методы и результаты этих исследований. Из-за плохой сохранности живописи и многочисленных утрат больших и малых фрагментов приведенные ниже результаты анализа пигментов не могут гарантировать полноты раскрытия живописной палитры. Однако и они вносят некоторый вклад в изучение техники этой живописи.

Методы и результаты исследования

Качественный анализ пигментов и грунтов начинали с метода инфракрасной спектроскопии. Условие съемки инфракрасного спектра: 5 мг пигмента растирали с 700 мг бромистого калия или с каплей вазелинового масла соответственно в микромельнице и агатовой ступке; в первом случае смесь запрессовывали в пресс-форму под вакуумом, во втором суспензию зажимали между двумя окопками из кристаллического хлористого натрия; съемку производили инфракрасным спектрофотометром отечественного производства марки ИКС-22 при усилении 1,5; балансе моста 1,5; апертуре 0,7.

При этих условиях съемки:

1) в инфракрасных спектрах испытуемых красных, розовых и желтых пигментов проявились характерные для железистоокислых пигментов полосы поглощения в диапазонах

3700—3400 см^{-1} , 1100—900 см^{-1} с максимумом около 1020 см^{-1} 810—790 см^{-1} (ртутная кинварь и свинцовый сурик в рабочем диапазоне используемого прибора ИКС-22 не поглощают инфракрасного излучения, а значит, не дают инфракрасного спектра);

2) в инфракрасных спектрах известных черных пигментов выявляются лишь полосы поглощения жженой кости, точнее, аниона фосфорной кислоты на 1080 см^{-1} и 970 см^{-1} , остальные черные пигменты не поглощают в инфракрасной области электромагнитного излучения; исследованные черные пигменты не дали поглощения, характерного для жженой кости;

3) инфракрасные спектры всех испытанных синих пигментов обнаружили присущее ляпис-лазури поглощение в области 1100—900 см^{-1} с максимумом при 970 см^{-1} , а также наиболее сильные полосы сопутствующего ей кальцита в диапазоне 1500—1400 см^{-1} и на 880 см^{-1} ;

4) все белые пигменты и белые грунты дали характерные инфракрасные спектры гипса с полосами поглощения на частотах 3550 см^{-1} , 3500 см^{-1} , 1620 см^{-1} , 670 см^{-1} и в области 1200—1100 см^{-1} , а также менее выраженное поглощение глинистых минералов в диапазоне 1100—900 см^{-1} и совсем слабые полосы (1500—1400 см^{-1} , 880 см^{-1}), относящиеся к поглощению углекислого кальция; такой состав характерен для ганча среднеазиатской породы, обычно употребляемой в качестве вяжущего средства;

5) большинство розовых пигментов, кроме полос поглощения, присущих железистоокислым пигментам, обнаружили полосы инфракрасного поглощения гипса; из этого следует, что для получения розового тона красные железистоокислые краски разбеливались ганчем;

6) инфракрасный спектр штукатурки дал наиболее сильные полосы поглощения (3500—3300 см^{-1} , 1100—900 см^{-1} с максимумом на 1020 см^{-1} , 800 см^{-1} , 780 см^{-1}), характерные для глинистых минералов, и менее сильные (1500—1400 см^{-1} , 880 см^{-1}), соответствующие поглощению углекислого кальция; такой состав может быть приписан лёссу; таким образом, здесь,

как и в других древних и средневековых памятниках Средней Азии, строительным материалом служил лёсс.

После съемки инфракрасных спектров пигменты и грунты исследовались предварительными пробами на прокаливание, растворимость в кислотах, щелочах, на присутствие сульфидной серы.

При прокаливании железоокисные красные темнеют, железоокисные желтые пигменты становятся красными, свинцовый сурик желтеет, ляпис-лазурь не изменяется, ртутная киноварь, реальгар и аурипигмент улетучиваются, все медные пигменты чернеют, кремнекислая медь (хризоколл) чернеет при более высокой температуре; из всех черных пигментов, кроме минеральных, улетучивается углерод, минеральные же черные пигменты не меняют своего цвета.

Ртутная киноварь, реальгар, аурипигмент и ляпис-лазурь дают положительную реакцию на сульфидную серу в йодазидном растворе происходит бурное выделение пузырьков газа.

Все железоокисные пигменты частично растворяются в горячей концентрированной соляной кислоте, при этом их окраска исчезает, а раствор становится желтым. В этой же кислоте, а также в других горячих минеральных кислотах, ляпис-лазурь обесцвечивается, не растворяясь, все медные, а также свинцовый сурик растворяются. Красные и желтые сульфидные (ртутная киноварь, реальгар, аурипигмент) растворяются лишь в горячей царской водке, а реальгар и аурипигмент — также в растворах щелочей, при этом реальгар чернеет¹.

Затем все компоненты, присутствие которых можно было предположить съемками инфракрасных спектров и упомянутыми выше предварительными тестами (железо, медь, натрий, кальций, алюминий, кремний, ртуть, анион серной кислоты), отыскивали посредством капельного, микрорентгеновского, люминесцентного методов.

Параллельно с испытаниями пигментов и грунтов перечисленными выше методами проводилось их исследование способом эмиссионной спектроскопии².

Результаты, полученные после анализа и сопоставления всех данных, собраны в табл. 1.

¹ Данные по предварительным испытаниям пигментов см.: *Желнинская Э. М.* Микрохимический анализ. — В кн.: Основы музейной консервации и исследования произведений станковой живописи. М., 1976, с. 127—136.

² Ее методика изложена в статье: *Берлин Т. И.* Применение спектрального анализа для исследования пигментов и красок живописи. — Сообщения ВЦИЛКР, М., 24-25 (1969), с. 65—72.

Сделаны также количественные анализы нескольких образцов грунта по «Гипсостроительному ГОСТу 125-70». Результаты этой работы представлены в табл. 2.

* * *

Сравнение приведенных в табл. 1 результатов анализа пигментов Дильберджина с данными исследования росписей Пенджикента³, единственного систематически исследованного до настоящего времени среднеазиатского памятника, позволяет убедиться, что палитра их небогата и однотипна. Это прежде всего железоокисные красные и желтые пигменты различных оттенков, по-видимому, природные, ганч (или гипс), применявшийся в качестве грунта, белого пигмента и разбеливателя красных, желтых и черных пигментов для получения более бледных тонов. Единственным синим пигментом был натуральный ультрамарин, или ляпис-лазурь, а черным — сажа. Употребление ртутной киновари можно считать крайней редкостью, среди исследованных имеются два орнамента, где применялась медная зеленая — хризоколл. В остальных образцах живописи зеленый пигмент или не сохранился, или, что вероятнее, не употреблялся вовсе. Естественное происхождение некоторых материалов — ганча (гипса), лёсса, ляпис-лазури — не вызывает сомнения, других — требует доказательства. На дальнейшее отодвигается проблема идентификации железоокисных пигментов.

Количественный анализ белых грунтов (табл. 2) подтвердил результаты качественного анализа: в них преобладают окись кальция и сернистый ангидрид (составляющие гипса) с примесью глинистых компонентов (окислов алюминия и железа), а также углекислого кальция, которого содержится весьма значительное количество (около 15%).

Исключительной особенностью техники росписей Дильберджина является наличие свинца в большинстве розовых красок. Недавно было поколеблено бытовавшее до последнего времени представление о неприменимости свинцовых белил в монументальной живописи. Согласно исследованию японских аналитиков, свинцовые белила были найдены в белом пигменте и грунте средневековой археологической живописи VII—VIII вв., обнаруженной на острове Хонсю вблизи города Нара⁴. Свинцовые белила также применялись при росписи

³ *Костров И. М.* Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента. — В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, с. 162.

⁴ *Jamaski K., Emoto Y.* Technical studies on the painting of the newly found tomb Takamatsuzuka in Central Japan. — Bulletin. Institut royal patrimonie artistique, XV (1975), 420—428.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗОВ ПИГМЕНТОВ И ГРУНТОВ

Таблица 1

Храм, помещение 3 (роспись с Диоскурами)

№ п/п	Цвет и характеристика фрагмента живописи	Результат анализа пигмента	Примечания
1	Красный на лёссе (с фона)	Железоокисный	—
2	Красный на лёссе (из завала)	»	—
3	Розовый (с фона)	Железоокисный с гипсом	—
4	Розовый на белом грунте (из завала)	То же	—
5	Розовый (с тела Диоскура)	»	—
6	Белый (с панели)	Гипс	См. количественный анализ на табл. 2
7	Белый (с лошади)	»	
8	Желтый на белом грунте (из завала)	Железоокисный	
9	Черный на лёссе	Сажа	

Храм, помещение 2 (роспись с Шивой и Парвати)

10	Красный на лёссе (с фона)	Железоокисный	Обнаружен свинец
11	Красный на лёссе (из завала)	»	То же
12	Красный на белом грунте (линия, торс Шивы)	»	»
13	Розовый на лёссе (с фона)	Железоокисный с гипсом	»
14	Розовый на лёссе, торс Шивы	То же	»
15	Синий нижнего слоя	Ляпис-лазурь	
16	Синий на белом грунте (из верхнего слоя)	»	—
17	Синий на лёссе	»	—
18	Золотистый на белом грунте	Железоокисный	—
19	Белый нижнего слоя	Гипс	—

Храм, помещение 2 (остатки росписи южного отрезка западной стены)

20	Розовый на лёссе	Железоокисный	Обнаружен свинец
21	Красный верхнего слоя по черному	»	То же
22	Синий на белом грунте	Ляпис-лазурь	—

Храм, помещение 7 (из завала)

23	Красный на лёссе	Железоокисный	—
24	Розовый на лёссе	Железоокисный с гипсом	—
25	Желтый поверх белого	Железоокисный	—
26	Красный контур на границе желтого	Киноварь	—

Храм (остатки росписи на южной стене айвана)

27	Розовый на лёссе верхнего слоя	Железоокисный	Обнаружен свинец

Храм (фрагменты около наружной стены)

28	Розовый	Железоокисный с гипсом	То же
29	Красный на белом, верхний слой	Железоокисный	»
30	Желтый	»	—

Северо-восточный культовый комплекс, помещение 12

31	Розовый на белом грунте (с фона)	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
32	Розовый на лёссе (с фона)	То же	То же
33	Красный (с орнамента)	Железоокисный	—
34	Желтый (с одежды божества)	»	—
35	Желтый (с нимба)	»	—
36	Желтый (с одежды малой фигуры)	»	—
37	Черный, позем	Сажа	—
38	Синий (с одежды божества)	Ляпис-лазурь	—
39	Белый (с одежды божества)	Гипс	—

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Цвет и характеристика фрагмента живописи	Результат анализа пигмента	Примечания
Северо-восточный культовый комплекс, помещение 13			
40	Розовый (с фона)	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
41	Розовый на белом грунте (с фона)	То же	То же
42	Красный на белом грунте (с орнамента)	Железоокисный	—
43, 44	Красный на белом грунте (с цветов), две пробы	»	—
45, 46	Желтый с северной стены, две пробы	»	—
47	Синий (с одежды)	Ляпис-лазурь	—
48	Черный	Сажа	—
Северо-восточный культовый комплекс, помещение 15			
49, 50	Розовый на белом грунте, две пробы	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
51, 52	Красный на белом грунте, две пробы	Железоокисный	—
53	Желтый (с одежды)	»	—
54, 55	Синий (с одежды), две пробы	Ляпис-лазурь	—
56	Черный	Сажа	—
Северо-восточный культовый комплекс, помещение 16, южная и западная стены			
57	Розовый на белом грунте (из завала)	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
58	Малиново-розовый на белом грунте (с южной стены)	То же	То же
59	Малиново-красный на белом грунте (с западной стены)	Железоокисный	—
60	Малиново-красный на белом грунте (с западной стены)	»	—
61	Желтый на белом грунте (из завала южной стены)	»	—
62	Желтый (с южной стены)	»	—
63	Желтый (с западной стены)	»	—
64	Синий (с западной стены)	Ляпис-лазурь	—
65	Черный (с западной стены)	Сажа	—
Северо-восточный комплекс, помещение 16, однослойная живопись завала северной стены			
66	Оранжево-розовый на белом грунте (с фона)	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
67, 68	Малиново-розовый на белом грунте, две пробы	То же	То же
69	Золотисто-розовый на белом грунте	»	»
70	Малиново-красный на белом грунте	Железоокисный	—
71	Красный контур поверх белого	»	—
72	Желтый на белом грунте	»	—
73	Черный	Сажа	—
Северо-восточный культовый комплекс, помещение 16, двухслойная живопись завала северной стены			
74, 75	Розовый на белом грунте верхний слой, две пробы	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
76	Красный на белом грунте (с фона), верхний слой	Железоокисный	—
77	Желтый на белом грунте, верхний слой	»	—
78	Белый грунт, верхний слой	Гипс	—
79, 80	Розовый на лёссе, нижний слой, две пробы	Киноварь с гипсом	Обнаружен свинец
81	Розовый на красном, нижний слой	Железоокисный	То же
82, 83	Красный на лёссе, нижний слой, две пробы	»	—
84—86	Красный на лёссе, нижний слой, сверху розовый, три пробы	»	Обнаружен свинец
87, 88	Желтый на белом грунте, нижний слой, сверху белый грунт, две пробы	»	—
89	Розовый на белом грунте и лёссе, нижний слой	Железоокисный с гипсом	—
90	Розовый на белом грунте, нижний слой	Киноварь с гипсом	—

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Цвет и характеристика фрагмента живописи	Результат анализа пигмента	Примечания
91	Красный на лёссе, нижний слой, поверх черное	Железоокисный	—
92, 93	Зеленый на лёссе, нижний слой, сверху синий, две пробы	Хризоколла	—
94	Оранжевый на лёссе, нижний слой	Железоокисный	—
95	Синий на зеленом, нижний слой	Ляпис-лазурь	—
Раскоп VI (буддийский храм)			
96	Розовый на белом грунте, верхний слой	Железоокисный с гипсом	—
97	Красный на белом грунте, между верхним синим и нижним черным	Железоокисный	—
98, 99	Желтый на лёссе, две пробы	»	—
100	Черный нижнего слоя	Сажа	—
101	Серый на лёссе	Сажа с гипсом	—
Раскоп VIII (южные ворота города)			
102, 103	Розовый на лёссе, две пробы	Железоокисный с гипсом	—
104	Розовый на белом грунте	То же	Обнаружен свинец
105	Красный на лёссе, нижний слой, сверху синий на белом	Железоокисный	—
106	Серый на лёссе	Сажа с гипсом	—
107	Синий на белом грунте поверх розового	Ляпис-лазурь	—
108	Красный (из завала)	Железоокисный	—
109	Розовый (из завала)	Киноварь	—
110	Желтый (с одежды)	Железоокисный	—
111	Черный позем	Сажа	—
Раскоп VIII, ниша для скульптуры Геракла			
112, 113	Красный на белом грунте, две пробы	Железоокисный	—
114, 115	Желтый на белом грунте, две пробы	»	—
116	Синий на белом грунте	Ляпис-лазурь	—
117	Черный	Сажа	—
Раскоп X, помещение 1			
118	Розовый на лёссе	Железоокисный с гипсом	Обнаружен свинец
119	Красный на лёссе	Железоокисный	—
120	Красный контур на лёссе	»	—
121	Желтый на белом грунте	»	—
122	Белесовато-желтый на лёссе	Железоокисный с гипсом	—
123	Серый на лёссе	Сажа с гипсом	—
124	Черный	Сажа	—
Раскоп X, помещение 2			
125, 126	Розовый на белом грунте, две пробы	Железоокисный	—
127	Розовый на лёссе (отлип)	Киноварь с гипсом	Обнаружен свинец
128	Красный на лёссе (отлип)	Киноварь	—
129	Красный на белом грунте	Железоокисный	—
130	Черный	Сажа	—
Раскоп X, помещение 2, фигура человека			
131	Бледно-розовый на белом	Железоокисный с гипсом	—
132	Розовый на белом	То же	—
133, 134	Красный на белом, две пробы	Железоокисный	—
135	Черный	Сажа	—
Раскоп X, помещение 3			
136, 137	Розовый на черном, затем белом грунте и лёссе, две пробы	Железоокисный	—
138	Черный	Сажа	—

Таблица 2
 Результаты количественного анализа грунтов

Характеристика образцов	Состав образцов			
	окись каль- ция CaO	серный ан- гидрид SO ₂	окислы алюминия и железа Al ₂ O ₃ Fe ₂ O ₃	потери про- каливания при 900 °С
Храм, помещение 3 (Диос- куры), с лошади	40,15	33,45	5,93	11,18
Храм, помещение 3 (Диос- куры), с панели	41,15	37,18	4,15	8,73
Северо-восточный комплекс, помещение 16, южная стена	45,83	42,25	1,48	9,32
Храм, помещение 2 (Шива и Парвати), цокольный слой	48,15	40,71	2,73	9,35
Северо-восточный комплекс, помещение 15, западная стена	44,85	37,01	4,15	11,01
Раскоп VI (буддийский храм), верхний красочный слой	43,48	39,93	2,88	9,04

памятников первых веков н. э. в Восточном Туркестане. Таким образом, у нас имеются основания предположить, что розовые пигменты Дильберджина составлены либо из смеси железисто-окисного красного, свинцового сурика и гипса, либо из железисто-окисного красного, свинцовых белил и гипса.

Между тем методом инфракрасной спектроскопии в розовых пигментах, содержащих свинец, нет характерных полос поглощения свинцовых белил, что может быть объяснено или же отсутствием в пробах, или малым содержанием, меньшим, чем 5%.

Для разрешения этого вопроса был привлечен рентгеноструктурный метод, более чувствительный, нежели инфракрасная спектроскопия, способ молекулярного анализа. Этим методом сделан пока один анализ розового пигмента, содержащего свинец⁵. Он не подтвер-

⁵ Анализ выполнен в ИГЕМ АН СССР старшим научным сотрудником С. И. Берхен.

дил присутствия ни свинцового сурика, ни свинцовых белил, а обнаружил свинец в кремнекислой и сернокислой формах. Чтобы сделать какие-либо выводы о происхождении этих соединений, недостаточно единичного результата. Исследования в этом направлении продолжаются.

Что касается связующих красок и грунтов, то их изучение в настоящее время находится на первоначальной стадии. Для этого выбран фрагмент синего пигмента, нанесенного на ганчевый грунт из помещения 16 (южная стена, второй живописный период).

По логике вещей в красочном слое такого рода образцов следует искать какой-либо водорастворимый растительный или животный клей из групп белков или полисахаридов. В основу исследования положен общий для археологической живописи принцип сравнительного точного количественного анализа компонентов в красочном слое с грунтом и штукатурке. Поиск белкового связующего начал с полного гидролиза испытуемых проб, выделения аминокислот из гидролизата и детектирования последних методом газожидкостной хроматографии. При этом в красочном слое с грунтом обнаружено 0,1% аминокислот, а в штукатурке — 0,01% аминокислот, т. е. в 10 раз меньше. Этот результат позволяет предполагать наличие в красочном слое с грунтом белкового связующего. В самом деле штукатурка обладает большей по отношению к красочному слою и грунту пористостью и адсорбционной способностью. Вследствие этого проникновение в них почвенных вод с растворенными аминокислотами и без них должно было бы привести к иному, чем в нашем случае, соотношению аминокислот в составляющих системы. Кроме того, такое содержание аминокислот, какое получено в красочном слое с грунтом (0,1%), представляется слишком высоким для случайных привнесений. Однако этот вывод нельзя считать окончательным до испытания возможно большего количества образцов живописи как на белковые, так и на углеводные компоненты.

RÉSUMÉ

«ANALYSE DES PIGMENTS DES PEINTURES MURALES DE DELBARJIN»

par Z. M. Jelninskaya, T. I. Berline, L. G. Droujinine
et V. P. Boury

L'article traite des données des résultats de l'étude de chimie analytique des pigments et des préparations des peintures murales provenant de Delbarjin.

L'analyse qualitative des matériaux pigmentaires a été effectuée par spectroscopie infra rouge, spectroscopie d'émissions et aussi par les méthodes d'analyses microchimique à la goutte, microcristalloscopique et par luminescence (voir le tableau 1). On a fait également les analyses quantitatives de plusieurs spécimens de la préparation blanche (voir le tableau 2).

Les résultats de recherches des matériaux de peintures de Delbarjin ont montré que la palette de ces dernières est plutôt pauvre et d'un même type. Ce sont, en premier lieu, les pigments de fer oxydé, rouges et jaunes, de nuances diverses (à ce qu'il paraît, d'origine naturelle), le stuc (une sorte de gypse) utilisé en qualité de préparation, de peinture blanche ou de composant de mélanges colorants (roses, gris et d'autres). Le seul pigment bleu était tiré des outre-mers naturels, pour obtenir la couleur noire on employait des suies. Il semble que le vermillon mercurique ait été utilisé

extrêmement rare. Ce n'a été que dans une seule composition qu'on a vraiment découverte du pigment vert (de cuivre). L'analyse quantitative des préparations blanches a confirmé les résultats de celle qualitative; la sont prédominants l'oxyde de calcium et l'anhydride sulfureux qui font partie du gypse, additionnés du calcium carbonique et de composants argileux.

Dans la plupart des pigments roses on a découvert, au moyen de la spectroscopie d'émissions et par l'analyse microchimique à la goutte, du plomb en quantités peu importantes, ce qui attire le plus d'attention. Pour élucider ce problème on a recouru, à l'analyse radiocristallographique qui est une méthode d'analyse moléculaire plus précise que celle de spectroscopie infrarouge. Cette méthode a confirmé la présence du plomb dans l'échantillon du pigment rose exposé à l'analyse, non pas sous forme de blanc de céruse ou bien de minium de plomb mais sous celle d'acide silicique et d'acide sulfurique. On continue toujours les recherches dans cette direction.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	ЭВ	— Эпиграфика Востока
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане	AAASH	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
БКИЧП	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода	AM	— Asia Major. London (Leipzig)
ДБ—1974	— Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974	AOASH	— Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
ДБ—1976	— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976	BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental (an African) studies. London Institution (University of London). London
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	CRAIBL	— Compte rendus des Seances de l'Academie des Inscriptions et belles-lettres. Paris
САМГУ	— Самаркандский государственный университет	GMS	— E. J. W. Gibb Memorial. New Series
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции	IDN	— Наскальная надпись из Дашт-е Навура
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии	IF	— Indogermanische Forschungen. Berlin
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция	JA	— Journal asiatique. Paris
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция	KI	— Большая сурхкотальская надпись
		MDAFA	— Mémoires de la Délégation Française Archéologique en Afghanistan
		N.S.	— Neue Serie
		Par.	— Фрагменты сурхкотальской надписи
		ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig — Wiesbaden

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
А. В. Виноградов	
Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане	7
Г. А. Пугаченкова	
Жига-тепе (раскопки 1974 г.)	63
В. А. Лившиц	
Два острака из Дильберджина	95
В. А. Лившиц, И. Т. Кругликова	
Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина	98
В. М. Соколовский	
Реконструкция двух скульптурных изображений из Дильберджина (раскоп X)	113
И. Т. Кругликова	
Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина	120
В. П. Бурый	
Техника росписей помещения 16	146
З. М. Желнинская, Т. И. Берлин, Л. Г. Дружинина, В. П. Бурый	
Анализ красок настенных росписей Дильберджина	166
Список сокращений	173

SOMMAIRE

Introductions	5
Vinogradov A. V.	
Recherches des gisements datant de l'âge de la pierre en Afghanistan du nord	7
Pougatchenkova G. A.	
Jiga-tépé	63
Livchits V. A.	
Deux ostraca de Delbarjin	95
Livchits V. A., Krougljikova I. T.	
Fragments d'une inscription bactrienne monumentale provenant du temple de Delbarjin	98
Sokolovsky V. M.	
Reconstitution des deux images sculpturales en provenance de Delbarjin	113
Krougljikova I. T.	
Peintures murales du local 16 de l'ensemble culturel nord-est de Delbarjin	120
Boury V. P.	
Technique d'exécution des peintures murales du local 16 . .	146
Jelninskaya Z. M., Berlin T. I., Droujining L. G., Boury V. P.	
Analyses des pigments des peintures murales de Delbarjin	166
Liste des abréviations	173

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

Вып. 2

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
АН СССР

Редактор издательства
Г. Н. Улунян

Художник
Н. И. Шевцов

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Р. М. Денисова

Корректор
Л. И. Кириллова

ИБ № 15242

Сдано в набор 23.01.79.
Подписано к печати 31.05.79.
Т-11419. Формат 84×108¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,90. Уч.-над. л. 22,2
Тираж 1800 экз. Тип. зак. 1682
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

